

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Февраль 2026 Том 25 № 1

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 25 No. 1 FEBRUARY 2026

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2312-8674-2026-25-1

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по трем научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, индексируются в Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее прежде всего в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 20.02.2026. Выход в свет 27.02.2026. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,4. Тираж 500 экз. Заказ № 6. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *independent researcher, Minsk, Belarus*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Alexander V. Chernykh, *Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Perm, Russia*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Natalia L. Pushkareva, *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimirsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor Konstantin V. Zenkin

Translation Editors T.V. Dugina, Jonathan Sicotte

Layout Designer Tatiana N. Selivanova

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадила Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *независимый исследователь, Минск, Беларусь*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Карамии Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Пушкарева Н.Л., *Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия*

Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Черных А.В., *Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редакторы перевода Т.В. Дугина, Джонатан Сикотт

Компьютерная верстка: Т.Н. Селиванова

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

HISTORY OF RUSSIAN CULTURE

Barysheva E.V. Soviet Physical Culture Parades and the Image of the “Ideal Athlete” in 1920–1930s	8
Khorosheva A.V. Soviet Physical Culture Movement in Rural Areas in 1924–1928: Theoretical Principles and Implementation Practice	19
Margaryan Y.H., Berberyan A.S. “Influence of High-Performance Sports on the Formation of Armenian Citizens’ National Identity in the Second half of the 20 th Century	32
Rudnik S.N. Soviet Leaders and Ice Hockey during the Period of “Developed Socialism”	46

SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Podlesnykh S.N. History of Changes in Staffing Table of the Courts of Conscience in the Russian Empire in 1848	65
Pryamitsyn V.N., Moseykina M.N., Kryazheva-Kartseva E.V. Propaganda and Foreign Policy Activities of the Soviet Information Bureau in China during the Great Patriotic War	78
Antoshin A.V. Soviet Defectors in Western Germany at the End of the 1940s – the Beginning of the 1950s and Mensheviks-Emigres	99

HISTORY OF THE SOUTHERN FRONTIER

Brezhneva S.N. Orphanage in Skobelev: the Care of the Russian Empire for the Children of Russian Immigrants in the Turkestan General Government at the early 20 th Century	109
Rasulova N.S. USSR Policy on Communist Education and Promotion of Women of the East to Leadership Positions: Exemplified by the Uzbek SSR	122

SOURCES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH

Bagdasaryan V.E. Russia as Civilization-State: New Methodological Projections in Representing the Course in Russian History	138
Seleznev Yu.V. Pskov Chronicles on the History of Russian-Horde Relations	155
Eilbart N.V. The Role of Stanislav Zholkiewski in the Time of Troubles: Based on an Unknown Letter from the Hetman in the Collection of N. P. Likhachev	165
Nazarenko K.B., Smirnova M.A. Navy Lieutenant Ya.K. Tumanov’s Diaries of 1912 in the Context of his Autobiographical and Literary Heritage	178
Sabennikova I.V. Problems of Archive Volunteerism in Russia and Development Prospects	191

BOOK REVIEWS

Mukhametov P.A. Book Review of <i>Shkola i uchitelstvo Yuzhnogo Urala v 1941–1945 gg.</i> [School and teaching staff of the Southern Urals in 1941–1991: monograph] by R.Z. Almayev. Ufa: Izdatelstvo BGPU Publ.; IP Kopyltsov P.I. Publ., 2024. 204 p.	204
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Барышева Е.В. Советские физкультурные парады и образ «идеального физкультурника» 1920–1930-х гг.	8
Хорошева А.В. Советское физкультурное движение в сельской местности в 1920-е гг.: теоретические установки и практика реализации	19
Маргарян Е.Г. Влияние спорта высоких достижений на формирование национальной идентичности граждан Армении во второй половине XX века	32
Рудник С.Н. Руководители советского государства и хоккей с шайбой в период «развитого социализма»	46

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Подлесных С.Н. История изменения штатного расписания совестных судов Российской империи в 1848 г.	65
Прямыцын В.Н., Мосейкина М.Н., Кряжева-Карцева Е.В. Китайское направление внешнеполитической пропаганды в деятельности Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны	78
Антошин А.В. Советские «перебежчики» в Западной Германии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. и меньшевистская эмиграция	99

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО ФРОНТИРА

Брежнева С.Н. Детский приют в г. Скобелев: забота Российской империи о детях русских переселенцев в Туркестанском генерал-губернаторстве в начале XX века	109
Расулова Н.С. Политика СССР по коммунистическому воспитанию и выдвижению на руководящие должности женщин Востока: на примере Узбекской ССР	122

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Багдасарян В.Э. Россия – государство-цивилизация: новые методологические проекции в репрезентации курса российской истории	138
Селезнев Ю.В. Псковские летописи об истории русско-ордынских отношений	155
Эйльбарт Н.В. Роль Станислава Жолкевского в событиях Смутного времени: по материалам неизвестного письма гетмана из собрания Н.П. Лихачева	165
Назаренко К.Б., Смирнова М.А. Дневники лейтенанта флота Я.К. Туманова 1912 г. в контексте его автобиографического и литературного наследия	178
Сабенникова И.В. Проблемы архивного волонтерства в России и перспективы развития	191

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Мухаметов П.А. Рецензия на книгу: Алмаев Р.З. Школа и учительство Южного Урала в 1941–1991 гг.: монография. Уфа: Издательство БГПУ; ИП Копыльцов П.И. 2024. 204 с.	204
--	-----

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ
SOCIOCULTURAL HISTORY OF THE PEOPLES OF RUSSIA

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-8-18>
EDN: WXFVXB

Научная статья / Research article

**Советские физкультурные парады и образ
«идеального физкультурника» 1920–1930-х гг.**

Елена Владимировна Барышева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

[✉ barysheva.e@rggu.ru](mailto:barysheva.e@rggu.ru)

Аннотация. Рассматривается роль физкультурных праздников и парадов в СССР 1920–1930-х гг. как инструмента формирования «нового человека» социалистического общества. Статья написана на основе архивных материалов, в том числе и на неопубликованных ранее источниках – сценариях и планах музыкального оформления, описаниях парадов, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства в личных фондах Ю. К. Олеси (Ф. 358), В.Э. Мейерхольда (Ф. 998), С.С. Прокофьева (Ф. 1929), И.В. Жилкина (ф. 200), а также в фонде редакции журнала «Народное творчество» (Ф. 673). Также привлечены материалы советской периодики – журналы «Огонек», «Известия физической культуры») и другие издания. Показано, как массовые спортивные мероприятия, включая физкультурные парады в дни государственных праздников, превращались в идеологические спектакли, сочетавшие в себе спорт, искусство и политику. Через синхронные построения, военизированные элементы и пропаганду здорового тела государство конструировало образ идеального физкультурника: сильного, дисциплинированного, преданного социалистическим идеалам и ценностям, готового к защите Родины. Особое внимание уделено подготовке и проведению масштабных парадов на Красной площади, на которых тысячи участников демонстрировали единство народа и достижения советского спорта и советской системы в целом. Анализируются идеологические задачи и социальные функции этих мероприятий: от воспитания коллективизма, внушения идеи единства труда и спорта до подготовки к обороне страны. Как наиболее убедительные средства пропаганды в статье рассматриваются создаваемые ведущими советскими художниками и кинематографистами зрительные образы советских спортсменов и физкультурников. Автор приходит к выводу о важном значении физкультуры и спорта в социальном конструировании нового советского общества, отмечает значительное влияние произведений живописи, монументального и садово-паркового искусства, скульптуры, плакатов, кинофильмов на популяризацию советского спорта в СССР 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: физкультурные праздники, образ советского спортсмена, пропаганда физкультуры и спорта, спортизация, физическое воспитание в СССР

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Барышева Е.В. Советские физкультурные парады и образ «идеального физкультурника» 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 8–18. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-8-18>

© Барышева Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Soviet Physical Culture Parades and the Image of the “Ideal Athlete” in 1920–1930s

Elena V. Barysheva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

✉ barysheva.e@rggu.ru

Abstract. The author in their article examines the role of physical culture festivals and parades in the USSR in the 1920–1930s as an instrument of forming a “new man” and a new socialist society. The article is based on archival materials, including previously unpublished sources – scenarios and plans for musical arrangements, descriptions of parades stored in the Russian State Archive of Literature and Art in the personal collections of: Yu. K. Olesha (F. 358), V. E. Meyerhold (F. 998), S. S. Prokofiev (F. 1929), I. V. Zhilkin (F. 200), as well as in the editorial fund of the “Narodnoye Tvorchestvo” (“Folk Art”) magazine (F. 673). There are also involved materials from Soviet periodicals – the magazines “Ogonyok” (“Spark”), “Izvestia fizicheskoi kulturi” (“Physical Culture News”), and other publications. The article shows that mass sporting events, including physical culture and parades on national holidays, were transformed into ideological performances that combined sport, art, and politics. Through synchronous movements, paramilitary elements, and the promotion of a healthy body, the state constructed the image of an ideal athlete: strong, disciplined, devoted to socialist ideals and values, and ready to defend the motherland. Particular attention is paid to the preparation and holding of large-scale parades on Red Square, where thousands of participants demonstrated national unity and achievements of Soviet sport and Soviet system as a whole. The author analyzes the ideological objectives and social functions of these events: from fostering collectivism and inculcating the idea of the unity of labor and sport to preparing the country’s defense. The author also examines visual images of Soviet athletes created by the leading Soviet artists and filmmakers as the most convincing means of propaganda. They come to the conclusion about the importance of physical culture and sports in the social construction of the new Soviet society, and note the significant influence of: paintings, monumental and landscape art, sculptures, posters, and films on the popularization of Soviet sports in the USSR in the 1920–1930s.

Keywords: Physical education holidays, the image of the Soviet athlete, the promotion of physical education and sports, sportification, physical education in the USSR

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Barysheva, E.V. “Soviet Physical Culture Parades and the Image of the “Ideal Athlete” in 1920–1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (February 2026): 8–18 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-8-18>

Введение

Актуальность. В первые десятилетия советской власти физическая культура превратилась в мощный инструмент государственной политики, направленный на формирование принципиально нового типа личности. Физкультурные праздники, массовые парады и День физкультурника стали не просто спортивными мероприятиями, но и важнейшими элементами идеологической работы, визуализирующими идеал советского человека. Этот комплекс мероприятий представлял собой уникальный синтез спорта, искусства и политики, создавая новую модель телесности и коллективного поведения.

Физическое воспитание в СССР было делом государственной важности, частью государственной политики и выполняло идеологические задачи политического воспитания и создания «нового человека», обладающего не только физическим совершенством, но и высокими моральными качествами, подготавливало к эффективной трудовой деятельности, создавало условия для формирования чувства коллективизма, способствовало организованному отдыху трудящихся. Массовое распространение физкультуры, в первую очередь, среди молодежи, влияло на здоровье населения и укоренение здоровых привычек и правил гигиены.

Современная система физического воспитания во многом базируется на заложенные в 1920–1930-е гг. модели вовлечения молодежи в спорт. Изучение исторического опыта организации массовых спортивных мероприятий имеет как методологическое, так и практическое значение для развития массового спорта.

Степень изученности проблемы. История спорта и физкультурного движения в настоящее время привлекает внимание историков-исследователей. Если в советской историографии спорта лидирующие позиции занимали спортивные педагоги¹, то в 2000-е гг. эта тема стала изучаться в контексте социокультурных и идеологических процессов. Становление и развитие спорта в раннесоветский период в исследованиях С.Б. Ульяновой, И.В. Сидорчука, А.В. Хорошевой, Е.В. Барышевой, Е.В. Жбанковой и других историков рассматривается не только как форма досуга, но и как часть идеологической политики советского государства, направленной на социальное конструирование «нового человека»². Государственная политика и институционализация советского спорта в 1920–1930-е гг. нашли отражение в диссертационном исследовании А.Н. Филиппова³.

В зарубежной историографии советского спортивного и физкультурного движения также делается акцент на экономические и идеологические мотивы: повышение производительности труда, военизация населения, международный престиж (Г. Мортон)⁴. Культурная репрезентация спорта и физкультуры, телесности в Советском Союзе стала темой исследования М. О'Махоуни⁵.

Отечественные историки обращаются также к репрезентации спорта в художественной культуре⁶ и кинематографе⁷ как способу идеологического воздействия на население.

Цель исследования – определить значение физкультурных праздников в процессе формирования «нового человека» и способах пропаганды физкультуры и спорта в 1920–1930-е гг.

Источниковой основой исследования послужили архивные материалы, отложившиеся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ): сценарии и планы музыкального оформления, описание парадов из личных фондов Ю. К. Олеси (Ф. 358), В.Э. Мейерхольда (Ф. 998), С.С. Прокофьева (Ф. 1929), И.В. Жилкина (Ф. 200), фонда редакции журнала «Народное творчество»

¹ Деметр Г.С. Физическая культура в социалистическом обществе. М., 1987.

² Ульянова С.Б., Сидорчук И.В. От футбола до парашютизма: физкультура и спорт на заводе «Красный Путиловец» в 1920-х – начале 1930-х гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 2. С. 455–469. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.213> EDN: SCVPLN; Жбанкова Е.В. Практическая реализация «советской системы» физической культуры в 1920-е годы // Россия XXI. 2018. № 4. С. 30–49. EDN: UVXXSE; Хорошева А.В. Физическая культура в советской повседневности в 1920–1930-е годы // Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы. М., 2017. С. 541–550. EDN: YTQJDF; Барышева Е.В. «Спортизация» страны в 1920–1930-е гг. // История и архивы. 2024. № 4. С. 60–75. <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2024-6-4-60-75> EDN: FGCFXT

³ Филиппов А.Н. Государственная политика СССР в области физической культуры и спорта (1920–1930 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012.

⁴ Morton H.W. Soviet Sport. Mirror of Soviet Society. New York, 1963; Keys B. Soviet sport and transnational mass culture in the 1930s // Journal of Contemporary History. 2003. Vol. 38. № 3. P. 413–434.

⁵ О'Махоуни М. Спорт в СССР. Физическая культура – визуальная культура. М., 2010.

⁶ Лигостаева Н.Д. Репрезентация темы спорта в художественной культуре советского времени // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1. С. 239–245. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-1-112-237-243> EDN: FGLLEC; Заплатина О.А. Отражение тематики спорта и физической культуры в искусстве // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2023. № 4. С. 61–67. EDN: XCOZDB

⁷ Кочухова Е.С. От радости к дисциплине: физическая культура в советском игровом кино 1920–1930-х гг. // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 81–99. http://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_81 EDN: OUFPIY

(Ф. 673), а также материалы советской периодической печати и визуальные источники, транслирующие идеальные образы советских спортсменов. Данные источники позволили не только реконструировать массовые спортивные мероприятия 1920–1930-х гг., но и изучить методы подготовки и проведения спортивных праздников, систему пропаганды физической культуры, оценить масштабность проводимых мероприятий и проанализировать методы вовлечения молодежи в физкультурное движение.

Физкультурные парады как массовый спектакль и политический ритуал

Физкультурные парады 1920–1930-х гг. представляли собой тщательно режиссируемые массовые действия, сочетавшие элементы спортивного праздника, военного смотра и политической демонстрации. Первый такой парад, состоявшийся 25 мая 1919 г., уже содержал в себе основные черты будущих мероприятий: синхронность движений, дисциплину построений, военизированный характер упражнений. По своему содержанию он отражал задачи физического оздоровления и воспитания масс с целью вооруженной защиты октябрьских завоеваний.

В 1920-е гг. физкультурное парадное движение приобрело настоящий размах. Журнал «Огонек», сравнивая парад «старого времени» с парадом «сегодняшнего дня», приводит впечатление зрителя воздушного парада на Ходынке: «Взгляните на ноги марширующих, и вы увидите поступь свободных людей. Свободных, но дисциплинированных»⁸. Отмечая театрализованный характер праздника, советский писатель, поэт и журналист С. Гехт подчеркивал, что на парадах «всегда пленяет нас серебряные голоса фанфар, качающиеся всадники, сабли наголо и багровые стяги, расшитые сусальным золотом...»⁹.

В 1924 г. свыше 4 тыс. физкультурников профсоюзных коллективов Москвы провели первый смотр своих сил¹⁰. Профсоюзные физкультурные праздники очень образно описаны журналистом И.В. Жилкиным в статье «Праздник физкультуры». Рассказ об открытии Центрального летнего клуба профсоюза советских работников торговли (совторгслужащих) эмоционален и содержит не только сведения о масштабе спортивного мероприятия (17 тыс. зрителей, 3 тыс. участников), но и передает радостную атмосферу:

Ну, вот и парад. Колонна за колонной. Впереди пионеры. <...> Сотни пареньков, сотни девиц. В такт музыке шагают голые ноги. Общая форма – синие трусики, белые рубашки. У многих женщин цветные колпачки. Две-три группы в полосатых рубашках: футболисты – в руках мяч... Пять стройных колонн. В каждой двадцать пять рядов. В ряду четыре человека. Музыка играет, дирижер машет красным флажком, из будки несется рупорная команда, и пятьсот человек всплескивают голыми руками, выбрасывают голые ноги, враз как под ветром склоняются, приседают, повертываются, снова всплескивают руками. Движения простые, но согласная плавность полтысячи стройных тел дает картину волнующую.

<...> Мелькают в воздухе полуголые тела, сплетаются гирляндами, воздвигают живые пирамиды. Все также, нет, больше, – переполнены трибуны публикой...

И сочувственно читаешь плещущий на красном полотнище лозунг: «100 % молодежи в ряды физкультуры»¹¹.

⁸ Огонек. 1923. 19 августа. № 21.

⁹ Там же.

¹⁰ Сегал М. Парад на Красной площади // Физкультура и спорт в СССР. Материалы ко второму Всесоюзному дню физкультурника. М., 1940. С. 41.

¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 200. Оп. 2. Д. 2. Л. 5–6.

Первый общемосковский парад физкультурников состоялся в 1927 г., в нем участвовало 12 тыс. чел.

Физкультурные праздники превращались в месяц пропаганды физической культуры. В журнале «Известия физической культуры» в 1927 г. сообщалось, что в ходе праздника «огромные массы зрителей подводятся к физической культуре и более действительным путем – путем наглядной ее пропаганды»¹². Праздник физической культуры 1927 г. совпал с годовщиной десятилетия Октябрьской революции. Это было отражено в основных лозунгах летнего праздника физкультуры: «Демонстрация достижений советской физкультуры к десятой годовщине Октября». Еще одним мотивом развития физической культуры в стране стала возраставшая угроза мировой войны – поэтому вопросы военизации физкультуры получили отражение в другом лозунге: «Физкультуру – на службу обороны СССР»¹³. Праздники были призваны продемонстрировать достижения советской физкультуры не только широким массам советской страны, но и пролетарским организациям капиталистических стран, а также показать основные виды физической культуры, имеющие военно-воспитательное значение¹⁴. Тот факт, что «парады-демонстрации физкультурников могут явиться агитационно-яркой формой выражения социально-классовой физиономии советской физкультуры», вызвал, в частности, негативную реакцию Люцернского Спортивного Интернационала, который выступил против участия в празднике под предлогом его политического характера¹⁵.

В параде 1928 г., посвященном первой Всесоюзной спартакиаде, приняли участие уже свыше 18 тыс. физкультурников Москвы. Впервые на парад приехали физкультурники из советских республик. Журнал «Огонек» сообщал:

Ленинградцы голубой рекой маек текли мимо трибун. Москвичи, как громадное ожившее поле маков, динамовцы, впереди которых шел человек с трубой за плечами. Украинцы, туркмены в высоких папахах, грузины, <...> армяне, узбеки в халатах с восточной экзотикой, – весь Союз Советских Социалистических Республик, все самое здоровое и крепкое из него...¹⁶

Начиная с 1931 г. советские физкультурники ежегодно демонстрировали свою силу на Красной площади¹⁷. В параде 1932 г. участвовало уже 70 тыс. спортсменов, среди которых были первые значкисты ГТО¹⁸. Рекордными по количеству участников стали парады 1934 и 1935 гг., когда 120 тыс. юношей и девушек прошли по Красной площади в красочных колоннах. Описывая парад физкультурников 1934 г., советский писатель Ю. Олеша сравнивает его с фантастическим романом:

Кажется, что живешь в некотором будущем и видишь это зрелище в какой-то удивительный телевизор. Между тем – это настоящее¹⁹.

¹² Передовая. Праздник советской физкультуры // Известия физической культуры. 1927. № 15. С. 3.

¹³ Там же.

¹⁴ Передовая. Третий праздник физкультуры и спорта // Известия физической культуры. 1927. № 12. С. 3.

¹⁵ Передовая. Праздник советской физкультуры // Известия физической культуры. 1927. № 15. С. 3.

¹⁶ Лапшин Н. Это нам пригодится // Огонек. 1928. 26 августа. № 35. С. 9.

¹⁷ Сегал М. Парад на Красной площади // Физкультура и спорт в СССР. Материалы ко второму Всесоюзному дню физкультурника. М., 1940. С. 41.

¹⁸ Физкультурный парад в Москве. М., 1945.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Л. 425. Л. 2 об.

Сведения о количестве участников физкультурных парадов зачастую разнятся в зависимости от источника (отчеты физкультурных функционеров или официальная пресса), однако даже если они не совсем достоверны, тем не менее, они свидетельствуют о значительной динамике роста числа участников.

Масштабы праздничных мероприятий постоянно росли: от 4 тыс. участников в 1924 г. до 120 тыс. – в 1935 г. Особое значение имел парад 1937 г., посвященный новой Конституции СССР, в котором участвовали спортивные делегации десяти союзных республик: Белоруссии, Украины, Азербайджана, Грузии, Армении, Туркмении, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Казахстана. Этот физкультурный праздник стал важным элементом пропаганды идеи дружбы народов.

Б. Юдин, главный режиссер-консультант Комиссии спортивных выступлений союзных республик на физкультурном параде, в статье «Итоги Всесоюзного парада физкультуры», сохранившейся в РГАЛИ в фонде редакции журнала «Народное творчество», отмечал в оптимистическом зрелище парада целеустремленность и яркую политическую направленность, сюжетность, образность, органическое сочетание силы и движения, богатство ритмического и графического рисунка, осмысленное физкультурно-спортивное «мизансценирование»²⁰. Описывая высокий уровень гимнастов, сводную колонну юных пионеров 23 районов Москвы, колонны обществ «Локомотив», «Динамо», «Крылья Советов», «Буревестник» и т.д., он делает вывод, что

советский физкультурник и спортсмен показал, что он гармонически развитый человек, сознательный гражданин нашей замечательной родины, безгранично преданный <...> готовый по первому зову партии и правительства сменить гимнастический снаряд на оружие для защиты социалистического государства²¹.

Организационная структура парадов отрабатывалась годами и к середине 1930-х гг. представляла собой сложный, многоуровневый спектакль:

1. Торжественное открытие с выносом знамен, речами руководителей и символическими действиями (поднятие флагов) создавало сакральную атмосферу мероприятия.

2. Марш-парад участников строился по строгому протоколу: сначала шли знаменосцы и руководители спортивных организаций, затем колонны по ведомственному или территориальному принципу. Особое внимание уделялось единообразию формы – одинаковые белые костюмы создавали эффект монолитности.

3. Спортивно-гимнастическая часть включала в себя несколько видов показательных выступлений:

- строевые упражнения с элементами военной подготовки;
- акробатические пирамиды, демонстрирующие слаженность коллективных действий;
- спортивные номера с инвентарем (мячи, обручи, гири);
- массовые танцевальные композиции.

Пирамиды были самой распространенной формой показательного выступления. В методических разработках для проведения физкультурных праздников и парадов приводились схемы различных пирамид и даже такой дружеский шарж, под картинкой, изображающей пирамиду:

²⁰ РГАЛИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 668. Л. 3 а.

²¹ Там же. Л. 1–15.

Такой семье мы шлем привет.
Сверкая юною фигурой,
Всех родственников держит дед
Оздоровленный физкультурой²².

Функции физкультурных мероприятий

Физкультурные праздники, демонстрируя все виды спорта во всем их многообразии и красоте, служили действенным средством агитации за физическую культуру, привлекали к занятиям все новые и новые массы трудящихся.

Физкультурный праздник обычно состоял из трех частей: торжественной, спортивной и массовой.

Внимание зрителей привлекали митинги, парады и демонстрации, агитпробеги, художественное оформление территории праздника, организация выставок, радиовещание, печать, лекции, беседы, консультации, встречи с мастерами спорта, участниками боев, героями Советского Союза, сбрасывание с самолетов листовок. В спортивном разделе демонстрировались показательные выступления, затем шли командные, личные и массовые соревнования, показ индивидуального мастерства, вручение грамот и призов победителям спартакиад и т.п.

Среди массовых развлечений популярны были выступления оркестров, хора, театральные, цирковые и эстрадные выступления, а также аттракционы и игры, массовые пляски и коллективное пение.

Физкультурные праздники и парады выполняли несколько важных функций: идеологическую – визуализация успехов социалистического строительства, демонстрация единства народа и партии; педагогическую – формирование нового типа личности через телесные практики и коллективные действия; коммуникативную – создание общего символического пространства для миллионов людей; рекреационную – организация культурного досуга и оздоровительных практик и мобилизационную – подготовка населения к возможным военным испытаниям через военизированные элементы тренировок.

Физкультурные праздники рассматривались как действенное средство агитации и пропаганды идей физической культуры, привлекая людей разных возрастов и профессий к систематическим занятиям спортом.

В 1920–1930-е гг. создаются многочисленные методические рекомендации по проведению физкультурных праздников и зрелищ в городах, на стадионах, на воде, в парках культуры и отдыха, во Дворцах спорта, зеленых театрах и Дворцах культуры, а также поднимаются вопросы режиссуры парадов физкультурников, массовых гимнастических выступлений, предлагаются примерные комплексы гимнастических упражнений, описания массовых игр, аттракционов, игр-поединков.

Особое значение имела программа ГТО («Готов к труду и обороне»), введенная в 1931 г., которая стала практическим воплощением идеи всестороннего развития личности, соединив спортивные нормативы с элементами военной подготовки.

Физкультурная пропаганда и агитация

Физическая культура и спорт призваны были стать насущной бытовой потребностью всех граждан Советской страны. Великой социалистической стройке, делу укрепления оборонной мощи страны нужны были «десятки миллионов сильных,

²² *Сегал М.Д.* Массовые физкультурные праздники. М.; Л., 1941. С. 112.

смелых, закаленных советских патриотов, умеющих побеждать любые трудности», – декларируют спортивные чиновники²³.

Главной задачей физкультурной пропаганды было вовлечение новых масс людей в регулярные занятия физкультурной и спортом.

Печать, кино, радио и все другие средства пропаганды и агитации и организации масс использовались для популяризации физической культуры.

Вопросам физической культуры и спорта было посвящено 11 специальных периодических изданий с общим месячным тиражом более 750 тыс. экземпляров. Среди них были такие газеты и журналы, как «Красный спорт», «Физкультура и спорт», «Теория и практика физической культуры», «Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР», «Физкультурник Азербайджана», «Школа мужества» (альпинизм), «Гимнастика», «Спорт» (на украинском языке) и другие.

Среди физкультурно-спортивных радиопередач были не только уроки утренней гимнастики, но и беседы, лекции, очерки по вопросам физического воспитания.

К организации и оформлению физкультурных праздников привлекались видные деятели советской культуры. Ярким примером участия творческой интеллигенции стало, например, создание режиссерского сценария выступления Государственного института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта на параде физкультурников на Красной площади в Москве и на площади Урицкого в Ленинграде в 1939 г. Сохранившаяся в фондах РГАЛИ рукопись содержит пометки, сделанные рукой В.Э. Мейерхольда с его автографом²⁴. В фонде С.С. Прокофьева сохранился сценарий этого же праздника, но уже с ремарками композитора о характере музыкального оформления²⁵.

Спортивный идеал визуализировался через различные виды искусства. Физкультура и спорт стали темой авангардных работ Эль Лисицкого («Футболист», 1922), динамичных композиций Александра Дейнеки («Бег», 1932; «Футболист», 1932); монументальных полотен Александра Самохвалова («Девушка в футболке», 1932; «Киров принимает парад физкультурников», 1935).

Не менее известны фотоэксперименты Александра Родченко и его массовые постановочные снимки физкультурных парадов, на которых физкультурники создают своими телами символические орнаменты.

Свою роль в пропаганде спорта сыграли плакаты В. Корецкого («Советские физкультурники – гордость нашей страны», 1935), А. Кокорекина («Славным физкультурникам и физкультурницам нашей Родины – первомайский привет», 1938), В. Климашина («К труду и обороне готовы», 1938), А. Дейнеки («Здоровый дух требует здорового тела», 1939), В. Говоркова («Все мировые рекорды должны быть нашими», 1939). Образы улыбающихся, загорелых, подтянутых спортсменов распространялись массовыми тиражами.

Одним из самых распространенных видов искусства, пропагандирующего образ спортсмена и физкультурника, была садово-парковая скульптура, посвященная спортивной тематике. Монументальные композиции для станций московского метрополитена (фриз с фигурами спортсменов и физкультурников станции «Динамо», «Центральный стадион СССР», фигуры спортсменов М. Манизера на станции «Площадь Революции», потолочные мозаичные панели А. Дейнеки на станции «Маяковская», а также работы выдающихся советских скульпторов И. Чайкова («Футболисты» 1938; «Волейбол», начало 1930-х гг.), И. Шадра («Девушка с веслом», 1935), Е. Янсон-Манисер («Старт в воду», 1926; «Советские физкультурницы», 1937) и другие многочисленные скульптуры пропагандировали спорт советской страны.

²³ Гугель Л. Шире размах физкультурной пропаганды и агитации // Физкультура и спорт в СССР. Материалы ко второму Всесоюзному дню физкультурника. М., 1940. С. 68.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Д. 363, 364.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1929. Оп. 2. Д. 46. Л. 2.

Духом времени проникнут и кинематограф 1920–1930-х гг.: интерес к здоровому телу, пропаганда физкультуры, соревновательный дух. Образы физкультурников сочетали в себе эстетику тела и коллективный героизм, формировали новый тип человека – сильного, дисциплинированного и преданного социалистическим идеалам.

Кинохроника, запечатлевшая массовые физкультурные праздники и парады, демонстрировала мощь советского народа, а используемый ее создателями быстрый монтаж подчеркивал энергичность движений спортсменов («Цветущая молодость», «Молодость идет» – о Всесоюзном параде физкультурников народов СССР на Красной площади 1938 г.).

Учебные фильмы пропагандировали различные виды спорта, а художественные создавали образы физкультурников и спортсменов для подражания. Большую популярность у зрителей имели такие художественные фильмы, как «Спортивная лихорадка» (1927 г.), о велосипедном спорте; ранняя советская комедия о физкультурниках «Спорт, любовь и...» (1930 г.); история подготовки к международным соревнованиям «Счастливый финиш» (1934 г.); один из первых советских фильмов о футболе – экранизация повести Льва Кассиля о футболисте Антоне Кандидове «Вратарь» (1936 г.), спортивная драма «Боксеры» (1941 г.).

Фильмы создавали канонический образ советского физкультурника и спортсмена – атлетического телосложения, загорелого, подтянутого и неутомимого. Он должен был быть частью команды, спортивного коллектива, скромным и несгибаемым борцом за честь советского спорта, служить символом здоровья и силы, преодолевающим любые препятствия; способным противостоять «обывательскому», мещанскому отношению к физкультуре, пьянству, лени. Герои кинолент демонстрировали единство труда и спорта: все они были рабочими и это доказывало, что физическая культура является частью трудовой дисциплины. Важнейшей чертой образов физкультурников и спортсменов была готовность защитить Отечество. В «Спортивном марше» из кинофильма «Вратарь» (музыка И. Дунаевского, слова В. Лебедева-Кумача) звучал призыв быть готовым к защите Родины, повторяющийся в припеве и метафорически обыгранный в песне в целом:

Чтобы тело и душа были молоды,
 Были молоды, были молоды,
 Ты не бойся ни жары и ни холода,
 Закаляйся, как сталь!
 Физкульт-ура!
 Физкульт-ура-ура-ура! Будь готов,
 Когда настанет час бить врагов,
 От всех границ ты их отбивай!
 Левый край! Правый край! Не зевай

...

Эй, вратарь, готовься к бою,
 Часовым ты поставлен у ворот!
 Ты представь, что за тобою
 Полоса пограничная идет!

Система организации физкультурных парадов в СССР и День физкультурника

Первые физкультурные парады организовывались Всеобучем, затем эта задача была возложена на Высший Совет Физической Культуры (ВСФК) при ВЦИК (с 1930 г. – при ЦИК СССР), а затем – на его преемника Всесоюзный совет физической культуры (1936 г.). Именно ВСФК и его местные отделы непосредственно зани-

мались подготовкой и проведением парадов. Здесь разрабатывались сценарии праздников, проводился отбор участников, проводились тренировки и репетиции.

Главной движущей силой в организации физкультурных парадов и праздников были центральный и местные комитеты комсомола. Комсомольские организации не только обосновывали идеологию физкультурного движения, но и привлекали молодежь, активно участвуя в организации всех этапов праздничных мероприятий. Финансирование мероприятий было возложено на профсоюзы и добровольные спортивные общества («Динамо», ОСОАВИАХИМ и др.). Активно помогали с организацией парадов и советские профсоюзы.

Официальные постановления о проведении праздников и парадов исходили от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР/СССР.

В 1939 г. Постановлением Совнаркома СССР был учрежден Всесоюзный день физкультурника, который со временем превратился в комплексное мероприятие, сочетавшее несколько форм работы с населением. Праздник состоял из спортивно-массовой части (непосредственно сами соревнования по различным видам спорта, сдача норм ГТО, показательные выступления спортсменов, массовые заплывы, кроссы, велопробеги). Мероприятие сопровождалось культурно-просветительской программой (выставки спортивных достижений, встречи с известными спортсменами, лекции о гигиене и здоровом образе жизни, кинопоказы спортивных фильмов). Массу зрителей привлекали и другие праздничные мероприятия (концерты и театрализованные представления; народные гуляния с играми и аттракционами; фейерверки и другие зрелищные элементы).

Как отмечал председатель Всесоюзного комитета по делам физической культуры В.В. Снегов, День физкультурника должен был демонстрировать «силу, мужество, здоровье трудящихся, их сплоченность вокруг партии Ленина–Сталина»²⁶. До войны успели провести только два Всесоюзных дня физкультурника, тем не менее это мероприятие фактически стало смотром достижений советской системы физического воспитания.

Заключение

Физкультурные праздники и парады 1920–1930-х гг. представляли собой уникальное явление советской культуры, где спорт превращался в инструмент социальной инженерии. Через тщательно разработанную систему мероприятий, подкрепленную мощной визуальной пропагандой, государство конструировало новый тип телесности и коллективного поведения. Идеал физкультурника сочетал в себе физическое совершенство, политическую сознательность и преданность общим целям, становясь визуальным воплощением утопии о «новом человеке».

Парадами и демонстрациями физкультурников, спортивными вечерами и гуляниями сопровождалась народными торжествами, посвященными празднованию годовщин революции, 1 мая, Дня советской молодежи и других всенародных торжеств. Наиболее ярким проявлением расцвета физической культуры в СССР стали праздники, посвященные Дню физкультурника, на которых молодежь демонстрировала достижения советского спорта и разнообразие его форм. День физкультурника в Советском Союзе был своего рода отчетом многомиллионной массы людей, занимавшихся физкультурой и спортом, о своей работе и спортивных достижениях.

²⁶ Снегов В. Всесоюзный день физкультурника // Физкультура и спорт в СССР. Материалы ко второму Всесоюзному дню физкультурника. М., 1940. С. 5.

Поступила в редакцию / Submitted: 20.05.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.10.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.11.2025

References

- Barysheva, E.V. “‘Sportization’ of the country in the 1920s – 1930s.” *History and Archives*, no. 4 (2024): 60–75 (in Russian), <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2024-6-4-60-75>
- Demeter, G.S. *Fizicheskaia kul'tura v sotsialisticheskom obshchestve* [Physical Culture in a Socialist Society]. Moscow: Znanie Publ., 1987 (in Russian).
- Filippov, A.N. “State policy of the USSR in the field of physical culture and sports (1920–1930).” PhD diss., Yaroslavl State University, 2012 (in Russian).
- Gugel, L. “Shire razmakh fizkul'turnoi propagandy i agitatsii [A Wider Scope of Physical Culture Propaganda and Agitation].” In *Fizkul'tura i sport v SSSR. Materialy ko vtoromu Vsesoiuznomu dnyu fizkul'turnika*, 63–77. Moscow: Fizkul'tura i sport Publ., 1940 (in Russian).
- Khorosheva, A.V. “Fizicheskaia kul'tura v sovetskoj povsednevnosti v 1920–1930-e gody [Physical Culture in Everyday Life in the Soviet Union in the 1920s–1930s].” In *Kul'tura i vlast' v SSSR. 1920–1950-e gody*, 541–550. Moscow: ROSSPEN Publ., El'tsin tsentr Publ., 2017 (in Russian).
- Kochukhova, E.S. “From Joy to Discipline: Physical Culture in Soviet Feature Films of the 1920s and 1930s.” *Discourse-P* 20, no. 3 (2023): 81–99 (in Russian), https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_81
- Keys, B. “Soviet sport and transnational mass culture in the 1930s.” *Journal of Contemporary History* 38, no. 3 (2003): 413–434, <https://doi.org/10.1177/0022009403038003005>
- Ligostaeva, N.D. “Representation of the theme of sport in the artistic culture of the soviet era.” *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 1 (2020): 239–245 (in Russian), <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-1-112-237-243>
- Morton, H.W. *Soviet Sport. Mirror of Soviet Society*. New York: Collier Books, 1963.
- O'Mahoney, M. *Sport v SSSR. Fizicheskaia kul'tura – vizual'naia kul'tura* [Sport in the USSR. Physical Culture – Visual Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010 (in Russian).
- Segal, M. “Parad na Krasnoi ploshchadi [Parade on Red Square].” In *Fizkul'tura i sport v SSSR. Materialy ko vtoromu Vsesoiuznomu dnyu fizkul'turnika*, 35–52. Moscow: Физкультура и спорт Publ., 1940 (in Russian).
- Segal, M.D. *Massovye fizkul'turnye prazdniki* [Mass Physical Culture Festivals]. Moscow; Leningrad: Fizkul'tura i sport Publ., 1941 (in Russian).
- Snegov, V. “Vsesoiuznyi den' fizkul'turnika [All-Union Day of Physical Culture].” In *Fizkul'tura i sport v SSSR. Materialy ko vtoromu Vsesoiuznomu dnyu fizkul'turnika*, 3–14. Moscow: Fizkul'tura i sport Publ., 1940 (in Russian).
- Ulyanova, S.B., and Sidorchuk, I.V. “From football to parachuting: physical education and sports at the ‘Krasny Putilovets’ plant in the 1920s–early 1930s.” *Modern History of Russia* 13, no. 2 (2023): 455–469 (in Russian), <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.213>
- Zaplantina, O.A. “Reflection of the themes of sports and physical culture in art.” *Bulletin of social Sciences and Humanities*, no. 4 (2023): 61–67 (in Russian).
- Zhbankova, E.V. “Practical implementation of the soviet system of physical education in 1920-s.” *Russia XXI*, no. 4 (2018): 30–49.

Информация об авторе / Information about the author

Елена Владимировна Барышева, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Историко-архивного института, Российский государственный гуманитарный университет; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 6; barysheva.e@rggu.ru; <https://orcid.org/0009-0007-5853-6456>; SPIN-код: 1508-7729.

Elena Vladimirovna Barysheva, Dr. Habil. Hist., Professor, Dean of the Faculty of History, Russian State University for the Humanities; 6, Miusskaya ploshchad' Sq., Moscow, 125047, Russia; barysheva.e@rggu.ru; <https://orcid.org/0009-0007-5853-6456>; SPIN-code: 1508-7729.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-19-31>

EDN: VETMEL

Научная статья / Research article

Советское физкультурное движение в сельской местности в 1924–1928 гг.: теоретические установки и практика реализации

Анна Владимировна Хорошева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

✉ Khoroshevaa@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается история становления физкультуры и спорта в советской деревне в 1920-е гг., которые являлись важными инструментами проведения культурной революции и должны были дисциплинировать и оздоровить население для того, чтобы оно могло максимально эффективно трудиться во благо общества. Основную массу населения страны составляли крестьяне, поэтому цель «перековать» деревню была одной из важнейших – без этого задача построения социализма в стране представлялась невыполнимой. Для раскрытия темы были привлечены нормативные, делопроизводственные и статистические материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Комитета физической культуры и спорта СССР (Ф. Р 7576) и в фонде ЦК ВЛКСМ (Ф. М 1) Российского государственного архива социально-политической истории, а также материалы периодической печати. Показано, что деревенское население с большим недоверием относилось к любым новшествам, в том числе и к физкультуре. Движение физкультуры в сельскую местность было частью политики «лицом к деревне» в 1925–1926 гг., при этом главная задача была «оздоровить» деревню физически и идейно. Вся тяжесть практической работы легла на комсомол, при этом использовался гибкий подход, при котором пытались именно заинтересовать, а не заставить. Установлено, что больший процент физкультурников был в центральной европейской части России, наименьший – в национальных республиках и областях. Автор приходит к выводу, что из-за финансовых проблем и отсутствия скоординированной политики всех задействованных ведомств успехи в продвижении физкультурного движения в деревне к концу периода были скромными: количество физкультурных кружков росло медленно, часто они создавались стихийно и не контролировались государством, в них было мало женщин и в основном культивировался футбол в ущерб общефизической подготовке.

Ключевые слова: социально-культурная политика в СССР, национальные республики и области в СССР, советский спорт, крестьяне, молодежь, новая экономическая политика

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Хорошева А.В. Советское физкультурное движение в сельской местности в 1924–1928 гг.: теоретические установки и практика реализации // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 19–31. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-19-31>

© Хорошева А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Soviet Physical Culture Movement in Rural Areas in 1924–1928: Theoretical Principles and Implementation Practice

Anna V. Khorosheva

Lomonosov State University, Moscow, Russia

✉ Khoroshevaa@yandex.ru

Abstract: The authors examine the development of physical culture and sports in Soviet villages in the 1920s. These practices are important instruments of the cultural revolution, as they were supposed to discipline and improve the health of peasants so that they could work as effectively as possible for the benefit of society. It was peasants themselves that made up most of the population, so the goal of “reforging” rural people was paramount; without it, the task of building socialism in the country would be impossible. To explore this topic, the author used regulatory, administrative, and statistical materials, stored in the State Archive of the Russian Federation, in the fund of the USSR Committee for Physical Culture and Sports (F. R 7576), and in the fund of the Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League (F. M 1) of the Russian State Archive of Socio-Political History, as well as various periodicals. It is shown that the rural population was highly distrustful of any innovations, including in physical culture. The analysis of sources reveals that the promotion of physical culture in rural areas began as part of the “Facing Village” policy of 1925–1926, with the primary goal being to “improve” physical and ideological health of rural people. The Komsomol shouldered the brunt of the practical work, employing a flexible approach that sought to motivate rather than coerce. The author reveals that the highest percentage of physical culture enthusiasts was in the central region part of Russia, whereas the lowest percentage was in the national republics and regions. The author concludes that, due to financial problems and lack of coordinated policy of all the agencies involved, progress in promoting physical culture in the rural areas by the end of the period was relatively insignificant; the number of physical culture clubs grew slowly, and they were often created spontaneously and lacked state oversight. In addition, there were few women involved, and the primary focus was on football rather than general physical training.

Keywords: socio-cultural policy in the USSR, national republics and regions in the USSR, soviet sports, peasants, youth, New Economic Policy

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Khorosheva, A.V. “Soviet Physical Culture Movement in Rural Areas in 1924–1928: Theoretical Principles and Implementation Practice.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 19–31 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-19-31>

Введение

Актуальность. Физкультура и спорт стали важной составляющей социальной политики молодого советского государства, причем большевиками с первых месяцев пребывания у власти были поставлены масштабные задачи повысить уровень физической подготовки населения для максимально эффективного использования его на поприще труда и обороны. Наследие дореволюционного периода было крайне скромным, но к концу 1920-х гг. в стране уже насчитывалось 759 тыс. физкультурников¹. Реконструировать картину развития физкультурного движения в СССР и превращения его в массовое явление невозможно без анализа сюжетов, связанных с развитием физкультуры и спорта в деревне.

Степень изученности проблемы. Интерес к изучению истории физкультуры и спорта в СССР в межвоенный период постоянно возрастает в отечественной историографии. Большой вклад в изучение истории спорта межвоенного периода внесла

¹ Бугров Н.Н. Физкультура и спорт в СССР и Зарубежных странах. М., 1979. С. 12.

С.Б. Ульянова, опубликовавшая ряд статей по теме². За последние годы был защищен ряд диссертационных исследований, в которых рассматривались как общие проблемы развития физкультурного движения в СССР в 1920-гг., так и отдельные важные события, например, 1-е Всесоюзное совещание по физической культуре, прошедшее в апреле 1924 г.³

При этом проблемы развития физкультуры и спорта в деревне редко оказываются в центре внимания исследователей. Отдельные сюжеты рассматриваются в рамках работ, посвященных комплексному изучению физкультурного движения определенного региона, например, в работах Ванчуровой М.Ю., Калининой Е.А., Крюковского В.Д., Лисаченко О.В. и др.⁴ Работ, посвященных непосредственно теме развития физкультуры в деревне в 1920-е гг., мало, и они также в основном написаны на региональном материале, можно отметить статьи Бахтиной И.Л., Попова М.В. и Сарычевой Т.В.⁵ В этих работах освещаются отдельные проблемы, например, нехватка инструкторских кадров, плохая организация, а также приводятся количественные данные о физкультурниках.

Особое внимание изучению истории спорта в СССР уделяется также в зарубежной историографии. Авторы, как правило, сосредотачиваются на проблемах массового зрелищного спорта и репрезентации власти через спортивные практики⁶.

Для дальнейшего изучения темы необходим системный, ценностный и институциональный анализ. Это поможет выявить зависимость между продвижением физкультуры на селе и общегосударственной политикой, а также определить роль и мотивацию отдельных институтов в этом процессе.

Цель исследования – определить основные установки советского руководства в деле продвижения физкультуры и спорта в деревню в 1920-е гг. и оценить реальные результаты проведения этой политики.

Источниковая база. Основу исследования составили нормативные, делопроизводственные и статистические материалы, выявленные в Государственном архиве

² Ульянова С.Б., Крепкая Т.Н. Милитаризация массового спорта в СССР в 1920-е–1930-е гг. // Вопросы истории. 2019. № 12. С. 281–287. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi86> EDN: CDTOZN; Ульянова С.Б., Сидорчук И.В. Кампания «Неделя за здоровую смену» 1928 года и формирование советской модели физической культуры // Новый исторический вестник. 2024. № 3. С. 92–112. https://doi.org/10.54770/20729286_2024_3_92 EDN: ICGJIR

³ Красильников Т.С. Советское физкультурное движение в первой половине XX века: на примере развития хоккея с мячом. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2024. EDN: GTIICP; Толстой С.С. Власть и массовый спорт в СССР: на примере истории советского футбола в 1930–1950-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. EDN: NQJFJR; Филиппов А.Н. Государственная политика СССР в области физической культуры и спорта (1920–1930 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. EDN: QFXZYB

⁴ Ванчурова М.Ю. Физическая культура и спорт в Карелии (1917–1956 гг.). Петрозаводск, 2022; Калинина Е.А. Очерки истории карельского спорта в 1918–1945 годах. Петрозаводск, 2024. EDN: BVGXPP; Крюковский В.Д. Физическая и военная подготовка школьников в советской Белоруссии (1924–1925 гг.) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки. 2022. № 1. С. 54–58. EDN: AAJKDW; Лисаченко О.В. История физической культуры и спорта Башкортостана. Стерлитамак, 2022.

⁵ Бахтина И.Л., Попов М.В. Физкультурно-массовая работа в уральской деревне в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Педагогическое образование в России. 2018. № 12. С. 6–10. <https://doi.org/10.26170/ro18-12-01> EDN: VRVZXC; Сарычева Т.В. История становления и развития физической культуры в среде рабоче-крестьянской молодежи Западной Сибири в 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 157–160. <https://doi.org/10.17223/15617793/442/19> EDN: PVHGJZ

⁶ О'Махоуни М. Спорт в СССР / пер. с англ. Е. Ляминой, А. Фишман. М., 2010; Эдельман Р. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР / пер. с англ. И.С. Давидян. М., 2008; Grant S. Physical Culture and Sport in Soviet Society: Propaganda, Acculturation, and Transformation in the 1920s and 1930s. New York, 2013.

Российской Федерации в фонде Комитета физической культуры и спорта СССР (Ф. Р 7576) и в фонде ЦК ВЛКСМ (Ф. М 1) Российского государственного архива социально-политической истории, которые позволяют увидеть как вырабатывались решения по рассматриваемому вопросу и как они реализовывались на практике, какие приоритетные задачи были у Высшего совета физической культуры (ВСФК), а какие – у комсомола. Публикации периодических изданий (газеты «Красный спорт», «Комсомольская правда» и «Труд», журнал «Физкультура и спорт») и работы главы ВСФК (1923–1926) Н.А. Семашко, определявшего курс развития сферы, помогли реконструировать идейные установки власти и границы дозволенной критики проблем физкультуры в деревне.

Физкультура как инструмент воспитания «нового человека»

Большевики, придя к власти, начали осуществлять политику культурной революции, которую понимали как преобразование всех сфер жизни человека. Первый нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко считал, что человек не может называться культурным, если он знает грамоту, но при этом живет в грязи⁷. Физкультура (в отличие от спорта, считавшегося поначалу буржуазным пережитком) стала важнейшим инструментом воспитания «нового человека», прививавшим ему дисциплину, осознанное отношение к здоровью и повышавшим подготовленность к нагрузкам. Семашко был уверен, что «нельзя строить социализм на фундаменте болеющего, вырождающегося от болезней и вымирающего населения»⁸. Схожие тезисы можно найти и в циркулярном письме, которое было подготовлено на основе решений VI съезда РКСМ⁹, где особо подчеркивалась «важность физической культуры, как могучего средства оздоровления рабоче-крестьянской молодежи и важность ее как неотъемлемой части коммунистического воспитания»¹⁰. Кроме того, одной из характерных черт развития физкультурного движения в советском государстве тех лет ряд исследователей называет военизацию¹¹.

Культурный уровень деревни и задачи продвижения физкультуры

Советская деревня стала объектом социального эксперимента, в рамках которого ее жители должны были усвоить советские идейные ценности. Как отмечал А.К. Соколов, уже в начале XX в. начинается модернизация деревни, поэтому кампания большевиков по ликвидации безграмотности легла уже на подготовленную почву¹². В деревне новая власть осуществляла свое влияние через школу и избы-читаль-

⁷ Семашко Н.А. Культурная революция и оздоровление быта. М., 1929. С. 4.

⁸ Семашко Н.А. Десятилетие Октябрьской революции и охрана здоровья рабочих. 1917–1927. М., 1927. С. 29.

⁹ РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи, с 1924 г. Российский ленинский коммунистический союз молодежи (РЛКСМ), с 1926 г. Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ).

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. М 1. Оп. 23. Д. 477. Л. 23.

¹¹ Калинина Е.А. Военизация физической культуры и спорта в 1920-е годы: способы организации, итоги // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3. № 2. С. 120. <https://doi.org/10.37614/2949-1185.2024.3.2.011> EDN: MWJFEX; Ульянова С.Б., Крепкая Т.Н. Милитаризация массового спорта в СССР в 1920-е – 1930-е гг. // Вопросы истории. 2019. № 12. С. 282. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi86> EDN: CDTOZN

¹² Соколов А.К. Предисловие // Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 7.

ни. Школьная программа содержала в себе обязательный воспитательный элемент, однако часто все эти усилия сводились на нет дома. Избу-читальню крестьяне часто избегали¹³.

Особенности жизни в деревне были связаны с годовым циклом работ: крестьянин работал интенсивно летом, зимой, в отсутствие полевых работ, скуку заглушал не только заботами по поправке инвентаря, но и драками «стенка на стенку», пьянством, «вечерками» у молодежи, которые часто также заканчивались насилием¹⁴. Огромную роль в повседневном ритме имели религиозные праздники, что не могло одобряться новой властью. Также волновали большевиков и семейно-брачные отношения. Патриархальная семья объявлялась врагом, поскольку была носителем старых традиций, как и в городе, так и в деревне ставилась цель воспитать женщину-общественницу. Санитарный уровень деревни по регионам мог отличаться, однако в целом он был достаточно низок и служил одной из основных причин высокой детской смертности¹⁵.

В годы НЭПа много говорилось и писалось о смычке города и деревни, но осуществить на практике ее было куда сложнее. В июне 1924 г. в газете «Правда» появился лозунг повернуться «лицом к деревне». Новый курс включал не только политические послабления, но и экономические мероприятия в интересах крестьянства, а также масштабную программу культурно-просветительской работы¹⁶, одну из главных ролей в которой и должна была сыграть физкультура. На первой полосе газеты «Красный спорт» к первой годовщине со дня смерти В.И. Ленина был помещен красноречивый лозунг: «Смычка города с деревней – завет Ильича. Физкультура – крепкое звено этого союза»¹⁷.

18 февраля 1925 г. на заседании Президиума ВСФК был принят циркуляр «О работе в деревне»¹⁸. В связи с общегосударственной заботой о поднятии экономического и культурного уровня деревни и усилении смычки им предписывалось всем советам физической культуры «повернуть дело физической культуры лицом к деревне». Ставились задачи внедрить физкультуру в быт молодежи, охватить ею по возможности крестьянские массы и вовлечь в нее женщину-крестьянку, в особенности на национальных окраинах¹⁹. В осуществлении этих задач должны были принимать участие комсомол, профсоюзы, Главный политико-просветительский комитет (Главполитпросвет), в чьем ведении находились избы-читальни, а также военное ведомство и органы здравоохранения. Циркуляр дал старт агитационной кампании, в осуществлении которой главную роль отвели комсомольцу, учителю и врачу²⁰. Координировать работу должны были волостные Советы физической культуры (СФК)²¹, что выглядело нереальным, поскольку, согласно докладной записке о состоянии физической культуры, составленной для ЦК РЛКСМ, к 1925 г. на уровне

¹³ Голос народа... С. 144.

¹⁴ Там же. С. 154–156.

¹⁵ Васеха М.В. Политика охраны материнства и младенчества 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 110. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.10> EDN: BTRKQZ

¹⁶ Павлюченков С.А. Россия нэповская. М., 2002. С. 212–213. EDN: UFHEAD

¹⁷ Красный спорт. 1925. 18 января.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р7576. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–18 об.

¹⁹ Там же. Д. 17. Л. 51.

²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 25. Л. 82 об.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 17. Л. 53.

волости было только 50% СФК, а кружки работали «сами собой» вместо того, чтобы стать местом агитации²².

На первое место в циркуляре ставились социокультурные проблемы деревни, а не задачи военного плана. В нем нет бравурных лозунгов, а есть достаточно взвешенный анализ непростой ситуации в деревне. Например, наиболее вредными явлениями называются бытовые предрассудки (знахарство), нерациональное использование природы, чрезвычайная отсталость в вопросах простейшей гигиены, плохой уход за детьми, обременение тяжестями женщин и т. д.²³ Эту же мысль можно найти в решениях Организационного бюро ЦК ВКП(б), которые были утверждены на заседании 13 июля 1925 г. В них разъяснялось:

Физкультура не должна исчерпываться физкультурными упражнениями в виде спорта <...>, но должна обнимать общественную и личную гигиену труда и быта и использование естественных сил природы, правильный режим труда и отдыха и т.д.²⁴

В циркуляре подчеркивалось, что жизнь крестьянина связана с постоянными силовыми нагрузками, но это не делает его более здоровым по сравнению с жителем города, поскольку однообразный труд не развивает ловкость и быстроту и делает крестьянина абсолютно не подготовленным к возможной войне. Первостепенной задачей в документе называется улучшение быта, для чего следовало возбудить интерес крестьянина к вопросам гигиены и разностороннему развитию человека, а в качестве главного средства называются игры, а потом уже простейшие и понятные упражнения, прыжки, бег, коньки, лыжи²⁵.

В 1926 г. было принято положение «О кружках физкультуры в деревне», которое проясняло основные организационные моменты. Задачей номер один в нем также называется оздоровление крестьянского населения, а второй задачей – вовлечение его в общественно-политическую жизнь. В одном селении мог быть создан только один кружок при волостной или районной избе-читальне, при котором организовывались физкультурные занятия, лекции, врачебный контроль, соревнования и т.п., оборудовались площадки и помещения для занятий, выписывалась литература. Кружки обязаны были поддерживать связь с шефами из города и вести учет проделанной работы. В состав кружка могли вступить все, кроме лиц, лишенных избирательных прав. Повседневной деятельностью кружка руководило правление, подчинявшееся организации, его создавшей, она же его финансировала, методические указания получали от уполномоченного при волостном СФК, а если его нет, то при уездном СФК²⁶. Таким образом, кружок полностью зависел от создавшей его организации как в плане организации деятельности, так и материального базиса.

Для усиления работы в деревне 11 декабря 1926 г. была создана деревенская комиссия ВСФК при ЦИК РСФСР²⁷. На всех конференциях и совещаниях, посвященных вопросам физкультуры, теперь уделяли внимание деревне, особенно в национальных республиках и областях. Было принято решение изучить местные обычаи и игры, разработать методику их использования для продвижения физической куль-

²² РГАСПИ. Ф. М 1. Оп. 477. Л. 49.

²³ *Васеха М.В.* Политика охраны материнства... С. 112; *Шенилов А.В.* В тесноте (об одной характерной черте русского традиционной бытовой культуры) // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 137. EDN: JXKTOI

²⁴ РГАСПИ. Ф. М 1. Оп. 23. Д. 477. Л. 2.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 1. Д. 17. Л. 51–52.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р 7576. Оп. 1. Д. 19. Л. 34–37.

²⁷ Там же. Л. 147.

туры в этих регионах, издавать литературу на национальных языках и готовить инструкторов из местных жителей. За Башкирским СФК, Северо-Кавказским СФК и Туркменским СФК был закреплен в качестве шефа Московский СФК²⁸.

Таким образом, в 1925–1926 гг. была создана нормативная и организационная база для продвижения физкультуры в деревню, распределены обязанности между партийно-государственными органами и общественными организациями, организована мощная пропагандистская кампания.

Реализации решений 1925–1926 гг. на практике

Лозунги о продвижении физкультуры звучали достаточно оптимистично, но что в реальности удалось сделать? На основе статистики можно составить определенное представление об этом. В 1920-е гг. централизованный сбор статистических материалов в сфере физкультуры и спорта не велся. Каждое заинтересованное ведомство самостоятельно запрашивало информацию, которая иногда публиковалась в прессе. Хотя данные чрезвычайно разрозненны, они могут дать примерное представление о ситуации. Согласно обзору физкультурного движения за 1926 г., подготовленному для информационного отдела ЦК ВЛКСМ, физкультура в деревню стала проникать только в этом году, в национальных областях она отсутствовала вовсе в это время, согласно отчетам Крымской и Ферганской областей, а также Черноморского округа. Процент физкультурников-крестьян по стране составлял 9,2% (для сравнения: рабочих было 22%, служащих – 13,9%, учащихся – 54%)²⁹.

На региональном уровне картина выглядела следующим образом. В Московской губернии на 1927 г. действовало около 300 деревенских физкультурных кружков, в которых занималось 10 тыс. физкультурников, 30% из них члены комсомольской организации. Из них девушек было 50%, причем они даже выступали в качестве руководителей кружков³⁰. В Ленинграде на 1 января 1925 г. в уездах в кружках занималось 15 390 чел., из которых только 4870 было крестьянами³¹. На Украине на 1 января 1925 г. в Донецкой области физкультурой занималось 6390 крестьян, а в Киевской – 457, по остальным областям данные отсутствовали³². В 1927 г. крестьян-физкультурников на Украине уже насчитывалось 20 066 чел., что составляло 7% от общей массы физкультурников³³. В Белорусской ССР в 1926 г. в деревнях было 108 кружков, 91,3% физкультурников были в возрасте от 16 до 23 лет, женщин было 35%³⁴. Достаточно полные данные представлены по Донскому СФК: всего физкультурой занималось 1715 чел., из них крестьян было 490, а крестьянок 174 чел., остальные – городские жители³⁵.

Есть данные и по Уральской области, более того, по этому региону они представлены в динамике. Общее количество физкультурников увеличилось с 1 июля по 1 октября 1926 г. с 23 055 до 24 002 чел., причем особо подчеркивается, что за счет деревенских кружков. Из 553 кружков 288 были деревенские, основная масса занимающихся была в возрасте от 17 до 20 лет (14 тыс. из 24 002 чел.). Процент занимающихся женщин за 1926 г. уменьшился с 29,5% до 17,6% поскольку рост общего

²⁸ ГАРФ. Ф. Р 7576. Оп. 1. Д. 13. Л. 22–23.

²⁹ РГАСПИ. Ф. М 1. Оп. 23. Д. 800. Л. 40.

³⁰ Физкультура в московской деревне // Физкультура и спорт. 1928. № 46. С. 6.

³¹ РГАСПИ. Ф. М 1. Оп. 23. Д. 649. Л. 22, 30, 32.

³² ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 25. Л. 112 об.

³³ РГАСПИ. Ф. М 1. Оп. 23. Д. 801. Л. 82.

³⁴ Там же. Д. 650. Л. 41.

³⁵ Там же. Д. 651. Л. 17, 19.

числа занимающихся происходил за счет мужчин. В отчете особо подчеркивалось, что женская часть слабо идет в физкультурорганизации³⁶. На июль 1926 г. физкультурников-крестьян было 2673 чел., а на январь 1927 г. – 5730 чел., то есть количество их выросло на 65 %. 78 % занимающихся были моложе 20 лет, а процент женщин практически не менялся и составил 18 %. В отчете особо подчеркивалось, что самое слабое место – это работа среди национальных меньшинств, что работа в них не учтена, но есть несколько башкирско-татарских кружков³⁷.

Сложное положение складывалось в национальных СФК, особенно на Северном Кавказе³⁸. В отчетах прямо говорилось, что использовать Чеченский, Ингушский, Осетинский СФК для выполнения заданий краевого СФК нельзя. Единственный из них, где есть хоть какие-то сведения – это Чеченский СФК, где был один кружок в Грозном, организованный профсоюзами³⁹. В 1928 г. в приложении к тезисам о развитии физкультуры в Северо-Кавказском крае указано, что в октябре 1927 г. в 4 округах (по 2 округам данных нет) занималось 5662 чел.; в национальных областях (Ингушетии, Чечне и Осетии) в январе 1926 г. – 442 чел. (из них горцев 42,3 %), а в июле 1926 г. было уже 1685 чел. (из них горцев 74,6 %), также были данные отдельно для Ингушетии на октябрь 1927 г. – 225 чел. (из них 219 мужчин, 56 – женщин)⁴⁰.

Таким образом, ситуация улучшалась, но не радикально. Как видно из приведенных разрозненных данных, рост числа физкультурников был небольшим и говорить о массовости физкультуры в деревне не приходится. Шансы на продвижение физкультуры были выше в населенных пунктах, находившихся ближе к крупным центрам, где замкнутый патриархальный мир разрушался быстрее. В итоге лучшие результаты показала Московская губерния, а худшие – национальные окраины. Также в удаленных регионах труднее было контролировать появление и деятельность физкультурных кружков, о чем достаточно часто писали в прессе⁴¹ и в отчетах ЦК ВЛКСМ⁴².

Организованность работы в кружках должны были обеспечить инструкторы и вышестоящие организации. Однако ситуация по стране с инструкторскими кадрами была крайне тяжелой на протяжении 1920-х гг., их не хватало даже для городских кружков. Во всех отчетах и докладах (с 1 мая 1927 г. по 1 января 1929 г.) эта проблема всегда обозначалась как одна из главных⁴³.

Кроме того, далеко не все общественные организации, призванные способствовать развитию физкультуры на селе и материально ее обеспечивать, справлялись со своей работой на должном уровне. Несмотря на то, что главным звеном продвижения физкультуры должна была быть изба-читальня, находившаяся под руководством Главполитпросвета, для этой структуры значительно важнее была проблема ликвидации безграмотности. В избе-читальне не было даже литературы, посвященной физкультуре в деревне⁴⁴. СФК пытались что-то делать, но в большей степени их ра-

³⁶ РГАСПИ. Ф. М 1. Оп. 23. Д. 652. Л. 46.

³⁷ Там же. Д. 802. Л. 4 об., 62 об, 63.

³⁸ Красный спорт. 1926. 28 март.

³⁹ РГАСПИ. Ф. М 1. Оп. 23. Д. 651. Л. 17, 19, 29.

⁴⁰ Там же. Д. 885. Л. 21.

⁴¹ Комсомольская правда. 1925. 15 августа; Комсомольская правда. 1925. 27 августа; Труд. 1925. 4 сентября; Красный спорт. 1925. 15 марта; Комсомольская правда. 1926. 31 октября.

⁴² РГАСПИ. М 1. Оп. 23. Д. 800. Л. 47.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 1. Д. 32. Л. 26 об. См. также.: *Хорошева А.В.* Проблема кадров в советском физкультурном движении в 1918–1930 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. № 2. С. 75–96. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-75-96> EDN: CVJQLX

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. М 1. Оп. 23. Д. 801. Л. 104.

ботники оставались в пределах своих кабинетов и связь с местами особо не поддерживали⁴⁵. Органы народного образования также бездействовали. У учителей не было специальных знаний по физической культуре, кроме того, они были перегружены другой работой⁴⁶. Военное ведомство только проводило сборы, регулярную работу в деревне не вело⁴⁷. Органы здравоохранения испытывали огромную нехватку специалистов в уздах, поэтому идея устраивать медицинские осмотры и контролировать занятия оказалась утопичной. В отчетах зафиксировано, что никакого врачебного контроля не велось⁴⁸. Профсоюзы ограничивались организацией соревнований в городах, поскольку в деревнях сильную спортивную команду было не подготовить. Очень показательным является то, что тема «физкультура в деревне», активно присутствовавшая в публикациях газеты «Труд» в 1925 г., полностью исчезла из номеров уже в 1926 г. и не появлялась там до 1930 г.

Таким образом, единственной общественной организацией, реально что-то делавшей для продвижения физкультуры в деревню, был комсомол, поскольку подавляющее большинство занимающихся были молодыми людьми в возрасте до 20–23 лет. Однако у комсомола не было средств, поэтому в большинстве случаев все развивалось на основе энтузиазма и самообеспечения⁴⁹. Деревенская молодежь сама возводила из жердей турники, стойки, планки, из подручных материалов мастерили мячи и лыжи⁵⁰.

Именно поэтому любимым видом спорта был футбол – игра простая и эмоциональная, не требовавшая особых материальных затрат: надо только изготовить тряпичный мяч и найти пустырь. Сначала Н.А. Семашко и его окружение нещадно боролись со спортивными играми, особенно с футболом, который, по его мнению, «физуродовал» людей, был буржуазным проявлением⁵¹, но власть быстро осознала, что футбол привлекает миллионы людей и смирилась с его популярностью⁵². В обзоре физкультурного движения за 1927 г. информационного отдела ЦК ВЛКСМ прямо говорилось, что «физкультура в деревне свелась к футболу», в развитии которого видели как негативные последствия (ухудшение здоровья), так и положительные – его проникновение улучшало быт деревенских жителей, расширяло влияние комсомольцев на молодежь в Центральной России, уменьшало пьянство и хулиганство, в национальной деревне вытесняло религиозные праздники⁵³. Это фиксируется отчетами по регионам⁵⁴, об этом говорится и в газетных заметках⁵⁵.

Футбол – это летнее развлечение. Альтернативы ему зимой найдено не было, и в большинстве случаев на зимнее время физкультура из жизни деревенской молодежи исчезала. Это, например, особо подчеркивалось в отчете по Северо-Кавказскому краю⁵⁶. Конечно, были и исключения из правил, например, в рязанских деревнях удалось организовать занятия зимой лыжами и коньками, причем особо подчеркивалось,

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. М 1. Оп. 23. Д. 802. Л. 6.

⁴⁶ Красный спорт. 1926. 31 октября.

⁴⁷ Комсомольская правда. 1925. 30 августа; Комсомольская правда. 1925. 28 августа.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. М1. Оп. 23. Д. 802. Л. 63; Там же. Д. 885. Л. 11.

⁴⁹ Там же. Д. 651. Л. 20.; Там же. Д. 800. Л. 38; Там же. Д. 802. Л. 4–5.

⁵⁰ Комсомольская правда. 1925. 30 августа; Комсомольская правда. 25 ноября; Комсомольская правда. 1926. 20 января; Красный спорт. 1926. 31 октября.

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р 7576. Оп. 2. Д. 3. Л. 101.

⁵² Эдельман Р. Серьезная забава... С. 60–64.

⁵³ РГАСПИ. Ф. М 1. Оп. 23. Д. 800. Л. 50.

⁵⁴ Там же. Д. 651 Л. 18.

⁵⁵ Комсомольская правда. 1925. 16 августа; Красный спорт. 1927. 8 мая; Красный спорт. 21 августа.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. М1. Оп. 23. Д. 651. Л. 22.

что это позволило отвлечь молодежь от драк и убийств⁵⁷. Физкультура рассматривалась как основной инструмент борьбы с этими негативными явлениями, но именно тогда, когда это было особо важно, она не могла быть использована. До конца 1920-х гг. физкультурная работа в деревне в зимний период оставалась самым слабым звеном, что признавалось на официальном уровне⁵⁸.

В борьбе со «старым бытом» физкультура сыграла свою роль, способствуя укреплению женщины. Самые высокие цифры вовлеченности женщин отмечены в Москве и Ленинграде, а на Урале они практически не меняются, хотя общее количество физкультурников в деревне растет. В докладной записке о состоянии физкультуры, составленной в 1925 г., констатировалось, что в деревне имеется самый незначительный охват женщин, по мнению составителя отчета, это объясняется тем, что элементы физкультуры, могущие заинтересовать женщину, не получили распространения из-за отсутствия материальной базы и особенно инструкторов⁵⁹. В резолюции Второго всесоюзного совещания комсомольских работников по физкультуре, прошедшего в 1927 г., особо подчеркивалось, что единственная возможность привлечь «женщин националок» в физкультурные кружки – это создавать специальные женские кружки⁶⁰. На страницах периодической печати это вопрос, как правило, освещался в формате указаний и призывов. Конкретных же историй о том, как женщины участвуют в деревенских кружках, практически нет, что свидетельствует о скромности достижений в этой области.

Поворот в физкультурной политике в деревне в 1927–1928 гг.

В 1927 г. начинается новое обострение в отношениях власти и деревни, одной из причин которого был хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг. Переход к реализации курса на индустриализацию страны потребовал денежных вложений. Взять их можно было только в деревне, поэтому ее хозяйственная самостоятельность более не устраивала советское руководство. На месте единоличных хозяйств должны были появиться коллективные. В отличие от политики «лицом к деревне», когда сельских жителей старались сделать союзниками власти, в условиях индустриального рывка их ставили под контроль, не оставляя права на выбор. Это происходило на фоне обострения международной ситуации. В 1927 г. были разорваны дипломатические отношения с Великобританией. «Военная тревога» оправдывала чрезвычайные действия и одновременно дала мощнейший толчок новому витку военизации общества. Все эти события напрямую отразились на физкультурном движении вообще и на политике внедрения физкультуры в жизнь деревни в частности.

В Москве 25 октября – 11 ноября 1927 г. прошло Первое Всероссийское совещание по физкультурной работе в деревне. Решения его сильно отличаются от уставов 1925–1926 гг. На первом месте теперь стояла задача подготовки допризывников. Особо подчеркивалось, что физкультура является формой борьбы за усиление пролетарского влияния в деревне. Крестьяне составляли подавляющее большинство населения страны, а значит, Красная армия во многом комплектовалась призывниками из деревни. Предлагалось не только сделать занятия интересными, но и уделить внимание тем видам спорта, которые культивируют ловкость, меткость, сноровку, выносливость, например лыжам, стрельбе, спортивным играм, а деятельность круж-

⁵⁷ Комсомольская правда. 1926. 20 января.

⁵⁸ Кальнус Б. О работе в зимний период // Физкультура и спорт. 1928. № 48. С. 1.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. М 1. Оп. 23. Д. 477. Л. 45.

⁶⁰ Там же. Д. 800. Л. 14.

ков требовалось увязать с работой ячеек Осоавиахима и местных территориальных частей РККА, причем за счет них частично должна была строиться и материальная база, а демобилизованные красноармейцы должны были стать ядром инструкторских кадров в деревне⁶¹. Предполагалось вывести молодежь из-под влияния старшего поколения, устраивая им развлечения, например, танцы и физкультурные праздники в воскресные дни и в дни религиозных праздников. Важную роль отводили соревновательным практикам, в то время как раньше предлагалось уделять преимущественное внимание именно каждодневным занятиям. Подготовка должна была вестись по пособиям РККА. Первенства должны были проводиться и зимой, и летом⁶².

Вслед за этим последовал новый этап пропагандистской кампании, когда на страницах периодической печати активно критикуется предшествующий период. Так, например, в статье «Физкультурный поход в деревню» констатируется, что за три-четыре года практически ничего не было сделано, при этом звучит призыв активизировать деятельность, в том числе возобновив работу деревенской комиссии при ВСФК, а также использовать объявленный ЦК ВЛКСМ «двухмесячный культурный поход в деревню», то есть «революционной атакой» обрушиться на жизнь деревни⁶³. Таким образом, на смену идеям постепенного преобразования традиционного деревенского образа жизни приходит концепция форсированного слома, которая полностью согласовывалась с принципами и методами коллективизации, курс на которую был взят в 1927 г.

Однако на этом совещании говорили не только о смене методов работы в деревне, но и о причинах неудач предшествующего периода, когда ставка делалась на общественные силы, на самоорганизацию и самофинансирование. Реальные результаты показали, что без материальной базы даже там, где есть интерес, ничего нельзя было сделать: были нужны площадки, инструкторы, получавшие зарплаты и т. д. Все это было учтено в постановлении СНК РСФСР «О мероприятиях по усилению работы по физической культуре в деревне» от 21 июня 1928 г., согласно которому предписывалось создать СФК на районном и волостном уровнях, а органы народного образования должны были предусмотреть в своих сметах необходимые расходы на работу кружков физкультуры в сельской местности. То же касалось и бюджетов районных и волостных исполнительных комитетов. ВСФК вместе с Народным комиссариатом труда РСФСР должен был разработать тарифную сетку оплаты труда работников физической культуры, связанных с деревней, Наркомат здравоохранения РСФСР – ввести элементарный врачебный контроль членов деревенских физкультурных кружков, а также санитарный контроль за местами занятий⁶⁴. Таким образом, вполне конкретными мерами решались наиболее насущные проблемы физкультуры в деревне. Однако у местных органов и ведомств на местах средств не хватало, и они прибегали к различным ухищрениям, о чем свидетельствует письмо-инструкция от 28 июля 1928 г. по региональным СФК, подготовленная в ВСФК при ЦИК РСФСР⁶⁵. Однако в целом ситуация значительно улучшилась, что, например, подтверждают данные из уральского региона, где за 1927–1928 гг. финансирование было увеличено в 1,4 раза, благодаря чему было построено 800 спортплощадок, началось изготовление лыж

⁶¹ Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 гг.

⁶² РГАСПИ. Ф. М 1. Оп. 23. Д. 801. Л. 104–107.

⁶³ *Стариков В.* Физкультурный поход в деревню // Физкультура и спорт. 1928. № 45. С. 4.

⁶⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства за 1928 г. 57–114. Отдел первый. М., Б.г. С. 863–864.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп.1. Д. 38. Л. 207.

и коньков⁶⁶. Однако это было только начало серьезных преобразований, основная часть которых придется уже на начало 1930-х гг., когда физкультурное движение будет перестроено по производственному принципу и поставлено под жесткий контроль государства.

Заключение

Как показало проведенное исследование, несмотря на достаточно взвешенный и аккуратный подход к внедрению физкультуры и спорта в повседневную жизнь деревни в рамках проведения общегосударственной политики «лицом к деревне», попытки со стороны государства «окультурить» деревню посредством вовлечения ее жителей в занятия физкультурой в 1925–1926 гг. потерпели крах. Рост физкультурных кружков был незначителен. Успехи сильнее ощущались в центре страны и значительно меньше на периферии и особенно в национальных регионах. Реализация поставленных задач с опорой на энтузиазм комсомольцев и за счет части деревенской молодежи наталкивалась на нехватку инструкторов, спортивных площадок и инвентаря. Также большой проблемой было стихийное появление самостоятельных физкультурных кружков, увлечение футболом и малый охват женщин. В 1927–1928 гг. политика сместилась в сторону усиления контроля и роста финансирования. Это позволило укрепить материальную базу для ведения массовой военной подготовки среди деревенского населения в условиях мобилизационного рывка. Подобные изменения совпадали с началом периода коллективизации и явились частью мер подчинения жизни деревни интересам государства.

Поступила в редакцию / Submitted: 20.05.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.11.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 1.12.2025

References

- Bakhtina, I.L., and Popov, M.V. “Physical activity in the ural village in the late 1920s – early 1930s.” *Pedagogical Education in Russia*, no. 12 (2018): 6–10 (in Russian), <https://doi.org/10.26170/po18-12-01>
- Bugrov, N.N. *Fizkul'tura i sport v SSSR i zarubezhnykh stranakh* [Physical Education and Sports in the USSR and Foreign Countries]. Moscow: [N.s.], 1979 (in Russian).
- Edelman, R. *Ser'yeznaia zabava. Istoriia zrelishchnogo sporta v SSSR* [Serious Fun. The History of Spectator Sports in the USSR]. Moscow: Sovetskii sport Publ., 2008 (in Russian).
- Filippov, A.N. “*State policy of the USSR in the field of physical culture and sports (1920–1930)*.” PhD thesis, Yaroslavl State University, 2012 (in Russian).
- Grant, S. *Physical Culture and Sport in Soviet Society: Propaganda, Acculturation, and Transformation in the 1920s and 1930s*. New York: Routledge, 2013.
- Kalinina, E.A. *Ocherki istorii karel'skogo sporta v 1918–1945 godakh* [Essays on the history of Karelian sports in 1918–1945]. Petrozavodsk: Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2024 (in Russian).
- Kalinina, E.A. “Militaryization of physical culture and sports in the 1920s: methods of organization and results.” *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities* 3, no. 2 (2024): 116–121 (in Russian), <https://doi.org/10.37614/2949-1185.2024.3.2.011>
- Khorosheva, A.V. “Personnel matter in the soviet physical culture movement from 1918 through 1930.” *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, no. 2 (2023): 75–96 (in Russian), <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-75-96>

⁶⁶ Бахтина И.Л., Попов М.В. Физкультурно-массовая работа в уральской деревне... С. 7.

- Krasilnikov, T.S. “*The Soviet physical culture movement in the first half of the 20th century: the development of bandy as an example.*” PhD thesis, State University of Education, 2024 (in Russian).
- Kryukovsky, V.D. “Physical and military training of pupils in soviet Belarus (1924–1925).” *Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities. History*, no. 1 (2022): 54–58 (in Russian).
- Lisachenko, O.V. *Istoriia fizicheskoi kul'tury i sporta Bashkortostana* [History of Physical Culture and Sports of Bashkortostan]. Sterlitamak: FOBOS Publ., 2022 (in Russian).
- O'Mahoney, M. *Sport v SSSR* [Sport in the USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010 (in Russian).
- Pavlyuchenkov, S.A. *Rossiia nepovskaia* [Russia under the NEP]. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2002 (in Russian).
- Sarycheva, T.V. “The History of the Formation and Development of Physical Culture Among the Worker-Peasant Youth of Western Siberia in the 1920s.” *Tomsk State University Journal*, no. 442 (2019): 157–160 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/15617793/442/19>
- Shepilov, A.V. “In close quarters (on one characteristic feature of Russian traditional everyday culture).” *Voprosy Istorii*, no. 1 (2005): 137–144 (in Russian).
- Sokolov, A.K. “Predislovie [Preface].” In *Golos naroda: pis'ma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobytiakh 1918–1932 gg.*, 3–17. Moscow: ROSSPEN Publ., 1997 (in Russian).
- Semashko, N.A. *Desyatiletie oktyabr'skoi revolyutsii i okhrana zdorov'ya rabochikh. 1917–1927* [The Decade of the October Revolution and Workers' Health Protection. 1917–1927]. Moscow: izdatel'stvo Narkomzdrava RSFSR Publ., 1927 (in Russian).
- Semashko, N.A. *Kul'turnaia revolyutsiia i ozdorovlenie byta* [Cultural Revolution and the Improvement of Everyday Life]. Moscow: Gosudarstvennoe meditsinskoe izdatel'stvo Publ., 1929 (in Russian).
- Tolstoy, S.S. “*Power and mass sports in the USSR: the example of the history of Soviet football in the 1930s–1950s.*” PhD thesis, Russian State University of Tourism and Service, 2009 (in Russian).
- Ulyanova, S.B., and Krepkaya, T.N. “ Militarization of mass sports in the USSR in the 1920s–1930s.” *Voprosy Istorii*, no. 12 (2019): 281–287 (in Russian), <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii-201912Statyi86>
- Ulyanova, S.B., and Sidorchuk, I.V. “The “week for a healthy generational change” campaign of 1928 and the creation of the soviet model of physical culture.” *The New Historical Bulletin*, no. 3 (2024): 92–112 (in Russian), https://doi.org/10.54770/20729286_2024_3_92
- Vanchurova, M.Yu. *Fizicheskaiia kul'tura i sport v Karelii (1917–1956 gg.)* [Physical Culture and Sports in Karelia (1917–1956)]. Petrozavodsk: Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2022 (in Russian).
- Vasekha, M.V. “The policy of motherhood and infancy protection in the 1920s and “designing” of a new type mothers: the experience of the Siberian village.” *Woman in Russian Society*, no. 2 (2019): 107–119 (in Russian), <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.10>

Информация об авторе / Information about the author

Анна Владимировна Хорошева, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX–XXI веков, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова; Россия, 119234, Москва, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4, Khoroshevaa@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-8189-8742>; SPIN-код: 4407-2000.

Anna Vladimirovna Khorosheva, PhD in History, Associate Professor of the Department of History of Russia of the 20th – 21st Centuries, Lomonosov Moscow State University; Build. 4, 27, Lomonosovsky Prospekt Av., Moscow, 119234, Russia; Khoroshevaa@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-8189-8742>; SPIN-code: 4407-2000.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-32-45>
EDN: VGFGLS

Научная статья / Research article

Влияние спорта высших достижений на формирование национальной идентичности граждан Армении во второй половине XX века

Ерванд Грантович Маргарян ^{a, b}✉, Ася Суменовна Берберян ^b

^a Институт востоковедения Академии наук Республики Армения, Ереван, Армения

^b Российско-Армянский университет, Ереван, Армения

✉ aspsy@inbox.ru

Аннотация: Рассматривается малоизученная научная проблема – связь коллективного образа будущего со спортивной идентичностью, которая основывается на достижениях таких талантливых армянских спортсменов как Тигран Петросян (шахматы), Юрий Варданян (тяжелая атлетика), Эдуард Азарян (гимнастика). Показано, что их успехи, а также достижения футбольного клуба «Арагат» усиливали национальную гордость армян. Авторы приходят к выводу, что в конце 1980-х гг. спорт становился коммуникативным механизмом выражения национальных чувств. В условиях советских реалий достижения армянских спортсменов порождали чувство гордости граждан и способствовали укреплению национального самосознания, формированию положительного образа Армении как на внутрисоюзном, так и на международном уровнях. История успехов выдающихся армянских спортсменов, их выступления на международной арене и чемпионатах мира стали частью культурного наследия народа. Во второй половине XX в. спорт высших достижений в Армянской ССР, являясь средством консолидации общества и символом национальной гордости у армянского народа, в условиях многонационального СССР оказал влияние на общественные процессы, способствуя развитию чувства локальной идентичности.

Ключевые слова: Советская Армения, спортивный национализм, спортивные достижения, советский спорт, массовое сознание и поведение

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Комитета по высшему образованию и науке РА (научный проект № 1-29/24RL-6A032). Исследование выполнено при поддержке Комитета высшего образования и науки МОНКС РА (Научный проект №10-2/24SSAH-5A039).

Для цитирования: Маргарян Е.Г., Берберян А.С. Влияние спорта высших достижений на формирование национальной идентичности граждан Армении во второй половине XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 32–45. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-32-45>

Influence of High-Performance Sports on the Formation of Armenian Citizens' National Identity in the Second Half of the 20th Century

Ervand H. Margaryan ^{a, b} , Asya S. Berberyan ^b

^a Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia

^b Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia-

 aspsy@inbox.ru

Abstract: The authors examine a little-studied scientific problem: the connection between the collective image of the future and sporting identity, which is based on the achievements of talented Armenian athletes such as Tigran Petrosyan (chess), Yuri Vardanyan (weightlifting), and Eduard Azaryan (gymnastics). It is shown that their successes, as well as those of the Ararat football club enhanced the Armenians' national pride. The authors conclude that in the late 1980s, sport became a communicative mechanism for expressing national sentiment. In the context of Soviet reality, the achievements of Armenian athletes aroused a sense of pride among citizens and contributed to the increasing of national self-awareness, shaping a positive image of Armenia both within the USSR and internationally. The success stories of outstanding Armenian athletes, their performances on the international stage and at world championships, have become part of the nation's cultural heritage. In the second half of the 20th century, high-performance sports in the Armenian SSR, serving as a means of social consolidation and a symbol of national pride for the Armenian people, influenced social processes in the multinational USSR, fostering a sense of local identity.

Keywords: Soviet Armenia, sports nationalism, sports achievements, Soviet sports, mass consciousness and behavior

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: The work was supported by the Higher Education and Science Committee of RA (Research project № 1-29/24RL-6A032). The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project №10-2/24SSAH-5A039).

For citation: Margaryan, Y.H., Berberyan, A.S. "Influence of High-Performance Sports on the Formation of Armenian Citizens' National Identity in the Second Half of the 20th Century." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 32–45 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-32-45>

Введение

Актуальность. Изучение роли спорта в формировании национальной идентичности приобретает особую актуальность в контексте современных процессов глобализации и сохранения национально-культурной самобытности народов. Спорт как социокультурный феномен выступает важным механизмом трансляции национальных ценностей, символов и традиций, особенно в условиях многонационального государства. Опыт Советского Союза представляет собой уникальный случай для анализа того, как спортивные достижения влияли на формирование и поддержание национального самосознания в советских республиках при официальной политике интернационализма. Армянская ССР во второй половине XX в. демонстрирует пример того, как спортивные успехи становились катализатором национальной гордости и консолидации этнокультурной идентичности.

Степень изученности проблемы. Вопросы взаимосвязи спорта и национальной идентичности получили широкое освещение в зарубежной и отечественной

историографии. Фундаментальные основы изучения данной проблематики заложили работы Э. Хобсбаума, рассматривающего нации и национализм как современные конструкты, и Б. Андерсона с его концепцией «воображаемых сообществ».

В контексте спорта и политики значительный вклад внесли исследования Дж. Риордана «Sport, Politics, and Communism» (1991)¹, анализирующие роль спорта в Советском Союзе как инструмента политической пропаганды, и А. Гуттмана «The Olympics: A History of the Modern Games» (2002)², показывающие использование Олимпийских игр для демонстрации национального престижа. Дж. Магуайр в работе «Global Sport: Identities, Societies, Civilizations» (1999)³ исследует взаимосвязь спорта, национальной идентичности и процессов глобализации.

Советский период в развитии спорта союзных республик освещен в трудах российских исследователей, однако специальных работ, посвященных влиянию спортивных достижений на формирование национальной идентичности в Армянской ССР, крайне мало. Отдельные аспекты данной проблематики затрагиваются в исследованиях по истории советского спорта и национальной политике СССР, но комплексного анализа роли выдающихся армянских спортсменов в формировании национального самосознания не проводилось⁴.

Исследователи сходятся во мнениях, что спорт в современном мире – форма патриотической игры, где происходит сравнение себя со «значимыми другим»⁵. По своей природе спорт способен консолидировать вокруг себя значительную часть общества и тем самым влияет на формирование национально-государственной идентичности⁶.

Спортивные соревнования, как отмечают исследователи, способны предоставить безопасный выход эмоциональной энергии как для людей, находящихся в эпицентре спортивных событий (условные «болельщики»), так и для других сегментов социума. И, наконец, спорт высших достижений укрепляет и развивает национальное сознание, так как помогает осознать отдельным людям и обществу в целом принадлежность к единой нации»⁷. Исследователи именуют порой данный феномен как «спортивный национализм» «национально-государственную идентичность»⁸.

По мнению ученых, в его основе спортивного национализма лежит добровольная национальная привязанность к государству⁹.

Целью исследования является выявление механизмов влияния спортивных достижений на процессы формирования и укрепления национальной идентичности

¹ Riordan J. Sport, politics, and communism. Manchester University Press, 1991.

² Guttman A. The Olympics: A History of the Modern Games. University of Illinois Press, 2002.

³ Maguire J. Global Sport: Identities, Societies, Civilizations. Wiley, 1999.

⁴ Огородов Д.А., Добрынина М.В. Спорт высоких достижений в контексте советской политики и идеологии // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 4 (32). С. 89–98; Филиппов А.Н. «Рекордсменство» как особенность советского спорта // Молодой ученый. 2010. № 12 (23). Т. 2. С. 33–35; Асриян В. Они были первыми // Ноев ковчег. 2014. 1-15 февраля. URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2014-02/4311.html> (дата обращения: 10 декабря 2025).

⁵ Boniwell I., Osin E., Sircova A. Introducing time perspective coaching: A new approach to improve time management and enhance well-being // International Journal of Evidence Based Coaching & Mentoring. 2014. Vol. 12. № 2. P. 24–40.

⁶ Maguire J., Jarvie G., Mansfield L., Bradley J. Sport Worlds. A Sociological Perspective. Champaign, Illinois, 2002.

⁷ Miller T. Globalization and Sport: Playing the World. London, 2001.

⁸ Тимов В.В., Хаматов Э.Ш. Спорт как инструмент формирования национально-государственной идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 216. EDN: CIPIRS

⁹ Пешин Н.Л., Белоусов Л.С., Николаева Ю.В., Новикова И.Н. Спортивный национализм и раннее олимпийское движение // Электронный научно-образовательный журнал. История. 2018. Т. 9. № 8.

граждан Армении во второй половине XX в., определение роли выдающихся армянских спортсменов в создании позитивного образа нации и консолидации национального самосознания в условиях советской системы.

Источниковую базу исследования составляют материалы периодической печати (советские центральные и республиканские газеты и журналы), кинохроника, интервью спортсменов.

Терминология. Понятие «идентичность» прочно вошло в лексикон социально-гуманитарных наук, начиная с середины 1970-х гг.¹⁰ Главным характерным признаком и основанием данного понятия является тождественность самому себе. Значительный вклад в разработку концепта идентичности внес Э. Эриксон, который рассматривал ее как «процесс организации жизненного опыта в индивидуальное “Я”, предполагающий его динамику на протяжении всей жизни человека»¹¹.

Ч. Кули определял идентичность как отражение обобщенных интеракций, возникающих в процессе личностного, неформального и непосредственного общения¹². Одну из ключевых ролей в этом процессе играет социальная идентичность и временная перспектива прошлого, воплощенная в реальных образах известных личностей, формирующих общественное сознание¹³. Процесс социальной идентификации подразумевает включение выдающихся достижений личности в конкретной профессиональной сфере в историческую перспективу социальной общности – в поколенческом, этническом, национальном и даже глобальном ракурсах¹⁴.

Временная перспектива прошлого поддерживает чувство самотождественности, преемственность изменений личности и непрерывность индивидуальной истории¹⁵ и групповой идентичности¹⁶. Сформированная групповая идентичность влияет на отношение личности к собственному прошлому, настоящему и будущему¹⁷, а коллективная память способствует реконструированию прошлого с позиций личности¹⁸. Коллективный образ будущего тесно связан с коллективной памятью прошлого, где

¹⁰ Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис: учебное пособие. М., 2006. С. 58–59. EDN: QXPMCL; Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985. С. 9–34.

¹¹ Erikson E.H. Identity, youth, and crisis. New York, 1968.

¹² Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000. С. 210.

¹³ Журавлев А.Л., Соснин В.А., Китова Д.А., Нестик Т.А., Юревич А.В. Массовое сознание и поведение. Тенденции социально-психологических исследований. М., 2017. EDN: ZFIOAR; Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4. С. 145–185. EDN: XIMRSA; Нестик Т.А., Шаповалова О.С., Плужник С.А. Социальная идентичность и временная перспектива личности как предпосылки отношения к коллективному прошлому, настоящему и будущему // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология 2019. Т. 4. № 4. С. 102–126. EDN: YLIIMA

¹⁴ Abrams D., Hogg M.A. Social identity and self-categorization // The SAGE handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination. London, 2010. P. 179–193.

¹⁵ Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Смоленск; М., 2018. EDN: NSZKIZ

¹⁶ Smeekes A., Verkuyten M. The presence of the past: Identity continuity and group dynamics // European Review of Social Psychology. 2015. Vol. 26. P. 162–202.

¹⁷ Нестик Т.А. Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен. М., 2018. С. 213–225.

¹⁸ Дробышева Т.В., Войтенко М.Ю., Дробышева М.М. Образ своего поколения в представлениях россиян (на примере поколений «Беби-бумеров», «X» и «Миллениум») // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. Т. 1. № 3. URL: https://apimag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3336/ (дата обращения: 8.11.2025); Мишарина А.В. Различия в коллективной памяти поколений: социально-психологический подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2019. № 4. С. 334–341.

основное внимание уделяется не столько коллективным травмам, сколько позитивным ориентирам и примерам¹⁹.

Исследования, проведенные в рамках концепции временной перспективы Ф. Зимбардо, показывают, что социальная успешность личности тесно связана с положительным отношением к своему прошлому²⁰. Эмпирические исследования исторического опыта и формирования национальной идентичности в разных условиях показывают, что чувство гордости за свой народ является важным эмоциональным фактором, который связывает все аспекты национальной идентичности и служит основой для создания общности²¹. Многочисленные исследования подтверждают связь сбалансированного восприятия времени с осмысленностью жизни, успехами в профессии, субъективным благополучием, оптимизмом, позитивным настроением и устойчивостью к стрессам²².

Несмотря на обширные исследования взаимосвязи этнической идентичности и коллективной памяти, а также работы, посвященные влиянию этнической идентичности на индивидуальную временную перспективу²³, ее роль в формировании личного отношения к коллективному будущему остается недостаточно исследованной.

Спортивная идентичность, по мнению некоторых исследователей, представляет собой новую смысловую реальность, организующую жизнь человека²⁴. Исследования в этой области выявили положительную корреляцию между спортивной идентичностью и приверженностью к тренировкам у профессионалов, их ориентацией на спортивные цели, достижение высоких результатов и уровень удовлетворения от занятий спортом, по сравнению с теми, кто менее вовлечен в роль спортсмена²⁵.

Спорт в союзных республиках позднесоветского периода играл важную роль в формировании, выражении и поддержании различных уровней идентичности –

¹⁹ Муравьева Л.Е. Нарративная репрезентация риска и коллективная память: к постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2018. № 1. С. 57–68. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00002> EDN: NUBIZH; Рязузова Е.В. Коллективная память и инстанции темпоральности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. № 2. С. 138–146. <https://doi.org/10.18500/2304-97902019-8-2-138-145> EDN: QROVIU; De Luna I. B. Imagining Collective Futures in Time: Prolepsis and the Regimes of Historicity // Imagining Collective Futures. Palgrave Studies in Creativity and Culture. Cham, 2018. P. 109–128; Greenwood R.M. “Yesterday Redeemed and Tomorrow Made More Beautiful”: Historical Injustice and Possible Cho Y. Unfolding sporting nationalism in South Korean media representations of the 1968, 1984 and 2000 Olympics // Media, Culture & Society. 2009. Vol. 31. № 3. P. 347–364.

²⁰ *Zimbardo Ph., Boyd J.* The time paradox: the new psychology of time that will change your life. New York, 2008.

²¹ *Berberyan A., Berberyan H.* Psychological characteristics of the value orientation system of Armenians in title ethnos and Russian diaspora // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2019. Vol. 7. № 2. P. 11–17. <https://doi.org/10.5937/IJCRSEE1902011A> EDN: GKVPMP

²² *Boniwell I., Osin E., Sircova A.* Introducing time perspective coaching: A new approach to improve time management and enhance well-being // International Journal of Evidence Based Coaching & Mentoring. 2014. Vol. 12. № 2. P. 24–40.

²³ *Adelabu D.H.* Future Time Perspective, Hope, and Ethnic Identity Among African American Adolescents // Urban Education. 2008. Vol. 43. № 3. P. 347–360. <https://doi.org/10.1177/0042085907311806> EDN: JQLXOB; *Phan H.P.* Examination of time perspective, hope, self-efficacy, and ethnic identity: A structural equation model. Conference paper for the AARE, 2009, Canberra Australia. URL: <https://www.aare.edu.au/data/publications/2009/pha09967.pdf> (дата обращения: 7.10.2019).

²⁴ *Дубова Т.Г.* Спортивная идентичность как смысловая реальность // Психологические проблемы смысла жизни и акмеологии. Материалы XXV международного симпозиума (Москва, 15–16 апреля 2020 г.). М., 2020. С. 91–94. <https://doi.org/10.24411/9999-042A-2020-00012> EDN: NEDWUP; *Гозунов Е.Н., Мартынов Б.И.* Психология физического воспитания и спорта. М., 2000.

²⁵ *Horton R., Mack D.* Athletic identity in marathon runners: Functional focus or dysfunctional commitment? // Journal of Sport Behavior. 2000. № 23. P. 101.

этнической, региональной, локальной и культурной. Советская политика в области физической культуры и спорта, с одной стороны, способствовала укреплению общесоюзной идентичности²⁶, с другой – давала возможность для проявления республиканской и этнокультурной самобытности. В период хрущевской оттепели и позднее спорт становился ареной для проявления национального самосознания²⁷. Хотя официально спорт в СССР должен был служить инструментом объединения республик и проводником идей социалистического интернационализма, а поддержка местных команд или отдельных спортсменов формировала ощущение этнической гордости. Локальная идентичность часто проявлялась через болельщиков, которые поддерживали свои команды не только на стадионах, но и в публичной жизни, создавая специфическую субкультуру фанатов.

Стремление к победе на больших спортивных аренах создает сильный эмоциональный фон, усиливающий переживание за «своих», тем самым актуализируя образ «наших», выстраивая более рельефную идентификацию с национальным сообществом.

Армянский спортивный национализм – термин, который имеет древнюю историю, уходящую корнями в тысячелетия, являющуюся важной частью культуры и связанную с праздниками и военными традициями, а именно: с традицией «Кох», древней армянской борьбой, отражающей национальный характер²⁸. К примеру, до сих пор сохранена традиция как символ силы духа армянина: «спина армянина не должна касаться земли». Спортивные успехи издревле воспринимаются как способ сохранения культуры, единства и триумфа нации, а величие нации идентифицируется с силой духа народа. Впрочем, и культурный национализм²⁹, как одно из важных проявлений национальных настроений и идеологии, конструируется и распространяется с помощью спортивных «мегасобытий».

Успехи армянских спортсменов на международной арене становились символами национального достоинства, стойкости и силы духа армянского народа. В этом контексте следует отметить таких выдающихся спортсменов, как Тигран Петросян, Альберт Азарян и Юрий Варданян.

Тигран Петросян, известный как «железный Тигран», стал символом армянского национального достоинства, гордости и силы духа. Он стал первым армянином, в 1963 г. завоевавшим в трудном и захватывающем поединке мировую шахматную корону, одержав победу над Михаилом Ботвинником. Это была выдающаяся победа, которая закрепила его имя в истории шахмат, стала знаковой для армянского народа. Т. Петросян оставался чемпионом до 1969 г., что имело большое значение для формирования национального самосознания граждан Армянской ССР. Его стиль игры – непробиваемая оборона, хитроумная тактика, стойкость и выдержка – ассоциировался с национальными чертами, которыми армяне гордились на протяжении всей истории. Спортивная мотивация может играть важную роль в формировании личной идентичности человека, помогая определить ценности, убеждения и приоритеты, а также развить такие черты, как дисциплина, настойчивость, сила воли и само-

²⁶ Riordan J. *Sport, Politics, and Communism*. Manchester, 1991; Guttman A. *The Olympics: A History of the Modern Games*. Urbana, 2002.

²⁷ Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge, 1990.

²⁸ Юзбабян Х.Г. Ю 200 Почти все об Армянской национальной борьбе «Кох»: Учебно-методическое пособие для детско-юношеских клубов, центров и школ культурно-физкультурной спортивной направленности. Ереван, 2024.

²⁹ Маргарян Е.Г., Маргарян Г.С. Ереван в музыкально-словесном тексте песенного искусства второй половины XX века // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 388–408. <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2025-1-388-408> EDN: NKHIGJ

контроль. Супруга Тиграна Петросяна, Роне Петросян (в девичестве Авинезер), принимавшая активное участие в спортивной карьере мужа, оказала большое влияние на мотивацию его профессиональной деятельности. Согласно легенде, когда мудрую Рону спросили, кого из ухажеров-соперников, знаменитых талантливых шахматистов, Тиграна или Ефима Геллера, она выберет в мужья, она, оценивая взглянув на обоих, пронизательно ответила: «Межзональный покажет». Тигран Петросян опередил Геллера на пол-очка³⁰.

В Армении шахматы традиционно считались символом интеллекта и стратегического мышления, но именно после выдающихся побед Петросяна этот вид спорта приобрел статус национального и стал частью культурного кода народа республики. Его триумф вызвал шахматный бум, приведший к появлению новых поколений армянских шахматистов, включая Левона Ароняна, Габриэля Саркисяна и др. Пример Петросяна стал стимулом для многих юношей и девушек в Армении, стремящихся к высоким достижениям в шахматах и других видах спорта.

Победа Т. Петросяна продемонстрировала, что небольшая республика может дать миру шахматного чемпиона, способного соперничать с представителями великих шахматных держав. Это усилило чувство гордости у армян как в СССР, так и за его пределами.

Альберт Азарян, двукратный олимпийский чемпион (1956, 1960 гг.) и четырехкратный чемпион мира по спортивной гимнастике, стал пионером армянского гимнастического движения, подарив СССР первые олимпийские золотые медали в этом виде спорта, что в 1950-е гг. стало историческим событием и источником вдохновения для будущих спортсменов. Альберт Азарян стал иконой спорта для жителей Армянской СССР. Гимнастика – элитный вид спорта, сочетающий эстетику и силу, а также мастерство, оттачиваемое многими поколениями спортсменов элитных клубов. В 1950-е гг. победы атлета из небольшой республики на мировых аренах показались многим событием неординарным. Его фирменный элемент «крест Азаряна» – один из самых сложных элементов на гимнастических кольцах, до сих пор считается эталоном в этом виде спорта. Данный элемент на долгое время стал символом армянской спортивной школы.

В то же время успехи А. Азаряна сделали гимнастику невероятно популярной и привели к небывалому росту спортивного движения в республике, где была создана Школа Азаряна (сегодня это Детско-юношеская школа гимнастики олимпийского резерва имени Альберта Азаряна). Появилось новое поколение чемпионов, продолживших традиции великих предшественников. Всего в этой школе прошли спортивную подготовку более 8 тыс. спортсменов. И с каждым годом эта цифра увеличивается. Из-под крыла Азаряна вышло немало спортсменов-профессионалов. В школе А. Азаряна учились известные гимнасты: Артур Акопян, Нораир Саргсян, Ваагн Степанян, Арутюн Мердинян, Артем Аветян, Софья Гукасян. Некоторые воспитанники этой школы добились высоких результатов: Эдуард Азарян – заслуженный мастер спорта СССР, Нораир Сарксян – мастер спорта международного класса. А. Азарян сделал гимнастику максимально привлекательным видом спорта. Его достижения вдохновляют спортсменов по всему миру, а уникальная техника Азаряна сделала его «человеком-легендой». В немалой степени росту популярности спортивной гимнастики способствовал кинофильм «Кольца славы» (1963), долгие годы вдохновлявший молодых спортсменов на спортивные достижения.

³⁰ *Мирошник В.Н., Кузьмин К.Е.* Проблема личной идентичности: что делает человека человеком // *Современные научные исследования и инновации.* 2025. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2025/01/102871>.

Достижения в силовых видах спорта

Характерная деталь в национальных республиках, особенно на Кавказе: всегда были особо популярны силовые виды спорта. Это объяснимо. Во-первых, силовые виды спорта не очень затратная сфера, которая может успешно развиваться в небогатых республиках и в провинциальных городках. Не случайно лучшие борцы, тяжелоатлеты являются выходцами из небольших городов республики. Командные виды спорта требуют вложения больших средств и постоянного участия в спортивной жизни клубов государственных и других структур, например университетов или богатых предприятий. Во-вторых, конституция арменоидной подрасы не располагает к успешным занятиям по бегу или плаванию и, наоборот, способствует достижению успехов в силовых видах спорта. И наконец, в-третьих, огромную роль играет традиция, обусловленная историко-культурными факторами. У кавказских горцев и у степняков испокон веков были развиты именно силовые виды спорта, до сих пор считающиеся национальными. Национальная борьба (например, куреш у татар и башкир, казахская борьба казакша курес, грузинская чигаоба, армянская кох), соревнования по которой сопровождаются традиционной музыкой, ритуалами, национальными символами и костюмами, всегда сохранялась и поддерживалась как важная часть локального спортивного наследия, несмотря на общее доминирование классических олимпийских видов спорта.

На Кавказе существует устоявшееся представление о мужественности, где сила, выносливость и боевые навыки являются ее ключевыми атрибутами. Поэтому борьба, тяжелая атлетика, армрестлинг и другие силовые виды спорта соответствуют традиционному гендерному образу успешного мужчины. Кроме того, в некоторых южных регионах спорт является чуть ли не главным социальным лифтом. Для молодых людей из бедных или сельских семей путь в профессиональный спорт, особенно в силовые дисциплины (борьба, тяжелая атлетика, армрестлинг, единоборства), – это шанс получить образование, уважение в обществе и материальную стабильность.

В Армении, как и в целом на Кавказе, вольная и греко-римская борьба, тяжелая атлетика, бокс, армрестлинг, единоборства традиционно были самыми популярными и продвинутыми видами спорта. Этому во многом способствовали спортивные достижения армянских спортсменов в позднесоветский период. Самым ярким достижением в этой сфере стали победы Юрия Варданяна – легендарного штангиста, завоевавшего золото на Олимпийских играх 1980 г. в Москве. Он был семикратным чемпионом мира и пятикратным чемпионом Европы в этом виде спорта, установив несколько мировых рекордов и продемонстрировав выдающееся мастерство в тяжелой атлетике. Ю. Варданян неизменно выходил победителем, вызывая восхищение не только у болельщиков, но и у профессионалов. Президент Международной федерации тяжелой атлетики Готфрид Шедль называл его «фантастическим атлетом, превзошедшим все ожидания»³¹. В СССР и за его пределами он был не только чемпионом, но и символом несгибаемой воли и непобедимости. Его триумфы доказали, что представители армянского народа могут быть первыми не только в интеллектуальных, но и в силовых видах спорта.

Успехи Тиграна Петросяна, Альберта Азаряна и Юрия Варданяна стали важными вехами в формировании национального самосознания армян. Их достижения продемонстрировали возможности небольшой республики, показав, что она является успешной и конкурентоспособной, а армянские спортсмены могут достойно

³¹ Юрий Варданян // Социальный проект «Россия. 1000 поводов для гордости» [сайт]. URL: www.osnmedia.ru/1000/tag/yurij-varpanyan/?ysclid=mkk2afqtr9174463512 (дата обращения: 8.11.2025).

соперничать на мировом уровне и добиваться выдающихся результатов в самых разных сферах – от шахмат до гимнастики и тяжелой атлетики. В условиях советской действительности для Армении эти успехи становились своеобразными актами национальной самоидентификации, усиливая ощущение принадлежности к великой спортивной традиции.

Футбол как элемент национальной идентификации в Армянской ССР

Футбол – это не просто игра, а глобальный феномен, оказывающий влияние на политику, экономику, культуру и общественные процессы. Во многих странах футбольные сборные являются национальными символами, объединяющими людей вне зависимости от их социального статуса или положения в обществе. Крупные международные турниры, такие как чемпионаты мира и Кубки Европы, служат ареной для проявления национальной гордости и демонстрации культурной самобытности. Кроме того, футбол – это многомиллиардная индустрия, формирующая экономику целых городов и стран. Организация чемпионатов мира и континентальных турниров привлекает инвестиции, развивает инфраструктуру и туризм. Вместе с тем футбол служит инструментом «мягкой силы», посредством которого государства укрепляют свой международный имидж³².

В социальном аспекте футбол может выполнять функцию социального лифта для спортивно одаренных юношей и девушек из социально неблагополучных слоев населения, он нередко становится единственной возможностью для достижения высоких социальных позиций. Более того, в условиях глобализации футбол способствует формированию транснациональных идентичностей, когда болельщики ощущают привязанность не только к национальным сборным, но и к крупнейшим мировым футбольным клубам.

В Армении, как и во многих странах, для мужской половины населения футбол долгое время был не обычным видом спорта, а религией. Его высокая популярность объясняется совокупностью климатических, экономических и социальных факторов. Во-первых, в южном климате футбол можно играть без больших сезонных таймаутов, что позволяет игрокам развивать технические и физические навыки без значительных перерывов. Во-вторых, в условиях ограниченных материальных ресурсов, характерных для советского периода, футбол оставался наиболее доступным видом досуга для подростков и юношей. Простота организации игры, минимальные требования к инвентарю и инфраструктуре сделали футбол наиболее распространенным видом спорта среди молодежи, особенно среди представителей малообеспеченных слоев населения. Кроме того, научные исследования свидетельствуют о том, что футболисты, выросшие в жарком климате, обладают рядом качеств, критически важных для профессионального спорта: выносливостью, ловкостью, координацией и высокой скоростью реакции. В советское время для многих подростков из социально уязвимых групп футбол становился не только способом самореализации, но и средством социальной мобильности, открывая перспективы профессиональной карьеры и выхода за рамки локального сообщества, что усиливало его роль как важного общественного явления.

³² *Duke V., Crolley L.* Football, nationality, and the state. London, 1996; *Maguire J.* Sport and Globalization. Entry For: Sport and Development WebBased Platform, Swiss Academy For Development, 2006.

Все перечисленные факторы обусловили появление феномена «Арарата-73», который стал символом спортивного триумфа Советской Армении. Этот период ознаменовался крупнейшим успехом в истории армянского футбола: команда в 1973 г. выиграла чемпионат СССР и Кубок СССР, оформив так называемый «золотой дубль». Этот успех имел не только спортивное, но и символическое значение, став предметом гордости как для армянских болельщиков, так и для людей, не имевших никакого отношения к спорту.

Ключевым фактором успеха стал звездный состав команды и выдающаяся тренерская работа. В числе ведущих игроков «Арарата-73» были легендарные футболисты: Аркадий Андреасян – лидер команды, мотор полузащиты, главный плей-мейкер большинства игр; Эдуард Маркаров – не атлетичный, но высокотехничный, непредсказуемый нападающий, виртуозный мастер дриблинга, в прошлом игрок бакинского «Нефтчи», переехавший на родину в расцвете сил и ставший легендой советского футбола; Николай Казарян, Самвел Арутюнян, Оганес Заназянян – ключевые фигуры обороны; а также Алеша Абрамян – надежный голкипер, герой кубкового финала, выигравший в 1973 г. 11-метровую дуэль у ведущих игроков киевского «Динамо». Легендарной фигурой армянского футбола стал Левон Иштоян, забивший решающий гол в решающей игре: 10 октября 1973 года «Арарат» на центральном московском стадионе им. Ленина в присутствии 60 тысяч зрителей завоевал Кубок СССР, обойдя киевский «Динамо». Знаменитая фраза героя Фрунзика Мкртчяна «Иштояна видит...», стала мемом на все времена. А одну из достопримечательностей Еревана – скульптуру из каррарского мрамора в виде двух переплетенных рук – подарок города Каррара, города-побратима Еревана, фанаты «Арарата» в шутку предложили заменить на «кривые ноги Иштояна»³³. А. Оганесян отмечал:

Очередной пас Андреасяна – и великолепный удар в «девятку» сделал Иштояна знаменитым на весь Союз», <...> До сих пор перед глазами тот момент. Это лучшее, что я испытал в жизни, – признался мне Иштоян. – Сразу же понял, что совершил нечто героическое. Да, мы стали героями – другого слова и не подберешь³⁴.

Главным архитектором триумфа команды современники по праву считали Никиту Павловича Симоняна – в прошлом знаменитого советского форварда. Возглавив сборную в 1972 г., он сделал ставку на атакующий, комбинационный и высокотехнический футбол в духе латиноамериканских форвардов. Н.П. Симонян ввел ряд тактических новшеств, адаптировал комбинационный стиль игры, ориентированный на быстрый переход из обороны в атаку. В результате команда превратилась в слаженный механизм, одерживавший одну победу за другой.

В 1973 г. «Арарат» опередил сильнейшие советские футбольные клубы, что само по себе было выдающимся достижением. Однако в столице и по всему СССР традиционно болели за московские команды «Спартак» и «Динамо», и особенно за киевское «Динамо» (не будем забывать, что Л.И. Брежнев был родом с Украины и горячо поддерживал украинские команды). «Арарат» имел феноменальную поддержку в самой республике. Матчи в Ереване проходили при полном аншлаге, билеты раскупались за считанные часы, а поддержка болельщиков носила исключительный характер. Атмосферу того времени красочно описывает журналист Алексей Самойлов

³³ *Бабаян А.* Герои из прошлого: Левон Иштоян // Media Max. URL: <https://mediamax.am/ru/specialprojects/legends/16410/?ysclid=mj4pdjzwd9439154803> (дата обращения: 10.11.2025).

³⁴ *Оганесян А.* Две вершины библейской горы // Спорт-Экспресс. 31 октября 2003. ФУТБОЛ. URL: https://www.sport-express.ru/newspaper/2003-10-31/13_1/

в статье, опубликованной в журнале «Аврора» (1974, № 3), и цитируемой в статье «Вторая вершина «Арарата»» Акселя Варданяна:

Это был небывалый концерт для голоса, зурны, барабана, трубы, аккордеона и целого ряда неизвестных мне инструментов. На поле десятки профессиональных танцоров отчебучивали нечто занимательное...³⁵

Впоследствии столь мощное единение национального духа повторилось лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в контексте политических процессов, приведших к обретению Арменией независимости. Победы «Арарата» стали символом веры в национальный потенциал и убедили армянское общество в том, что армянская нация способна конкурировать и добиваться высоких результатов даже в самых сложных условиях.

Почему это было важно? Успех армянской команды имел не только спортивное, но и символическое значение.

Победа ереванского клуба над грандами советского футбола, включая киевское и московское «Динамо», стала событием национального масштаба. Она вызвала волну энтузиазма среди армянских болельщиков и спровоцировала настоящий фанатский бум: молодежь массово собиралась на импровизированных стадионах по всей республике. Футбол, и без того популярный в Армении, окончательно превратился в национальную игру.

На некоторое время Армения оказалась в центре спортивного превосходства. «Арарат» навсегда вошел в историю как символ национальных достижений. Название клуба ассоциировалось со священной горой, потерянной после подписания Московского (16 марта 1921 г.) и Карсского (13 октября 1921 г.) договоров. Теперь она вновь напомнила о себе, но уже в другом, спортивном измерении.

Успех «Арарата» оказал значительное влияние на национальную самоидентификацию как граждан Армении, так и армян диаспоры. Официальные советские СМИ преподносили успех «Арарата» как «триумф советского футбола», но в самой Армении эту победу воспринимали прежде всего как национальное достижение, добытое в честной борьбе с ведущими командами Москвы и Киева. Телеведущий и футбольный комментатор А. Елагин оценил вклад жителей Армении и «Арарата» в развитие советского футбола следующим образом:

Армяне прославляли не только Армению, но и Советский Союз, и Советский Союз прославлял Армению³⁶.

В постсоветское время в независимой Армении воспоминания о «золотом» 1973-м стали неотъемлемой частью новой национальной мифологии.

Спорт в Армении, как и во всем мире, выполнял ряд социальных функций. Он был своеобразным инструментом «мягкой силы», оказывая влияние на общественные процессы. Спортивные успехи отвлекали жителей республики от социальных и политических проблем, становясь формой эскапизма – способом уйти от рутины. Спорт давал возможность переключиться от повседневных забот, работы

³⁵ Варданян А. Вторая вершина «Арарата» // Спорт-Экспресс. Футбол. 2017. 11 августа. URL: <https://www.sport-express.ru/football/reviews/vtoraya-vershina-ararata-1294138/> (дата обращения 10.11.2025).

³⁶ «Арарат» прославлял не только Армению – полвека «золотому дублю». Видео // Rusarminfo [сайт]. URL: <https://rusarminfo.ru/2023/05/14/ararat-proslavlyal-ne-tolko-armeniyu-polveka-zolotomu-dublyu-video/> (дата обращения: 14.05.2025).

и стресса. В сопереживании спортивной борьбе болельщики находили эмоциональную разрядку.

Приверженность к спортивным клубам объединяла людей, формируя чувство локальной идентичности. Болельщики становились частью сообщества, где находили друзей, разделяли эмоции и традиции. Спорт дарил яркие переживания: радость побед, горечь поражений, адреналин. Коллективные эмоции – от накала на стадионе до просмотра матчей дома или в общественных местах – создавали атмосферу единства. Поддержка команды воспринималась как выражение национальной и культурной принадлежности, а для многих людей спорт становился неотъемлемой частью их личности.

Спорт и физическая культура способствовали популяризации активного образа жизни среди молодежи, а успешные спортсмены становились ролевыми моделями для подрастающего поколения.

Заключение

Таким образом, после Великой Отечественной войны Армянская ССР активно развивала систему спортивной подготовки в республике, демонстрируя миру достижения национальной спортивной школы, которые внутри страны служили мощным катализатором национального самоуважения. Спорт становился средством консолидации общества, создавал символы национальной гордости и укреплял чувство общности среди граждан. Он не только способствовал укреплению национальной идентичности, но и стал важным каналом ее выражения. В условиях многонационального СССР спорт в Армянской ССР достиг значительных успехов, символизируя гордость как за свою республику, так и за всю страну. Такие выдающиеся спортсмены, как Тигран Петросян (шахматы), Юрий Варданян (тяжелая атлетика), Эдуард Азарян (гимнастика) стали не только легендами советского спорта, но и символами национальной гордости и самоутверждения армянского народа. Таким образом, спорт высоких достижений не только укрепляет национальный дух, но и формирует национальную идентичность, основанную на чувстве гордости и стремлении к совершенству.

История спорта в Армянской ССР второй половины XX в. представляет собой своеобразную летопись народа, важную часть культурного наследия нации. В советское время были заложены уникальные спортивные традиции, которые выходили за рамки чисто развлекательной функции, формируя ценности и национальное самосознание.

Массовые празднования побед становились частью коллективной памяти народа, наполняя ее не только трагическими страницами истории, но и моментами триумфа, сплочения и единства. Успехи армянских спортсменов на международной арене, в том числе на Олимпийских играх и чемпионатах мира, способствовали укреплению национальной идентичности.

Поступила в редакцию / Submitted: 28.05.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 9.11.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.12.2025

References

Abrams, D., and Hogg, M.A. "Social identity and self-categorization." In *The SAGE handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination*, 179–193. London: Sage, 2010.

- Adelabu, D.H. “Future Time Perspective, Hope, and Ethnic Identity Among African American Adolescents.” *Urban Education* 43, no. 3 (2008): 347–360, <https://doi.org/10.1177/0042085907311806>
- Berberyan, A., and Berberyan, H. “Psychological characteristics of the value orientation system of Armenians in title ethnos and Russian diaspora.” *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education* 7, no. 2 (2019): 11–17, <https://doi.org/10.5937/IJRSEE1902011A>
- Boniwell, I., Osin, E., and Sircova, A. “Introducing time perspective coaching: A new approach to improve time management and enhance well-being.” *International Journal of Evidence Based Coaching & Mentoring* 12, no. 2 (2014): 24–40.
- De Luna, I.B. “Imagining Collective Futures in Time: Prolepsis and the Regimes of Historicity.” In *Imagining Collective Futures. Palgrave Studies in Creativity and Culture*, 109–128. London: Palgrave Macmillan, Cham, 2018.
- Demoyan, G. *Armyanskii sport i fizicheskaiia kul'tura v osmanskoii imperii* [Armenian sport and physical culture in the Ottoman Empire]. Yerevan: Muzei-institut Genotsida armyan NAN RA Publ., 2009 (in Russian).
- Dubova, T.G. “Sportivnaia identichnost' kak smyslovaia real'nost' [Sports Identity as a Semantic Reality].” In *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i akmeologiiia. Materialy XXV mezhdunarodnogo simpoziuma (Moskva, 15–16 apreliia 2020 g.)*, 91–94. Moscow: Psikhologicheskii institut RAO Publ., 2020 (in Russian), <https://doi.org/10.24411/9999-042A-2020-00012>
- Duke, V., and Crolley, L. *Football, nationality, and the state*. London: Longman, 1996.
- Erickson, E.G. *Identichnost': iunost' i krizis: uchebnoe posobie* [Identity: Youth and Crisis: A Textbook]. Moscow: Flinta Publ., 2006 (in Russian).
- Erikson, E.H. *Identity, youth, and crisis*. New York: Norton, 1968.
- Gogunov, E.N., and Martyanov, V.I. *Psikhologiiia fizicheskogo vospitaniia i sporta* [Psychology of physical education and sports]. Moscow: AKADEMIA Publ., 2000 (in Russian).
- Greenwood, R.M. “‘Yesterday Redeemed and Tomorrow Made More Beautiful’: Historical Injustice and Possible Cho Y. Unfolding sporting nationalism in South Korean media representations of the 1968, 1984 and 2000 Olympics.” *Media, Culture & Society* 31, no. 3 (2009): 347–364.
- Guttmann, A. *The Olympics: A History of the Modern Games*. Urbana: University of Illinois Press, 2002.
- Hobsbawm, E. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Horton, R., and Mack, D. “Athletic identity in marathon runners: Functional focus or dysfunctional commitment?” *Journal of Sport Behavior*, no. 23 (2000): 101–119.
- Kuli, Ch.Kh. *Chelovecheskaia priroda i sotsial'nyi poriadok* [Human nature and social order]. Moscow: Ideia-Press Publ., 2000 (in Russian).
- Levi-Strauss, K. “Struktura i forma. Razmyshleniia nad odnoi rabotoi Vladimira Proppa [Structure and Form. Reflections on a Work by Vladimir Propp].” In *Zarubezhnye issledovaniia po semiotike fol'klora*, 9–34. Moscow: Nauka Publ., 1985 (in Russian).
- Maguire, J., Jarvie, G., Mansfield, L., and Bradley, J. *Sport Worlds. A Sociological Perspective*. Champaign, Illinois: Human Kinetics, 2002.
- Margaryan, E.G., and Margaryan, G.S. “Yerevan in the Musical and Verbal Text of the Song Art of the Second Half of the 20th Century.” *Critique and Semiotics*, no. 1 (2025): 388–408 (in Russian), <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2025-1-388-408>
- Miller, T. *Globalization and Sport: Playing the World*. London: SAGE, 2001.
- Misharina, A.V. “Differences in Generations’ Collective Memory: a Socio-Psychological Approach.” *Izvestiia of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, no. 4 (2019): 334–341 (in Russian).
- Muravyova, L.E. “Narrative Representation of Risk and the Cultural Memory: On the Problem Definition.” *The New Philological Bulletin*, no. 1 (2018): 57–68 (in Russian), <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00002>
- Nestik, T.A. “Global identity as a socio-psychological phenomenon: a theoretical and empirical study.” *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology* 2, no. 4 (2017): 145–185 (in Russian).

- Nestik, T.A. “Konstruirovaniye kollektivnogo obraza budushchego v usloviyakh neopredelennosti [Constructing a collective image of the future in conditions of uncertainty].” In *Mobilis in mobilis: lichnost' v epokhu peremen*, 213–225. Moscow: Izdatelskii dom YaSK Publ., 2018 (in Russian).
- Nestik, T.A., Shapovalova, O.S., and Pluzhnik, S.A. “Person’s social identity and time perspective as predictors of attitudes toward common past, present, and future.” *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology* 4, no. 4 (2019): 102–126 (in Russian).
- Philippov, A.N. “‘Rekordsmenstvo’ kak osobennost’ sovetskogo sporta [Record-breaking as a feature of Soviet sports].” *Molodoy uchenyi* 2, no. 12 (2010): 33–35 (in Russian).
- Riordan, J. *Sport, Politics, and Communism*. Manchester: Manchester University Press, 1991.
- Ryaguzova, E.V. “Collective memory and instances of temporality.” *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology* 8, no. 2 (2019): 138–146 (in Russian), <https://doi.org/10.18500/2304-97902019-8-2-138-145>
- Smeekes, A., and Verkuyten, M. “The presence of the past: Identity continuity and group dynamics.” *European Review of Social Psychology* 26 (2015): 162–202.
- Titov, V.V., and Khametov, E.Sh. “Sport as a tool of formation of national-state identity.” *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 3 (2019): 213–220 (in Russian).
- Tolstykh, N.N. *Khronotop: kul'tura i ontogenez [Chronotope: culture and ontogenesis]*. Smolensk-Moscow: Universum Publ., 2018 (in Russian).
- Zhuravlev, A.L., Sosnin, V.A., Kitova, D.A., Nestik, T.A., and Yurevich, A.V. *Massovoe soznanie i povedenie. Tendentsii sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy [Mass consciousness and behavior. Trends in social and psychological research]*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2017 (in Russian).
- Zimbaro, Ph., and Boyd, J. *The time paradox: the new psychology of time that will change your life*. New York: Free Press, 2008.
- Ogorodov, D.A., Dobrynya, M.V. “High Performance Sport in the Context of Soviet Policy and Ideology.” *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* 32, no. 4 (2021): 89–98 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Ерванд Грантович Маргарян, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института востоковедения, Академия наук Республики Армения; Республика Армения, 0019, Ереван, проспект М. Баграмяна, 24; Директор Института международных отношений и общественно-политических наук, Российско-Армянский университет; Армения, 0052, Ереван, ул. Эмина, 123; ervand.margaryan@rau.am; <https://orcid.org/0000-0001-7396-2399>; SPIN-код: 1758-3649.

Ася Суреновна Берберян, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Института международных отношений и общественно-политических наук, Российско-Армянский университет; Армения, 0052, Ереван, ул. Эмина, 123; aspsy@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>; SPIN-код: 4171-8178.

Ervand Grantovich Margaryan, Dr. Habil. Hist., Professor, Leading Researcher at the Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the Republic of Armenia; 24, Prospekt M. Baghramyana Av., Yerevan, 0019, Republic of Armenia; Director of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Russian-Armenian University; 123, Emina Str., Yerevan, 0052, Armenia; ervand.margaryan@rau.am; <https://orcid.org/0000-0001-7396-2399>; SPIN-code: 1758-3649.

Asya Surenovna Berberyan, Dr. Habil. Psych., Professor, Head of the Department of Psychology of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Russian-Armenian University; 123, Emina str., Yerevan, 0052, Armenia; ervand.margaryan@rau.am; <https://orcid.org/0000-0001-7396-2399>; aspsy@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>; SPIN-code: 4171-8178.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-46-64>
EDN: XNYTHG

Научная статья / Research article

Руководители советского государства и хоккей с шайбой в период «развитого социализма»

Сергей Николаевич Рудник

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Санкт-Петербург,
Россия

✉ Rudnik_SN@pers.spmi.ru

Аннотация: Рассматривается отношение первых лиц советского государства к такому виду спорта как хоккей. Определяется роль и степень участия советских вождей в судьбе популярной игры. Источниковая база основана на воспоминаниях, материалах периодической печати, дневниковых записях Л.И. Брежнева и документах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Показано, что в Кремле болельщиком № 1 был сам Л.И. Брежнев, раскрывается его роль как поклонника хоккея, при этом на основе разных видов источников рассматривается степень участия в принятии важных решений для советского хоккея и сборной СССР в рассматриваемый период и других руководителей советского государства (в частности, А.Н. Косыгина, Ю.В. Андропова). Особое внимание уделяется знаменитой Суперсерии 1972 г. и истории с назначением В.В. Тихонова старшим тренером сборной СССР в 1977 г. Автор приходит к выводу, что несмотря на то что Л.И. Брежнев был болельщиком команды ЦСКА, К.У. Черненко – «Спартака», а Ю.В. Андропов курировал московское «Динамо», главной командой страны для руководителей государства была сборная СССР по хоккею. Престиж сборной ставился выше клубных пристрастий. Вопрос о проведении встреч с канадскими профессионалами в 1972 г. решался в ЦК КПСС. В том, что эти матчи состоялись, важную роль сыграли Л.И. Брежнев и А.Н. Косыгин. Именно интересами сборной было продиктовано решение Кремля в 1977 г. назначить старшим тренером ЦСКА и сборной СССР В.В. Тихонова.

Ключевые слова: советский спорт, большой спорт, советско-канадская хоккейная встреча, хоккейное противостояние, матч СССР – Чехословакия

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рудник С.Н. Руководители советского государства и хоккей с шайбой в период «развитого социализма» // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 46–64. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-46-64>

Soviet Leaders and Ice Hockey during the Period of “Developed Socialism”

Sergey N. Rudnik

Saint Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia

✉ Rudnik_SN@pers.spmi.ru

Abstract: The author in their article determines the Soviet leaders’ role and degree of involvement in the fate of the popular game of ice hockey. The source base is the memoirs, periodical press materials, L.I. Brezhnev’s diary, as well as the documents from the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). It is evident from materials that L.I. Brezhnev, the General Secretary of the CPSU Central Committee was the number one fan of hockey in the Kremlin. The article reveals his personality as a hockey enthusiast. At the same time, on the basis of various sources, there is an examination of the degree of involvement of other Soviet leaders (in particular, A.N. Kosygin and Yu. V. Andropov) in making important decisions for hockey in the country and the USSR national team during the period under review. The author concludes that, despite the fact that L.I. Brezhnev was a fan of the CSKA Moscow team, K.U. Chernenko of Spartak, and Yu. V. Andropov oversaw Dynamo Moscow, the USSR national hockey team was the main point of interest for state leaders. The prestige of the national team was valued above club allegiances. The decision about holding matches with Canadian professionals in 1972 was taken by the CPSU Central Committee. A key role in this was played by L.I. Brezhnev and A.N. Kosygin. It was the national team’s interests that prompted the Kremlin’s decision in 1977 to appoint V.V. Tikhonov as head coach of the CSKA Moscow team and the USSR national team.

Keywords: Soviet sport, elite sport, Soviet-Canadian hockey match, hockey rivalry, USSR vs. Czechoslovakia match

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Rudnik, S.N. “Soviet Leaders and Ice Hockey during the Period of ‘Developed Socialism’.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 46–64 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-46-64>

Введение

Актуальность темы связана с тем важным местом, которое занимает спорт в жизни государства и общества. Хоккей с шайбой является популярной игрой в России. В 1960-е – 1980-е гг. Советский Союз был великой хоккейной державой, сборная СССР олицетворяла мощь советского государства, ее победы на международных турнирах служили доказательством преимущества советского строя. Первые лица партии и государства не только живо интересовались игрой, но и курировали подведомственные и любимые команды. В связи с этим интерес вызывает степень вовлеченности первых лиц Кремля в развитие одного из самых медальных видов спорта в СССР – хоккея с шайбой.

Степень изученности проблемы. Вопросы взаимоотношений большого спорта и власти, государственной политики СССР в области спорта, в том числе в контексте международных отношений находят отражение в различных по глубине исследованиях. Следует выделить работу М.Ю. Прозуменщикова, в которой рассматриваются разные аспекты влияния государственной политики на спортивную жизнь страны¹, а также коллективную монографию, посвященную советскому спорту в условиях холодной войны, обложку которой украшает знаменитая фотография хоккеистов Александра Рагулина и канадского нападающего Фила Эспозито, ставшая символом противостояния в легендарной Суперсерии 1972 года². В то же время история хоккея с шайбой, как самого популярного, наряду с футболом, вида спорта в СССР никогда не была предметом научного исследования, с опорой на архивные источники.

¹ Прозуменщиков М.Ю. Большой спорт и большая политика. М., 2004. EDN: QTESRP

² Советский спорт в контекстах холодной войны: коллективная монография. М., 2023.

Советскому хоккею посвящено немало книг, в основном мемуарного характера. Как правило, это литературно обработанные воспоминания прославленных игроков, тренеров, спортивных функционеров, журналистов. В последние годы в России были изданы работы биографического характера, посвященные выдающимся хоккеистам и тренерам. В этих книгах в той или иной степени встречаются сюжеты, относящиеся к предмету исследования: первые лица советского государства и, прежде всего, Л.И. Брежнев и отношение их к хоккею.

Следует отметить, что, несмотря на содержательный характер мемуарной литературы, в ней порой встречаются фактологические ошибки, которые можно объяснить свойствами человеческой памяти. Так, В.И. Колосков, многие годы руководивший хоккеем и футболом, в своих воспоминаниях приводит сцену, якобы случившуюся на Олимпиаде 1972 г. в Саппоро во время матча со сборной Чехословакии. С его слов, «когда шел первый период в игре с чехами, наши проигрывали со счетом 2:1», а в это время «в Москве шел очередной съезд партии», и в перерыве того матча тренер А.В. Тарасов «влетел в раздевалку», «схватил за грудки Игоря Ромишевского», комсорга команды, и начал кричать: «Ты знаешь, что в Москве съезд идет и нам прямо из Кремля звонят, спрашивают, не позорим ли мы честь державы? Думаешь, я на такой вопрос отвечать буду? Нет, ты ответишь и за себя, и за весь коллектив!»³ и т.д. С точки зрения достоверности фактов эта яркая сцена не выдерживает критики. Во-первых, после первого периода той игры с чехами, состоявшейся 13 февраля, счет был 2:0 в пользу сборной СССР, и в итоге наши хоккеисты уверенно довели матч до победы 5:2. А во-вторых, в 1972 г. никакого съезда КПСС не было.

Фактологические ошибки, касающиеся результатов игр, участия в них атлетов, времени проведения соревнований и т.д., встречаются и в других книгах, посвященных выдающимся хоккеистам. Нередко огрехи сопровождают иллюстративный ряд. Так, очень часто путают фотографии матчей с канадскими профессионалами 1972 и 1974 гг. Все это говорит о том, что к литературе о спорте некоторые авторы работ, издатели книг относятся как к своего рода легкому жанру литературы, не требующей критического анализа, проверки фактов и т.д.

В контексте избранной темы следует подчеркнуть – в концентрированном виде история советского хоккея в ракурсе взаимоотношений высших лиц партийной и государственной власти СССР с популярной игрой рассматривается впервые.

Цель исследования – определить роль и степень участия советских вождей в судьбе такой популярной игры, как хоккей с шайбой.

Источниковую базу исследования составляют архивные и опубликованные документы разных видов. В Российском государственном архиве новейшей истории в фонде «Аппарат ЦК КПСС» (Ф. 5) хранятся документы отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, который курировал спорт и, в частности, хоккей. Это справки, информационные записки Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР, письма, копии записей бесед сотрудников советских посольств. Кроме этого, был изучен фонд «Протоколы заседаний Политбюро ЦК КПСС» (Ф. 3) и «Протокольные (рабочие) записи и стенограммы заседаний Секретариата ЦК КПСС (Ф. 4) 1970-х гг. Другие рассекреченные документы РГАНИ содержатся в сборнике документов «Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988»⁴. Из документов личного происхождения были использованы «Рабочие

³ Колосков В.И. В игре и вне игры. Воспоминания о жизни, событиях, людях. М., 2008. С. 67.

⁴ Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988. М., 2013.

и дневниковые записи» Л.И. Брежнева⁵, воспоминания А.Н. Яковлева⁶, который в конце 1960-х – начале 1970-х гг. возглавлял отдел пропаганды ЦК КПСС, а также работавшего в аппарате ЦК КПСС многолетнего помощника К.У. Черненко В.В. Прибыткова⁷.

Кроме того, из окружения Л.И. Брежнева интересные свидетельства о его увлеченности хоккеем содержатся в воспоминаниях охранников Генерального секретаря – М.С. Докучаева и особенно В.Т. Медведева⁸. Важными источниками для данного исследования послужили воспоминания участников и непосредственных свидетелей хоккейных баталий – игроков, тренеров, журналистов, спортивных функционеров: Б.А. Майорова, Б.П. Михайлова, В.А. Третьяка, А.С. Якушева, В.В. Кукушкина, Е.М. Рубина⁹.

Интересные факты и конкретные примеры участия Кремля в хоккейной жизни страны содержатся в многочисленных интервью, которые журналисты газеты «Спорт-Экспресс» Ю. Гольшак и А. Кружков брали у ветеранов спорта и других лиц, связанных с хоккеем. Спортивная тема не может обойтись без привлечения спортивной печати того времени, в данном случае газеты «Советский спорт» и еженедельника «Футбол–Хоккей».

Несмотря на малое количество имеющихся на сегодняшний день архивных документов, накопленный материал позволяет реконструировать некоторые события «золотого века» отечественного хоккея и решить поставленную цель.

Л.И. Брежнев и другие партийно-государственные деятели как хоккейные болельщики

В 1963 г. началась победная серия сборной СССР, когда под руководством главного тренера А.И. Чернышева и старшего тренера А.В. Тарасова наша «ледовая дружина» девять раз подряд становилась чемпионом мира и трижды – Олимпийскими чемпионами. «Золото» главных турниров сделали хоккей с шайбой в СССР игрой, по популярности соперничавшей с футболом. Лучших хоккеистов знали в лицо, их имена были на слуху, на чемпионаты мира их провожали всем миром. Во время первенств они получали письма, телеграммы с напутствиями от взрослых и детей. Однажды во время Олимпиады, перед матчем сборной СССР с командой Чехословакии, от детсада из Харькова пришло такое послание: «Дорогие ребята! Лучше одну шайбу в ворота ЧССР, чем 20 плиток шоколада для нашей средней группы!»¹⁰

В воспоминаниях о Н.С. Хрущеве нет свидетельств о том, что он был спортивным болельщиком. Только В.Т. Медведев, много лет служивший в 9-м управлении КГБ СССР и охранявший первых лиц государства, отмечает, что Хрущев «на пару с Брежневым ходили довольно часто и на футбол, и на хоккей», и что Хрущев «был поклонником «Спартак»¹¹. В феврале 1964 г. в Доме приемов ЦК КПСС на Ленин-

⁵ *Брежнев Л.И.* Рабочие и дневниковые записи. М., 2016.

⁶ *Яковлев А.Н.* Омут памяти. От Столыпина до Путина. М., 2001. Кн. 1.

⁷ *Прибытков В.В.* Аппарат. СПб., 1995.

⁸ *Докучаев М.С.* Я охранял Брежнева и Горбачева. Откровения генерала КГБ. М., 2016; *Медведев В.Т.* Человек за спиной. М., 2010.

⁹ *Майоров Б.А.* Хоккейные перекрестки. Откровения знаменитого форварда. М., 2016; *Михайлов Б.П.* Хоккей в моем сердце. Об игре, друзьях и недругах. М., 2016; *Третьяк В.А.* Хоккейная эпопея. М., 1993; *Якушев А.С.* Все начистоту. О хоккее и не только. М., 2016; *Кукушкин В.В.* Стенка на стенку. Хоккейное противостояние Канада – Россия. М., 2010. EDN: UGNHXP; *Рубин Е.М.* Пан или пропал! Жизнеописание. М., 2000.

¹⁰ Виталий Давыдов: Дети писали, что лучше одна шайба в ворота ЧССР, чем 20 плиток шоколада // Футбол – Хоккей. 2005. 27 сентября – 3 октября. С. 28.

¹¹ *Медведев В.Т.* Человек за спиной. М., 2010. С. 30. EDN: QPPRUV

ских горах на встрече с советскими спортсменами – чемпионами зимних Олимпийских игр в Инсбруке Н.С. Хрущев рассказывал хоккеистам, как он в детстве «любил играть в хоккей»:

«Нацепим снегурки – и на замерзший пруд. Клюшки самодельные, из веток». Тут кто-то его спросил: «Никита Сергеевич, шайб ведь тогда не было. Чем же вы играли?» – «Брали котях – и гоняли...». Хоккеисты улыбнулись, так как котях – это коровья лепешка¹².

«Золотой век» советского хоккея пришелся на правление Л.И. Брежнева. Многие из его окружения отмечают, что он «любил хоккей до безумия», называют его «азартным болельщиком». Брежнев всегда следил за хоккейными баталиями, чтобы не происходило в это время в стране и в мире. Даже осенью 1962 г., в самый разгар Карибского кризиса, когда, казалось, что вот-вот между США и Советским Союзом начнется война, Леонид Ильич не забывал о хоккее. По свидетельству дипломата Л.М. Замятина, когда он вместе с коллегами «после бессонной ночи» писал «очередное послание президенту Кеннеди», Л.И. Брежнев вдруг зашел к ним «с папиросой в зубах» и спросил:

«А как хоккей идет? Какой счет?» Команда ЦСКА играла. Ну, из нас за хоккеем никто не следил. Так он пошел к охране спрашивать. То есть в момент, когда судьба страны висела на волоске, его интересовало, как играет любимая команда...¹³

Как отмечает спортивный комментатор и один из руководителей телевизионных спортивных программ тех лет Аркадий Ратнер, «Брежневская болезнь хоккеем» была одной «из главных тем нашего тогдашнего существования». По его словам, знаменитый комментатор Николай Озеров «по субботам заходил» к председателю Госкомитета по радио и телевидению СССР С.Г. Лапину и «давал полный отчет по хоккейным делам». А многолетний начальник Гостелерадио, имевший прямой контакт с Л.И. Брежневым, докладывал ему: «Харламов заболел, у Рагулина травма, Тарасов сказал то-то и то-то...»¹⁴.

Следует отметить, что, вопреки широко разрекламированному фильму «Легенда № 17», Генеральный секретарь ЦК КПСС болел вовсе не за «Спартак», а за команду ЦСКА. Все ветераны советского хоккея подтверждают этот факт. Опираясь на опубликованные в 2016 г. «Рабочие и дневниковые записи» Л.И. Брежнева, внесем некоторые уточнения и ясность в этом вопросе. Записи отличаются многогранностью и краткостью, в них Леонид Ильич фиксировал все – не только деловые, государственные встречи и телефонные разговоры, но и очень личное (вес, здоровье) и увлечения. Среди последних – плавание, охота («кабанятина»), домино («забить козла», «забили косточки с Подгорным»¹⁵) и, конечно же, хоккей. Причем это слово он всегда писал с одной буквой «к» – «хокей». И название армейского клуба писал сокращенно – ЦСК. Наиболее часто записи о хоккее встречаются в период с 1976 по 1978 г. Они показывают, что Л.И. Брежнев посещал матчи не только с участием ЦСКА. Так, например, 8 февраля 1978 г. он был во Дворце спорта «Лужники» на матче чемпиона-

¹² Гольцак Ю., Кружков А. Виталий Давыдов. Пять часов ада // Спорт-Экспресс. 2013. 25 января. С. 8.

¹³ Млечин Л.М. Брежнев. М., 2008. С. 128.

¹⁴ Гольцак Ю., Кружков А. «Сталин отдал приказ — и на «Динамо» арестовали человека, который нес взятку футболистам» [Интервью с Аркадием Ратнером] // Спорт-Экспресс. 2021. 24 декабря. С. 8–9.

¹⁵ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. М., 2016. Т. 1. С. 896.

та СССР между командами «Спартак» (Москва) – СКА (Ленинград). За 27 февраля того же года сделана такая запись: «Переговорил с Устиновым – он благодарил за дары – и с удовольствием поедет на хоккей». В этот день состоялся матч «Динамо» (Москва) – «Химик» (Воскресенск). И следующим вечером Л.И. Брежнев опять на хоккее («Кириленко – были на хоккейном матче») и смотрит матч ЦСКА – СКА (Ленинград). Наконец, 6 марта он отмечает: «Был на хоккейном матче ЦСК – Спартак с Михаилом Титовичем»¹⁶. Уточним – игру принципиальных соперников он смотрел вместе со своим лечащим врачом М.Т. Косаревым. При этом за весь 1978 г. встречается только одна запись о просмотре им телевизионной трансляции. 1 мая после демонстрации он отметил в дневнике, что «вечером смотрел хоккей СССР – Финляндия 10-2»¹⁷. Л.И. Брежнев ошибся, сделал неточную запись – на самом деле в этот день состоялся матч чемпионата мира, проходивший в Праге, между командами СССР и ГДР.

Анализ рабочих и дневниковых записей Л.И. Брежнева показывает, что, во-первых, он ездил на матчи не только ЦСКА, но и других команд. Как отмечает капитан сборной СССР 1960-х гг. Борис Майоров, присутствие Л.И. Брежнева «на некоторых матчах с участием спартаковцев еще ни о чем не говорит. Просто он болельщик, фанат, любивший хоккей»¹⁸. «Игру он любил по-настоящему и посещал даже матчи без участия лидеров», – свидетельствует другой легендарный нападающий «Спартака» и сборной СССР Александр Якушев¹⁹.

Все сказанное свидетельствует о том, что Л.И. Брежнев не был только, как сказали бы сегодня, фанатом армейского клуба. Можно сказать, что он болел за весь советский хоккей. Слова охранника В.Т. Медведева подтверждают этот вывод: «Он не то чтоб уж очень болел, просто отдавал предпочтение клубу ЦСКА»²⁰.

Во-вторых, Л.И. Брежнев редко фиксировал свое присутствие на матчах и тем более их просмотр по телевизору. Например, нет никаких записей о посещении им матчей сборной СССР с канадскими профессионалами в сентябре 1972 года. Из трех игр «Кубка вызова» 1979 года, когда наши хоккеисты сразились со «звездами» Национальной Хоккейной Лиги (НХЛ), Л.И. Брежнев сделал запись только о втором матче: «Смотрел хоккей сборная СССР [так в тексте. – С.Р.] и Канады – 5:4 в нашу пользу»²¹. И ни слова о том, как в третьем матче советская команда нанесла поражение лучшим игрокам НХЛ со счетом 6:0! Однако это не означает, что Л.И. Брежнев не смотрел выдающуюся игру наших хоккеистов, к тому же все эти дни он находился на отдыхе в Сочи²². Можно сделать вывод, что записи он делал от случая к случаю, по настроению. Последние записи о хоккее были сделаны им 5 и 19 ноября 1981 г., когда Генеральный секретарь ЦК КПСС посетил в «Лужниках» матчи, соответственно, Спартак – Динамо (Москва) и ЦСКА – СКА (Ленинград).

Для Л.И. Брежнева посещение хоккейных матчей было формой отдыха, снятия стресса. Как отмечал заместитель начальника 9-го Управления КГБ генерал-майор М.С. Докучаев, которому приходилось бывать на матчах и обеспечивать безопасность Л.И. Брежнева, у него «сложилось впечатление, что на них он отвлекался и отдыхал»²³.

¹⁶ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. М., 2016. Т. 1. С. 891, 896, 897, 899.

¹⁷ Там же. С. 908.

¹⁸ Майоров Б.А. Хоккейные перекрестки. Откровения знаменитого форварда. М., 2016. С. 187.

¹⁹ Аргументы и факты. 1998. 6 мая.

²⁰ Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 2010. С. 30.

²¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи... Т. 1. С. 949.

²² Там же. Т. 2. С. 919.

²³ Докучаев М.С. Я охранял Брежнева и Горбачева. Откровения генерала КГБ. М., 2016. С. 192.

Л.И. Брежнев любил смотреть хоккей с компанией. «Тут уж он в одиночестве оставаться совсем не мог», – вспоминает В.Т. Медведев, – ему «не хватало общения – обычного, человеческого, без лести к нему и подобострастия». Особую радость он получал от побед армейского клуба над «Спартак», за который болели многие члены Политбюро. Обычно на другой день после матча Л.И. Брежнев на работе подначивал соратников: «Как мы вам вчера!..» В такие минуты больше всего доставалось его постоянному спутнику К.У. Черненко, известному болельщику красно-белых – «тут уж Леонид Ильич его не щадил». С другой стороны, как свидетельствует все тот же В.Т. Медведев, когда к ним присоединялся министр обороны Д.Ф. Устинов, который, естественно, тоже был за ЦСКА, «Леонид Ильич в пику ему начинал азартно болеть за «Спартак». «Приглашал он и Громыко», – хотя тот, по словам В.Т. Медведева, – «ни в спорте вообще, ни в хоккее в частности ничего не понимал, но – ездил». В перерыве матча руководители советского государства «могли позволить себе рюмочку-другую выпить»²⁴.

При всех симпатиях Л.И. Брежнева к хоккейному ЦСКА он никогда напрямую в дела армейского клуба не вмешивался. Ярким доказательством тому служит его поведение во время самого скандального хоккейного матча в истории СССР. Речь идет о заключительной игре чемпионата 1968/69 гг., когда 11 мая 1969 г. в решающем матче за золотые медали сошлись ЦСКА и московский «Спартак». Эта история много раз описана в мемуарной литературе, посвященной выдающемуся тренеру А.В. Тарасову²⁵. В третьем периоде матча при счете 2:1 в пользу Спартака за мгновение до сигнала о смене ворот В. Петров сравнял счет. Но главный судья встречи гол отменил на том основании, что судья-секундометрист за две секунды до броска нападающего ЦСКА сигнализировал свистком о том, что время первой десятиминутки истекло. Разгорелся скандал. Как сказано в секретном письме председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР С.П. Павлова в ЦК КПСС, старший тренер ЦСКА «Тарасов А.В., оспаривая решение судейской бригады, <...> запретил команде выходить на поле для продолжения игры». При этом отмечалось, что еще до «инцидента – в ходе матча и во время перерыва т. Тарасов позволял себе оскорбления в адрес судейской коллегии», а по отношению к главному судье Ю.П. Карандину «т. Тарасов позволил себе не только непристойную брань, но и угрозы»²⁶.

Как правило, воспоминания о том скандальном инциденте содержат утверждения, что А.В. Тарасов в знак протеста увел команду в раздевалку²⁷. Так, по свидетельству запасного вратаря ЦСКА А. Пашкова старший тренер крикнул игрокам: «Уходим в раздевалку»²⁸. Между тем, ни в приводимом документе, ни в газетных отчетах о том матче об этом не было сказано ни слова. Ясно одно – все действие происходило на глазах 14 тыс. зрителей и самого Л.И. Брежнева. В результате матч был прерван на 35 минут, прервана и трансляция матча и, тем самым, на целый день была нарушена программа Центрального телевидения²⁹. И только после категорического требования спортивного руководства «Тарасов разрешил команде продолжить встречу»³⁰. Эта па-

²⁴ *Медведев В.Т.* Человек за спиной. М., 2010. С. 30.

²⁵ *Горбунов А.А.* Анатолий Тарасов. М., 2018. С. 174–187.

²⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 61. Д. 45. Л. 93.

²⁷ Подробно об этой игре: Одиннадцатое мая // Спартак. Исторический прессинг. URL: <https://dzen.ru/a/XO94XНн6WACvNT9I> (дата обращения: 05.05.2025).

²⁸ *Гольшиак Ю., Кружков А.* Александр Пашков: «Бей купчишку!» – кричал Тарасов // Спорт-Экспресс. 2014. 29 августа. С. 12.

²⁹ Советский спорт. 1969. 13 мая. С. 3.

³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 45. Л. 94.

уза в игре пошла только на пользу спартаковцам, которые, отдохнув, завершили матч победой 3:1 и в третий раз в своей истории стали чемпионами СССР. Писателю и журналисту Н.М. Долгополову в августе 1970 г. работники Дворца спорта «Лужники» поведали о том, что творилось в правительственной ложе во время скандальной паузы:

Брежнев был в гневе. Вызвали кого-то из спортивных руководителей. Но перерыв затягивался, члены Политбюро с аппетитом и от нечего делать истощали заготовленные съестные и прочие запасы...³¹

Возможно, так и было. Режиссер спортивного телевидения Ян Садеков утверждает, что Л.И. Брежнев окончания игры «ждать не стал, уехал»³². Во всяком случае Генеральный секретарь ЦК КПСС не встал на защиту тренера ЦСКА. Потребовал разобраться. Якобы сказал: «Это что же, Павлов в своем хозяйстве порядок не в силах навести?»³³.

А.В. Тарасову не простили такое скандальное поведение на глазах генсека. На заседании коллегии Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР с формулировкой «за нарушение спортивной этики» он был лишен звания «Заслуженный тренер СССР»³⁴. Однако вскоре за него заступился министр обороны СССР (1967–1976), маршал А.А. Гречко. Большой поклонник хоккея, страстный болельщик армейского клуба, посещавший даже тренировки ЦСКА, А.А. Гречко тайно наградил Тарасова охотничьим именовым ружьем за преданность и успехи армейского спорта³⁵. 30 октября 1969 г. тренеру вернули почетное звание заслуженного тренера СССР.

Другим ярким болельщиком в Политбюро был Константин Устинович Черненко. Как уже было сказано выше, он был поклонником московского «Спартака». И, по мнению Аркадия Ратнера, болельщик он был «даже более квалифицированный», чем Л.И. Брежнев. В одном из своих интервью руководитель спортивных телепрограмм той поры привел удивительный рассказ о том, как в начале 1980-х гг. ему и его коллегам пришлось оперативно, за два часа до начала игры, организовать незапланированную телевизионную трансляцию матча из Ижевска, где играли местная команда «Ижсталь» и московский «Спартак». Таково было желание члена Политбюро ЦК КПСС К.У. Черненко³⁶.

В.В. Прибытков, девять лет находившийся рядом с К.У. Черненко, исполняя обязанности его помощника, называет эту любовь своего шефа к «Спартаку» страстью – «всепоглощающей, азартной, отнимающей помыслы, бередящей душу...»³⁷. Когда его команда проигрывала, например, ЦСКА, К.У. Черненко «замыкался в себе и мрачнел». По свидетельству В.В. Прибыткова, «говорить с Константином Устиновичем на любую тему (даже служебную) на следующее утро было поистине нелегкой задачей»³⁸. Отметим также, что К.У. Черненко сыграл большую роль в возрождении

³¹ Николай Долгополов: «И сейчас Тарасов и Харламов были бы первыми в хоккее» // Российская газета. 2013. 26 апреля. С. 15.

³² Гольшак Ю., Кружков А. Ян Садеков: «Канадец уложил Харламова – лицо разбито, майка разорвана. В следующем матче наши отомстили» // Спорт-Экспресс. 2021. 23 апреля. С. 10–11.

³³ Горбунов А.А. Анатолий Тарасов. М., 2018. С. 179.

³⁴ Советский спорт. 1969. 16 мая. С. 2.

³⁵ Гомельский А.Я. Анатолий Тарасов – гений хоккея // Советский спорт. 2003. 15 января. С. 9.

³⁶ Гольшак Ю., Кружков А. «Сталин отдал приказ — и на «Динамо» арестовали человека, который нес взятку футболистам» [Интервью с Аркадием Ратнером] // Спорт-Экспресс. 2021. 24 декабря. С. 8–9.

³⁷ Прибытков В.В. Аппарат. СПб., 1995. С. 121.

³⁸ Там же. С. 130–131.

футбольного клуба «Спартак» в тот момент, когда популярная команда страны, имевшая миллионы болельщиков, по итогам первенства 1976 г. оказалась в первой лиге. После возвращения в высшую лигу «Спартак» в 1979 г. стал чемпионом СССР.

Сборная СССР по хоккею – главная команда страны

Для Л.И. Брежнева и всего советского руководства главной командой в хоккее была сборная Советского Союза, победы которой со временем стали государственной задачей. По словам Сергея Гимаева,

Все в те годы (1960–1980-е) делалось во благо сборной. Календарь составлялся для этого. Игроки концентрировались в ведущих клубах ЦСКА, «Спартак», «Динамо». Для них создавались все условия³⁹.

В сентябре 1972 г. сборная СССР сыграла 8 матчей с командой Канады, состоявшей из профессионалов – «звезд» НХЛ. Эти игры, ставшие легендарными и названные позже «Суперсерией», стали поворотным моментом в истории всего мирового хоккея. Тогда, несмотря на жесткую, порой грубую игру канадских хоккеистов в московской части серии, когда вся страна услышала слова знаменитого комментатора Н.Н. Озерова «Такой хоккей нам не нужен», громче звучали восхищенные голоса участников встреч, журналистов, рядовых болельщиков, признававших: «такой хоккей мы еще не видели!». После этих матчей популярность хоккея с шайбой в СССР еще более выросла, не будет преувеличением сказать, что этот вид спорта стал игрой № 1 в нашей стране.

Опубликованные в последние годы за океаном материалы позволяют пролить свет на предысторию Суперсерии 1972. Следуя им, судя по всему, первым из советских вождей, поддержавшим идею проведения матчей на высшем уровне между СССР и Канадой, был Председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин. Произошло это во время его официального визита в Канаду в октябре 1971 г. В программе восьмидневного визита в страну кленового листа значилось посещение советским премьер-министром хоккейного матча в Ванкувере, между местной командой «Vancouver Canucks» и многократным обладателем Кубка Стэнли «Montreal Canadiens». К слову сказать, А.Н. Косыгин не был хоккейным болельщиком, еще накануне визита он передал канадской стороне, что посетит матч, «если не будет слишком уставшим»⁴⁰.

Надо сказать, что такой ответ канадцев огорчил. Но еще большее огорчение вызвал инцидент, произошедший в первый день визита в Оттаве, когда во время прогулки с премьер-министром Пьером Трюдо на А.Н. Косыгина с криком «Да здравствует свободная Венгрия!» напал венгерский эмигрант. Сотрудники советской службы безопасности его скрутили и передали местной полиции. Как выяснилось, нападавший, «у которого была изъята финка», был специально внедрен в группу местных корреспондентов с целью «сорвать визит советского премьера в Канаду»⁴¹.

Антисоветские протесты «других недовольных групп» эмигрантов продолжились и в последующие дни в городах Канады. Поэтому несмотря на теплый прием со

³⁹ Макарычев М.А. Валерий Харламов. М., 2015. С. 140.

⁴⁰ Hershberg J. Breaking the Ice: Alexei Kosygin and the Secret Background of the 1972 Hockey Summit Series // Robert Edelman, Christopher Young. The Whole World Was Watching: Sport in the Cold War. Stanford, 2020. P. 64.

⁴¹ Докучаев М.С. Я охранял Брежнева и Горбачева. Откровения генерала КГБ. М., 2016. С. 200–201.

стороны правительства Канады А.Н. Косыгин, опасаясь провокаций, долго не соглашался посещать хоккейный матч. В конечном итоге вечером 22 октября 1971 г. советская делегация прибыла в Pacific Coliseum, и за несколько минут до начала матча советский премьер-министр встретился с капитанами команд, которые подарили ему по клюшке. А.Н. Косыгин даже поспорил с Анри Ришаром («Montreal Canadiens») «о сравнительных достоинствах советского и канадского хоккея»: «У нас в России отличная команда – хорошие игроки», – заявил глава советского правительства. «Да, – ответил Ришар (как оказалось, пророчески), – но, думаю, мы сможем вас обыграть, когда привыкнем к вашему стилю в хоккее». Когда перед вбрасыванием шайбы по стадиону было объявлено о присутствии советского премьер-министра, то все 15 570 зрителей почти минуту стоя приветствовали его овацией. Наблюдая за главой советского правительства на протяжении всей игры и видя улыбку на его лице, журналисты отмечали, что впервые за все время пребывания в Канаде А.Н. Косыгин выглядел довольным: «Здесь его сердце, казалось, принадлежало хоккею». Вечером 23 октября, «на торжественном банкете в его честь, Косыгин выступил с речью, в которой прямо намекнул на возможность более тесного советско-канадского сотрудничества в области хоккея»⁴².

Как вспоминал бывший министр иностранных дел Канады Поль Мартен, не смотря на то что тема хоккея и спортивного сотрудничества в целом не были прямо упомянуты в итоговом совместном советско-канадском коммюнике, «советская сторона неоднократно выражала благодарность» за тот вечер в Ванкувере, поскольку «этот хоккейный матч стал кульминацией всего визита»⁴³. В советских СМИ «хоккейная история» не нашла отражения. В протоколе заседания Политбюро ЦК КПСС от 4 ноября 1971 г., содержится лаконичная запись: «Одобрить деятельность Председателя Совета министров СССР т. Косыгина А.Н. во время пребывания в Канаде с официальным визитом»⁴⁴.

Однако, как отмечал А.Н. Яковлев, в то время возглавлявший Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, курировавший спорт, в Москве вокруг проблемы советско-канадских хоккейных встреч «развернулась нешуточная борьба». Открытых противников этих встреч «вроде бы и не было. Но высшее руководство терзали сомнения. А вдруг проиграем. И требовало гарантированных побед. Аргумент, что спорт есть спорт, не действовал. Это политика, говорили нам. И все же после долгих проволочек на Политбюро приняли положительное решение об этих встречах»⁴⁵.

В.В. Кукушкин, спортивный журналист, участвовавший в переговорах с канадцами в качестве переводчика, утверждает, что окончательное решение о матчах с профессионалами было принято весной 1972 г. на одном из заседаний Секретариата ЦК КПСС, которое вел лично Л.И. Брежнев. Первый вопрос был об участии в Олимпиаде, второй – хоккейная серия. Когда председатель Спорткомитета С.П. Павлов докладывал хоккейный вопрос, скептики стали требовать: «Дайте расписку, что не проиграете!» Кто-то выкрикнул: «Кровью пусть распишется!» Решительным противником этих игр был секретарь ЦК КПСС и член Политбюро М.А. Суслов, курировавший культуру и идеологию. Он предупредил, «что за неудачу партбилетом придется

⁴² *Hershberg J. Breaking the Ice: Alexei Kosygin and the Secret Background of the 1972 Hockey Summit Series // Robert Edelman, Christopher Young. The Whole World Was Watching: Sport in the Cold War. Stanford, 2020. P. 68.*

⁴³ Там же. P. 68–69.

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 481. Л. 7.

⁴⁵ *Яковлев А.Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина. М., 2001. Кн. 1. С. 292.*

отвечать». В итоге решающее слово «за» сказал Л.И. Брежнев, которому Павлов пообещал, «что сыграем достойно, все матчи точно не проиграем»⁴⁶.

Не ставя под сомнение рассказ уважаемого специалиста в области советско-канадских хоккейных баталий, с сожалением отметим, что в протокольных записях заседаний Секретариата ЦК КПСС за 1971–1972 гг. обсуждение этого вопроса не зафиксировано. В 1972 году на Секретариате вопрос об участии наших спортсменов в летней Олимпиаде в Мюнхене рассматривался дважды. В первый раз, кратко, 18 января⁴⁷. Второй раз, уже обстоятельно, С.П. Павлов докладывал 27 июня, и вопрос этот значился вторым в повестке дня⁴⁸. Возможно, в этот день М.А. Суслов, который вел заседания, и высказал свое скептическое отношение о встречах с канадцами. Отметим также, что и в протоколах заседаний Политбюро каких-либо следов обмена мнениями о предстоящих советско-канадских матчах нами не обнаружено.

В 1970-е гг. главным соперником советской «ледовой дружины» на мировых первенствах была сборная Чехословакии. После событий «Пражской весны» и ввода советских танков в Прагу в 1968 г. игры с чехословацкими хоккеистами обрели особый политический подтекст. По свидетельству корреспондента еженедельника «Футбол–Хоккей» Евгения Рубина, 21 марта 1969 г. на чемпионате мира в Стокгольме в перерыве первого матча СССР – Чехословакия он встретил комментатора Николая Озерова, выглядевшего «растерянным и поникшим». Н.Н. Озеров показал блокнот: ему «перед матчем позвонили из Москвы» в студию, «и передали перечень выражений, которые нельзя употреблять в репортаже». Список составил глава Гостелерадио С.Г. Лапин. В него вошли слова «атака», «нападение», «наступление», «оборона», «соперники», «друзья-соперники», «силовой прием», «преимущество», «победа», «поражение», «упорная борьба». Короче – вся военная терминология. «Я сейчас, как сапер, – печально усмехнулся Озеров. – Ошибусь один раз, второго не будет». Знаменитый комментатор выполнил приказ Москвы «без единой помарки», чем заслужил благодарность С.Г. Лапина⁴⁹. Нет сомнений в том, что сам начальник Гостелерадио СССР мог дать такую установку Н.Н. Озерову только по указанию Кремля.

В 1969 г. на чемпионате мира в Стокгольме сборная ЧССР сражалась на льду со сборной СССР под лозунгом: «Вы нам – танки, мы вам – бранки!» (т. е. шайбы). Впервые советская команда проиграла оба матча 0:2 и 3:4. Как отмечал в секретной записке начальник Главного разведывательного управления СССР П.И. Ивашутин, под впечатлением от этих побед 28 марта во всех крупных городах Чехословакии, где находились советские войска, прошли «массовые факельные шествия и демонстрации молодежи», носившие ярко выраженный антисоветский характер и вылившиеся в бесчинства по отношению к советским учреждениям и комендатурам советских войск⁵⁰. В ночь на 29 марта «сборища хулиганствующих элементов» устроили погром в помещении представительств Аэрофлота и Интуриста⁵¹. 31 марта Политбюро ЦК КПСС принято заявление ЦК КПСС и Советского правительства по этому поводу, которое в тот же день было передано чехословацкой стороне. В тот же день в газете «Правда» вышла статья «Хоккей и националистический угар», в которой была

⁴⁶ Кукушкин В.В. Стенка на стенку. Хоккейное противостояние Канада – Россия. М., 2010. С. 38; Гольшак Ю., Кружков А. Всеволод Кукушкин: «Вы графоман», – сказал я Тарасову // Спорт-Экспресс. 2017. 28 апреля. С. 16.

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 9. Л. 38–39.

⁴⁸ Там же. Д. 10. Л. 56–57.

⁴⁹ Рубин Е.М. Пан или пропал! Жизнеописание. М., 2000. С. 252.

⁵⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 359. Л. 246–248.

⁵¹ Хоккей и националистический угар // Правда. 1969. 31 марта. С. 5.

дана оценка этим событиям. Чемпионат мира 1969 года советская ледовая дружина все же выиграла, опередив по разнице забитых и пропущенных голов команды Швеции и ЧССР.

Матчи с чехословацкими хоккеистами всегда проходили в упорной борьбе. На чемпионате мира 1974 г. в Хельсинки в матче первого круга сборная СССР потерпела особенно болезненное поражение – 2:7! Тот грустный вечер 10 апреля многим болельщикам хотелось поскорее забыть. Как справедливо написал журналист Д. Рыжков, «Чтобы наша команда проигрывала без борьбы – этого я не помню»⁵². Перед заключительным периодом того матча в раздевалку сборной «влетел» посол СССР в Финляндии «и устроил команде форменный разнос», – вспоминает В. Третьяк. «Что он только не кричал! «Позорите страну! Я Леониду Ильичу Брежневу сообщу о том, как вы себя ведете». И так далее в том же духе»⁵³. Капитана сборной Б. Михайлова посол грозился исключить из партии, на что тот спокойно ему ответил: «Не вы меня принимали в партию, не вам меня исключать»⁵⁴. На следующий день председателю Спорткомитета С.П. Павлову пришлось выслушать по телефону гневную тираду министра культуры П.Н. Демичева: «Вы понимаете, что вывели из строя все Политбюро?! Леонид Ильич всю ночь не спал!»⁵⁵ Однако после того как во втором круге советская команда взяла реванш у чехов – 3:1 и вновь стала чемпионом мира, тот же посол «устроил в посольстве грандиозный прием и с бокалом шампанского услужливо заглядывал в глаза каждому игроку»⁵⁶.

По возвращении в Москву Владиславу Третьяку, ставшему лучшим вратарем турнира, поручили выступить в Кремле на XVII съезде ВЛКСМ. Наш прославленный вратарь вспоминает:

Едва справившись с понятным волнением, начал говорить. И вдруг слышу за спиной громкий шепот: «Владик, – ты молодец!» И опять: «Владик, молодец!» О, боже мой, что же делать? Прямо за спиной сидит генеральный секретарь, это он обращается ко мне таким странным образом. А как реагировать? Прервать выступление, обернуться и поблагодарить? Или сделать вид, что не слышу? А вдруг он еще громче начнет ко мне обращаться? <...> Продолжаю читать по бумажке речь, а сзади опять: «Передай всем ребятам от меня привет». Вот такое было приключение. В том же году «болельщик номер один» позвонил нам в Канаду прямо в раздевалку, чтобы поздравить с победой в серии игр со сборной ВХА⁵⁷.

Кризис сборной СССР в 1977 г. и его преодоление

После победы на чемпионате мира 1975 г. и Олимпийского золота 1976 года сборная СССР в том же году уступила сборной Чехословакии пальму мирового первенства в Катовице (Польша), сенсационно проиграв к тому же еще и полякам (4:6) в стартовом матче турнира.

В мае 1976 г. Председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР С.П. Павлов информировал ЦК КПСС о причинах этого поражения и мерах, которые предполагалось принять в дальнейшем для возвращения звания чемпионов мира. Тренеры сборной объясняли «серебро» мирового первенства «прежде всего тем», что им «не удалось найти средств поддержания высокой

⁵² Советский спорт. 1974. 11 апреля. С. 1.

⁵³ Третьяк В.А. Хоккейная эпопея. М., 1993. С. 165.

⁵⁴ Раззаков Ф.И. Легенды отечественного хоккея. М., 2014. С. 75.

⁵⁵ Окунев Д. Другой Брежнев. URL: <https://www.sport-express.ru/others/reviews/795477/> (дата обращения: 08.05.2025)

⁵⁶ Третьяк В.А. Хоккейная эпопея. М., 1993. С. 165.

⁵⁷ Там же. С. 163.

спортивной формы хоккеистов на протяжении всего соревновательного периода (255 дней в течение года)», а также «отсутствием равноценного по мастерству и опыту резерва». Вместе с тем спортивные функционеры видели причину неудачной игры сборной в Польше «в значительной мере» в наличии «прямых ошибок тренеров сборной СССР, прежде всего т. Кулагина». Среди других ошибок Спорткомитет указал на чересчур плотный календарь всесоюзного первенства и международных соревнований. Для завоевания «первого места в главных спортивных соревнованиях – чемпионатах мира» было решено правильно расставить приоритеты, рассматривая престижные международные турниры «Кубок Канады», «Приз Известий» только «как этапы подготовки к чемпионатам мира и Олимпийским играм». С целью усиления сборной СССР была поставлена задача сформировать в ведущих командах страны «новые тройки нападения и пары защитников», в связи с чем признавалось необходимым «произвести некоторые перемещения игроков»⁵⁸.

Однако весной 1977 г. на чемпионате мира в Вене советская команда во главе с тренером Б.П. Кулагиным опустилась еще ниже на пьедестале почета, заняв лишь третье место. Гроза канадских профессионалов ЯК-15 А. Якушев вспоминает:

До сих пор не могу ни примириться с этим фактом, ни объяснить вразумительно, что же произошло в 77-м в красавице Вене. Все хоккеисты сборной 1977 г. без содрогания не могут вспомнить тот злосчастный чемпионат⁵⁹.

Действительно, первенство мира в Вене было словно соткано из парадоксов. Достаточно сказать, что сборная Чехословакии в последний день турнира в, казалось бы, решающем для себя матче, крупно проиграла канадцам во главе с Филом Эпозито 2:8! И... тем не менее второй год подряд стала чемпионом мира. А канадцы остались без медалей. Советской команде для чемпионства достаточно было сыграть в заключительном матче со шведами вничью, но она проиграла. Поражение было горьким и обидным.

«А проигрывать сборной СССР в те времена было нельзя», – вспоминал тот непростой период в истории главной команды страны один из ее тренеров В.В. Юрзинов. И на реплику собеседника, журналиста Н.Н. Вуколова, «Ну, понятно, Владимир Владимирович, не рекомендовалось...», категорически отрезал: «Да нет, это не точно сказано. Проигрывать сборной было нельзя, и баста, такова была позиция руководства»⁶⁰.

Руководители государства понимали, что поражения сборной больно били по престижу страны Советов как хоккейной державы. Необходимо было принимать решительные меры и, главное, найти тренера, который бы укрепил дисциплину в команде и привнес в ее игру новые тактические идеи. Таким тренером стал Виктор Васильевич Тихонов, тренер рижского «Динамо», с которой он прошел путь от команды второй лиги до четвертого места в чемпионате СССР 1977 г. В.В. Тихонов-тренер слыл поборником железной дисциплины и новатором – в своей команде он первым из всех тренеров перешел на игру в четыре звена. На талантливого тренера давно обратили внимание в аппарате ЦК КПСС, а 23 февраля 1977 г. случилось событие, во многом определившее его судьбу. В тот день на глазах Л.И. Брежнева ЦСКА на своем льду проиграл рижскому «Динамо» 6:8, пропустив в третьем периоде пять

⁵⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 94. Л. 2–5. Автор выражает благодарность исследователю Т.С. Крайильникову за помощь, оказанную в поиске этого документа.

⁵⁹ Якушев А.С. Все начистоту. О хоккее и не только. М., 2016. С. 213, 214.

⁶⁰ Вуколов Н.Н., Тузик И.Н. Хоккейные «звезды» Бориса Павловича. М., 2009. С. 195.

шайб (три из них забросил Х. Балдерис). Находясь под впечатлением от игры команды В.В. Тихонова, главный хоккейный болельщик воскликнул: «Вот это я понимаю, тренер!»⁶¹

В конце мая 1977 г. болельщики хоккея узнали из спортивных изданий, что «Решением коллегии Спорткомитета СССР старшим тренером сборной команды СССР назначен В.В. Тихонов»⁶². Одновременно он возглавил и ЦСКА. Инициатива этого назначения исходила от начальника Управления хоккея Спорткомитета СССР В.И. Колоскова. Но окончательное принималось на самом верху – его кандидатура была согласована в ЦК КПСС.

По признанию В.В. Тихонова, принимая сборную, он надеялся по-прежнему тренировать рижское «Динамо». Вначале с ним беседовал и предложил возглавить ЦСКА вице-адмирал и председатель Спорткомитета Вооруженных Сил СССР Н.А. Шашков. Переговоры он вел по поручению министра обороны СССР Д.Ф. Устинова. А затем в тот же день его пригласили на Лубянку, в кабинет председателя КГБ Ю.В. Андропова.

Следует сделать небольшое отступление. В те времена куратором хоккейного «Динамо» был КГБ (футбольное клуб курировало МВД). Сам Ю.В. Андропов не был таким заядлым болельщиком, как Л.И. Брежнев, но следил за игрой и атмосферой внутри подведомственных команд. При необходимости вызывал «на ковер» тренера или капитана команды. По словам знаменитого защитника сборной СССР, динамовца Валерия Васильева, ему как капитану команды четыре раза приходилось бывать в кабинете Ю.В. Андропова⁶³. Александр Мальцев так вспоминает о своем первом визите к всемогущему председателю КГБ:

Вечером рассказал теще, что вызывают к Андропову, и пошутил: «Сушите сухари». Так она всерьез восприняла. Всю ночь сухари сушила. А меня предупредили, что одеться надо попривлекательнее. Я нацепил английский костюм и поехал. Опоздал минут на пять. Зашел в кабинет, Андропов оглядел меня, усмехнулся: «Тебе в кино сниматься, а не в хоккей играть...»⁶⁴.

По собственному признанию легендарного форварда, глава КГБ «очень тепло» относился к нему, «как отец». На правах капитана Мальцев «приходил к Андропову и говорил, кому из ребят что нужно – квартиры, машины, и все вопросы оперативно решались»⁶⁵. Хозяин Лубянки не мог оставить без внимания скандальную статью, осуждавшую поведение капитана «Динамо», опубликованную в январе 1975 г. в газете «Комсомольская правда»⁶⁶. Ю.В. Андропов вызвал Мальцева к себе на разговор, и тот объяснил ему, что в статье нет «ни единого процента правды». Глава КГБ и куратор «Динамо» был удовлетворен объяснением, и его помощники тут же подготовили ответное письмо от имени Мальцева⁶⁷.

В бытность старшим тренером команды «Динамо», несколько раз бывал в кабинете Ю.В. Андропова трехкратный Олимпийский чемпион В.С. Давыдов. За чашкой чая с женьшенем, который ему привозили из Китая, хозяин Лубянки интересовался

⁶¹ Домрачев В. Он ушел, когда ЦСКА вернулся на вершину // Спорт-Экспресс. 2014. 25 ноября. С. 7.

⁶² Футбол-Хоккей. 1977. № 22. С. 7.

⁶³ Советский спорт. 2012. 27 апреля. С. 9.

⁶⁴ Гольшаак Ю., Кружков А. Александр Мальцев: к Андропову с сухарями // Спорт-Экспресс. 2012. 14 сентября. С. 16.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Снегирев В. Ничего не случилось... Открытое письмо капитану хоккейной команды «Динамо» Александру Мальцеву // Комсомольская правда. 1975. 16 января. С. 4.

⁶⁷ Гольшаак Ю., Кружков А. Александр Мальцев: к Андропову с сухарями... С. 16.

результатами команды⁶⁸. При этом, в отличие от ЦСКА, руководство которого пользовалось неограниченными возможностями и беззастенчиво под видом «призыва в армию», «в интересах сборной» забирало игроков из других команд, Ю.В. Андропов к вопросу комплектования команды, по словам спортивного функционера «Динамо» В.С. Сысоева, «относился щепетильно», «не хотел, чтоб кто-то мог упрекнуть органы в том, будто они насильно забирают игроков в „Динамо“ и ставят команды в неравные условия»⁶⁹.

Когда в мае 1977 г. В.В. Тихонова впервые вызвали к Ю.В. Андропову, они «час беседовали о хоккее». И только потом Председатель КГБ «сказал, что вызывал по поручению генерального секретаря ЦК КПСС, который дал распоряжение», чтобы В.В. Тихонов принял ЦСКА. При этом Ю.В. Андропов признался, что хотел бы видеть его в московском «Динамо», «но есть мнение Леонида Ильича». И тут же уточнил – прямое указание⁷⁰. В.В. Тихонов, однако, не соглашался, «упирался». Ю.В. Андропов дал ему время на раздумье. Но и во время следующей встречи Тихонов не сразу дал согласие, объясняя, что не может занять место К.Б. Локтева, под руководством которого ЦСКА только что выиграл чемпионат Советского Союза: «Как ребята ко мне после такого будут относиться?» На эти сомнения Ю.В. Андропов отреагировал одной фразой: «Пусть тебя это не волнует». В это время главе КГБ позвонил по селектору секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин, курировавший спорт. Между ними состоялся короткий диалог, услышанный Тихоновым. Юрий Владимирович сказал: «Тихонов отказывается». И в ответ услышал: «Скажи ему, что в этом здании еще никто не отказывался!» При этом, по словам Тихонова, «Андропов по-доброму» с ним общался⁷¹.

Супруга В.В. Тихонова, Татьяна Васильевна, в своих воспоминаниях так передает главную мысль беседы с мужем на Лубянке. Ю.В. Андропов якобы сказал: «Мы это делаем не для ЦСКА, мы это делаем для сборной. Костяк команды – это всегда ЦСКА. Мы хотим, чтобы вы навели там порядок. Мы знаем, что там делается». Это многозначительное «мы» не только намек на могущественный КГБ, но и на первых людей государства»⁷².

Таким образом, при назначении В.В. Тихонова тренером ЦСКА во главу угла были поставлены интересы сборной. Следует отметить, что в первую пору В.В. Тихонову было трудно – армейская команда не сразу приняла нового тренера, особенно ее ветераны. По словам капитана сборной и ЦСКА Б.П. Михайлова, «все хоккеисты ЦСКА категорически возражали против назначения Тихонова»⁷³. Понимая всю сложность работы по наведению дисциплины в команде, Ю.В. Андропов предоставил новому тренеру сборной и ЦСКА полный карт-бланш, предупредив: «Спать будешь по три часа, но наведи порядок. Знаю, что происходит в команде – любого можешь выгонять». По признанию В.В. Тихонова, однажды ему пришлось воспользоваться именем главы КГБ, когда он собирался отчислить из команды защитника А. Гусева. В ответ на протесты, прозвучавшие на партийном собрании, «Что вы себе позволяете?!

⁶⁸ Гольшаак Ю., Кружков А. Виталий Давыдов. Пять часов ада // Спорт-Экспресс. 2013. 25 января. С. 8.

⁶⁹ Гольшаак Ю., Кружков А. Валерий Сысоев: «Газзаев жалеет, что не стал президентом «Динамо» // Спорт-Экспресс. 2012. 1 июня. С. 8.

⁷⁰ Петров А.Д. Тайны советского хоккея. М., 2010. С. 79. EDN: QYFEAF

⁷¹ Гольшаак Ю., Кружков А. Виктор Тихонов: «Фетисов просил сжечь мои блокноты» // Спорт-Экспресс. 2009. 13 февраля. С. 16.

⁷² Тихонова Т.В. Виктор Тихонов. Жизнь во имя хоккея. М., 2016. С. 100–101.

⁷³ Михайлов Б.П. Хоккей в моем сердце. Об игре, друзьях и недругах. М., 2016. С. 49.

Это заслуженный мастер спорта, майор...», старший тренер резко возразил: «сейчас при вас наберу номер. Будете объясняться не со мной, а с Юрием Владимировичем». Все моментально замолчали⁷⁴.

Хотя у В.В. Тихонова был прямой телефон Председателя КГБ, он ни разу им не воспользовался. Ю.В. Андропов сам его вызывал, как это случилось в декабре 1977 г. после очень болезненного поражения сборной СССР в матче с командой Чехословакии со счетом 3:8 на турнире «Приз “Известий”». На следующий день, когда Тихонов наблюдал за игрой будущих соперников шведов, к нему подошли сотрудники КГБ и сообщили, что его вызывает к себе Ю.В. Андропов. «Подождите, – ответил старший тренер сборной, – досмотрю игру и поеду». Они чуть голос повысили: «Виктор Васильевич, Андропов! Машина стоит». По словам В.В. Тихонова, хозяин Лубянки встретил его хмуро и между ними состоялся такой разговор:

«Что скажешь?», – спросил Андропов, – Отвечаю – может, и к лучшему, такое поражение. Вот вот чемпионат мира в Праге, там будет легче. Андропов нахмурился: «А ты сегодня в трамвае, метро ездил? Слышал, что народ говорит об игре сборной?»⁷⁵.

На это Тихонов ответил всемогущему шефу КГБ: «Будем считать, что мы их заманили, а в Праге возьмем и обыграем»⁷⁶.

Это был первый сезон работы Тихонова со сборной, который завершился трудной и от этого еще более значимой победой советской ледовой дружины на чемпионате мира в Праге. В том памятном для всех болельщиков матче 14 мая 1978 г. сборная СССР выиграла у хозяев турнира 3:1 и после финальной сирены вся страна видела слезы на глазах тренера В.В. Тихонова.

Сам Л.И. Брежнев смотрел матч по телевизору у себя на даче, вернувшись из Завидово⁷⁷. В воспоминаниях В. Третьяка содержится рассказ, который сложно подтвердить или опровергнуть, как на следующий день после этой победы Генеральный секретарь ЦК КПСС, находясь в приподнятом настроении, зашел в комнату, где собрались на свое очередное заседание члены Политбюро, и с порога торжественно заявил: «С победой вас, товарищи!» Последовало «секундное замешательство», а потом – аплодисменты. «Престарелые вожди быстренько сообразили, с какой победой их поздравляют – с хоккейной»⁷⁸.

Дома хоккеистов встречали, как героев. По центральному телевидению в разных передачах показывали «золотые» голы в ворота И. Холечека. Приемы в их честь следовали один за другим: «в Центральном Доме кино с представителями трудящихся Москвы», в Спорткомитете СССР, в ЦК ВЛКСМ. И везде в адрес героев ледовых сражений произносилось «много теплых слов». Их приветствовали участники Великой Отечественной войны, ударники коммунистического труда, артисты⁷⁹. Наконец, пиком чествования хоккеистов и их тренеров, сделавших счастливыми болельщиков, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1978 г. о награждении их высокими правительственными наградами. При этом капитан команды Б. Михайлов и вратарь В. Третьяк были удостоены высшей награды – Ордена Ленина. Следует особо отметить – никогда ранее Кремль так высоко не оценивал заслуги наших хоккеистов⁸⁰. В ответ, в духе времени, хоккеисты благодарили «Советское правительство

⁷⁴ Гольшак Ю., Кружков А. Виктор Тихонов... С. 16.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Вайханский С.М. Золотая книга сборной СССР по хоккею. СПб.: М., 2002. С. 159.

⁷⁷ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи... Т. 2. С. 880.

⁷⁸ Третьяк В.А. Хоккейная эпопея. М., 1993. С. 163.

⁷⁹ Футбол-Хоккей. 1978. № 22. С. 16.

⁸⁰ Советский спорт. 1978. 8 июля. С. 1.

и родную Коммунистическую партию» за высокую оценку их скромных заслуг. Так, газета «Советский спорт» приводит слова В. Третьяка:

В этот радостный для хоккеистов день огромное спасибо хотелось бы сказать Леониду Ильичу Брежневу, который, несмотря на исключительную занятость государственными делами, находит время следить за нашей игрой⁸¹.

Решения, принятые «в интересах сборной страны» в 1977 г. высшим руководством страны, имели для советского хоккея далеко идущие последствия. Сконцентрировав в ЦСКА на тот момент почти все лучшие хоккейные силы страны, сборная СССР, или «красная машина», как во времена холодной войны ее называли канадские и американские СМИ, под руководством В.В. Тихонова за 14 лет 8 раз становилась чемпионом мира, дважды – Олимпийским чемпионом, в 1979 г. разгромила команду «звезд» НХЛ 6:0, в 1981 году выиграла Кубок Канады, сокрушив в финальном матче канадцев 8:1!

Любопытный разговор произошел на заседании Политбюро ЦК КПСС 17 сентября 1981 г., то есть через четыре дня после этого громкого успеха советского хоккея. Подчеркнув, что «эта победа имеет не только спортивное, но и большое политическое значение», Л.И. Брежнев предложил «поощрить хоккеистов». «Некоторые из них давно не получали или вообще не получали наград. – отметил Генеральный секретарь. – Таких, может быть, следует представить к правительственным наградам, а тех, кто недавно получил награды, скажем к Олимпиаде в прошлом году, поощрить ценными подарками». Здесь Л.И. Брежнева, по-видимому, подвела память, так как за четыре месяца до этого 15 игроков советской сборной и оба ее тренера указом Президиума Верховного Совета СССР были удостоены правительственных наград за победу на чемпионате мира в Хельсинки⁸². А вот за второе место на Олимпиаде 1980 г. и обидное поражение от сборной США медалью «За трудовое отличие» наградили только двух молодых игроков – А. Касатонova и В. Крутова⁸³. Согласно протоколу этого заседания, Л.И. Брежневу возразил секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин. Он доложил Политбюро, что все члены сборной команды СССР по хоккею «награждены орденами и медалями за Олимпиаду, кроме Ларионова», а раз так, то «нет необходимости» еще раз вручать им награды. Бросается в глаза, что и куратор спорта в ЦК партии скорее всего перепутал первенство мира 1981 г. с Олимпиадой-80.

М.В. Зимянин сообщил членам Политбюро о материальном вознаграждении хоккеистов за выигрыш Кубка Канады – каждый спортсмен получал по тысяче долларов от канадского правительства и по 3 тысячи рублей за шесть побед на турнире (согласно постановлению Совета Министров СССР от 8 апреля 1980 г., каждому игроку за выигранную игру полагалось 500 руб. денежного вознаграждения). Тогда члены Политбюро М.А. Суслов и Н.А. Тихонов предложили объявить хоккеистам благодарность от имени Совета Министров⁸⁴. Обращает на себя внимание два момента. Во-первых, тот факт, что не всегда мнение Л.И. Брежнева было решающим. Во-вторых, спустя почти 45 лет очевидно, как скромно (только благодарность!) оценили руководители партии и государства одну из самых выдающихся побед в истории советского хоккея.

⁸¹ Советский спорт. 1978. 9 июля. С. 1.

⁸² Футбол–Хоккей. 1981. № 21. С. 1.

⁸³ Футбол–Хоккей. 1980. № 16. С. 2.

⁸⁴ Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988. М., 2013. С. 405.

В то же время в 1977 г. ради интересов сборной страны, по сути, в жертву было принесено первенство страны, так как на протяжении 13 лет армейский клуб доминировал в чемпионате СССР, почти не зная конкуренции, что не прибавляло зрительского интереса к всесоюзному первенству по хоккею.

Спустя семь лет это признал Председатель Комитета по физической культуре и спорту М.В. Грамов. 13 марта 1984 г. в «секретной» записке в ЦК КПСС об итогах участия советских спортсменов в зимних Олимпийских играх в Сараево он отметил: «Отсутствие достойной конкуренции команде ЦСКА является наглядным примером неравномерного развития этого вида спорта»⁸⁵.

Заключение

Хоккей с шайбой занимал особое место в спортивной жизни СССР, став со временем объектом гордости советского общества. Большой интерес Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева к хоккею выдвинул этот вид спорта на первый план, особенно в 1970-е гг. Несмотря на личные симпатии партийно-государственных руководителей к отдельным командам (ЦСКА, московские «Спартак», «Динамо»), главное внимание Кремля было сфокусировано на сборной Советского Союза, так как ее победы на мировых и Олимпийских турнирах, в матчах с канадскими профессионалами носили в том числе политический характер, обеспечивали престиж стране на международной арене. Как и в ситуации 1968 г., когда, следуя установкам кремлевских руководителей с целью смягчить последствия «Пражской весны», советские атлеты в матчах с чехословацкими хоккеистами должны были придерживаться определенных правил поведения. В рассматриваемый период как минимум дважды высшие лица государства решали вопросы, связанные с главной командой страны – в 1972 г., когда они дали «зеленый свет» на проведение серии игр со «звездами» канадского хоккея, и в 1977 г., когда для преодоления кризиса сборной по хоккею были использованы властные рычаги и новым старшим тренером сборной СССР и команды ЦСКА был назначен В.В. Тихонов.

Поступила в редакцию / Submitted: 8.06.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.11.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.12.2025

References

- Brezhnev, L.I. *Rabochie i dnevnikovye zapisi* [Work and diary entries]. Moscow: Istoricheskaya literatura Publ., 2016 (in Russian).
- Brezhnev, L.I. *Rabochie i dnevnikovye zapisi. Zapisi sekretarei Priemnoi L.I. Brezhneva* [Work and diary entries. Recordings of L.I. Brezhnev's receptionists]. Moscow: Istoricheskaya literatura Publ., 2016 (in Russian).
- Dokuchaev, M.S. *Ia okhranial Brezhneva i Gorbacheva. Otkroveniia generala KGB* [I guarded Brezhnev and Gorbachev. The revelations of the KGB General]. Moscow: Algoritm Publ., 2016 (in Russian).
- Gorbunov, A.A. *Anatolii Tarasov* [Anatoly Tarasov]. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2018 (in Russian).
- Hershberg, J. "Breaking the Ice: Alexei Kosygin and the Secret Background of the 1972 Hockey Summit Series." In *The Whole World Was Watching: Sport in the Cold War*, 59–72. Stanford: Stanford University Press, 2020.

⁸⁵ Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988. М., 2013. С. 453.

- Koloskov, V.I. *V igre i vne igrы: Vospominaniia o zhizni, sobytiakh, liudiakh* [In and out of the game: Memories of life, events, and people]. Moscow: Detektiv-Press Publ., 2008 (in Russian).
- Kukushkin, V.V. *Stenka na stenku. Khokkeinoe protivostoianie Kanada – Rossiia* [Wall to wall. Canada – Russia Hockey Match]. Moscow: Chelovek Publ., 2010 (in Russian).
- Maierov, B.A. *Khokkeinye perekrestki. Otkroveniia znamenitogo forvarda* [Hockey intersections. Revelations of the famous striker]. Moscow: Izdatel'stvo «EH» Publ., 2016 (in Russian).
- Makarychev, M.A. *Valerii Kharlamov* [Valery Kharlamov]. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2015 (in Russian).
- Medvedev, V.T. *Chelovek za spinoi* [The man behind the back]. Moscow: UP Print Publ., 2010 (in Russian).
- Mikhailov, B.P. *Khokkei v moem serdtse. Ob igre, druz'yakh i nedrugakh* [Hockey is in my heart. About the game, friends and foes]. Moscow: Izdatel'stvo «EH» Publ., 2016 (in Russian).
- Mlechin, L.M. *Brezhnev* [Brezhnev]. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2008 (in Russian).
- Petrov, A.D. *Tainy sovetskogo khokkeia* [Secrets of Soviet hockey]. Moscow: Ehksmo Publ., 2010 (in Russian).
- Pribytkov, V.V. *Apparat* [Apparatus]. St. Petersburg: VIS Publ., 1995 (in Russian).
- Prozumenshchikov, M.Yu. *Bol'shoi sport i bol'shaia politika* [Big sports and big politics]. Moscow: «Rossiiskaia politicheskaiia ehntsiklopediia» (ROSSPEHN) Publ., 2004 (in Russian).
- Razzakov, F.I. *Legendy otechestvennogo khokkeia* [Legends of Russian hockey]. Moscow: Ehksmo Publ., 2014 (in Russian).
- Rubin, E.M. *Pan ili propal! Zhizneopisanie* [Pan or gone! Biography]. Moscow: Zakharov Publ., 2000 (in Russian).
- Tikhonova, T.V. Viktor Tikhonov. *Zhizn' vo imya khokkeia* [Victor Tikhonov. Life in the name of hockey]. Moscow: Ehksmo Publ., 2016 (in Russian).
- Tret'yak, V.A. *Khokkeinaia ehpopeia* [Hockey Epic]. Moscow: TOO «Institut Leonardo» Publ., 1993 (in Russian).
- Vaikhanskii, S.M. *Zolotaia kniga sbornoii SSSR po khokkeiu* [The Golden Book of the USSR national hockey team]. St. Petersburg: Izdatel'skii dom «NevA» Publ.; Moscow: «OLMA-PRESS» Publ., 2002 (in Russian).
- Vukolov, N.N., and Tuzik, I.N. *Khokkeinye «zvezdy» Borisa Pavlovicha* [Boris Pavlovich's Hockey “stars”]. Moscow: Izdatel'stvo «Sport i kul'tura – 2000» Publ., 2009 (in Russian).
- Yakovlev, A.N. *Omут pamyati. Ot Stolypina do Putina* [A pool of memory. From Stolypin to Putin]. Moscow: «Vagrius» Publ., 2001 (in Russian).
- Yakushev, A.S. *Vse nachistotu. O khokkei i ne tol'ko* [Let's be honest. About hockey and more]. Moscow: Ehksmo Publ., 2016 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Сергей Николаевич Рудник, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II; Россия, 199106, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия, 2; Rudnik_SN@pers.spmi.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6851-3959>; SPIN-код: 3095-0603.

Sergey Nikolaevich Rudnik, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of History, Saint Petersburg Mining University; 2, liniya 21, Vasil'yevskiy ostrov, Str. Petersburg, 199106, Russia; Rudnik_SN@pers.spmi.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6851-3959>; SPIN-code: 3095-0603.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ
SOCIAL, POLITICAL AND ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-65-77>

EDN: XYEINK

Научная статья / Research article

История изменения штатного расписания совестных судов Российской империи в 1848 г.

Сергей Николаевич Подлесных

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова,
Воронеж, Россия
✉ agera3@yandex.ru

Аннотация: Исследуется деятельность Министерства юстиции Российской империи в 1848 г. (в том числе суждения министра юстиции графа В.Н. Панина) по изменению штатного расписания совестных судов. Введение в научный оборот ранее неопубликованных материалов из фондов Российского государственного исторического архива позволило раскрыть причины (официальные и неофициальные) и механизм изменения штатного расписания совестных судов. Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что совестные судьи были самыми финансово незащищенными служителями Фемиды в дореформенное время, хотя находились на губернском уровне в системе российского правосудия. В перечне нововведений временного штатного расписания совестных судов 1848 г. важное значение имела предложенная министром юстиции В.Н. Паниным полная отмена совестным судьям государственного жалованья, что официально объяснялось тем, что на данные должности избираются в основном состоятельные дворяне, финансово обеспеченные. На самом деле казенное жалованье играло важную роль для совестных судей, почему они опасались его отмены. Главной причиной полной отмены жалованья совестным судьям являлась подготовка к упразднению самого института ввиду того, что к этому времени совестные судьи, учрежденные в 1775 г., не вписывались в государственную бюрократическую систему, сложившуюся в эпоху Николая I, когда в отечественном судопроизводстве все больше утверждались принципы юридического позитивизма.

Ключевые слова: дореформенный суд, судейский корпус, материальное положение судей, судебная система, министерство юстиции, чиновничество, В.Н. Панин, жалованье заседателей от купечества

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Подлесных С.Н. История изменения штатного расписания совестных судов Российской империи в 1848 году // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 65–77. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-65-77>

© Подлесных С.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

History of Changes in Staffing Table of the Courts of Conscience in the Russian Empire in 1848

Sergey N. Podlesnykh

Voronezh State Forestry University named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

✉ agera3@yandex.ru

Abstract: The author examines the activities of the Ministry of Justice of the Russian Empire in 1848 (including the opinions of the Minister of Justice, Count V.N. Panin) regarding changes to the staffing schedule of courts of conscience. The introduction of previously unpublished materials from the collections of the Russian State Historical Archive has made it possible to uncover the reasons (official and unofficial) and mechanisms behind the changes to the staffing schedule of courts of conscience. The study concluded that judges of conscience were the most financially vulnerable servants of Themis in the pre-reform period, despite being located at the provincial level in the Russian justice system. Among the innovations in the temporary staffing schedule of courts of conscience in 1848, a significant one was the proposal by the Minister of Justice, V.N. Panin, to completely abolish state salaries for judges of conscience. This was officially explained by the fact that these positions were primarily filled by wealthy noblemen with financial security. In fact, the state salary played a significant role for conscientious judges, which is why they feared its abolition. The real reason for the complete abolition of the salary of judges of the courts of conscience was the preparation for their gradual closure and abolition. The courts of conscience were established in 1775, and by the very essence of their activities, contradicted the bureaucratic system of the era of Nicholas I as legal positivism was increasingly expanding its influence on domestic legal proceedings.

Keywords: pre-reform court, judicial corps, financial situation of judges, judicial system, Ministry of Justice, bureaucracy, V.N. Panin, salaries of assessors from merchants

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Podlesnykh, S.N. “History of Changes in Staffing Table of the Courts of Conscience in the Russian Empire in 1848.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 65–77 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-65-77>

Введение

Актуальность исследования заключается, во-первых, в самой важности темы, раскрывающей одну из гарантий отправления судьями независимого и объективного правосудия при условии достойного уровня материального положения отдельно взятого судьи; во-вторых, в источниковедческом значении, заключающемся в использовании при рассмотрении истории изменения штатного расписания совестных судов Российской империи в 1848 г. архивных документов, ранее не вводившихся в научный оборот; в-третьих, в историографическом значении, которое определяется тем, что в отечественной научной мысли теме эволюции совестных судов в первой половине XIX в. уделено недостаточно внимания, вопрос финансирования совестных судов, изменения их штатного расписания практически не освещен, в этой связи представленная тема требует дополнительного изучения.

Степень изученности проблемы. К вопросу анализа истории отечественных совестных судов обращались еще дореволюционные исследователи. К примеру, необходимо выделить классические работы Г.М. Бараца¹, И.М. Наумова². В советской исторической науке отдельных работ по истории совестных судов не выходило. На

¹ *Барац Г.М.* Очерк происхождения и постепенного затем упразднения в России совестных судов и суда по совести: Историко-юридический этюд. СПб., 1893.

² *Наумов И.М.* Мои мысли о совестном суде и признательность к памяти Преосвященного Митрополита Амвросия. СПб., 1830.

современном этапе развития российской исторической науки у исследователей наметился некоторый интерес к вопросам истории деятельности совестных судов Российской империи. Такие ученые, как Т.Д. Валуйская³, В.А. Воропанов⁴, И.С. Ефремова⁵, В.А. Илюхина и С.Ю. Агафонов⁶, Е.А. Кузнецова⁷, Л.Ю. Мхитарян⁸, Ц.Ц. Мясникова⁹, В.Г. Нестолий¹⁰, Е.В. Разумов¹¹, А.А. Самсонов¹², Л.М. Свердлова¹³, Н.В. Старикова¹⁴, наметили в своих публикациях контуры некоторых проблем в деятельности совестных судов, в том числе с учетом региональных особенностей. Однако данные авторы не останавливались на вопросах финансирования совестных судов. Среди работ современных авторов, которые посвящены вопросам финансирования совестных судов, выделяется исследование Ю.В. Баранова¹⁵. Вместе с тем вопрос финансирования совестных судов нуждается в дополнительном анализе, основу которого в настоящей статье составляют архивные документы, вводимые в научный оборот впервые.

Целью исследования является рассмотрение финансового положения совестных судов к середине XIX в. и выявление причин изменения их штатного расписания, приведшего в 1848 г. к отмене назначаемых всем совестным судьям окладов.

Источниковой базой исследования послужили архивные и опубликованные документы. К первой группе относится делопроизводственная документация из фон-

³ Валуйская Т.Д. История становления и развития российского уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних // Юридический факт. 2022. № 161. С. 9–14. EDN: QVNSOY

⁴ Воропанов В.А. Практика совестных судов на Урале и в Западной Сибири (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Научный вестник Уральского академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2010. № 2. С. 126–130. EDN: MOUFKD

⁵ Ефремова И.С. «Охота на ведьм» в курском наместничестве в XVIII веке (по материалам Городового магистрата и совестного суда) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 1. С. 1–5. EDN: VXHYTA

⁶ Илюхина В.А., Агафонов С.Ю. Институт совестного суда в Российской империи (1775–1852) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2024. № 1. С. 23–32. <https://doi.org/10.24412/2309-152-2024-1-23-32> EDN: BXJZNP

⁷ Кузнецова Е.А. Чародейство, обман или безвредная шутка: диалог о магических практиках в следственных делах совестных судов первой половины XIX в. // Фольклор: структура, типология, семантика. 2023. Т. 6. № 1. С. 10–73. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-1-10-73> EDN: KGUDOI

⁸ Мхитарян Л.Ю. Деятельность совестных судов в дореволюционной России (на примере Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. С. 37–43. EDN: SAJTLR

⁹ Мясникова Ц.Ц. К биографии совестного судьи Я.С. Яншина // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 частях, Чита, 18 сентября 2020 г. Чита, 2020. Ч. 1. С. 92–94. EDN: GUGBND

¹⁰ Нестолий В.Г. Державинский проект совестного третейского суда // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: Материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию со дня рождения Г.Р. Державина, Иркутск, 29 сентября 2023 г. Иркутск, 2023. С. 406–410. EDN: UCWZNC

¹¹ Разумов Е.В. Становление системы совестных судов в Российской империи // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 286–288. EDN: SXSUTL

¹² Самсонов А.А. Новгородский совестный суд // История государства и права. 2015. № 6. С. 42–47. EDN: TLOFAP

¹³ Свердлова Л.М. Казанский совестный суд, как суд примирительной инициативы // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сборник. 2013. № 3. С. 214–220. EDN: TETXVX

¹⁴ Старикова Н.В. Совестный суд в судебной системе Екатерины II (по материалам Нижегородской губернии) // Вестник Мининского университета. 2013. № 4. С. 6. EDN: SGNNJF

¹⁵ Баранов Ю.В. Финансовое обеспечение Московского совестного суда (1782–1861 гг.) // Наука и новация: современные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и уголовного права: Сборник научных статей по материалам межвузовской научно-практической конференции, Москва, 19 февраля 2018 г. / Отв. ред. Э.Х. Надысева. М., 2018. С. 21–26. EDN: UVHCOI

дов «Департамент законов Государственного совета» (Ф. 1149), «Департамент государственной экономии Государственного совета» (Ф. 1152) Российского государственного исторического архива. Вторая группа представлена тематическими сборниками документов и документами личного происхождения (дневник А.А. Половцова, воспоминания совестного судьи В.П. Орлова-Давыдова).

Методологической основой работы явились как общие, так и частные методы научного познания: метод структурного анализа, который позволил оценить финансовое положение совестных судов в Российской империи к середине XIX в.; историко-сравнительный метод, с помощью которого в статье проведен сравнительный анализ экономических показателей по губерниям России, а также окладов некоторых должностей в судебных учреждениях империи; историко-системный метод, который позволил проанализировать особенности деятельности совестных судов; формально-логический метод, с помощью которого был проведен анализ действующего отечественного законодательства в вопросе организации деятельности и материального обеспечения совестных судов; в статье также использовались иные методы научного познания.

Общая характеристика финансового положения совестных судов

Совестные суды были учреждены Екатериной II в 1775 г. и в том числе явились отражением политики просвещенного абсолютизма. В губернии учреждался только один совестный суд, который возглавлялся председателем. В качестве заседателей выступали по два представителя от дворянства, купечества и крестьян. Эти судебные учреждения относились к всеобщим органам правосудия и рассматривали как уголовные, так и гражданские дела. Одна из особенностей данного суда заключалась в том, что свои решения совестный судья основывал не только на нормах законодательства, но и на идеях «естественного права». В качестве примера таковых можно назвать: «человеколюбие», «почтение к личности ближнего, как к человеку», «отвращение от угнетения или притеснения человечества». Компетенцию совестного суда в уголовном судопроизводстве составляли дела о преступлениях, совершенных безумными, глухонемыми, малолетними и бродягами, дела о колдовстве, дела об оскорблении родителей детьми, дела о преступлениях, которые совершены случайно, дела по жалобам о содержании под стражей более трех дней без допроса. Компетенцию совестного суда в гражданском судопроизводстве составляли две категории дел: дела, по которым обе спорящие стороны по обоюдному согласию желают, чтобы их спор рассматривал совестный суд; дела между родителями и детьми по имуществу. Решения совестного суда можно было обжаловать в Правительствующем Сенате. Необходимо отметить, что совестный суд в основном был нацелен на защиту частного интереса, который всевозможными способами гасился в России периода правления Николая I¹⁶.

Недофинансирование судебного ведомства в дореформенное время было хронической проблемой государственного аппарата Российской империи. Сравнительный анализ показывает, что судьи имели оклады гораздо меньшие, чем их коллеги по другим ведомствам государственного управления. Годовой оклад председателя судебной палаты на 1851 г. составлял от 1 120 руб. до 1 743 руб. 66 коп.¹⁷ Оклад уезд-

¹⁶ Подлесных С.Н. Совестные суды в Российской империи как альтернатива формальному судопроизводству: 1775–1866 годы // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 10. С. 445–462. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-445-462> EDN: AEXGOO

¹⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1152. Оп. 4. Д. 113. Л. 169.

ного судьи в большинстве губерний на тот же год – 343 руб. 10 коп., оклад московского надворного судьи – 428 руб. 88 коп. Оклад совестного судьи за тот же год равнялся 171 руб. 59 коп.¹⁸

Современники оценивали материальное положение отечественных судей как одно из самых низких среди всех ведомств Российской империи. Так, государственный и общественный деятель А.А. Половцов, вспоминая дореформенное время, в своем дневнике за 1865 г. отмечал, что «содержания были раздаваемы судьям самые скудные...»¹⁹.

Особо сложная ситуация с материальным положением складывалась в совестных судах. Штаты по этим судебным учреждениям не увеличивались с XVIII в. Так, в июне 1847 г. чиновники министерства юстиции писали:

...содержание для служащих в суде было определено Высочайше утвержденным штатом еще 29 января 1780 года столь скудно, что недостаточно даже на дневное пропитание и так несообразно в сравнении с другими присутственными местами, что в оных получают жалованья старшие писцы более, нежели в совестном суде член, состоящий по должности в VII классе²⁰.

Ю.В. Баранов, исследовавший финансирование московского совестного суда, в качестве причин низкого материального обеспечения совестных судов называет их малую эффективность²¹. Действительно, как показывает представленная в архиве статистика, за первую половину XIX в. в совестных судах рассматривалось незначительное количество дел. К примеру, одной из губерний, где количество дел, производящихся за год, было одним из самых минимальных по Российской империи, являлась Архангельская губерния. За 1844 г. в Архангельском совестном суде было рассмотрено 20 дел, в 1845 г. – 17 дел. Когда за эти же годы в Архангельской палате уголовного и гражданского суда было рассмотрено 419 и 554 дела соответственно²². Такая незначительная эффективность привела к закрытию в 1847 г. совестного суда в Архангельской губернии²³.

Однако небольшое количество рассматриваемых в совестных судах дел было только поводом для низкого финансирования их членов, а впоследствии к их поэтапному закрытию. Как указывает Л.Ф. Писарькова, «развитие государственного управления пошло по пути дальнейшей централизации и бюрократизации управления»²⁴. Такая политика государства противоречила деятельности совестных судов как альтернативы формальному судопроизводству. На наш взгляд, одна из реальных причин (возможно, самая главная) низкого финансирования совестных судов крылась в самой сущности совестных судов, которые все более не вписывались в систему государственного управления николаевской России.

Штат совестного суда к концу 1840-х гг. состоял из судьи, двух заседателей от дворянства, двух заседателей от купечества, двух заседателей от поселян и сотрудников канцелярии. В Бессарабской губернии также был секретарь²⁵.

¹⁸ РГИА. Ф. 1152. Оп. 4. Д. 113. Л. 274, 292.

¹⁹ Половцов А.А. Дневник. 1859–1882. М., 2022. Т. 1. С. 296. EDN: CWQUQV

²⁰ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 75. Л. 7 об.

²¹ Баранов Ю.В. Финансовое обеспечение Московского совестного суда... С. 25.

²² РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 75. Л. 11–11 об.

²³ Там же. Л. 18.

²⁴ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой трети XIX в. М., 2019. С. 310. EDN: XNWVPO

²⁵ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 27. Л. 8.

Ряд авторов в своих исследованиях указывает, что из сословных заседателей жалованье получали только дворяне.²⁶ Однако это совсем не так.

По существующим штатам (1847 г.) на содержание совестных судов отпускались следующие суммы в год:

- оклад судьи – 171 руб. 59 коп.;
- оклад заседателя от дворянства – 102 руб. 91 коп.;
- оклад заседателя от поселян – 28 руб. 58 коп.²⁷

Необходимо отметить, что жалованье заседателям от купечества платило не государство, а сама купеческая корпорация.

Для сравнения не судейский состав, а канцелярский в судебных палатах губерний на 1847 г. имел следующие оклады:

- столоначальник – 200 руб. 5 коп.;
- писец среднего разряда – 57 руб. 58 коп.;
- писец низшего разряда – 51 руб. 45 коп.;
- на паек и обмундировку каждому – 22 руб. 86 коп.²⁸

Как видим, хотя совестный суд и занимал губернский уровень правосудия, как судебные палаты, однако в финансовом отношении им значительно уступал. В судебной палате даже начальник стола имел оклад больше, чем совестный судья.

Однако в ряде губерний Российской империи финансирование совестных судов было немного выше. В Московском и Новгородском совестных судах на 1847 г. оклады в год были следующие:

- оклад судьи – 214 руб. 43 коп.;
- оклад заседателя от дворянства – 171 руб. 59 коп.;
- оклад заседателя от поселян – 28 руб. 58 коп.²⁹

В Бессарабском совестном суде оклады были самые высокие. Так, на 1847 г. они составляли:

- оклад судьи – 700 руб.;
- оклад заседателя от дворянства – 300 руб.;
- оклад заседателя от поселян – 75 руб.;
- оклад секретаря – 300 руб.³⁰

На канцелярских служащих расходы в год тратились в разных губерниях разные суммы: от минимальных 222 руб. 80 коп., к примеру, в Пензенской губернии, до максимальных 1000 руб. в Бессарабской губернии³¹.

Пересмотр штатного расписания совестных судов Министерством юстиции

Поводом для пересмотра штатного расписания совестных судов послужило принятие в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. В силу ст. ст. 145–146 названного документа возраст уголовной ответственности несовершеннолетних был повышен с 17 лет до 21 года³². Это привело к тому, что количество дел, поступающих в совестные суды, резко возросло, так как основная

²⁶ Морякова О.В. Система местного управления при Николае I. М., 1998. С. 92.

²⁷ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 27. Л. 7–8.

²⁸ Там же. Д. 75. Л. 11 об.

²⁹ Там же. 3. Д. 27. Л. 7.

³⁰ Там же. Л. 8.

³¹ Там же. Л. 7–8.

³² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 47–48.

масса дел в этом виде судебных учреждений рассматривалась именно в связи с преступлениями несовершеннолетних.

25 февраля 1848 г. министр юстиции граф В.Н. Панин направил государственному секретарю Российской империи записку о новых штатах для совестных судов следующего содержания:

Для соображений по сему предмету собраны были от губернских прокуроров точные и верные сведения о числе подсудимых от 17 до 21 года в продолжение последних трех лет, и о числе дел, к коим они были прикосновенны, с показанием числа дел, по коим не было подсудимых другого возраста. Вместе с тем поступили в министерство юстиции представления от многих совестных судов и главных начальников губерний, объяснявших совершенно затруднительное положение сих судебных мест при настоящих средствах содержания сих судов³³.

При составлении новых штатов 1848 г. в том числе учитывались цены в конкретных губерниях³⁴. В штатное расписание не вошли Санкт-Петербургский совестный суд, который уже получил новое устройство в соответствии с законом от 5 ноября 1847 г.³⁵, и совестные суды кавказских и закавказских губерний. Также не включались упраздненные к этому моменту Астраханский и Архангельский совестные суды³⁶. Было решено исключить финансирование Олонецкого совестного суда, который предполагалось упразднить³⁷. Всего в штаты 1848 г. включалось 40 совестных судов³⁸. В общей сложности увеличение финансирования по всем совестным судам требовалось на сумму 55 139 руб. 48 коп. серебром³⁹.

Как свидетельствуют документы Министерства юстиции, все совестные суды были поделены на три разряда с указанием количества дел, произведенных в 1843–1845 гг.:

– I разряд: Вятский (493), Пермский (398), Полтавский (390), Московский (388), Саратовский (384), Киевский (372), Черниговский (313);

– II разряд: Оренбургский (275), Херсонский (263), Волынский (242), Подольский (231), Рязанский (215), Харьковский (207), Казанский (201), Новгородский (196), Бессарабский (192), Ковенский (192), Орловский (173), Виленский (169), Тамбовский (167), Владимирский (163), Минский (160), Таврический (157).

– III разряд: Тверской (145), Симбирский (141), Курский (139), Екатеринославский (138), Могилевский (134), Нижегородский (126), Витебский (124), Костромской (116), Псковский (116), Ярославский (115), Калужский (111), Тульский (103), Пензенский (102), Гродненский (100), Воронежский (97), Вологодский (93), Смоленский (70)⁴⁰.

Таким образом, к I разряду Министерством юстиции причислялись суды, в которых за указанные годы в общей сложности было произведено более 300 дел. Ко II разряду относились суды, в которых за тот же период было произведено от 150 до 300 дел. В III разряд включались суды, которые за рассматриваемый период рассмотрели менее 150 дел.

³³ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 27. Л. 2 об. – 3.

³⁴ Там же. Л. 4.

³⁵ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О новом штате Санкт-Петербургского совестного суда» от 5 ноября 1847 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1848. Собрание 2. Т. 22. Отд. 1. № 21684. С. 837–838.

³⁶ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 75.

³⁷ Там же. Д. 76.

³⁸ Там же. Д. 27. Л. 9–10.

³⁹ Там же. Л. 5 об.

⁴⁰ Там же. Л. 11–11 об.

По сведениям Министерства внутренних дел, «о ценах на необходимые потребности жизни, сообразно основаниям, принятым при составлении штатов для всех вообще мест министерства юстиции», все губернии Российской империи были поделены на три группы:

– «дорогие губернии»: Витебская, Новгородская, Псковская;

– «средние губернии»: Бессарабская, Виленская, Владимирская, Вологодская, Гродненская, Калужская, Ковенская, Костромская, Минская, Могилевская, Нижегородская, Смоленская, Таврическая, Тверская, Херсонская, Ярославская;

– «дешевые губернии»: Волынская, Воронежская, Вятская, Екатиринославская, Казанская, Киевская, Курская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская, Полтавская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Черниговская⁴¹.

В бюджете государства необходимых денег на финансирование совестных судов не было. Тогда Министерство юстиции решило поступить оригинальным образом – полностью отменить жалование всем совестным судьям. Впервые практика полной отмены жалования коснулась Санкт-Петербургского совестного суда на основании акта «О новом штате Санкт-Петербургского совестного суда» от 5 ноября 1847 г.⁴². Такое правило действовало не с 1 января 1848 г., как в случае с канцелярией этого суда, а с новых выборов совестного судьи, «а до того времени оставить их при получаемом ныне содержании»⁴³.

В записке В.Н. Панина на имя государственного секретаря говорилось:

Не предполагая изменять состава присутствия совестных судов, а обращаясь к жалованью, получаемому ныне совестными судьями, министр юстиции находит, что в должность эту преимущественно избираются почтеннейшие из дворян губерний всегда более или менее имеющие возможность жить своими собственными средствами и не нуждающиеся в том умеренном жалованье, которое получают ныне и которое обыкновенно жертвуют на усиление канцелярии⁴⁴.

Важно заметить, что к председателям судебных палат у министра В.Н. Панина было совершенно иное отношение. Не платить за работу предлагалось только совестным судьям. Министр юстиции прямо писал, что, если увеличить жалование совестным судьям до уровня председателей судебных палат, то это «повлекло бы к значительным расходам». По мнению министра, выборы в совестные судьи несостоятельного дворянина – это «случайные обстоятельства», а смысл работы совестных судей заключался в том, чтобы

с пользою исполнять важные обязанности, на них возложенные, и оправдать тем доверие избирателей, должны иметь независимое состояние, которое кроме личных достоинств давало бы им возможность занимать почетное место в обществе⁴⁵.

На самом деле В.Н. Панин был не прав. Жалование для совестного судьи имело большое значение. Так, судья и сословные представители Московского совестного суда, узнав об изменениях в штатном расписании своего учреждения, высказали опасения по поводу лишения их жалованья⁴⁶.

⁴¹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 27. Л. 10 об. – 11 об.

⁴² Там же. Оп. 3 1847 Д. 76.

⁴³ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О новом штате Санкт-Петербургского совестного суда»... С. 837–838.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 27. Л. 12–12 об.

⁴⁵ Там же. Л. 13.

⁴⁶ Баранов Ю.В. Финансовое обеспечение Московского совестного суда... С. 23–24.

Получалось, что, убрав из штатного расписания жалование всем совестным судьям, бюджет в год сэкономил на этом 7 477 руб. 69 коп. серебром. Этим денег все равно не хватало, чтобы покрыть незапланированное увеличение финансирования.

Жалование совестных судей предполагалось распределить между заседателями от дворянства. Министр юстиции отмечал:

заседатели, хотя также избираемые дворянством, но весьма часто из небогатых помещиков, более, нежели совестный судья, нуждаются в увеличении оклада жалованья⁴⁷.

В двух губерниях Российской империи (Вятской и Пермской), где местное дворянство составляло незначительную по численности корпорацию, судьи не избирались, а назначались от правительства. В этих губерниях жалование совестным судьям убирать не планировалось⁴⁸.

Ввиду названных причин министр юстиции В.Н. Панин подытоживал:

По сим соображениям и дабы привлечь для замещения этих должностей способных и добросовестных чиновников министр юстиции полагает назначить совестным судьям в Вятской и Пермской губерниях 1 500 руб., а каждому заседателю 500 руб. серебром жалованья⁴⁹.

В Министерстве юстиции понимали, что полное отсутствие жалованья у совестных судей «отвлечет многих способных и добросовестных людей от принятия на себя этой обязанности». Именно поэтому упор делался не на финансовые выгоды по службе совестным судьей, а на общественное признание и уважение к самой должности. Предлагалось, как и у председателей судебных палат, если совестный судья, избираемый на должность, «прослужив по выбору дворянства своей губернии или округа ревностно, беспорочно и к общему удовольствию дворян» два срока (т.е. 12 лет), хотя бы и не подряд и быв избран на третий срок, имеет право на получение ордена Св. Владимира. Также предлагалось по получении названного ордена награждать совестных судей орденом Св. Анны II-й степени, если они прослужили еще один срок⁵⁰.

Жалование заседателей от купечества было решено не повышать, хотя их содержала сословная корпорация. Интересна позиция министра юстиции В.Н. Панина относительно роли и места заседателей от поселян:

избираемые в совестные суды заседатели от поселян, не имеющие не только никаких оснований законоведения, но весьма редко знающие грамоту, совершенно бесполезны в составе присутствий и употребляют нередко по судебным местам к служительским занятиям несоответствующим достоинству возложенного на них звания⁵¹.

Данное суждение министра подтверждал граф В.П. Орлов-Давыдов, являвшийся совестным судьей в Санкт-Петербурге в 1848–1852 гг. Он писал по этому поводу:

я испытал особые затруднения в совершенном незнании министрами порядка судопроизводства в совестном суде и самого закона, которым сей суд был связан⁵².

⁴⁷ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 27. Л. 14 об.

⁴⁸ Там же. Л. 15 об.

⁴⁹ Там же. Л. 16.

⁵⁰ Там же. Л. 17–18.

⁵¹ Там же. Л. 18 об.

⁵² Орлов-Давыдов В.П. Воспоминания совестного судьи (1848–1852 гг.) // Русский архив. 1880. Кн. 2 С. 409.

К середине XIX в. уже мало кто понимал сущность учрежденных Екатериной II совестных судов. В государственной деятельности к этому времени господствовал позитивизм и историческая правовая методология⁵³, противоположная деятельности совестных судов.

Будучи «позитивистом-государственником», В.Н. Панин выступал за формальное судопроизводство, подавляя идеи естественного права. Как отмечает Н.А. Могилевский, В.Н. Панин «в глазах многих современников был живым воплощением николаевской системы»⁵⁴. В отчетах III отделения Его Собственного Императорского Величества канцелярии за 1857 г. его называли «обыкновенным бюрократом»:

В лице графа Панина является не столько министр, сколько обыкновенный бюрократ, который не смеет переступить обведенного произвольно им же самим около себя круга, и судебная часть находится у нас в положении не лучшем, в каком была при генерал-прокурорах⁵⁵.

Таким образом, из анализа министерской документации относительно критериев, в соответствии с которыми распределялись средства между совестными судами, можно прийти к следующим выводам. В отличие от штатов последней четверти XVIII в., в основу финансирования совестных судов после 1848 г. было положено два критерия:

- количество производящихся дел за отчетный период в конкретном судебном учреждении (чем больше дел рассматривалось, тем больше денег отпускалось);
- цены «на необходимые потребности жизни» по конкретной губернии (чем «дороже» губерния, тем больше денег отпускалось).

Секретарям совестных судов предполагалось назначить денежное содержание в год в следующих объемах:

- дорогие губернии – 300 руб.;
- средние губернии – 250 руб.;
- дешевые губернии – 200 руб.

Для большего поощрения совестные судьи могли предоставить секретарям, которые «особым усердием обратят на себя внимание начальства», право на получение столовых денег в размере 170 руб. 71 коп.⁵⁶

Столоначальникам во всех губерниях назначалось жалованье в 120 руб. и квартирных по 48 руб. Во всех губерниях писцам среднего разряда назначалось жалованье в 78 руб., писцам низшего разряда – в 48 руб. Писцам также выделялись деньги на паек и обмундировку. Регистратору в дорогих губерниях назначалось жалованье в 276 руб., в средних губерниях – 240 руб., в дешевых губерниях – 216 руб.

5 апреля 1848 г. проект министра юстиции утвердило общее собрание Государственного совета⁵⁷. Временные штаты в отношении канцелярии приводились в исполнение с момента издания высочайше утвержденного мнения Государственного совета, то есть с 3 мая 1848 г. В отношении совестных судей и заседателей временные

⁵³ Фролова Е.А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 2. С. 76. EDN: QBJDQT

⁵⁴ Могилевский Н.А. Российская имперская бюрократия и проблема формирования нового управленческого этоса в преддверии Великих реформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 161. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-155-166> EDN: TCJSAX

⁵⁵ Россия под надзором: отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов. Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 459.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 27. Л. 21 об.

⁵⁷ Там же. Л. 41.

штаты приводились в исполнение «при новых в каждой губернии выборах в сии должности». До новых выборов содержание судей и заседателей оставалось прежним. Действие этих штатов было ограничено трехлетним сроком, по истечении которого министр юстиции мог войти с представлением «или об окончательном утверждении тех штатов, или об изменении оных по обстоятельствам, какие опытом указаны будут».⁵⁸ По положению Комитета министров 1 мая 1851 г. действие временных штатов было продлено еще на один год⁵⁹.

9 апреля 1852 г. министр юстиции В.Н. Панин направил в адрес государственного секретаря записку о постоянных штатах для совестных судов. Среди прочего в 18 губерниях империи предлагалось совестные суды закрыть. При рассмотрении упомянутой записки граф В.Н. Панин имел желание лично присутствовать на заседании департамента законов Государственного совета⁶⁰.

25 июня 1852 г. мнение Государственного совета «О штатах совестных судов» было высочайше утверждено. Совестные судьи окончательно лишались окладов, в 18 губерниях Российской империи совестные суды как учреждения были закрыты⁶¹. Однако это не означало, что «совестное» судопроизводство в России более не существовало. Согласно упомянутого закона от 25 июня 1852 г. данный вид судопроизводства был передан местным судебным палатам. В этой связи одной из целей закрытия совестных судов как самостоятельных учреждений была экономия бюджетных средств. Ведь и после передачи в судебные палаты компетенции совестных судов финансирование местных судебных палат повышено не было.

Заключение

Совестные судьи России в финансовом отношении были самыми незащищенными среди судей губерний империи (по отношению к судьям в судебных палатах и уездным судьям). Основной причиной к таковому положению являлось то обстоятельство, что совестные суды в силу специфики своей деятельности, в большей степени основывали свои решения на внутреннем убеждении, тем самым являясь альтернативой формальному судопроизводству. В условиях николаевской России, где государственное управление было ориентировано на этатистскую модель прусско-австрийского образца, совестным судам не оставалось места в системе огромного бюрократического аппарата. В том числе данное обстоятельство приводило к тому, что совестные суды, призванные отправлять как и другие судебные учреждения империи, функции правосудия, не выдерживали конкуренции с судами, построенными на формальных принципах разрешения юридических конфликтов.

В основе изменения штатного расписания совестных судов в 1848 г., подрывавшего и без того их хрупкое положение, лежали причины разного характера. В качестве официальной причины указывалось на малое количество дел, поступавших в совестные суды, и на то обстоятельство, что в совестные судьи избирались финансово состоятельные дворяне. Неофициальную причину изменения штатного расписания совестных судов в 1848 г. можно обнаружить в несоответствии сущности совестного разбирательства основным принципам формального судебного процесса,

⁵⁸ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О временных штатах совестных судов» от 3 мая 1848 г. // ПСЗРИ. СПб., 1849. Собрание 2. Т. 23. Отд. 1. № 22232. С. 284–285.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 4. Д. 48. Л. 3–3 об.

⁶⁰ Там же. Л. 1.

⁶¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О штатах совестных судов» от 25 июня 1852 г. // ПСЗРИ. СПб., 1853. Собрание 2. Т. XXVII. Отд. I. № 26396. С. 434–436.

господствующего в дореформенной России, при котором роль внутреннего убеждения судьи сводилась к минимуму.

Большую роль в изменении штатного расписания совестных судов в 1848 г. сыграл министр юстиции В.Н. Панин, придерживавшийся идей юридического позитивизма и который буквально «продавливал» своим авторитетом требование полной отмены окладов совестным судьям.

Противоречивость совестного разбирательства и господствующей в России философии юридического позитивизма повлияла на построение судебной системы в ходе реализации судебной реформы 1864 г. С одной стороны, законодатель снял рассматриваемое противоречие исключением из позитивного права максимального количества положений, основанных на идеях естественного права, при доминирующей роли в судебных решениях формального закона. С другой стороны, понятия «совесть», «внутреннее убеждение» полностью не были исключены из позднеимперского законодательства. Совестные суды имели определенное влияние на развитие института мировой юстиции в России. Борьба идей естественного права и юридического позитивизма получила свое продолжение в конце XIX в., когда в России оформляется теория «возрожденного естественного права». Опыт совестных судов дореформенного времени был весьма полезен при составлении проекта Верховного совестного суда, который подготавливался комиссией министра юстиции Н.В. Муравьева. В судебной практике именно деятельность совестного суда показывала непримиримый антагонизм естественного права и позитивного права.

Поступила в редакцию / Submitted: 21.04.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 22.10.1025

Принята к публикации / Accepted for publication: 30.11.2025

References

- Baranov, Yu.V. “Finansovoe obespechenie Moskovskogo sovestnogo suda (1782–1861 gg.) [Financial support of the Moscow Court of Conscience (1782–1861)].” In *Nauka i novatsiia: sovremennye problemy teorii i praktiki ugovolnogo sudoproizvodstva i ugovolnogo prava: Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 19 fevralya 2018.*, 21–26. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet Publ., 2018 (in Russian).
- Barats, G.M. *Ocherk proiskhozhdeniia i postepennogo zatem uprazhneniia v Rossii sovestnykh sudov i suda po sovesti: Istoriko-iuridicheskii etyud* [Essay on the origin and gradual development of conscience in Russia and the conscience courts: Historical and legal studies]. St. Petersburg: Tipografiia Pravitel'stvennogo Senata Publ., 1893 (in Russian).
- Efremova, I.S. “Witch hunt” in the Kursk viceroyalty in the XVIII century (based on the materials of the City magistrate and the conscience court).” *Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, no. 1 (2019): 1–5 (in Russian).
- Frolova, E.A. “The theory of natural law (historical and theoretical aspects).” *Moscow University Bulletin. Series II. Law*, no. 2 (2013): 71–77 (in Russian).
- Ilyukhina, V.A., and Agafonov, S.Yu. “Institute of the Conscience court in the Russian Empire (1775–1852). Historical and legal problems: a new perspective, no. 1 (2024): 23–32 (in Russian), <https://doi.org/10.24412/2309-152-2024-1-23-32>
- Kuznetsova, E.A. “Sorcery, deception or harmless joke. Dialogue about magical practices in Court of Equity’s cases in the first half of the 19th century.” *Folklore: Structure, Typology, Semiotics* 6, no. 1 (2023): 10–73 (in Russian), <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-1-10-73>
- Mogilevskii, N.A. “Russia’s Imperial Bureaucracy and the Problem of Forming New Managerial Ethos on the Eve of the Great Reforms.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (2024): 155–166 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-155-166>

- Moryakova, O.V. *Sistema mestnogo upravleniia pri Nikolae I* [The system of local government under Nicholas I]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1998 (in Russian).
- Mkhitarian, L. Yu. "Activities of conscientious courts in pre-revolutionary Russia (for example of Perm province)." *Perm university herald. Juridical sciences*, no. 1 (2014): 37–43 (in Russian).
- Myasnikova, Ts. Ts. "K biografii sovestnogo sud'i Ia.S. Ianshina [On the biography of the conscientious judge Ya.S. Yanshin]." In *Prigranichnyi region v istoricheskom razvitii: partnerstvo i sotrudnichestvo: mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia posvyashchennaia 75-letiiu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine: v 2 chastyakh, Chita, 18 sentyabrya 2020*, 92–94. Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet Publ., 2020 (in Russian).
- Naumov, I.M. *Moi mysli o sovestnom sude i priznatel'nost' k pamyati Preosvyashchennogo Mitropolita Amvrosiia* [My thoughts on the court of conscience and gratitude to the memory of His Eminence Metropolitan Ambrose]. St. Petersburg: Tipografiia Glavnogo upravleniia zheleznkh dorog Publ., 1830 (in Russian).
- Nestolii, V.G. "Derzhavinskii proekt sovestnogo treteiskogo suda [Derzhavin's project of a joint arbitration court]." In *Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnykh stran: Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 29 sentyabrya 2023*, 406–410. Irkutsk: VGUIU (RPA Ministerstva iustitsii Rossii) Publ., 2023. (in Russian).
- Pisar'kova, L.F. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoi treti XIX v.* [Public administration of Russia in the first third of the 19th century]. Moscow: Novy Khronograf Publ., 2019 (in Russian).
- Podlesnykh, S.N. "Justices of Peace in Russian Empire as an Alternative to Formal Judicial Proceedings: 1775–1866." *Nauchnyi Dialog* 13, no. 10 (2024): 445–462 (in Russian), <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-445-462>
- Razumov, E.V. "Formation of the system of conscientious courts in the Russian Empire." *Bulletin of the Chuvash University*, no. 3 (2014): 286–288 (in Russian).
- Samsonov, A.A. "Novgorod Court of Conscience." *History of the State and Law*, no. 6 (2015): 42–47 (in Russian).
- Sverdlova, L.M. "Kazan conscience court as court of a conciliatory Initiative." *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*, no. 3 (2013): 214–220 (in Russian).
- Starikova, N.V. "Conscientious court in the judicial system of Ekaterina ii (based on the Nizhny Novgorod region)." *Vestnik of Minin University*, no. 4 (2013): 6 (in Russian).
- Valuiskaya, T.D. "History of the formation and development of Russian criminal proceedings in regard to Minors." *Yuridicheskii Fakt*, no. 161 (2022): 9–14 (in Russian).
- Voropanov, V.A. "The practice of the fair courts in the Urals and Western Siberia in the late XVIII – early XIX century." *Scientific Bulletin of the Ural Academy of State Services: Politology, Economics, Sociology, Law*, no. 2 (2010): 126–130 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Сергей Николаевич Подлесных, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова; Россия, 394087, Воронеж, ул. Тимирязева, 8; agera3@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-2613-5777>; SPIN-код: 4123-7337.

Sergey Nikolaevich Podlesnykh, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Voronezh State Forest Engineering University named after G.F. Morozov; 8, ul. Timiryazeva, Voronezh, 394087, Russia; agera3@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-2613-5777>; SPIN-code: 4123-7337.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-78-98>

EDN: YBZIMF

Научная статья / Research article

Китайское направление внешнеполитической пропаганды в деятельности Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны

Владимир Николаевич Прямицын ^a,
Марина Николаевна Мосейкина ^b,
Елена Валерьевна Кряжева-Карцева ^b

^a Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Россия

^b Российский университет дружбы народов

 moseykina-mn@rudn.ru

Аннотация. Исследуется роль советской внешнеполитической пропаганды в годы Великой Отечественной войны на китайском направлении. Представлены основные структуры, осуществлявшие в СССР информационно-пропагандистскую деятельность за рубежом накануне и в годы войны. Главное внимание при этом уделяется деятельности Советского информбюро и находившихся под его руководством советских антифашистских комитетов. На основе анализа корпуса документов из фондов Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории определены основные формы и направления информационно-пропагандистской деятельности Совинформбюро на территории Китая. Среди них называются обмен информационными материалами с китайской прессой, издание информационных бюллетеней пресс-бюро Посольства СССР в Чуньцине, организация радиовещания на китайскую аудиторию. Авторы приходят к выводу, что внешнеполитическая пропаганда периода Великой Отечественной войны имела важное стратегическое значение для противостояния врагу в информационном пространстве и формирования положительного образа СССР в борьбе против фашизма. Важную роль в этом сыграло Совинформбюро, деятельность которого на китайском направлении, несмотря на определенные трудности (территориальная удаленность, военно-политическая ситуация в Китае, слабая обратная связь, наличие языкового барьера, конкуренция с зарубежными информационными агентствами и др.) осуществлялась в соответствии со стоящими перед страной задачами и представляла собой важный инструмент международной дипломатии советского руководства в годы войны.

Ключевые слова: система внешнеполитической пропаганды, А.С. Щербаков, международная дипломатия, СССР, Китай, Вторая мировая война, информация, имидж страны

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Для цитирования: Прямицын В.Н., Мосейкина М.Н., Кряжева-Карцева Е.В. Китайское направление внешнеполитической пропаганды в деятельности Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 78–98. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-78-98>

© Прямицын В.Н., Мосейкина М.Н., Кряжева-Карцева Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Propaganda and Foreign Policy Activities of the Soviet Information Bureau in China During the Great Patriotic War

Vladimir N. Pryamitsyn ^a, Marina N. Moseykina ^b✉,
Elena V. Kryazheva-Kartseva ^b

^a Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia

^b RUDN University, Moscow, Russia

✉ moseykina-mn@rudn.ru

Abstract: The authors examine the role of Soviet foreign policy propaganda in China during the Great Patriotic War. They present the main projects that were being carried out by the Soviet Union abroad in China on the eve of and during the war. Their focus is on the activities of the Soviet Information Bureau and the Soviet anti-fascist committees under its direction. Based on an analysis of documents from the State Archives of the Russian Federation and the Russian State Archive of Socio-Political History, the main forms and directions of the Soviet Information Bureau's propaganda activities in China are identified. These include the exchange of information materials with the Chinese press, the publication of newsletters by the Press Bureau of the USSR Embassy in Chongqing, and the organization of radio broadcasts to a broader Chinese audience. The authors conclude that foreign policy propaganda during the Great Patriotic War was of great strategic importance for countering the enemy in the information space and shaping a positive image of the USSR in China during its battle against fascism. The Soviet Information Bureau played a key role in this. Its activities in the Chinese direction, despite certain difficulties (territorial remoteness, the military-political situation in China, poor communication, the language barrier, competition with foreign news agencies, etc.), were carried out in accordance with the country's objectives and represented an important instrument of international diplomacy for the Soviet leadership during the war.

Keywords: foreign policy propaganda system, A.S. Shcherbakov, international diplomacy, USSR, China, World War II, information, country image

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

For citation: Pryamitsyn, V.N., Moseykina, M.N., Kryazheva-Kartseva, E.V. "Propaganda and Foreign Policy Activities of the Soviet Information Bureau in China During the Great Patriotic War." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 78–98 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-78-98>

Введение

Актуальность. В современных геополитических условиях ведения Западом информационной войны против России, которая превращается в когнитивную, направленную на переформатирование массового сознания, становится актуальным обращение к историческому опыту информационно-пропагандистской деятельности СССР периода Второй мировой и Великой Отечественной войн, методам и приемам воздействия на население советских средств пропаганды как внутри страны, так и за рубежом с целью решения важных стратегических задач. К началу Великой Отечественной войны в СССР уже сложилась советская система внешнеполитической пропаганды, но масштабы вооруженной борьбы и задачи защиты национальных интересов потребовали поиска новых форм и институтов. В результате к уже существовавшим (ТАСС, Инорадио) добавились Советское информационное бюро (Совинформбюро), советские антифашистские комитеты, в задачу которых входило освещение событий на советско-германском фронте и внутренней жизни СССР. Субъектами внешнеполитической пропаганды были представители как стран-противников, так и стран-союзников, а также народы зарубежных государств, заинтересованных в победе над

гитлеровским нацизмом и японским милитаризмом. В числе таких государств были Китай, Иран, Турция, Канада, Южно-Африканский Союз, Австралия, ряд стран Латинской Америки. Именно эти направления советской внешнеполитической пропаганды, включая китайское, в деятельности Совинформбюро остаются малоисследованными, что актуализирует выбор темы.

Символично, что в 2025 г., в годовщину окончания Второй мировой войны и 80-летия Победы над японским милитаризмом, в г. Цзинань на площадке Шаньдунского педагогического университета (КНР) состоялось торжественное открытие фотовыставки международного проекта «Освобождение. Мир народам», на которой были представлены уникальные архивные материалы Совинформбюро о совместном подвиге советского и китайского народов в борьбе с агрессией японского милитаризма. С. Кочетков, первый заместитель главного редактора медиагруппы «Россия сегодня», которая является правообладателем данных материалов, отметил: «Вторая мировая война стала беспрецедентной катастрофой в истории человечества, угрожая не только западному миру, но и странам Азиатско-Тихоокеанского региона. Совместное противостояние агрессору на востоке объединило усилия народов СССР и Китая, положив начало прочному добрососедству и солидарности в борьбе за мир и справедливость»¹.

Степень изученности проблемы. В советской и современной отечественной историографии история советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны занимает важное место. В работах Н.И. Кондаковой, Г.Д. Комкова, И.И. Широкоград, Н.Д. Козлова, В.А. Неvejина и других проанализированы цели и задачи информационной и пропагандистской практики тех лет, основные технологии, главным образом в периодической печати, в том числе через историю деятельности Совинформбюро².

На интенсивное изучение в современной отечественной и зарубежной историографии советской государственной идеологии накануне и в годы войны указывают авторы коллективной монографии, посвященной народам СССР на фронтах Великой Отечественной войны. Отмечается, что для нее «общим местом стал тезис о чрезвычайной гибкости и конъюнктурности официальной линии», когда «классовые мотивы... уступили место патриотическим»³, на чем и базировалась советская идеология военных лет.

Существенный вклад в изучение внешнеполитического направления советской пропаганды внесли такие авторы, как А.В. Борков, А.В. Голубев, В.А. Неvejин, С.Ю. Маркелов, А.Г. Гасюк и др.⁴ В работах О.А. Баландиной, посвященных деятель-

¹ Российско-Китайский комитет дружбы, мира и развития — Фотовыставка архивов Совинформбюро открылась в Цзинане. URL: <https://russian-chinese.com/2025/09/29/fotovystavka-arxivov-sovinformbyuro-otkrylas-v-czineane/?ysclid=mj5kvpqm23420114110> (дата обращения: 02.10.2025).

² Кондакова Н.И. Идеологическая победа над фашизмом. 1941–1945 гг. М., 1982; Комков Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной... М., 1983; Широкоград И.И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2001; Афанасьева М.И. От Советского Информбюро до РИА «Новости». М., 2001; Козлов Н.Д. С волей к победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2002; Неvejин В.А. Если завтра в поход... Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М., 2007; Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М., 2013.

³ Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / отв. ред. Е.Ф. Кринко. Ростов-на-Дону, 2022. С. 197–198.

⁴ Борков А.В. СССР в мировом информационном пространстве (1917–1945 гг.). Нижний Новгород, 1995; Маркелов С.Ю. Общественное сознание в СССР как отражение внешнеполитической пропаганды ВКП(б), 1939–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004; Гасюк А.Г. Внешнеполитическая

ности Совинформбюро, также анализируется внешнеполитическое направление, раскрываются трудности и ошибки в этой работе (в т.ч. недостаточная адаптированность направляемых СИБ материалов к требованиям западного информационного рынка)⁵.

Тема советско-китайских отношений в годы войны находится в центре внимания российских и китайских исследователей⁶. Вместе с тем деятельность Совинформбюро на китайском направлении не получила специального освещения, что актуализирует выбор авторами статьи данной темы исследования.

Цель исследования – раскрыть деятельность Совинформбюро в сфере внешнеполитической пропаганды в Китае в годы Великой Отечественной войны как инструмента советской дипломатии.

Источниковая база. Были использованы документы разного вида из фондов Совинформбюро (Ф. 5678) Государственного архива Российской Федерации, Центрального комитета КПСС (ЦК КПСС) (Ф.17) и личного фонда начальника Совинформбюро А.С. Щербакова (Ф.77) Российского государственного архива социально-политической истории, посвященные вопросам советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны, и, в частности, деятельности Совинформбюро во главе с А.С. Щербаковым, ориентированной на зарубежные страны, включая Китай.

Институты советской внешнеполитической пропаганды в годы войны. Создание Отдела печати Китая Совинформбюро

Начало Второй мировой, а затем Великой Отечественной войны советского народа остро поставило проблему организации внешнеполитической пропаганды СССР за рубежом. Как отмечает С.В. Еремин, система советской внешнеполитической пропаганды 1930-х гг. имела «довольно сложный и многоступенчатый механизм функционирования». В нее входили разные структуры, включая ВОКС, Исполком Коминтерна, советские посольства. Но главными внешнеполитическими структурами по работе с зарубежными странами являлись Инорадио и ТАСС, руководители которых отвечали за публикацию материалов из Москвы за границей,

пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; *Мальшева Е.М., Гаража Н.А.* «От Советского Информбюро...»: к вопросу об информационном противостоянии СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия. 4. История. 2015. № 4. С. 119–128.

⁵ *Баландина О.А.* Деятельность Совинформбюро за рубежом в годы Великой Отечественной войны: эффективность и идеологические приоритеты // Научный диалог. 2019. № 3. С. 215–230; *Баландина А.О., Давыдов Ю.А.* Власть, информация и общество. Их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб., 2020.

⁶ *Мировицкая Р.А.* Китайская государственность и советская политика в Китае в годы тихоокеанской войны 1941–1945 гг. М., 1999; *Лузянин С.Г.* Китай в годы Второй мировой войны (1939–1945) // История Великой Победы. Т. 2. М., 2020. С. 669–711; *Китайский фронт Второй мировой: чем Поднебесная выгодно отличалась от западных союзников.* URL: <https://www.mk.ru/specprojects/free-theme/2020/05/06/kitayskiy-front-vtoroy-mirovoy-chem-podnebesnaya-vygodno-otlichalas-ot-zapadnykh-soyuznikov.html?ysclid=mim4lzeobc214744192> (дата обращения: 15.05.2025); *Мэн Юйфэн.* Советско-китайское сотрудничество в годы Второй мировой войны: историческая память в контексте китаизированного марксизма // Молодежь и современный взгляд на события Второй мировой войны: материалы Международной студенческой научной конференции (Екатеринбург, 27 ноября 2020 года). Екатеринбург, 2020. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/95356> (дата обращения: 23.07.2025); *Хохлов А.Н.* Журналист-китаист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937–1945 гг. К истории культурных связей России с Китаем в 30–40 гг. XX в. // Восточный архив. 2007. № 16. С. 56–64; 140 лет назад родился легендарный разведчик Михаил Бородин. URL: <https://rg.ru/2024/07/17/tajny-krasnogo-imperatora.html?ysclid=md33fhckk1718346075> (дата обращения: 14.07.2025).

в частности, в центральной и местной прессе зарубежных стран. При этом с 1939 г. вся информация, предназначенная для заграницы, строго контролировалась Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Отделом печати Наркомата иностранных дел⁷.

С началом Великой Отечественной войны объем информационно-пропагандистской работы на зарубежные страны и континенты возрос значительно, особенно в свете тех задач, которые были поставлены партией и правительством в связи с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз.

Полномочий ТАСС для выполнения этих задач было явно недостаточно. Кроме того, в конце 1930-х гг. обнаружилось, что руководство агентства не владеет информацией о результативности распространения информационных материалов за границей, при том, что этот показатель был одним из важных в определении степени эффективности работы корреспондентов агентства за рубежом.

Не случайно в докладной записке начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову от 25 декабря 1940 г. ответственный руководитель ТАСС Я.С. Хавинсон предлагал определить место ТАСС в системе советских организаций, занимавшихся вопросами устной и печатной пропаганды, считая, что «данный вопрос является частью проблемы создания централизованного и оперативного руководства пропагандой не только внутри СССР, но «и, главным образом, за границей». То есть речь шла «о централизации дела пропаганды и объединения в одном центре оперативного руководства устной и печатной пропагандой, в том числе – отсылаемой за рубеж»⁸. И таким центром уже спустя два дня после начала Великой Отечественной войны становится Советское информационное бюро (Совинформбюро), созданное 24 июня 1941 г. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР. На новую организацию возлагались задачи руководства всей деятельностью по освещению международных событий и внутренней жизни СССР в печати и по радио, а также по «организации контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды»⁹.

Совинформбюро возглавил Александр Сергеевич Щербаков – видный советский партийный и государственный деятель, который к тому времени был секретарем ЦК ВКП(б), первым секретарем МК и МГК ВКП(б). В годы войны А.С. Щербаков совмещал также должности заместителя наркома обороны СССР, руководителя Главного политического управления Красной армии (ГлавПУр), заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б). Имел воинское звание генерал-полковника. Именно ему как человеку опытному и ответственному И.В. Сталин поручил руководить всем делом внутренней и внешней пропаганды страны. Заместителем начальника Совинформбюро стал С.А. Лозовский.

В самом начале войны в условиях выработки стратегической линии по внешнеполитической пропаганде за рубежом глава информационного ведомства ставил перед подчиненными задачу «хоть куда-нибудь проникнуть»¹⁰. С самого начала помимо контрпропаганды в отношении нацистской Германии и ее союзников, особое внимание в информационной работе за рубежом уделялось странам-союзницам, и прежде всего США и Великобритании. Для направления информационных материалов за рубеж в составе Совинформбюро был создан Отдел международной жизни.

⁷ *Еремин С.В.* Механизмы функционирования системы советской внешнеполитической пропаганды в 1930-е–1941 гг. // *Диалог со временем*. 2012. Вып. 41. С. 338–339.

⁸ Там же. С. 335–336.

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 6. С. 14.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 998. Л. 22.

В числе прочих стран, охваченных его работой, оказался и Китай. Материалы Совинформбюро направлялись сюда раз в месяц и доставлялись в советское посольство, откуда распределялись по редакциям китайских газет. При этом непосредственного взаимодействия Москвы с китайскими средствами массовой информации на тот момент не существовало¹¹.

Отдавая должное определенным успехам Совинформбюро на американском и английском направлениях, С.А. Лозовский, который к тому времени возглавил деятельность эвакуированной в Куйбышев группы Совинформбюро, указывал на серьезные недостатки информационной работы на другие страны. 14 марта 1942 г. на одном из совещаний с писателями и журналистами он заявил:

Если сравнить те требования, что к нам поступают из разных стран с тем, что мы даем в области агитации и пропаганды, то можно сказать, что даем 1/10 того, что нужно Англии, 1/100 того, что можно дать для Соединенных Штатов. Почти ничего не даем или мало даем на Иран, Китай, Афганистан, на Канаду, Австралию и т.д. Между тем, требования сейчас огромные, телеграммы идут по всем каналам. Сейчас имеется такая международная обстановка, когда мы можем сказать правду о Советском Союзе и когда эту правду напечатают наши отъявленные враги¹².

В этой связи он выступил с инициативой дифференцировать всю зарубежную работу и выделить конкретные страны, на которые должна была быть направлена информационная деятельность Совинформбюро. Речь шла о таких странах как Китай, Иран, Турция, Канада, Южно-Африканский Союз, Австралия. Через установление связей с газетами этих стран и через телеграфные агентства, «обслуживавшие вышеуказанные страны», ставилась задач установления каналов для распространения материалов, направляемых из Москвы¹³.

А.С. Щербаков поддержал данное предложение, в результате чего в марте 1942 г. в составе Совинформбюро наряду с отделами печати Англии и доминионов, Латинской Америки и др. был сформирован отдел печати Китая, который возглавил редактор Куйбышевской группы Совинформбюро Михаил Маркович Бородин. Кроме заведующего в отделе были предусмотрены должности редактора и секретаря, всего – три человека¹⁴.

Назначение М.М. Бородин также не было случайным. Он имел богатый опыт работы за рубежом. В 1918 г. в Швеции М.М. Бородин занимался по поручению В.И. Ленина решением вопросов финансирования движения большевиков. Через год стал первым советским консулом в Мексике и внес существенный вклад в продвижение левых коммунистических идей в странах Латинской Америки. В последующие годы М.М. Бородин был советником советских посольств в Шотландии, Турции, работал по линии Коминтерна в Великобритании, где был арестован и полгода провел в тюрьме. С 1923 г. М.М. Бородин являлся политическим советником при ЦИК партии Гоминьдана. Тогда же он близко сошелся с Сунь Ятсеном, став одним из его друзей, и пытался примирить Гоминьдан с китайскими коммунистами. М.М. Бородин координировал деятельность более сотни советников из СССР, работавших в Китае, тем самым способствуя укреплению позиций СССР в этой стране. В политических кругах Китая М.М. Бородин был известен как «Бао Лотин». После прихода к власти в стране Чан Кайши жизнь М.М. Бородина и членов его семьи оказалась в опасности, поэтому было принято решение об их возвращении в СССР. В 1930-е гг. в Москве М.М. Бородин работал заместителем наркома труда, затем – заместителем

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 8581. Оп. 1. Д. 100. Л. 2.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 51. Л. 17.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 40. Л. 8.

¹⁴ Там же. Д. 90. Л. 16.

директора ТАСС, а с началом Великой Отечественной войны стал главным редактором Совинформбюро¹⁵.

Говоря об основных функциях созданных отделов Совинформбюро, А.С. Щербаковым отмечал:

Нужно по отделам провести <...> конкретные совещания, разобрать всю продукцию и наметить свой план. Обязательно нужно подсказывать и определять тематику, чтобы материал шел не в порядке самотека, кто что притащит и о ловле трепанга, и о моем сыне, и т.д. Нужно и самого автора привлечь к работе над темой. Такого рода тематика должна определяться и руководством Совинформбюро, а затем – каждым отделом надо намечать тематику так, чтобы писатели и авторы ею руководствовались¹⁶.

Весь характер подготавливаемых материалов соответствовал политическим задачам, которые выдвигались руководством страны в связи агрессией гитлеровской Германии против СССР. 1 декабря 1942 г. на заседании Совинформбюро, посвященном качеству материалов, направляемых за рубеж, А.С. Щербаков вновь конкретизировал стоявшие перед его ведомством задачи: «Мы должны посылать за границу только то, что нам выгодно, полезно. Материал, который нам не только вреден, но даже просто и не полезен, не посылать»¹⁷.

Тон в определении тематики, подходов к подготовке и контролю за качеством статей, направляемых за рубеж, задавал также лично А.С. Щербаков. Осенью 1943 г. на одном из совещаний руководящего состава Совинформбюро он сформулировал свои требования следующим образом:

Продвижение материалов о Красной армии, о жизни Советского Союза, пропаганда Советского Союза за границей – это только одна часть работы Совинформбюро. Вторая часть работы более трудная: качество работы... Нужно писать короче и выразительнее. Нужно стараться в короткой корреспонденции ярко и красочно изобразить желаемое, и уложить все, что нужно. Это – очень трудное дело, но материал нужно именно так подавать¹⁸.

М.М. Бородин, возглавив отдел печати Китая, именно таким образом строил работу своего подразделения. Он ежемесячно получал от руководства план публикаций, предназначенных для Китая, которые соответственно распределялись между авторами, сотрудничавшими с отделом на постоянной основе либо приглашенными для написания конкретной статьи. В зависимости от специфики это были журналисты, писатели, государственные деятели, военные. Время от времени проводились совещания, на которых заведующий и редактор отдела доводили до авторов сведения о газетах, в которые предстояло писать статьи, а также тематику. Представленный автором текст утверждался заведующим отделом, визировался у цензоров и ответственного секретаря Совинформбюро, после чего направлялся на перевод¹⁹.

В дополнение и к без того большому объему работ Отдела печати Китая на трех его сотрудников время от времени возлагались задачи, не связанные с китайским направлением. Так, с мая по сентябрь 1943 г. М.М. Бородин и его подчиненные обслуживали информационными материалами прессу Индии, которые направлялись туда через советское посольство в Афганистане²⁰.

¹⁵ 140 лет назад родился легендарный разведчик Михаил Бородин. URL: <https://rg.ru/2024/07/17/tajny-krasnogo-imperatora.html?ysclid=md33fhckk1718346075> (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁶ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 60. Л. 10.

¹⁷ Там же. Д. 14. Л. 39, 40.

¹⁸ Там же. Д. 73. Л. 207.

¹⁹ Там же. Д. 90. Л. 275.

²⁰ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 90. Л. 270.

Основные формы пропагандистского воздействия на Китай в годы войны

С момента создания отдела печати Китая работа по информационному обслуживанию китайских средств массовой информации приняла целенаправленный и системный характер. Были установлены основные формы реализации советской пропаганды на территории Китая в годы войны. Среди них – подготовка статей для публикации в китайской прессе, использование радиовещания, издание информационных бюллетеней пресс-бюро Посольства СССР в Чунцине, распространение советских книг и брошюр.

Данное направление внешнеполитической деятельности Совинформбюро оказалось весьма востребованным с учетом того, что еще до начала Второй мировой войны Япония по примеру фашистской Германии, выдвинула лозунг «нового порядка в Восточной Азии» и на этом фоне осуществляла пропаганду «великой исторической миссии» японцев (якобы призванных освободить цветные народы Азии от господства «белых») с целью создания «Великой восточно-азиатской сферы совместного процветания», куда включались Китай, Индокитай, Индонезия, Сиам (Таиланд), Малайя, Бирма, Филиппины. Конечной целью «миссии» было завоевание ресурсов этих стран в противостоянии с главным соперником Японии на Тихом океане – США. В качестве основных средств японской пропаганды на указанные страны использовались СМИ (газеты, радиостанции), фильмы, киножурналы, прославлявшие солдат и офицеров армии японского императора. В том числе широко применялся, в частности, для жителей Харбина показ пропагандистских фильмов союзницы Японии – нацистской Германии²¹. Особенно усилились подобные меры воздействия на местное население после оккупации многих стран Восточной и Юго-Восточной Азии в ходе развязанной Японией против них войны.

При этом с самого начала японско-китайской войны в июле 1937 г. и до начала агрессии гитлеровской Германии против СССР в июне 1941 г. Советский Союз поддерживал Китай. В августе 1937 г. был подписан Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой. В этот период Китай получал от Советского Союза материальную поддержку, в частности, торговые кредиты, военную помощь, включая отправку советских военных специалистов и летчиков-добровольцев. Когда началась Великая Отечественная война советского народа, Китай оказался на стороне его справедливой борьбы против нацизма и также оказывал помощь СССР²².

На этом фоне наиболее масштабным направлением пропагандистской деятельности Совинформбюро стало обслуживание китайской печати путем отправки статей об СССР и событиях на советско-германском фронте. На первом этапе устанавливались контакты, вырабатывались механизмы взаимодействия, определялся масштаб предстоящей деятельности, охват аудитории и востребованная тематика. Исключительную важность при этом имела обратная связь.

В качестве примера следует привести письмо редакции газеты «Джунянжибао» от 19 мая 1942 г., перенаправленное в адрес Совинформбюро Наркоматом ино-

²¹ Китайский фронт Второй мировой: чем Поднебесная выгодно отличалась от западных союзников. URL: <https://www.mk.ru/specprojects/free-theme/2020/05/06/kitayskiy-front-vtoroy-mirovoy-chem-podnebesnaya-vygodno-otlichalas-ot-zapadnykh-soyuznikov.html?ysclid=mim4lzeobc214744192> (дата обращения: 15.05.2025).

²² Мэн Юйфэн. Советско-китайское сотрудничество в годы Второй мировой войны: историческая память в контексте китаизированного марксизма // Молодежь и современный взгляд на события Второй мировой войны: материалы Международной студенческой научной конференции (Екатеринбург, 27 ноября 2020 года). Екатеринбург, 2020. С. 104. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/95356> (дата обращения: 23.07.2025).

странных дел. В письме выражалась благодарность за присланные материалы, сообщалось о том, что получено пять материалов, из которых четыре были опубликованы. Редакция информировала о наиболее востребованной тематике для китайской аудитории, обращая внимание на оперативность предоставления материалов²³.

К 1 августа 1942 г. было налажено взаимодействие отдела печати Китая с центральными газетами страны, такими как «Дагунбао», «Жуньянжибао», «Синьжубао» и «Нэшнл Геральд» (газета Министерства иностранных дел Китая). Редакции этих газет сформулировали предложения о том, в каких материалах из СССР они нуждаются. В дальнейшем круг китайских организаций и СМИ, обращавшихся с просьбой включить их в рассылку материалов Совинформбюро, расширялся. В частности, были установлены контакты с такими крупными региональными изданиями, как «Синьсиньсиньвень» (г. Ченду), «Юньнаньжибао» (г. Куньмин) и «Гуаньсижибао» (г. Гуйлин). К концу 1942 г. отдел печати Китая поставлял материалы в адрес семи китайских изданий²⁴.

В феврале 1943 г. произошло дальнейшее расширение пула китайских контрагентов Совинформбюро. На этот раз к советскому информационному ведомству обратились редакции таких региональных газет как «Дагунбао» и «Либао» (г. Гуйлин), «Чаобао» (г. Куньмин), «Саотанбао» (г. Чунцин), которые также запрашивали сведения о положении дел на советско-германском фронте, о восстановлении и развитии советской промышленности²⁵.

Охват китайской аудитории Совинформбюро расширялся, в том числе за счет газет, издававшихся на оккупированной территории Китая. Информационные материалы из СССР стали поставляться журналам «Сулянь вейни» и «Ши дай», англоязычной газете «Дэйли вор ньюз», русскоязычному журналу «Эпоха» и радиостанции «Голос СССР». Всего к началу 1944 г. силами Совинформбюро на территории Китая обслуживалось около 20 средств массовой информации, о чем свидетельствуют данные таблицы 1.

Только за первый квартал 1944 г. в китайскую прессу было направлено 249 статей²⁶. Вместе с тем, это количество представлялось советским дипломатам не достаточным. Посол СССР в Китае А.С. Панюшкин информировал руководство Совинформбюро о многочисленных обращениях китайских газет с просьбами увеличить объем присылаемых материалов²⁷.

Значительный вклад в пропагандистские усилия СССР на китайском направлении внесли пресс-бюро Посольства СССР в Чунцине и консульство СССР в Ланчжоу. Пресс-бюро советского посольства в Чунцине было одним из главных потребителей информации, поставляемой Совинформбюро в Китай, которая использовалась для ежедневного выпуска двух информационных бюллетеней – «Ньюз энд выюз» (выходил на английском языке) и «Синь-вень-лей-бянь» (издавался на китайском языке). Пресс-бюро занималось распределением информации среди множества мелких изданий, не имевших возможности самостоятельно взаимодействовать с Совинформбюро²⁸.

²³ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д. 100. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 3.

²⁶ Там же. Д. 171. Л. 12.

²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 61. Л. 11.

²⁸ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д. 171. Л. 31.

Таблица 1 / Table 1

**Контрагенты Отдела печати Китая по состоянию на 1 мая 1944 г. /
Counteragents of the Chinese Press Department as of May 1, 1944**

Номер по порядку / Serial number	Размещение / Placement	Наименование / Name
1.	г. Чуньцин / The city of Chongqing	Посольство СССР в Китае / USSR Embassy in China
2.	г. Чуньцин / The city of Chongqing	газета «Дагунбао» / Newspaper "Dagongbao"
3.	г. Чуньцин / The city of Chongqing	газета «Джунянжибао» / Newspaper "Dzhunianzhibao"
4.	г. Чуньцин / The city of Chongqing	газета «Синьжубао» / Newspaper "Sin'zhubao"
5.	г. Чуньцин / The city of Chongqing	газета «Саотанбао» / Newspaper "Saotanbao"
6.	г. Чуньцин / The city of Chongqing	газета «Шишисиньбао» / Newspaper "Shishisin'bao"
7.	г. Чуньцин / The city of Chongqing	представительство ТАСС СССР в Китае / epresentative office of TASS USSR in China
8.	г. Чуньцин / The city of Chongqing	журнал «Интернешнл дайжест» / Journal "International Digest"
9.	г. Гуйлин / The city of Guilin	газета «Гуаньсижибао» / Newspaper "Guan'sizhibao"
10.	г. Гуйлин / The city of Guilin	газета «Дагунбао» / Newspaper "Dagunbao"
11.	г. Гуйлин / The city of Guilin	газета «Либао» / Newspaper "Libao"
12.	г. Куньмин / The city of Kunming	газета «Юньнаньжибао» / Newspaper "Yun'nan'zhibao"
13.	г. Куньмин / The city of Kunming	газета «Чаобао» / Newspaper "Chaobao"
14.	г. Ченду Chengdu city	газета «Синисиньсиньвень» / Newspaper "Sinisin'sin'ven"
15.	г. Ланьчжоу / Lanzhou city	газета «Сибейжибао» / Newspaper "Sibeizhibao"
16.	г. Ланьчжоу / Lanzhou city	Консульство СССР в г. Ланьчжоу / Consulate of the USSR in Lanzhou
17.	г. Шанхай / Shanghai city	журнал «Сулянь вейни» / Journal "Sulian' veini"
18.	г. Шанхай / Shanghai city	журнал «Ши дай» / Journal "Shi dai"
19.	г. Шанхай / Shanghai city	журнал «Эпоха» / Journal "Epoikha"
20.	г. Шанхай / Shanghai city	газета «Дэйли вор ньюз» / Newspaper "Daily for News"
21.	г. Шанхай / Shanghai city	газета «Новости дня» / Newspaper "Novosti dnia"
22.	г. Шанхай / Shanghai city	радиостанция «Голос СССР» / Radio station "The Voice of the USSR"

Источник: ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д. 100. Л. 3.

Source: State Archive of the Russian Federation, f. 8581, op. 1, d. 100, l. 3.

Наибольшим спросом пользовался англоязычный бюллетень «Ньюз энд вьюз». Его редактором был руководитель пресс-бюро Посольства СССР в Китае Е.М. Виноградов. В связи с ограничениями, установленными китайской стороной, бюллетень издавался тиражом 960 экземпляров. Но советские дипломаты отмечали высокий спрос на эту продукцию и полагали необходимым увеличение тиража до 1500 экземпляров. Бюллетень с материалами Совинформбюро распространялся в среде китайской интеллигенции, среди служащих, студентов, проживавших в приморских городах, а также иностранных граждан, находившихся по долгу службы в Китае. Представители советского посольства в Китае так объясняли рост интереса к изданию:

Главный интерес к нему, конечно, проявляется со стороны прогрессивно настроенных людей, как китайцев, так и иностранцев. Эти люди ищут в нашем издании ответы на вопросы, возникшие у них с начала советско-германской войны. Они переоценивают или укрепляют свое мнение о Советском Союзе и его системе²⁹.

Что касается издававшегося на китайском языке бюллетеня «Синь-вень-лей-бянь», то он в наибольшей степени был востребован консульством в Ланьчжоу³⁰.

²⁹ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 127. Л. 12.

³⁰ Там же. Д. 39. Л. 62.

Дважды в месяц издававшиеся бюллетени пресс-бюро посольства доставлялись из Чунцина в Ланчжоу. Там они распространялись среди китайских учреждений, а отдельные статьи предоставлялись газетам для перепечатывания. Консульство получало и оригинальные материалы из Москвы, но в практической работе использовало именно бюллетень «Синь-вень-лей-бянь», так как в нем статьи уже были переведены на китайский язык³¹.

Как следует из архивных материалов, рассматривался вопрос об издании еще одного бюллетеня с материалами об СССР в г. Ченду. В конце 1944 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов прорабатывал вопрос о возможности создания советского пресс-бюро в связи с «полным отсутствием в этом городе – столице Сычуани информации об СССР и при наличии большого к ней интереса со стороны населения»³². Но такое подразделение так и не было создано.

Еще одной важно формой информационно-пропагандистской работы, направленной на китайскую аудиторию в годы войны, было радиовещание. С момента создания Совинформбюро в его составе начал работу Отдел контрпропаганды, который во взаимодействии со Всесоюзным радиокомитетом занимался организацией радиопередач, ориентированных как на советскую, так и зарубежную аудитории.

В годы войны появилась новая форма вещания на зарубежную аудиторию. Речь идет о радиомитингах, которые стали основой деятельности советских антифашистских комитетов – Всеславянского комитета, Еврейского антифашистского комитета, Антифашистских комитетов советских ученых, советской молодежи и советских женщин. Первый всеславянский антифашистский митинг состоялся в Москве 10–11 августа 1941 г., и его организатором выступил Всеславянский комитет³³. Руководитель Совинформбюро А.С. Щербаков положительно оценил эффективность подобного формата взаимодействия с зарубежной аудиторией и направил в республиканские, областные и краевые комитеты партии письма с предложением широко использовать полученный опыт – распространять антифашистские воззвания для сплочения соответствующей целевой аудитории в борьбе против коварного врага³⁴. Спустя некоторое время было получено разрешение от А.С. Щербакова на проведение аналогичного радиомитинга представителей еврейской общественности СССР³⁵. В дальнейшем обращения от имени советских антифашистских комитетов в ходе радиомитингов регулярно отправлялись за рубеж. Так, известно, что Антифашистский комитет советских женщин (АКСЖ), который провел несколько таких радиомитингов на зарубежную аудиторию, наибольшие отклики на призывы советских женщин получал от представительниц Китая³⁶. В свою очередь, Антифашистский комитет советской молодежи, который также активно использовал в своей практике обращения к молодежи мира через радиомитинги, осуществлял регулярную переписку и обмен материалами с китайскими молодежными организациями³⁷.

Всего к 1943 г. Совинформбюро сотрудничало с 15 радиостанциями по всему миру, в том числе с радиостанцией «Голос СССР», располагавшейся в Шанхае и осуществлявшей, как сообщалось в официальных сводках, вещание на китайскую ауди-

³¹ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 127. Л. 99.

³² Там же. Д. 125. Л. 24, 30.

³³ Всеславянский митинг в Москве. Выступления представителей славянских народов на всеславянском митинге, состоявшемся 10–11 августа 1941 г. М., 1941.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 84. Л. 81.

³⁵ Там же.

³⁶ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 39. Л. 72.

³⁷ Там же. Оп. 1. Д. 106. Л. 92.

торию³⁸. В этой связи следует остановиться на роли журналиста-китаиста В.Н. Рогова, который основал радиостанцию «Голос России». В 1930–1934 гг. он трудился на КВЖД, хорошо знал Китай и посвятил этой стране серию книг. В статусе корреспондента ТАСС В.Н. Рогов вновь оказался в Китае уже в период японо-китайской войны и с перерывом (в 1937–1940 и 1941–1943 гг.) работал в оккупированном японцами Шанхае. Заведующий отделением ТАСС в Шанхае Н.И. Швецов сообщал в Москву, что качество передаваемых радиостанцией материалов хорошее и интерес к ним высок³⁹.

Действительно, по сообщениям В.Н. Рогова, радиостанцию можно было слышать также в Нанкине, Ханчжоу, Нинбо, Циндао, Тяньцзине. Важно, что она передавала новости, «отличные от [сообщений] японской и немецкой пропаганды», которая на тот момент являлась «монопольной и буквально наводнила Шанхай». Через радиовещание транслировались последние известия, сводки Информбюро, корреспонденции с фронта, обзоры ТАСС. С учетом того, что в Шанхае проживало больше всего китайцев, то из 15 часов работы 8 часов 15 мин. отводилось передачам на китайском языке (причем на разных диалектах – пекинском, шанхайском и кантонском). На радиостанции были организованы даже уроки русского языка для китайского населения, которые проводил преподаватель-китаец, получивший высшее образование в России⁴⁰.

Среди слушателей радиопрограмм сначала были русские, незначительные круги китайцев и беженцев из фашисткой Германии, а в дальнейшем, как писал В.Н. Рогов, к ним присоединилось «буквально все иностранное население Шанхая и значительные слои китайцев, которые устали от японо-немецкой пропаганды» и ей не верили. При этом все новости ТАСС «передавались на китайском языке 4 раза в день; на русском и немецком яз. 3 раза в день и на английском языке 2 раза в день». Нововведением стала специальная программа передач «Славянское объединение» для проживавших в Шанхае славянских народов (которых было около 10 тыс. чел.)⁴¹.

Но в целом радиовещание на Китай сталкивалось с существенными прежде всего техническими трудностями. В частности, советские дипломаты отмечали низкое качество сигнала советского радио, которое в существенной степени зависело от погодных условий. Из-за этого удавалось принять лишь 50–70 % материалов, передаваемых из СССР по радио⁴².

В июне 1943 г. Всесоюзный радиокomitee провел проверку слышимости радиопередач, осуществлявшихся из Москвы по основным направлениям вещания, включая китайское. В результате было установлено, что в 35% случаев слышимость радиопередач на китайском языке хорошая, в 30% – удовлетворительная, а в 35% – плохая⁴³.

Востребованной в годы войны оказалась отправка в Китай советской литературы через Книжный отдел Совинформбюро, который занимался отбором литературы, переводом на иностранные языки и направлением для публикации за рубеж. В числе прочих стран литература направлялась и в Китай⁴⁴. Однако широкого распространения данное направление в деятельности Совинформбюро не получило, и прежде

³⁸ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 61. Л. 62.

³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 100. Л. 9.

⁴⁰ Хохлов А.Н. Журналист-китаист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937–1945 гг. К истории культурных связей России с Китаем в 30–40 гг. XX в. // Восточный архив. 2007. № 16. С. 61.

⁴¹ Там же.

⁴² ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 127. Л. 11.

⁴³ Там же. Д. 124. Л. 9.

⁴⁴ Там же. Д. 39. Л. 68.

всего по той причине, что тогда книги не переводились на китайский язык⁴⁵. Но такие издания направлялись. В частности, в Чунцин и Шанхай были направлены брошюры Л. Лемперта «Партизанское движение», И. Фисановича «Записки командира подводной лодки», Н. Кузнецовой «Фронтвые записи балерины»; а также книги Н. Воронина «Восстановительное строительство в СССР», А. Трайнина «Уголовная ответственность гитлеровцев», З.А. Покрышкина «Крылья истребителя», часть из которых была переведена на английский язык⁴⁶.

И здесь вновь следует остановиться на деятельности В.Н. Рогова, который основал в Шанхае издательство «Шидай» (Эпоха) со своим штатом квалифицированных переводчиков, своей типографией. Издательство занималось публикацией и распространением советской литературы, а также русской классики на китайском языке.

В годы Великой Отечественной войны издательство опубликовало речи И.В. Сталина на китайском языке, книгу А. Полякова «В тылу врага». Также в эти годы издательством выпускались советские журналы: еженедельный – «Шидай» («Эпоха»), ежемесячный – «Сулянь вэньи» («Литература и искусство СССР»), в котором в течение пяти лет вышло 25 специальных выпусков с переводами произведений русских писателей.

В.Н. Рогов в этот период занимался также по просьбе китайской стороны подготовкой к изданию на китайском языке полного собрания сочинений М. Горького. С июня 1942 г. он издавал специальный бюллетень «Изучение Горького» на китайском языке. С 1942–1945 гг. в 15 номерах в журнале «Шидай» были опубликованы литературные материалы под названием «Гуаньюй Гаоэризи яньцзю» («Об изучении Горького»). При этом все это делалось без финансовой поддержки с советской стороны, находившейся в условиях войны с нацистской Германией и, несмотря на чрезвычайные условия проживания в Шанхае, дороговизну бумаги, материальные трудности⁴⁷.

Важным каналом передачи информации из СССР являлись иностранные СМИ, чьи представители (так называемые инокоры) находились в тот период в советской столице. Всего – около 30 корреспондентов, главным образом американцев и англичан, но среди них был и представитель китайской прессы (личность которого не удалось установить). С ними лично встречался начальник Совинформбюро А.С. Щербakov, который по возможности реагировал на просьбы находившихся в Москве зарубежных корреспондентов. Так, в начале февраля 1943 г. группа из 22 иностранных журналистов, включая представителя Китая, получила разрешение выехать в Сталинград. В ходе поездки, которая проходила после окончания боевых действий, группа инокоров посетила штаб Донского фронта, встретила с командующими армиями, принимавшими участие в Сталинградской битве. Иностранным журналистам не удалось пообщаться с пленными немцами, но все же одного из них – немецкого генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса им продемонстрировали⁴⁸.

Наряду с плановой работой по обслуживанию китайской прессы иногда Совинформбюро проводило в Китае пропагандистские акции, которые заключались в целенаправленном, масштабном освещении того или иного события из жизни СССР. В качестве примера можно привести празднование 26-й годовщины создания Красной армии. К этому событию была приурочена череда публикаций в центральных

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д. 147. Л. 33.

⁴⁶ Там же; Д. 100. Л. 9.

⁴⁷ Хохлов А.Н. Журналист-китаист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937–1945 гг. К истории культурных связей России с Китаем в 30–40 гг. XX в. // Восточный архив. 2007. № 16. С. 58.

⁴⁸ Баландина А.О., Давыдов Ю.А. Власть, информация и общество. Их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб, 2020. С. 133, 144.

китайских газетах. 23 февраля 1944 г. передовицы «Чжуняньжибао», «Саоданбао», «Дагунбао», «Синьжубао», «Синьхуажубао» и «Гоминьгунбао» были посвящены празднику, отмечаемому в СССР. Одновременно в этих и ряде других газет была опубликована статья китайского автора Шао Ли Цзы на тему «Красная армия Советского Союза и международный мир». В китайских газетах были размещены также статьи советских авторов, посвященные Красной армии, ее боевому пути, легендарным воена начальникам⁴⁹. 24 февраля некоторые китайские газеты опубликовали текст приказа, подписанного И.В. Сталиным по случаю празднования 26-й годовщины создания Красной армии. В ряде центральных газет были опубликованы поздравительные телеграммы в адрес И.В. Сталина от Чан Кайши⁵⁰.

Всего с момента создания отдела печати Китая до конца 1945 г. в эту страну было направлено 6820 статей. Их распределение по годам и по конкретным территориям представлено в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Количество статей Совинформбюро для Китая в 1942–1945 гг. / Number of Sovinformburo articles for China in 1942–1945

Год / Year	Чунцин / Chongqing	Шанхай / Shanghai	Маньчжурия / Manchuria	Всего / Total
1942	363	–	–	363
1943	1224	367	–	1591
1944	961	1024	–	1985
1945	1884	772	825	2881
Всего	3882	2113	825	6820

Источник: Таблица составлена авторами по: ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д. 171. Л. 2.

Source: The table was compiled by authors based on: GARF, f. 8581, op.1, d.171, l. 2.

Однако, несмотря на постоянный рост количества статей за годы войны, М.М. Бородин вынужден был признать, что все-таки масштабы работы были недостаточными. «Для такой страны как Китай (500 млн жителей), – отмечал он, – эти цифры совершенно недостаточны. Тем более что по заявлению зав. Пресс-бюро советского посольства в Чунцине тов. Виноградова, процент печатаемости наших статей не более 30-ти»⁵¹.

Специфика китайского направления в деятельности Совинформбюро

В условиях, когда фокус внимания и наибольшие усилия Совинформбюро при распространении информационных материалов за рубеж были направлены прежде всего на США и Великобританию, китайское направление оставалось в некоторой степени периферийным, что признавал заведующий отделом печати Китая М.М. Бородин. «Ввиду того, что главное внимание Советского информбюро во время войны, естественно, было обращено на Запад, – замечал он, – то Китай несколько оставался в тени»⁵². Во многом с этим был связан и некомплект сотрудников отдела (три штатные единицы), в то время как, например, в отделе печати Англии и доминионов в штате было 7 чел., отделы печати Латинской Америки, Скандинавских стран, Франции и Ближнего Востока насчитывали по пять сотрудников в каждом⁵³.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 128. Л. 75.

⁵⁰ Там же. Л. 76.

⁵¹ Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 27.

⁵² Там же. Д. 171. Л. 28.

⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 90. Л. 15, 16.

Вместе с тем пул авторов китайского отдела был достаточно представительным. Например, в 1943 г. в их числе были генерал-майор А.А. Игнатъев, народный комиссар земледелия СССР И.А. Бенедиктов, академик архитектуры А.В. Щусев и другие авторы, чьи статьи направлялись в Китай⁵⁴.

Не меньшее влияние на деятельность Совинформбюро в Китае оказывала специфика аудитории в этой стране. Часть территории Китая была оккупирована Японией, часть оставалась свободной от оккупации. Но и неоккупированные территории были неоднородными. Большая часть из них находилась под контролем Гоминьдана, идеологические органы которого осуществляли жесткий надзор за редакционной политикой средств массовой информации. Так, в апреле 1943 г. две крупнейшие газеты (орган Чан Кайши «Дагунбао» и орган ЦК Гоминьдана «Жуньян-жибао») под нажимом и без объяснения причин вынуждены были прекратить публикацию материалов Совинформбюро. Лишь в конце года они обратились с просьбой о восстановлении сотрудничества⁵⁵.

В этой связи М.М. Бородин в целом оценивал условия информационной работы в этой стране как неблагоприятные⁵⁶. В частности, он докладывал С.А. Лозовскому, что в оккупированном Китае препятствия работе чинили японцы, а в неоккупированном – Гоминьдан. При этом статьи о зверствах фашистов и о причиненных ими разрушениях направлялись только в СМИ, издававшиеся на неоккупированных территориях. На оккупированных территориях японские власти не допускали подобных публикаций, как и любых сведений, связанных с Японией⁵⁷.

Фактически единый китайский отдел Совинформбюро обслуживал два разных Китая, что нашло отражение в итоговом отчете о работе Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны. В нем содержалась таблица под названием «Статьи, направленные за границу по годам и странам», где в графе «страны» отдельно были указаны «Китай» и «Шанхай»⁵⁸. Кроме них, существовал еще и третий Китай, который называли «особым районом», где материалы публиковались безо всякой цензуры, что объяснялось политическими симпатиями местных властей. В этой связи М.М. Бородин отмечал, что «исключение составляют лишь особые районы, находящиеся в руках наших друзей (коммунистов)»⁵⁹.

Еще одну проблему, с которой сталкивались работники Совинформбюро на китайском направлении, представлял языковой барьер и культурные различия. В этой связи, несмотря на все возрастающий интерес со стороны китайской аудитории, объем направляемой сюда информации невозможно было увеличить из-за ограниченности переводной деятельности. Весь материал передавался Совинформбюро на русском и английском языках и нуждался в последующем переводе на китайский уже на месте. При этом сами газеты, получавшие материалы от Совинформбюро, не располагали возможностями по переводу текстов с русского и английского на китайский язык. Какая-то часть переводов осуществлялась в посольстве СССР в г. Чунцин, однако в Москве считали, что пресс-бюро посольства прилагало недостаточно усилий по переводам и из-за этого невозможно было наращивать объемы работы⁶⁰.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д. 171. Л. 61–64.

⁵⁵ Там же. Д. 100. Л. 6.

⁵⁶ Там же. Оп. 2. Д. 154. Л. 13.

⁵⁷ Там же. Оп. 1. Д. 100. Л. 5.

⁵⁸ Там же. Оп. 2. Д. 154. Л. 39.

⁵⁹ Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 26.

⁶⁰ Там же. Д. 100. Л. 6.

Практика жизни настойчиво требовала создания в Чунцине представительства Совинформбюро, укомплектованного подготовленными кадрами. Ситуацию с переводами М.М. Бородин описывал так:

В пресс-бюро советского посольства в Чунцине работает один тов. Виноградов, не знающий китайского языка и потому не может проверить своего единственного китайского переводчика. Это «пресс-бюро» не в состоянии ни читать письма редакторов китайских газет, ни тем более отвечать на них. Телеграфные тексты наших статей лежат подолгу в пресс-бюро, так как некому их декодировать⁶¹.

Еще одним фактором, осложнявшим работу профильного отдела в составе Совинформбюро, были культурные различия. На протяжении Второй мировой войны остро стоял вопрос изучения опыта, методов и традиций работы зарубежных СМИ, их подходов к публике в разных странах. Если в Европе и США это было проще, так как многие из сотрудников Совинформбюро имели опыт дипломатической работы или жили за рубежом, неоднократно бывали в этих странах в командировках, то с такими странами как Афганистан, Куба, Южная Африка, Китай, дело обстояло хуже. А.О. Баландина и Ю.А. Давыдов находили парадоксальным, что нередко «работники Совинформбюро писали для зарубежья, мало разбираясь в ценностях и запросах его публики»⁶². Хотя это объяснимо, поскольку широкая подготовка в СССР по таким направлениям, как востоковедение, африканистика или латиноамериканистика в полной мере начнет осуществляться лишь после окончания Второй мировой войны.

Впрочем, необходимо отдать должное сотрудникам отдела печати Китая. Очевидно, они все же предпринимали усилия по изучению если не страны, прессу которой обслуживали, то хотя бы самой прессы. В архивном фонде Совинформбюро обнаружен документ под названием «Характеристики китайских газет, получающих информацию от Совинформбюро», датированный 12 мая 1944 г. В нем были представлены краткие справки о 12 китайских газетах, включая год и место основания, тираж, сведения о руководстве, ведомственную принадлежность, специализацию, политическую ориентацию, источники финансирования, корреспондентскую сеть, контакты с информационными агентствами и другие сведения⁶³.

На эффективности работы сказывалась также удаленность Китая от Москвы и несовершенство каналов связи. В самый разгар войны, в апреле 1942 г., корреспондент ТАСС В.Н. Рогов, в частности, сообщал из оккупированного Шанхая о том, что телеграммы из Москвы поступают нерегулярно и часто с большим опозданием. Он писал в адрес руководства ТАСС:

Совершенно очевидно, что при такой телеграфной связи не может быть речи о посылке телеграмм из Шанхая в Москву и о передаче новостей ТАСС из Москвы в Шанхай <...>. Мы перестали посылать Вам телеграммы и перестали получать московские новости (которые мы по-прежнему распространяем на 4-х языках), [которые] мы получаем исключительно по радио средствами наших радиоприемников. Так как атмосферные условия не всегда хороши и бывают перебои в работе центральных передаточных станций, нам пришлось в добавление к существующей у нас приемной станции <...> организовать еще прием на запись сводок Информбюро, которые ретранслируются из Москвы радиостанцией в Хабаровске.

Несмотря на трудности, мы ни на один день не прекращаем издание наших бюллетеней новостей и по-прежнему в среднем выпускаем 20–24 страницы каждый день...⁶⁴

⁶¹ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д. 171. Л. 28.

⁶² Баландина А.О., Давыдов Ю.А. Власть, информация и общество. Их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб, 2020. С. 77.

⁶³ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 128. Л. 175–179.

⁶⁴ Хохлов А.Н. Журналист-китаист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937–1945 гг. К истории культурных связей России с Китаем в 30–40 гг. XX в. // Восточный архив. 2007. № 16. С. 60.

При этом телеграф, почта или оказия в условиях удаленности Китая от Москвы не всегда соответствовали требованиям оперативности информационной работы. Материал, отправленный таким путем, за время следования устаревал. В качестве примера приведем обращение от 2 января 1944 г. и.о. помощника заместителя наркома иностранных дел Ф. Халина к ответственному секретарю Совинформбюро Н.И. Кондакову, в котором предлагалось «прекратить посылку по телеграфу военных обзоров, так как они поступают с большим опозданием (через неделю и более), и теряют всякую ценность». Здесь же сообщалось, что военные обзоры, передаваемые ТАСС по радиоканалам, публикуются в китайских газетах уже на следующий день⁶⁵.

В другом документе, направленном Ф. Халиным в Совинформбюро 18 февраля 1944 г., сообщалось о жалобах, поступавших от редакций некоторых китайских газет. Так, на страницах «Сибейжибао» дважды в месяц выделялись полосы объемом по 7 тыс. иероглифов специально для размещения статей Совинформбюро. При этом главный редактор газеты жаловался, что материал из Москвы мог существенно запаздывать, в то время как материалы от информационных агентств других стран приходили своевременно. В пример автор письма приводил агентства «Рейтер» или «Централ Ньюз»⁶⁶.

Позже, в 1945 г., М.М. Бородин совместно с заведующий отделением ТАСС в Шанхае Н.И. Швецовым и заведующим пресс-бюро советского посольства в Чунцине Е.М. Виноградовым провели анализ печатаемости советских материалов. Было установлено, что на территории Китая, оккупированной японцами, выходили практически все материалы, полученные из СССР. В свою очередь, на территории страны, контролируемой Гоминьданом, печатаемость была существенно ниже⁶⁷.

Одной из проблем была слабая обратная связь с потребителями направляемой из Москвы печатной продукции. При этом с газетами, издававшимися на неоккупированной территории, обратная связь была лучше, чем со СМИ на оккупированных территориях. В документах Совинформбюро сообщалось: «Что касается Шанхая, то и оттуда мы не имеем более подробных сведений о печатаемости наших материалов»⁶⁸.

На протяжении всего периода войны актуальным для руководства Совинформбюро оставался вопрос о реальной картине интереса зарубежной аудитории той или иной страны к материалам советского информационного ведомства. С.А. Лозовский регулярно обращался с запросами в советские посольства, к представительствам ТАСС и отдельным редакциям о количестве опубликованных материалов, причинах их отклонения, конкретных запросах. На основе получаемых ответов, как справедливо отмечают А.О. Баландина и Ю.А. Давыдов, «в Совинформбюро старались корректировать пропагандистский курс»⁶⁹.

Так, в отчете о работе Совинформбюро за 1943 г. о китайском направлении сообщалось следующее:

Точных данных о печатаемости за истекший год материалов Совинформбюро в китайской печати нет, но в разное время года китайским отделом получались телеграммы редакций китайских газет и из советского посольства, которые свидетельствуют, что печатаемость следует считать вполне удовлетворительной⁷⁰.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 128. Л. 2.

⁶⁶ Там же. Л. 61.

⁶⁷ Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 27.

⁶⁸ Там же. Д. 100. Л. 4.

⁶⁹ Баландина А.О., Давыдов Ю.А. Власть, информация и общество. Их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб., 2020. С. 89.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 61. Л. 11.

Приводились примеры подобных телеграмм. Так, 19 мая 1943 г. редакция газеты «Джунянжибао» из Чунцина выражала благодарность за полученные материалы и просила направлять их в будущем. В сообщении пресс-бюро ТАСС из Шанхая в адрес Совинформбюро от 20 октября 1943 г. сообщалось: «Вся тематика присылаемых вами статей нас удовлетворяет. Дайте еще». Посольство СССР в Китае также информировало Совинформбюро о получении обращений ряда китайских газет с конкретными тематическими запросами. Исходя из отчета и «учитывая особые интересы СССР на Дальнем Востоке и в Китае в особенности», на 1944 г. ставилась задача значительно расширить обслуживание китайской печати⁷¹.

При этом Совинформбюро на зарубежном направлении сталкивалось с конкуренцией информационных агентств других стран. Советское информационное ведомство, являвшееся безусловным монополистом в вопросах пропаганды внутри СССР, за границей вынуждено было соперничать за умы людей с влиятельными конкурентами в области пропаганды. В Китае наиболее сильным конкурентом являлись американские и английские агентства. Для продвижения своих материалов в китайскую прессу американцы располагали аппаратом в 300 чел.⁷² 5 июля 1944 г. консул СССР в Ланьчжоу А.М. Ледовский сообщал в Совинформбюро, что «за последние 4 месяца местные власти под разными предлогами и по разным мотивам совершенно перестали печатать что-либо об СССР, кроме кратких телеграммок в передаче агентства «Рейтер»⁷³.

В конце 1944 г., когда советские дипломаты инициировали создание пресс-бюро в столице провинции Сычуань г. Ченду, в качестве аргумента они как раз приводили активность в этом регионе конкурентов из стран-союзниц. На тот момент в г. Ченду функционировало американское информационное подразделение численностью 32 человека и английское в составе 8 специалистов⁷⁴.

В дополнение к вездесущим американцам и англичанам, располагавшим мощными пропагандистскими структурами, в информационном поле Китая были и другие акторы. В качестве примера можно привести кубинскую газету «Мансенро», издававшуюся на китайском языке. В августе 1944 г. представители Наркомата иностранных дел уведомили руководство Совинформбюро о том, что, согласно данным советской миссии в Гаване, эта газета – «националистическая, выступающая против 4 и 8 армии Китая и коммунистов». Дипломаты на Кубе запрашивали мнение Совинформбюро, стоит ли передавать этой газете материалы из СССР, если невозможно контролировать, в каком виде они интерпретируются для китайской публики⁷⁵.

По окончании Второй мировой войны, в октябре 1945 г., на базе отдела печати Китая был создан Дальневосточный отдел Совинформбюро. Преобразование было вызвано «изменившейся обстановкой на Дальнем Востоке, разгромом Японии, в целях активизации обслуживания советской информацией Китая, Японии и Кореи»⁷⁶. С этого момента было возобновлено обслуживание Шанхая, прерванное вступлением в войну на Дальнем Востоке СССР, и началось снабжение информацией жителей Маньчжурии.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 61. Л. 12.

⁷² Там же. Д. 154. Л. 13, 14.

⁷³ Там же. Д. 127. Л. 99.

⁷⁴ Там же. Д. 125. Л. 25.

⁷⁵ Там же. Д. 127. Л. 121.

⁷⁶ Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 1.

Однако и после войны, в частности, в марте 1951 г., когда ставилась задача установить более тесную связь с китайскими издательствами и редакциями журналов «в деле лучшего использования материалов Совинформбюро», 2-й Секретарь Посольства СССР в КНР И. И. Сафронов вынужден был признать:

Вследствие того, что централизованного информационного агентства, имеющего в своем распоряжении штат переводчиков, в Китае еще до сего времени нет, отсутствие переводов к большинству статей значительно ограничивает распространение Ваших (Совинформбюро – *Авт.*) статей (только несколько крупных газет имеют в своем штате одного – двух переводчиков), а получаемые переводы чаще всего страдают рядом недостатков с точки зрения китайского языка⁷⁷.

Заключение

Китайское направление советской информационно-пропагандистской деятельности Совинформбюро в годы Великой Отечественной и Второй мировой войн имело важное значение. С этой целью в 1942 г. в составе Совинформбюро был создан отдел печати Китая, основными формами деятельности которого стало распространение информационных материалов, предназначенных для публикации в китайской прессе, издание информационных бюллетеней пресс-бюро Посольства СССР в Чунцине, радиовещание на китайскую аудиторию, распространение советской литературы, взаимодействие с китайской общественностью советских антифашистских комитетов.

Специфика китайского направления в деятельности Совинформбюро заключалась в его второстепенности по сравнению с США и Англией, в неоднородности китайской аудитории, в наличии языкового барьера и культурных различий, в удаленности Китая от Москвы и несовершенстве каналов связи, в недостатке обратной связи и конкуренции с информационными агентствами других стран. Но, несмотря на это, отдел печати Китая в рамках Совинформбюро справлялся с возложенными на него задачами, благодаря чему, а также деятельности ТАСС в годы войны СССР был достойно представлен в информационном пространстве Китая, что позволило продемонстрировать историческую правоту советского внешнеполитического курса и побудить антифашистские силы присоединиться к поддержке СССР.

В целом, внешнеполитическая пропаганда периода Великой Отечественной войны приобретала стратегическое значение для противостояния врагу в информационном пространстве и формирования положительного образа СССР в борьбе против фашизма. Важную роль в этом сыграло Совинформбюро, деятельность которого на китайском направлении, несмотря на существовавшие трудности, осуществлялась в соответствии со стоящими перед страной задачами и представляла собой важный инструмент международной дипломатии советского руководства в годы войны.

Поступила в редакцию / Submitted: 23.10.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.11.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 22.11.2025

References

- Afanasyeva, M.I. *Ot Sovetskogo Informbyuro do RIA "Novosti"* [From the Soviet Information Bureau to RIA "Novosti"]. Moscow: Rossiiskoe informatsionnoe agentstvo «Novosti» Publ., 2001 (in Russian).

⁷⁷ Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Т. 2. Друг и союзник нового Китая. М., 2010. С. 87.

- Balandina, A.O., and Davydov, Yu.A. *Vlast', informatsiia i obshchestvo. Ikh vzaimosvyazi v deiatel'nosti Sovetskogo informbiuro v usloviakh Velikoi Otechestvennoi voiny* [Power, Information, and Society. Their Interrelations in the Activities of the Soviet Information Bureau during the Great Patriotic War]. St. Petersburg: Evraziia Publ., 2020 (in Russian).
- Balandina, O.A. “Activities of Soviet Information Bureau abroad during Great Patriotic War: Effectiveness and Ideological Priorities.” *Nauchnyi dialog*, no. 3 (2019): 215–230 (in Russian), <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-3-215-230>
- Borkov, A.V. *SSSR v mirovom informatsionnom prostranstve (1917–1945 gg.)* [USSR in the global information space (1917–1945)]. Nizhny Novgorod: [N.s.], 1995 (in Russian).
- Gasyuk, A.G. “Foreign policy propaganda of the USSR on the eve of the Great Patriotic War (1939–1941).” Doc. diss., RUDN University, 2008 (in Russian).
- Khokhlov, A.N. “Soviet journalist Vladimir Rogov in China (1937–1945).” *Oriental Archive*, no. 16 (2007): 56–64 (in Russian).
- Kozlov, N.D. *S volei k pobede. Propaganda i obydennoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [With the Will to Win. Propaganda and Everyday Consciousness during the Great Patriotic War]. St. Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet im. A.S. Pushkina Publ., 2002 (in Russian).
- Komkov, G.D. *Na ideologicheskom fronte Velikoi Otechestvennoi* [On the ideological front of the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka Publ., 1983 (in Russian).
- Kondakova, N.I. *Ideologicheskaiia pobeda nad fashizmom. 1941–1945 gg.* [Ideological victory over fascism. 1941–1945]. Moscow: Politizdat Publ., 1982 (in Russian).
- Krinko, E.F. *Narody SSSR na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny: statisticheskoe i voenno-antropologicheskoe issledovanie* [Peoples of the USSR on the fronts of the Great Patriotic War: a statistical and military-anthropological study]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Iuzhnyi nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2022 (in Russian).
- Luzyanin, S.G. “Kitai v gody Vtoroi mirovoi voiny (1939–1945) [China during the Second World War (1939–1945)].” In *Istoriia Velikoi Pobedy*, 669–711. Moscow: MGIMO (universitet) MID Rossiiskoi Federatsii Publ., 2020 (in Russian).
- Malysheva, E.M., and Garazha, N.A. “‘From the Soviet Information Bureau...’: on information confrontation of the USSR and Germany during the Great Patriotic War. 1941–1945.” *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya*, no. 4 (2015): 119–128. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.4.11>
- Markelov, S. Yu. “Public consciousness in the USSR as a reflection of the foreign policy propaganda of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), 1939–1941.” Doc. diss., Omsk State Pedagogical University, 2004 (in Russian).
- Mirovitskaya R.A. *Kitaiskaia gosudarstvennost' i sovetskaia politika v Kitae v gody tikhookeanskoi voiny 1941–1945 gg.* [Chinese statehood and Soviet policy in China during the Pacific War of 1941–1945]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 1999 (in Russian).
- Men, Yuyfen. “Sovetsko-kitaiskoe sotrudnichestvo v gody Vtoroi mirovoi voiny: istoricheskaiia pamyat' v kontekste kitaizirovannogo marksizma [Soviet-Chinese Cooperation during World War II: Historical Memory in the Context of Sinicized Marxism].” In *Molodezh' i sovremennyi vzgliad na sobytiia Vtoroi mirovoi voiny: materialy Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 27 noiabrya 2020 goda)*, 102–107. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2020 (in Russian).
- Nevezhin, V.A. *'Esli zavtra v pokhod...' Podgotovka k voine i ideologicheskaiia propaganda v 30-kh – 40-kh godakh* [‘If tomorrow we go on a campaign...’ Preparation for war and ideological propaganda in the 1930s and 1940s]. Moscow: EKSMO Publ., 2007 (in Russian).
- Shirokorad, I.I. *Tsentr'al'naiia periodicheskaiia pechat' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [The Central Periodical Press during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow: Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet Publ., 2001 (in Russian).
- Ushakova, S.N. *Ideologo-propagandistskie kampanii v praktike funktsionirovaniia stalinskogo rezhima: novye podkhody i istochniki* [Ideological propaganda campaigns in the practice of the Stalinist regime: new approaches and sources]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Николаевич Прямыцын, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории), Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации; Россия, 119330, Москва, Университетский проспект, 14; priamitzynvn@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2784-8306>; SPIN-код: 8601-2369.

Марина Николаевна Мосейкина, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; moseykina-mn@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9279-4079>; SPIN-код: 3091-0370.

Елена Валерьевна Кряжева-Карцева, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Российский университет дружбы народов; Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; kartseva-ev@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8667-8127>; SPIN-код: 3233-2912.

Vladimir Nikolaevich Pryamitsyn, Dr. Habil. Hist., Chief Researcher of the Research Institute (Military History), Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation; 14, Universitetsky Prospekt, Moscow, 119330, Russia; priamitzynvn@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2784-8306>; SPIN-code: 8601-2369.

Marina Nikolaevna Moseykina, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Department of Russian History, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Ul., Moscow, 117198, Russia; moseykina-mn@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9279-4079>; SPIN-code: 3091-0370.

Elena Valer'evna Kryazheva-Kartseva, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Ul., Moscow, 117198, Russia; kartseva-ev@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8667-8127>; SPIN-code: 3233-2912.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-99-108>
EDN: YIQRMG

Научная статья / Research article

Soviet Defectors in Western Germany at the End of the 1940s and the Beginning of the 1950s and Mensheviks-Emigres

Alexey V. Antoshin

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

✉ alex_antoshin@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the phenomenon of *defectors* from the Soviet Union in the first years after the end of the Great Patriotic War. The author focuses on the attitude of the old Russian Social Democrats, who were in exile in the United States, toward the *defectors*. The article draws on documents from the Hoover Institution's War, Revolution, and Peace Archives (Stanford, USA), the Bakhmetev Archives of Russian and East European Culture at Columbia University (New York, USA), the Archives of the Center for East European Studies at the University of Bremen (Germany), and others. The author shows that a group of Soviet *defectors* who were in Displaced Persons camps in Germany came into contact with representatives of the Menshevik émigré center in the late 1940s. On the basis of this group, the German Department of the League of Struggle for People's Freedom was created, which claimed to act as a key Russian émigré organization with a democratic orientation. The article shows that the *defectors* received funding from the USA, various foundations and non-governmental organizations through the mediation of the old Mensheviks. The result of this action was the exposure of the leader of the group of *defectors* Major Vasily Denisov as an agent of the Soviet secret services. The article proves that this case was not an isolated phenomenon: a number of *defectors* broke with anti-communist émigré organizations and decided to return to the Soviet Union. The author comes to the conclusion that the reason for this was the disappointment of many *defectors* in the values of Western democracy, their critical attitude to the spiritual atmosphere within Western societies and the political elite of the USA.

Keywords: Russian emigrants, Soviet refugees, Russian diaspora, repatriation, post-war USSR, Russian anti-communists, Boris Nicolaevsky

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgments: The assistance of Honorary Professor Andre Liebich (Graduate Institute of International and Development Studies, Geneva) in the preparation of this article is acknowledged and appreciated.

For citation: Antoshin, A.V. "Soviet Defectors in Western Germany at the End of the 1940s and the Beginning of the 1950s and Mensheviks-Emigres." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 99–108. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-99-108>

Советские «перебежчики» в Западной Германии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. и меньшевистская эмиграция

Алексей Валерьевич Антошин

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
✉ alex_antoshin@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена феномену «перебежчиков» из Советского Союза в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. Автор уделяет особое внимание отношению к «перебежчикам» старых русских социал-демократов, находившихся в эмиграции в США. Статья опирается на документы из Архива войны, революции и мира Института Гувера (Стэнфорд, США), Бахметевского архива русской и восточноевропейской культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Архива Центра восточноевропейских исследований Бременского университета (Германия) и др. Автор показывает, что группа советских «перебежчиков», находившихся в лагерях для перемещенных лиц в Германии, в конце 1940-х гг. вошла в контакт с представителями меньшевистского эмигрантского центра. На базе этой группы был создан Германский отдел Лиги борьбы за народную свободу, который претендовал на роль ключевой русской эмигрантской организации демократической направленности. В статье показано, что «перебежчики» получали финансирование из США, от различных фондов и неправительственных организаций при посредничестве старых меньшевиков. Результатом этой акции стало разоблачение лидера группы «перебежчиков» майора Василия Денисова как агента советских спецслужб. В статье доказывается, что этот случай не был единичным явлением: ряд «перебежчиков» порвали с антикоммунистическими эмигрантскими организациями и решили вернуться в Советский Союз. Автор приходит к выводу, что причиной этого стало разочарование многих «перебежчиков» в ценностях западной демократии, их критическое отношение к духовной атмосфере внутри западных обществ и к политической элите США.

Ключевые слова: русские эмигранты, советские беженцы, русская диаспора, репатриация, поствоенный СССР, российские антикоммунисты, Б.И. Николаевский

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Выражаем признательность и благодарность почетному профессору Андре Либиху (Институт международных исследований и исследований в области развития, Женева) за помощь в подготовке данной статьи.

Для цитирования: Антошин А.В. Советские «перебежчики» в Западной Германии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. и меньшевистская эмиграция // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 99–108. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-99-108>

Introduction

Relevance. Many scholars have written thousands of pages trying to analyze and comprehend the problems of the Cold War; however, there are some unknown aspects that deserve thorough investigation, particularly the fate of Russian socialism. The main organization of the old Russian Social Democrats (Mensheviks) was the *Zagranichnaia delegatsiia* (ZD) of the Russian Social Democratic Labor Party, which published the journal *Socialistichesky vestnik*¹. The leaders of the ZD were well-known Russian Social Democrats, including Boris Nicolaevsky and Rafail Abramovich.

¹ *The Mensheviks: From the Revolution of 1917 to the Second World War* (Chicago: University of Chicago Press, 1974); *Mensheviki* [The Mensheviks] (Benson, Vermont: Izdatel'stvo Chalidze Publ., 1988); M. Nazarov, *Missiia Russkoi emigtatsii* [The Mission of Russian Emigrés] (Stavropol: Kavkazskii kraj Publ.,

The old Mensheviks preserved their political identity in emigration even in the 1950s, when their former opponents in pre-revolutionary and revolutionary Russia (the liberals and social revolutionaries) had become merely a page in Russian political history. There were no new members in the Menshevik Party or new sympathizers in its entourage. The young generation of “white” émigrés and new refugees from the Soviet Union looked askance at Menshevism. People who had grown up in a Soviet atmosphere very often did not want to hear about socialism in any of its versions.

It is this situation that makes the history of a group of former Soviet military officers in Western Germany at the end of the 1940s and the beginning of the 1950s so fascinating. Suddenly, the new refugees proclaimed social democratic sentiments and began to cooperate with the old Mensheviks. They formed a political group in Western Germany headed by Major Vasily Denisov and Captain Pavlovsky. However, in the mid-1950s, Denisov was arrested as a Soviet spy. This article tries to show that the history of the “new Social Democrats” in Western Germany is much more complex than a story about Soviet espionage during the Cold War. It is possible to characterize it as a story of the honest disappointment of the *defectors* (who were alone in the Russian diaspora) in Western democracy and in their new friends, the old Mensheviks.

Elaboration of the problem. The history of Russian Social Democratic emigration in the Cold War has already attracted the attention of scholars. Note, for example, the very important studies by Andre Liebich devoted to the ideological attitudes of old Mensheviks and their perception of the Cold War². In 2010, Liebich and Albert Nenarokov published two volumes containing documents from the Foreign Delegation of Russian Social Democracy (including the period from the mid-1940s to 1952)³. However, some interesting aspects of the history of Menshevism abroad require further study.

It is necessary to note studies on the political attitudes of new Soviet refugees after World War II. For example, we can highlight the PhD dissertation by Laura J. Hilton⁴. This work brings to the surface the struggles of Displaced Persons (DPs)⁵ in temporary camps as they sought to rebuild their sense of community, identity and nationality. She demonstrates that, through their actions, those DPs who refused repatriation challenged ideas of citizenship and nationality, thus provoking international debates over repatriation and playing a key role in defining international responses to the humanitarian, economic and cultural needs of stateless and persecuted peoples.

Another important study was penned by Anna Marta Holian⁶. This book examines how Displaced Persons in post-war Germany created political “communities of interest” to

1992); P. Bazanov, *Izdatelskaia Deiatel'nost' Politicheskikh Organizatsii Russkoi Emigratsii (1917–1988)* [The Publishing Activity of the Political Organizations of the Russian Diaspora] (St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi institut kul'tury Publ., 2008); *From the Archives of L.O. Dan* (Amsterdam: Stichting International Instituut voor Sociale Geschiedenis, 1987).

² A. Liebich, “Mensheviks Wage the Cold War,” *Journal of Contemporary History* 30 (1995): 247–264. <https://doi.org/10.1177/002200949503000203>; *Russian Social-Democracy after 1921* (Cambridge-London: Harvard University Press, 1997).

³ A. Liebich, A.I. Nenarokov, eds. *Men'sheviki v emigratsii. Protokoly Zagranichnoi Delegatsii RSDRP 1922–1951 gg.* [The Mensheviks in Emigration. Protocols of the Delegation of the RSDRP Abroad, 1922–1951] (Moscow: ROSSPEN Publ., 2010).

⁴ L.J. Hilton, “Prisoners of Peace: Rebuilding Community, Identity and Nationality in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1952,” PhD diss., Ohio State University, 2001.

⁵ L. Dinnerstein, “America and the Survivors of the Holocaust: The Evolution of a United States Displaced Persons Policy, 1945–1950 (New York: Columbia University Press, 1982); O. Buriánek, *From Liberator to Guardian: The U.S. Army and Displaced Persons in Munich, 1945*,” PhD diss., Emory University, 1992; H. Genizi, *America's Fair Share: The Admission and Resettlement of Displaced Persons, 1945–1952* (Detroit, MI: Wayne State University Press, 1993).

⁶ A.M. Holian, *Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany* (Michigan: University of Michigan Press, 2011).

represent what they understood as their collective experiences and aspirations. While opposition to repatriation was the starting point for all these groups, they diverged widely in how they interpreted the war years and envisioned the future.

The troubled futures of Soviet officers and soldiers have been discussed by Mark Edede in his book⁷. He analyses the motivations of Soviet deserters and their anti-communist actions.

The source base. The article draws on documents from the Hoover Institution's War, Revolution, and Peace Archives (Stanford, USA), the Bakhmetev Archives of Russian and East European Culture at Columbia University (New York, USA), the Archives of the Center for East European Studies at the University of Bremen (Germany), and others. These documents contain valuable information on the history of cooperation between defectors and the leaders of Russian émigré social democracy.

Anti-communist military officers and old Mensheviks: from “love” to disappointment

The Foreign Delegation of the Russian Social Democratic Labor Party was formed at the beginning of the 1920s, preserving its connections with European comrades⁸. Representatives of the ZD took part in the activity of the Labor and Socialist International and were well-known in the West as experts on “Russian affairs.” As proponents of democratic socialism, they were negatively inclined towards the existing political regime in the USSR, which they characterized as a “Stalinist dictatorship.” In the conflict between the USSR and the West, the old Mensheviks were in the “camp of international democracy.”⁹

Russian socialists had good relations with some American non-governmental organizations. In the early 1950s, they advocated that George Kennan head anti-communist activities¹⁰. However, these politicians were quickly disappointed when it became clear that the Ford Foundation, a leading sponsor, did not have much desire to fund this work. They played an active role in liaising with the American Committee for the Liberation from Bolshevism in the early 1950s, a group which stood behind US policy towards the various peoples of the USSR during the Cold War.

Very often, American and European institutions overestimated the real power of the ZD. It was a small group of old Russian socialists and was not very influential among other émigrés, the majority of whom shared conservative ideas. Although the members of the ZD preserved their political identity as they became older, they soon had to deal with what was to happen to their group in the future. Consequently, it was very important to find new, younger comrades.

Given this, the old Russian socialists who lived in the US attentively watched the appearance of phenomenon of *defectors*. Their main journal, *Sotsialisticheskii Vestnik*, wrote about the first political activities of the newcomers. The Mensheviks tried to prove that deep democratic attitudes existed among the new refugees. As early as 1949, their journal noted the formation of a “democratic organization” in Hamburg oriented to the

⁷ M. Edede, *Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941–1945* (Oxford: Oxford University Press, 2017).

⁸ A. Liebich, *From the Other Shore: Russian Social-Democracy after 1921* (Cambridge-London, 1997).

⁹ A. Liebich, A.I. Nenarokov, eds. *Men'sheviki v emigratsii. Protokoly Zagranichnoi Delegatsii RSDRP 1922–1951 gg.* [The Mensheviks in Emigration. Protocols of the Delegation of the RSDRP Abroad, 1922–1951] (Moscow: ROSSPEN Publ., 2010), 369.

¹⁰ Bakhmeteff Archive Research at Columbia University (thereafter – BAR), Ariadna Tyrkova-Williams collection, box 2, folder “Melgunov S,” Ariadna Tyrkova to Serge Melgunov, 19.05.1951; J.L. Gaddis, *George F. Kennan: An American Life* (New York; London: Penguin Press, 2011).

ideology of *Sotsialisticheskii vestnik*¹¹. This was the group headed by Major Vasily Denisov. It consisted of others former Soviet military officers. Did they really have a social democratic ideology? It is necessary to take into account the Soviet background of the new refugees. For people who had grown up in Soviet society, democratic socialism was a more comfortable system than the free market economy. This was the precisely the presumption of the old Russian Social Democrats. In their opinion, the Soviet man was “a socialist in the way socialism is understood in Western European countries. He thirsts for political freedom but at the same time he is in favor of a planned economy which is considerably socialized. He is in favor of wide social guarantees, the right to work, insurance against unemployment, free education...”¹². In other words, the ZD held that Soviet citizens wanted the authentic realization of all the principles formally maintained by the Stalinist constitution. Did this belief correspond with reality? On the contrary: the political regime in the USSR often caused people to reject all versions of socialism. The old Mensheviks were divorced from the realities of the Soviet Union. By the end of the 1930s, practically all correspondence with their friends and relatives who had remained in the Soviet Union had ceased (even before this, such letters had been regulated by the Soviet secret police). So, while Nicolaevsky and other old social democrat David Dallin had some individual meetings with DPs¹³, the Mensheviks did not have alternative sources of information about the situation in the USSR.

It is probable that the old Mensheviks received information about the new political group headed by Denisov from N. Irgizov (Irgizsky), one of the new émigrés from the Soviet Union. At the end of the 1940s, he began to publish articles in *Sotsialisticheskii vestnik*. It was easier for him than for old Mensheviks to make connections with former Soviet military officers. It is very important to stress one tendency. At the end of 1940s, Irgizsky characterized the organization formed in Hamburg and Hannover as “a group of DPs”:¹⁴ he did not write that they were representatives of the newest stream of emigration from the USSR, who came from Soviet military units in Europe. For old Mensheviks, it was probably very important to show that DPs (who were considered victims of World War II and the Nazi regime) supported socialist ideas. European and American public opinion towards ex-Soviet military officers was not the homogenous: many were very cautious in their relations with those who had fled Soviet units. No less than this, DPs were representative of a mass phenomenon which gained the attention of international society for a few years: in contrast, the *defectors* were individuals whose flights from the USSR did not represent a large-scale movement. It was far more advantageous for the old Russian socialists to associate with DPs than with *defectors*.

One of the first émigrés who made connections with the *defectors* was Liliia (Lola) Estrin. She was a former participant in Trotskyist groups abroad in 1930s and a close friend of Natalya Sedova (the wife of Leon Trotsky). Later, Lola married the Menshevik David Dallin and began to cooperate with Russian Social Democrats. Lola knew the political sentiments of the Soviet people better than the old Mensheviks, who had lived abroad since 1920–1922. Therefore it was no coincidence that former Soviet military officers had close connections with David Dallin and his friend Boris Nicolaevsky.

¹¹ “Democracy v Hamburge [Democrats in Hamburg],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 5 (1949): 94.

¹² A. Liebich, Al. Nenarokov, eds. *Men'sheviki v emigratsii. Protokoly Zagranichnoi Delegatsii RSDRP 1922–1951 gg.* [The Mensheviks in Emigration. Protocols of the Delegation of the RSDRP Abroad, 1922–1951] (Moscow: ROSSPEN Publ., 2010), 376.

¹³ HIA. Boris Nicolaevsky collection, series 248, box 475, folder 1, Boris Nicolaevsky to A. Bourgina, 14.08.1947.

¹⁴ N. Irgizsky, “Sobranie v Hannovere [The Meeting in Hannover],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 5 (1949): 95.

In February 1951, Lola Dallin reported to Nicolaevsky that she had made connections with some Soviet officers (Pavlosky, Grigoriev and others). Dallin stressed that their living conditions in Germany were “terrible”: therefore, she proposed helping them using financial resources from different American organizations¹⁵.

It was crucial for the old Mensheviks to have connections with new émigrés who had only just left the USSR. Vasily Denisov began to receive financial support from New York. The Soviet Major regularly received letters from Nicolaevsky between 1951 and 1954. A group of Soviet military officers in Western Germany was declared as a branch of the anticommunist League for the Struggle for the People’s Freedom (LSPF, established in New York by Nicolaevsky, David Dallin and some other old émigrés with the assistance of Americans).

The members of this group began to publish articles in *Sotsialisticheskii vestnik*. In 1952–1953, many materials in this journal were written by former Soviet military men. Usually, these materials were memoirs about their service in the army: they also described the Soviet policy in Germany and the situation in German agriculture and industry¹⁶. The author of some of these materials was “M. Ershov.” He showed that the Soviet army had not in fact demobilized, since large contingents remained in German territory¹⁷. His military service was also the subject of his articles¹⁸, while others were devoted to Soviet society and economy, anti-Semitism and the arduous living conditions in the USSR¹⁹.

Ershov – Miroshnikov was not the only such author at *Sotsialisticheskii vestnik*. Many military officers wrote for this journal in 1952–1953: Colonel Matveev, Captain Ruslanov, Lieutenant Vasiliev, etc., detailing the propaganda of the Soviet army’s political wing, the structure of the Soviet military command and several other issues²⁰. Were these writers really soldiers? The content of the articles proves that the materials were indeed written by former Soviet troops: they knew very well the details of the Soviet policy in Germany: nonetheless, one cannot doubt that the surnames were pseudonyms, several of which were probably used by one person.

Some *defectors* published their articles in other left-oriented émigré journals (for example, in *Narodnaia pravda*²¹, which tried to revive the old Narodnik ideology). Equally, the old Mensheviks organized some new publishing projects for the *defectors*. Consider, for example, *Na rubezhe*, a journal published in Paris. Its editor-in-chief was Boris Nicolaevsky, while old socialists like Nicolay Valentinov, Pavel Berlin and others were among the authors: some pieces were also penned by former Soviet military officers. The

¹⁵ HIA. Boris Nicolaevsky collection, series 248, box 477, folder 3, L. Dallin to B. Nicolaevsky, 25.02.1951.

¹⁶ “Boevoe zadanie [A Military Task],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 6–7 (1952): 116–117.

¹⁷ M. Ershov, “Demobilizatsia sovetskoi armii [Demobilization of the Soviet Army],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 1 (1952): 4.

¹⁸ “O snabzhenii sovetskoi armii produktami pitania [On the Supply of the Soviet Army with Food Products],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 5 (1953): 96–98.

¹⁹ “Presledovaniia evreev v SSSR [Discrimination against the Jews in the USSR],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 5 (1952): 89–93; “Narodnoe pitanie i Zhivotnovodstvo v SSSR [National Food and Animal Husbandry in the USSR],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 8 (1952): 132.

²⁰ I. Matveev, “V krivom zerkale [In a Crooked Mirror],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 5 (1953): 98–100; “Zametki sovetskogo polkovnika [The Notes of a Soviet Colonel],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 6 (1953): 115; A. Ge, “Smert’ Stalina i perspektivy russkoi svobody [Stalin’s Death and Prospects for Russian Freedom],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 4 (1953): 60–61; N. Ruslanov, “Voskhozhenie Malenkova [The Height of Malenkov],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 7–8 (1953): 127–131; B. Vasiliev, “Demontazh mysli [The Dismantling of Thought],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 10–11 (1953): 204–206.

²¹ V. Kondrashev, “Kak ia sluzhil v Soiuзnom Kontrolnom Sovete [How I Served on the Joint Control Council],” *Narodnaia pravda*, no. 1 (1952): 115–123.

content of these works was similar to those in *Sotsialistichesky vestnik*: most were memoirs and analyses of the Soviet army in the 1940s²².

However, this project was headed by old socialists, while *Kolokol* was the main publishing project of former Soviet soldiers: this journal was the official publication of the Union of Post-War Refugees from the USSR in Hamburg. The journal was released in 1952, at which point some leaders of the Hamburg group had already left Germany for the USA (for example, Miroshnikov). Nevertheless, they continued to support their comrades in Germany.

The content of articles in *Kolokol* shows us the ideological attitudes of this group in 1952–1953, a key turning point in Soviet history: Stalin had just died, ushering in a new era. The former officers writing for the journal tried to prove the existence of contradictory tendencies in the new leadership's policies, remarking on how elements of freedom coexisted with repression. The *defectors* sought to demonstrate that the new Soviet leaders did not want to begin real destalinization²³.

Cooperation between the old Mensheviks and new refugees from the USSR lasted for some years. Major Denisov offered his partners many assurances, forwarding large-scale plans for the political unification of new emigres in Western Germany. He also promised Nicolaevsky to write some articles about NKVD repressions and life in the Soviet Union. His main project was an article about the structure and activity of the Communist Party in the Soviet army. This subject greatly interested the American friends of the Soviet émigrés: Denisov even received a grant from the Bakhmeteff Fund²⁴.

However, relations between the veterans and the old Mensheviks gradually became more arduous. Denisov received honoraria from Nicolaevsky but worked very slowly on his articles. The Major explained that the reason for this was the lack of a printing machine, resulting in Nicolaevsky being compelled to purchase such a device²⁵. Of course, other, more serious, factors were ultimately responsible for the quarrels. Overweening ambition was one issue, but Denisov also stressed that there was a moral aspect to this problem: Nicolaevsky visited Germany but did not want to meet with the former military officers. Nicolaevsky's indifference shocked Denisov and his friends, leading the former to threaten the dissolution of his group in December 1951²⁶.

The ambitions of Vasily Denisov and his comrades were too grandiose. In 1953–1954, they actively claimed an independent status for their group. In their words, they had 68 members, leading many *defectors* to join them²⁷. Denisov proclaimed that his group was preserving its social democratic identity, but his relationship with Nicolaevsky was highly problematic. In January 1954, the Major demanded 1,000 German marks from the League for the Struggle for the People's Freedom²⁸, but only two months later he informed Nicolaevsky that it was impossible for his group be a mere department of the LSPF²⁹.

In 1953–1954, the *defectors* began to enjoy better living conditions: for example, Denisov already had a car. This surprised the Russian diaspora, with some émigrés asking

²² G. Markov, "Poslevoennyi mif o voennoi industrii [A Post-War Myth about Military Industry]," *Na rubezhe*, no. 5 (1952): 7–9; A. Markov, "Ofitser i soldat v sovetskoy armii [Officer and Soldier in the Soviet Army]," *Na rubezhe*, no. 4 (1952).

²³ *Kolokol*, no. 1–2, 2–3 (1952).

²⁴ HIA. Boris Nicolaevsky collection, series 248, box 477, folder 25, V. Denisov to B. Nicolaevsky, 05.02.1952.

²⁵ *Ibid.*, V. Denisov to B. Nicolaevsky, 05.03.1952.

²⁶ *Ibid.*, V. Denisov to B. Nicolaevsky, 29.12.1951.

²⁷ *Ibid.*, V. Denisov to B. Nicolaevsky, 17.07.1953.

²⁸ *Ibid.*, V. Denisov to B. Nicolaevsky, 04.01.1954.

²⁹ *Ibid.*, V. Denisov to B. Nicolaevsky, 30.03.1954.

about the roots of this sudden prosperity³⁰. The grand political ambitions of the former military officers led to the end of their cooperation with the old Mensheviks. There was only one article by a *defector* in *Sotsialisticheskii vestnik* in 1954³¹. Thus, the attempt to forge a long-term union between the old Mensheviks and a new generation of émigrés was unsuccessful.

Denisov's group and American foreign policy

The *defectors* claimed that they arrived in the West in order to struggle against Soviet totalitarianism. But they also openly criticized some aspects of American propaganda. In September 1951, they pointed out that “numerous” articles and public speeches in America against “Russia” and “Russians” helped Stalinist anti-Western propaganda. Soviet authorities also used racial discrimination in America to prove the anti-democratic character of its regime. The new refugees from the Soviet Union stressed that America and its allies could ultimately have no correct policy towards the USSR. In their opinion, only full independence and the territorial unity of post-communist Russia could be a safe basis for “true” cooperation between Russian anti-communists and the Western block³².

The sentiments of the new refugees were rather contradictory and determined by their social context. For some, emigration was an emotional step. Initially they idealized Western societies, but then found that they had to struggle for their place under the sun. Documents from the First Conference of Post-War Political Refugees show their disappointment. The participants of this meeting spoke about the lack of jobs, the impossibility of leaving Europe for America and so on. As early as September 1951, veterans blamed Western societies for indifference to their fates³³.

This is a very important point: Denisov and his comrades openly criticized Western policy toward “Russia” and Soviet émigrés. If they were Soviet agents, advertising their differences with the Western block was a rather unusual tactic. In 1953, “Captain Petin” disagreed with an article by Isaac Don Levine, a well-known American specialist on Russian and Soviet studies, in the magazine *Life*. Don Levine tried to prove that Soviet citizens were “more materialists than idealists”: they needed “better living conditions, not freedom and democracy.” The former officer could not support these arguments. He stressed that Soviet émigrés had left their Motherland for the West in search of freedom. They lived in “terrible conditions” in DP camps, but hoped to participate in the struggle against Stalinist totalitarianism. Some of them refused jobs at Western radio stations because they did not see a “clear program of struggle against Bolshevism for the liberation of the peoples of the USSR.”³⁴

Later, in 1954, the former military men continued to criticize American foreign policy in the Cold War and the moral atmosphere of American society. They condemned Americans for their indifference towards former Displaced Persons³⁵, feeling as if they had been forgotten by the West. In their opinion, Americans perceived refugees as a tool in the

³⁰ Archive of Museum of Russian Culture (AMRC), 5929–3–4.

³¹ “Rasskaz Petukhova [A Story by Petuhov],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 12 (1954): 240–242.

³² “Pervaia konferentsiia poslevoennykh politicheskikh bezhentshev [The First Conference of Post-War Political Refugees],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 9–10 (1951): 182.

³³ Noveishy, “Vo imia svobody i demokratii [For Freedom and Democracy],” *Sotsialisticheskii vestnik*, no. 9–10 (1951): 181.

³⁴ Captain Petin, “Recept mistera I. Don Levina [The Recipe of I. Don Levin],” *Kolokol*, no. 1–2 (1953): 11.

³⁵ HIA. Boris Nicolaevsky collection, series 248, box 477, folder 25, V. Denisov to B. Nicolaevsky, 30.03.1954.

Cold War. It is necessary to take into account these dimensions when we try to investigate the atmosphere within Denisov's group in 1953–1954.

Certainly, they realized that America and her allies were the enemy of their enemy – communism. Only America could provide them with the money and support they needed. But Vasily Denisov began to stress that the American political elite had chosen the wrong path in the fight against communism. In his opinion, complete disavowal of Soviet reality was not a constructive approach. In July 1954, he wrote to Boris Nicolaevsky that the Soviet people could not believe in the propaganda picture created by Americans³⁶. In a personal letter, he could be honest: the former Major thought that the methods chosen by Americans were not effective, making it practically impossible for them to receive the support of the Soviet people.

Conclusion

This story ended very suddenly: in 1955, Major Vasily Denisov was arrested in Western Germany as a Soviet spy. This was a shock for his partners, the old Mensheviks, who believed that social democratic ideas were popular in the Soviet Union. Had Denisov been a Soviet agent in 1951, when he began to cooperate with Mensheviks? Or was this event connected with how the honest dreams of political émigrés from the Soviet Union had gone sour?

Old Mensheviks believed the latter.³⁷ Denisov was arrested when he returned from Eastern to Western Germany with a bag containing a large amount of money, something quite unusual for a Soviet agent. Usually, the Soviet secret services were much more discrete. Nicolaevsky knew that Denisov had been disappointed with Western policy towards the USSR. Indeed, he was not the only one. Earlier, the Soviet pilot and *defector* Anatoly Barsov had already returned to the Soviet Union when he became fed up with American society. For people from the Eastern bloc, the escape to the West was full of unexpected problems and difficult discoveries.

The historical sources show that American strategy in the Cold War provoked cutting comments from new Soviet refugees. In their opinion, American governmental and non-governmental organizations did not understand the mentality of the Soviet people. As a result, American propaganda was not particularly effective. Former Soviet military officers stressed that ordinary people in the USSR had strong patriotic sentiments, meaning that they looked negatively on the aggressive claims of some American newspapers and magazines. Denisov and his comrades thought that such bombastic propaganda could lead to the development of anti-American sentiments among the Soviet people.

Participation in the political life of the Russian diaspora also led to disillusionment. They continued to be alone in the diaspora, since they did not establish connections with any professional or social group. The atmosphere in which they lived was quite toxic, a morass of personal political ambitions and persistent squabbling.

The collapse of the relationship between the old Mensheviks and Denisov's group characterizes a certain trend in émigré politics. Boris Nicolaevsky and David Dallin, the leaders of the ZD, strove to gain the support of the “new” and “newest” émigrés from the USSR: at the end of the 1940s and the beginning of the 1950s, they repeatedly initiated cooperation with those who had just arrived from the Soviet Union. Thanks to the energy of the Old Mensheviks (often they were the first émigré politicians to enter into contact

³⁶ HIA. Boris Nicolaevsky collection, series 248, box 477, folder 25, V. Denisov to B. Nicolaevsky, 02.07.1954.

³⁷ *Ibid.*, box 471, folder 2, “К делу мажора Денисова.”

with the latest émigrés), the new arrivals became interested in them and showed some initial political sympathies. However, after living for a while in the West and becoming acquainted with the propaganda of other émigré associations, *defectors* all the more frequently turned away from social democratic ideas, preferring to establish contact with more right-wing organizations. In general, Soviet émigrés were closer to right-wing political culture and its values than the democratic ideals professed by the old Mensheviks.

It seemed to Denisov and his comrades that Americans like Boris Nicolaevsky were using them for their own political ends. This moral crisis led to the end of the Hamburg group of *defectors*. But archives of the Soviet secret services will give future historians the opportunity to paint a fuller picture of this story.

Поступила в редакцию / Submitted: 16.01.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.03.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 21.08.2025

References

- Bazanov, P. *Izdatelskaia Deiatelnost Politicheskikh Organizatsii Russkoi Emigratsii (1917–1988)* [The Publishing Activity of the Political Organizations of the Russian Diaspora]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi institut kul'tury Publ., 2008 (in Russian).
- Burianeck, O. "From Liberator to Guardian: The U.S. Army and Displaced Persons in Munich, 1945." PhD diss., Emory University, 1992.
- Dinnerstein, L. *America and the Survivors of the Holocaust: The Evolution of a United States Displaced Persons Policy, 1945–1950*. New York: Columbia University Press, 1982.
- Edele, M. *Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941–1945*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Gaddis, J.L. *George F. Kennan: An American Life*. New York; London: Penguin Press, 2011.
- Genizi, H. *America's Fair Share: The Admission and Resettlement of Displaced Persons, 1945–1952*. Detroit, MI: Wayne State University Press, 1993.
- Hilton, L.J. "Prisoners of Peace: Rebuilding Community, Identity and Nationality in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1952." PhD diss., Ohio State University, 2001.
- Holian, A.M. *Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany*. Michigan: University of Michigan Press, 2011.
- Liebich, A. "Mensheviks Wage the Cold War." *Journal of Contemporary History* 30 (1995): 247–264. <https://doi.org/10.1177/002200949503000203>
- Liebich, A. *From the Other Shore: Russian Social-Democracy after 1921*. Cambridge-London: Harvard University Press, 1997.
- Liebich, A., and Nenarokov, A.I. eds. *Men'sheviki v emigratsii. Protokoly Zagranichnoi Delegatsii RSDRP 1922–1951 gg.* [The Mensheviks in Emigration. Protocols of the Delegation of the RSDRP Abroad, 1922–1951]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Alexey Valerievich Antoshin, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Oriental Studies, Department of International Relations, Ural Federal University; 19, Prospekt Mira Av., Yekaterinburg, 620083, Russia; alex_antoshin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6093-2219>; SPIN-code: 6285-4494.

Алексей Валерьевич Антошин, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; Россия, 620003, Екатеринбург, пр. Мира, 19; alex_antoshin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6093-2219>; SPIN-код: 6285-4494.

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО ФРОНТИРА
HISTORY OF THE SOUTHERN FRONTIER

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-109-121>

EDN: ZEOCNO

Научная статья / Research article

**Детский приют в г. Скобелев: забота Российской империи
о детях русских переселенцев в Туркестанском
генерал-губернаторстве в начале XX века**

Светлана Николаевна Брежнева

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург,
Пушкин, Россия

 brezhneva_s_n@mail.ru

Аннотация: Рассматривается история формирования и деятельности детского приюта в г. Скобелев Ферганской области, анализируются проблемы, возникающие в работе Ферганского попечительства детских приютов. Целью является исследование реализации имперской политики России по проблемам детей-сирот на территории Туркестанского генерал-губернаторства в русле проводимой имперскими властями фронтальной модернизации национальной окраины. Источниковая база основана на делопроизводственных материалах, извлеченных из Российского государственного исторического архива. В статье показаны условия возникновения детского приюта в Ферганской области, ставшего одним из последних учреждений такого рода в Туркестанском генерал-губернаторстве. Раскрывается деятельность попечительства детских приютов, созданного в Ферганской области для контроля за деятельностью приюта и связи с Ведомством учреждений императрицы Марии, основанному супругой Александра II и курировавшему заведение такого рода в Российской империи. Автор приходит к выводу, что организация деятельности приюта ничем не отличалась от подобных учреждений в центральных областях Российской империи, что может служить доказательством желания российской администрации поднять национальные окраины до своего уровня. Как показывает исследование, существование такого рода учреждений в Туркестанском генерал-губернаторстве является свидетельством заботы российской администрации о своих подданных, находившихся в непростых условиях на чужбине.

Ключевые слова: национальная окраина России, русские переселенцы, детское сиротство, происхождение, воспитание, финансирование

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Брежнева С.Н. Детский приют в г. Скобелев: забота Российской империи о детях русских переселенцев в Туркестанском генерал-губернаторстве в начале XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 109–121. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-109-121>

© Брежнева С.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Orphanage in Skobelev: the Care of the Russian Empire for the Children of Russian Immigrants in the Turkestan General Government at the Early 20th Century

Svetlana N. Brezhneva

Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Saint Petersburg, Pushkin, Russia

 brezhneva_s_n_@mail.ru

Abstract: The author examines the history of the formation and activities of a children’s orphanage in Skobelev, Fergana Region, and analyzes the problems that arise in the work of the Fergana Board of Trustees for Children’s Orphanages. The purpose of the article is to study the implementation of Russia’s imperial policy on the issue of orphans in the territory of the Turkestan Governorate-General, which was part of the imperial authorities’ efforts to modernize the national frontier. The source base is based on administrative materials extracted from the Russian State Historical Archive. The author describes the conditions under which a children’s orphanage was established in the Fergana region, which was one of the last such institutions in the Turkestan Governorate-General. In addition, the author reveals the activities of the Board of Trustees of Children’s Homes, founded by the wife of Alexander II to manage such institutions, and then established in the Fergana Regio in particular to oversee the activities of the orphanage and maintain contact with the Department of Institutions of the Empress Maria. The author concludes that the organization of the orphanage’s activities was no different from similar institutions in the central regions of the Russian Empire, which can serve as evidence of the Russian administration’s desire to elevate the national frontier its own level. As the study shows, the existence of such institutions in the Turkestan Governorate-General is a testament to the Russian administration’s concern for its subjects who found themselves in challenging circumstances in a foreign land.

Keywords: National outskirts of Russia, Russian immigrants, child orphanhood, origin, upbringing, and financing

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Brezhneva, S.N. “Orphanage in Skobelev: the Care of the Russian Empire for the Children of Russian Immigrants in the Turkestan General Government at the Early 20th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 109–121. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-109-121>

Введение

Актуальность. В современной исторической науке очевиден интерес к имперской проблематике, обусловленный многими причинами, и, прежде всего воздействием законов империи на ее национальные окраины, обусловленным стремлением модернизировать их, подняв до своего уровня. В русле данных проблем находятся и вопросы благотворительности и детского сиротства, распространяемые на территории, входившие в состав России. Одним из аспектов указанного направления являлись задачи создания на окраинах страны детских приютов, создаваемых для детей русских переселенцев с целью их постепенного перехода в плоскость аккультурационного воздействия на местное население.

Степень изученности проблемы. Вопросы призрения детей в Российской империи в настоящее время активно исследуются в работах отечественных историков, особенно посвященных региональному аспекту проблемы¹. Тема русских переселен-

¹ Дашкевич Л.А. Трудовое воспитание в сельских приютах Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Педагогическое образование в России. 2018. № 5. С. 6–12. <https://doi.org/10.26170/ro18-05-01> EDN: ХРХХDV; Заколотная В.Н. Государство и общество в деле организации социальной помощи детям-сиротам в Петербурге и губернии во второй половине XIX начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 3. С. 145–150. EDN: PABPOJ;

цев в Туркестане, их адаптации и взаимоотношений с местным населением также на протяжении нескольких лет вызывает неуклонный интерес у исследователей, что является свидетельством ее актуальности². Однако проблематика детей русских переселенцев, содержащихся в детских приютах Туркестана, не получила еще должной научной рефлексии, за исключением отдельных работ, которые вышли в последние годы³. Это и обусловило выбор данного аспекта в качестве темы исследования.

Целью исследования является демонстрация воздействия имперской политики России в деле создания и развития детских приютов в Туркестане. В качестве примера рассматривается деятельность Ферганского попечительства детских приютов.

Источниковая база исследования включает делопроизводственные документы (отчеты) Ферганского областного попечительства за 1906–1917 гг., извлеченные из фонда № 763 Российского государственного исторического архива. Анализ совокупности делопроизводственных документов позволил выявить порядок обсуждения всех проблем детского приюта г. Скобелев на заседаниях попечительства, определить формы их решений в установленном порядке, охарактеризовать внутренний распорядок детского приюта, продемонстрировать изменение численности детей и их причины, показать источники финансирования приюта.

Результаты работы с архивными материалами были апробированы автором в выступлении на V международной научной конференции «Этнические меньшинства в истории России» в Санкт-Петербурге в октябре 2024 г.⁴

Создание и развитие попечительства и детского приюта в Ферганской области: утверждение штата

Ферганская область появилась на карте Туркестанского генерал-губернаторства после завоевания Россией Кокандского ханства в 1876 г. и была оформлена указом Правительствующего сената 5 (17) марта 1876 г. за № 8424. Административным центром стал город Новый Маргилан (после присоединения к Российской

Селюткина Е.Н. Создание и деятельность учреждений ведомства императрицы Марии Федоровны по призрению детей в Орловской губернии XIX начала XX вв. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 331–336. EDN: STYVVRP

² *Брусина О.И.* Славяне в Средней Азии: Этнические и социальные процессы: конец XIX – конец XX века. М., 2001; *Котюкова Т.В.* Проблемы российской переселенческой политики в Туркестан в начале XX в. // Военно-исторический журнал. 2010. № 2. С. 58–64. EDN: KZXRFT; *Котюкова Т.В.* Проблемы российской переселенческой политики в Туркестан в начале XX в. // Военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 54–57. EDN: LDFEFB; *Брежнева С.Н.* Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Т. 37. № 1. С. 112–118. EDN: VTZMWF; *Литвинов В.П.* Административно-полицейское регулирование положения мусульманской женщины в Русском Туркестане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 272–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-272-285>.

³ *Аликеева Г.М., Шахиева А.М., Саятова А.С.* История попечительства и социальной защиты детей-сирот в г. Верном (1879–1917) // Вестник Казахского национального медицинского университета. 2017. № 3. С. 405–408; *Волков И.В.* Об учреждениях общественного призрения в Туркестанском крае: историко-правовой аспект // Власть. 2017. № 12. С. 137–142. EDN: ZXJD0F; *Брежнева С.Н.* Детские приюты на национальной окраине Российской империи: опыт работы Сырдарьинского областного попечительства в Русском Туркестане // Журнал фронтирных исследований. Научный электронный журнал. 2023. Т. 8. № 3. С. 112–135. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.534> EDN: XGZYUК

⁴ *Брежнева С.Н.* Деятельность Ферганского областного попечительства детских приютов сквозь призму фронтальной модернизации Российской империи (начало XX в.) // Этнические меньшинства в истории России. Материалы V Международной научной конференции 25–26 октября 2024 г. СПб, 2024. С. 89–94.

империи название стали писать с буквой «е»), основанный по инициативе российско-го полководца генерал-майора Михаила Дмитриевича Скобелева, ставшего первым военным губернатором области и занимавшим эту должность до 17 марта 1877 года. 23 октября 1907 г. город был переименован в его честь и получил название Скобелев.

Ферганское попечительство детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии было создано в 1906 г., гораздо позднее, чем в остальных областях Туркестанского генерал-губернаторства. Тогда же было объявлено об открытии самого детского приюта в областном центре – Новом Маргилане. Согласно Высочайшему повелению, объявленному Министерством юстиции 17 сентября 1906 г. на вновь созданные попечительство и приют, распространялись правила Положения о приютах от 18 июля 1891 года. Помимо списка лиц, указанных в Положении, в состав Ферганского попечительства допускались помощник губернатора, инспектор народных училищ 2 района, маргиланский уездный начальник и два члена по назначению туркестанского генерал-губернатора⁵.

Еще ранее, в 1904 г., военный губернатор Ферганской области генерал-майор Г.А. Арандаренко (Арендаренко) ходатайствовал перед туркестанским генерал-губернатором Н.А. Ивановым о переводе детского приюта из г. Андижана, где он был открыт по случаю случившегося там землетрясения. Приют получил снабжение на 7 тыс. руб. от Кокандского благотворительного общества и имевшихся в то время в распоряжении военного губернатора Ферганской области 15 тыс. рублей. Кроме того, пожертвование в 5 тыс. рублей, внесенное по случаю 25-летия Ферганской области андижанским сартом Мумынбаевым, и ежегодная помощь благотворительного общества дали возможность беспрепятственно осуществить открытие приюта в городском здании, временно превращенным в богадельню. На ходатайство Г.А. Арандаренко, который лично руководил ликвидацией последствий Андижанского землетрясения⁶, было получено одобрение со стороны туркестанского генерал-губернатора, на основании чего приют в г. Андижане был закрыт и часть его имущества передана в г. Скобелев⁷.

21 декабря 1906 г. в Новом Маргилане были открыты почти одновременно Ферганское попечительство детских приютов и сам детский приют. Вскоре Новый Маргилан был переименован в город Скобелев.

Поскольку председателем попечительства по закону должен был стать глава области, то на эту должность был назначен военный губернатор Ферганской области генерал-майор Владимир Николаевич Сусанин (23.09.1907–08.03.1911 г.). Помощником его являлся генерал-майор Александр Иванович Гиппиус, в 1911 г. ставший военным губернатором. Согласно Высочайшему повелению от 17 сентября 1906 г. в состав попечительства был включен инспектор народных училищ II района Петр Васильевич Прилежаев.

Был назначен директор детского приюта. 16 сентября 1907 г. им стал отставной действительный статский советник Порфирий Николаевич Архангельский. Попечительницей приюта назначалась жена бригадного врача Мария Петровна Слюнина,

⁵ Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об открытии Ферганского областного попечительства детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии и детского приюта того же ведомства в городе Новом Маргелане. 17 сентября 1906 г. – Полное собрание законов Российской империи // ПСЗРИ-3. СПб., 1909. Собрание 3. Т. 26. Отд. 1. № 28355. С. 863–864.

⁶ История Андижана в документах и материалах (1876–1917 гг.) / отв. ред. Шамсутдинов Р.Т. Ташкент, 2012. Т. 1. С. 65.

⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 763. Оп. 3. Д. 444. Л. 1 об. – 2.

утвержденная в этой должности императрицей 6 марта 1907 г.⁸ Сестра милосердия девица домашнего воспитания Надежда Александровна Анантена стала смотрительницей приюта⁹. Все они должны были пройти процедуру утверждения лично императрицей, но в исключительных случаях эти лица утверждались туркестанским генерал-губернатором. В 1908 г. новым директором приюта стал отставной действительный статский советник Григорий Никандрович Соколинский¹⁰.

В 1910 г. в связи с отъездом из области М.П. Слюниной попечительницей приюта была назначена жена отставного генерал-майора Краснослободская, которая вскоре скончалась. После ее смерти в 1911 г. попечительницей временно была назначена супруга военного губернатора Ферганской области А.И. Гуппиуса – Нина Николаевна¹¹. Однако вскоре ее сменила жена помощника военного губернатора Ферганской области Зинаида Васильевна Калмакова¹².

После отъезда из области супругов Калмаковых в 1913 г. попечительницей была назначена жена начальника штаба II Туркестанской стрелковой бригады Наталья Алексеевна Муханова¹³. Помощником военного губернатора в этот период являлся Сергей Васильевич Жуков.

Начало Первой мировой войны, конечно, не могло не отразиться на положении детского приюта в г. Скобелев, поскольку Туркестанское генерал-губернаторство являлось хоть и отдаленной, но все же частью Российской империи. Событие это напрямую сказалось на кадровом составе Ферганского попечительства. Действительный член попечительства помощник военного губернатора С.В. Жуков был призван в действующую армию. Временно исполняющим должность помощника военного губернатора стал коллежский советник Лейбин. В действующую армию был направлен священник – почетный член попечительства протоиерей Вознесенский¹⁴. В военное время смотрительницей приюта оставалась Феодосия Павловна Мазуркевич.

Однако и в этот трудный для страны период попечительство не прекращалось, представители попечительских советов продолжали заботиться о благе призреваемых детей.

Численность и происхождение призреваемых детей в Ферганском детском приюте

В первый год в приюте призывалось 25 детей, из них – 22 девочки и три мальчика. В отчете Ферганского попечительства детских приютов отмечается, что из шести выбывших за год детей (1 мальчик и 5 девочек) мальчик был направлен в мастерскую, а девочки возвращены родителям¹⁵. Отмечалось также об отсутствии смертей среди детей, хотя естественно, что дети болели. Содержание каждого ребенка обходилось в 48,9 руб.¹⁶ Из общего числа детей на средства родителей содержалось 3 ребенка, остальные 22 – на средства приюта.

По вероисповеданию все дети были православными. Социальный состав призреваемых детей не был однородным. Большинство составляли дети крестьян. Однако

⁸ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 502. Л. 2 об.

⁹ Там же. Д. 444. Л. 5–5 об.

¹⁰ Там же. Д. 502. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 626. Л. 1.

¹² Там же. Д. 695. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 821. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 880. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 444. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 3 об. – 4.

кроме них в приюте призревались также воспитанники из мещан, чиновников, нижних воинских чинов и даже дворян. Принимались и круглые сироты неизвестного происхождения. По семейному положению воспитанники приюта также различались. Сразу после создания приюта в нем содержалось четверо круглых сирот, десять детей, имевших только отца, двое детей, имевших только мать, и одна девочка из полной семьи¹⁷. Возраст детей варьировался от 1 года (1 мальчик и 1 девочка) до 14 лет¹⁸.

В 1908 г. число призреваемых детей возросло до 32 (28 девочек и 4 мальчика). Трое из четырех выбывших детей (2 девочки и два мальчика) были возвращены родителям. К 1909 г. осталось в приюте 28 детей. Содержание на каждого ребенка сократилось до 38,7 руб.¹⁹ По социальному составу большинство воспитанников были из семей крестьян и чиновников, немного – из мещан и нижних чинов, одна девочка – дворянка была круглой сиротой. Также четыре воспитанника были неизвестного происхождения, что бесстрастно было зафиксировано в отчете попечительства. Семейное положение детей было различным. Пятеро детей были круглыми сиротами, трое – из полной семьи, шестеро детей имели только мать, и 14 (большинство) – только отца²⁰. Возраст детей по-прежнему составлял от 1 года до 14 лет²¹. На средства родителей содержалось 4 ребенка, остальные 28 – на средства приюта.

В 1909 г. в приюте г. Скобелев находился 31 ребенок. К началу 1910 г. детей осталось 23²², восемь детей вернулись к родителям. Социальный состав изменился: большинство (10 чел.) происходили из чиновников. Среди воспитанников по-прежнему находились дети мещан, крестьян, нижних воинских чинов. Число детей дворянского сословия возросло до трех. Четверо детей – неизвестного происхождения. Число детей, имеющих только мать увеличилось до 11 чел., 9 были круглыми сиротами. Возраст детей по-прежнему начинался от 1 года. Самой старшей девочке было 15 лет. Трех детей содержали родители, одного ребенка – частный благотворитель, а все остальные находились на содержании приюта²³.

В 1910 г. детей в приюте было 33 (6 мальчиков, 27 девочек), из 6 выбывших детей двое были возвращены родителям, двое – переданы на усыновление и еще двое умерло от болезней²⁴. Пожалуй, это были первые смерти со времени существования приюта. По социальному составу детей крестьян теперь было больше, чем остальных, поровну – детей мещан и нижних воинских чинов, двое детей были дворянского происхождения, и еще четверо – неизвестного сословия. По семейному положению большинство теперь составляли круглые сироты – 10, восемь детей имели только мать, семь – только отца, и одна девочка имела полную семью²⁵. Возраст составлял от 1 месяца (вероятно, приют стал оказывать помощь грудным младенцам, а возможно это были подкидыши) до 16 лет.

К 1 января 1911 г. число детей составляло 27 чел. Согласно отчету попечительства за этот год число призреваемых увеличилось до 37, однако 10 из них выбыло: четверо возвращены родителям, трое поступили в услужение, один – в гимназию, одного ребенка усыновили и еще один умер (причина смерти не уточняется)²⁶. В от-

¹⁷ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 502. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 9 об.

¹⁹ Там же. Д. 502. Л. 4 об. – 5.

²⁰ Там же. Д. 502. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 6 об.

²² Там же. Д. 564. Л. 4 об. – 5.

²³ Там же. Л. 6.

²⁴ Там же. Д. 626. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ Там же. Д. 695. Л. 6.

чете сказано, что за прошедший год 11 детей болели, из них одна девочка так и не выздоровела²⁷. Какой болезнью болели дети, не уточняется, можно лишь предположить, что это была эпидемия.

В 1911 г. в приюте призревалося 27 детей, из которых один находился на содержании частного благотворителя, остальные 26 существовали за счет приюта²⁸. Крестьянских детей по-прежнему в приюте было больше остальных – 16 чел., детей мещан, чиновников и нижних воинских чинов было по три человека каждого сословия, одна девочка-дворянка и один мальчик – неизвестного происхождения. По семейному положению большинство составляли дети, имеющие только мать (18), по двое детей, имеющих отца и полную семью, и четверо были круглыми сиротами²⁹. По возрасту дети были от одного года до 12 лет³⁰. Видимо, более старшие дети были среди выбывших.

В 1912 г. число призреваемых детей в приюте достигло 44 чел. После того, как два ребенка были возвращены родителям, один мальчик поступил в гимназию, и еще один в прислугу³¹, детей осталось 40 (4 мальчика и 36 девочек)³². По социальному происхождению по-прежнему преобладали крестьянские дети (23 ребенка). Число мещан составляло семь человек, трое были выходцами из нижних воинских чинов, двое происходили из чиновников, одна девочка – дворянка, и впервые в отчете приводятся данные о детях, рожденных вне брака и поступивших в приют (4)³³. Возраст детей составлял диапазон от 1 года до 13 лет³⁴. Число детей, имеющих только мать, возросло до 21 (в том числе четверо рожденных вне брака), у 8 детей был только отец, пятеро имели полную семью и шестеро были круглыми сиротами³⁵. В этом году за счет частных благотворителей содержалось 2 ребенка, остальные 38 – за счет средств приюта³⁶.

В 1913 г. в приюте призревалося 46 детей (8 мальчиков, 38 девочек). В отчете попечительства сказано о 10 выбывших из приюта детях, однако данные приведены только по 8. После возвращения 4 детей родителям, двух поступивших в услужение и двух скончавшихся, и еще двух неизвестно куда девшихся детей, в приюте осталось 36 призревавшихся³⁷.

По социальному составу дети крестьян по-прежнему преобладали (18 человек). Девять детей были из мещан, двое – из чиновников, девочка-дворянка и пять человек неизвестного происхождения, вероятно, подкидыши. Число детей, имеющих только мать, было самым большим – 16 человек, пятеро имели только отца, четверо – полную семью и 11 были круглыми сиротами³⁸. Возраст детей, всех, содержащихся за счет приюта, составлял от 1 года до 14 лет³⁹.

С каждым годом число детей, поступающих в приют, увеличивалось, поэтому возникла потребность в увеличении жилого фонда. В 1913 г. председатель попечи-

²⁷ ТРГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 695. Л. 3 об. – 4.

²⁸ Там же. Д. 695. Л. 6.

²⁹ Там же. Л. 5.

³⁰ Там же. Л. 5 об.

³¹ Там же. Д. 759. Л. 7.

³² Там же. Л. 4 об. – 5.

³³ Там же. Л. 6.

³⁴ Там же. Л. 6 об.

³⁵ Там же. Л. 6.

³⁶ Там же. Л. 7.

³⁷ Там же. Д. 821. Л. 5.

³⁸ Там же. Л. 6.

³⁹ Там же. Л. 6 об.

тельства А.И. Гиппиус поднял вопрос о расширении здания Скобелевского детского приюта и об устройстве при приюте начальной школы и рукодельного класса. Поддержка начинания привела к началу пристройки к основному зданию приюта двух комнат (детских спален) и двух комнат для будущей школы.

А.И. Гиппиус ходатайствовал перед начальником Андижанского уезда полковником И.А. Бржезицким о пожертвовании приюту небольшого участка земли, на котором можно было бы устроить торговые лавки для сдачи в аренду. Благодаря содействию последнего приют получил участок земли в 383 кв. саженей, на котором предполагалось выстроить 25 лавок для сдачи в аренду. Город Андижан являлся бойким торговым центром, и попечительство рассчитывало на ежегодный капитал в размере от 6 до 8 тысяч арендной платы⁴⁰.

Число призреваемых детей в 1914 г. достигло 46 (12 мальчиков и 34 девочки). Из них в течение года выбыло 9 чел.: пятеро были возвращены родителям, один отдан в услужение, один – в гимназию и двое скончались⁴¹. В начале 1915 г. в приюте призревало 37 детей (9 мальчиков и 28 девочек).

Детей крестьян по-прежнему было больше – 22 чел. Восемь детей происходили из нижних воинских чинов, трое – из мещанского сословия, двое были детьми чиновников, одна девочка – офицерского сословия, очевидно та самая дворянка, и один мальчик – подкидыш⁴². Число детей, имевших только мать, составляло большинство – 15 чел., семь человек имели только отца, трое были из полной семьи, 12 чел. – круглыми сиротами⁴³. Все дети находились на содержании приюта.

Последний отчет Ферганского попечительства детских приютов за 1915 г. был отправлен в Канцелярию ведомства императрицы Марии с большой задержкой – только 9 ноября 1916 г. Это объяснялась восстанием туземного населения Ферганской области, произошедшим летом 1916 г., и являвшимся неотъемлемой частью крупнейшего Среднеазиатского восстания, вызванного указом Николая II от 25 июня 1916 г. о привлечении на тыловые работы в прифронтовых районах мужского населения в возрасте от 19 до 43 лет включительно. Об этом прямо говорилось в отчете: «...вследствие волнений туземного населения, бывших в середине лета текущего года»⁴⁴.

В 1915 г. в приюте призревало 62 чел. (17 мальчиков и 45 девочек). Однако вследствие выбывания 24 детей осталось 38 чел. 13 чел. были переданы родителям, трое отданы в услужение, восемь умерло⁴⁵. Отмечено, что 18 детей в течение года болели, вероятно, умершие были из их числа. Все 62 ребенка содержались за счет приюта⁴⁶.

По происхождению по-прежнему преобладали крестьянские дети – 27 чел., четверо были из мещан, трое – из чиновников, один из офицеров и трое подкидыши. Из них 8 человек имели отца, 19 – мать, остальные 11 были круглыми сиротами⁴⁷. Возраст призреваемых детей составлял от 1 года до 15 лет⁴⁸.

Ниже приведены таблицы, по данным которых можно составить представление об увеличении численности призреваемых детей в приюте г. Скобелев, об изменении социального состава поступавших в приют детей и об их семейном положении.

⁴⁰ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 821. Л. 1–1 об.

⁴¹ Там же. Д. 880. Л. 7.

⁴² Там же. Л. 6.

⁴³ Там же. Л. 6 об.

⁴⁴ Там же. Д. 905. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 7. Л. 14.

⁴⁶ Там же. Д. 905. Л. 7.

⁴⁷ Там же. Л. 13.

⁴⁸ Там же. Л. 13 об.

Таблица 1

Динамика численности призреваемых детей в приюте г. Скобелев

Год	Принято	Выбыло	Осталось
1907	25	6	19
1908	32	4	28
1909	31	8	23
1910	33	6	27
1911	37	10	27
1912	44	4	40
1913	46	10	36
1914	46	9	37
1915	62	24	38

Источники: РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 385. Л. 9; Д. 502. Л. 6; Д. 564. Л. 4 об. – 5; Д. 626. Л. 6; Д. 695. Л. 6; Д. 759. Л. 4 об. – 5; Д. 821. Л. 5; Д. 880. Л. 7; Д. 905. Л. 7.

Таблица 2

Социальное происхождение детей, призреваемых в приюте г. Скобелев

Год	Дворяне	Крестьяне	Мещане	Чиновники	Нижние воинские чины	Неизвестного Происхождения
1907	–	11	5	4	1	4
1908	1	9	5	9	4	4
1909	3	5	6	10	3	4
1910	2	8	6	–	6	4
1911	1	16	3	3	3	1
1912	1	23	7	2	3	4
1913	1	18	9	2	–	5
1914	1	22	3	2	8	1
1915	1	27	4	3	–	3

Источники: РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 385. Л. 9; Д. 502. Л. 6; Д. 564. Л. 6; Д. 626. Л. 5; Д. 695. Л. 5; Д. 759. Л. 6 об.; Д. 821. Л. 6; Д. 880. Л. 6; Д. 905. Л. 13.

Таблица 3

Семейное положение детей, призреваемых в приюте г. Скобелев

Год	Только отец	Только мать	Отец и мать	Круглые сироты
1907	10	2	1	4
1908	14	6	3	5
1909	8	11	2	9
1910	7	8	1	10
1911	2	18	2	4
1912	8	21	5	6
1913	5	16	4	11
1914	7	15	3	12
1915	8	19	–	11

Источники: РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 385. Л. 9; Д. 502. Л. 6; Д. 564. Л. 6; Д. 626. Л. 5; Д. 695. Л. 5; Д. 759. Л. 6; Д. 821. Л. 6; Д. 880. Л. 6 об.; Д. 905. Л. 13.

Как видно из таблицы 3, если поначалу росло число детей, имевших только отца, то вскоре неуклонно возрастает число матерей, сдававших детей в приют, что может свидетельствовать о занятости женщин, которые вынуждены были работать для того, чтобы прокормить своего ребенка.

В отчетах попечительства ничего не сказано о санитарно-медицинском состоянии приюта. Отмечается лишь, что смертей среди детей почти не было, за исключением последнего года, когда умерло сразу 8 детей. Указание на болезни, которые удавалось излечить, свидетельствует о надлежащем медицинском уходе.

Финансирование детского приюта в г. Скобелев

На момент открытия приют имел капитал в размере 34 533 руб. 11 коп., из них 4% государственной ренты на 33 606 руб. 25 коп. и наличными деньгами 926 руб. 83 коп. В течение 1906 г. поступило еще 19 925 руб. 13 коп., а израсходовано было в том же году 25 169 руб. 44 коп., из которых 12 500 руб. было потрачено на покупку для детского приюта участка земли в г. Скобелев «мерою в 6030 кв. саженей с домом под железной крышей»⁴⁹. Оставшиеся средства были потрачены на содержание и оборудование приюта, ремонт и строительство. На 1 января 1907 г. на балансе приюта находились средства в размере 28 709 руб., из которых наличных денег было 588 руб. 80 коп.⁵⁰ Обо всем этом сообщалось в отчете попечительства, направленном в Канцелярию по управлению детскими приютами ведомства учреждений императрицы Марии 7 июля 1907 г.

В представленной ведомости о приходах и расходах содержится подробная информация о содержании прислуги – 546 руб. 34 коп., о вознаграждении надзирательнице – 538 руб. 36 коп. Вызывает интерес строка «отправление детей на воды» – 100 руб. Есть также сведения о пожертвованиях граждан – 1877 руб. 68 коп.⁵¹ В 1910 г. жалование надзирательницы снизилось до 500 руб., кухарка получала 180 руб., нянька – 140 руб., дворник – 180 руб., прачка – 180 руб.⁵²

Граждане города и области продолжали оказывать содействие деньгами и вещами. Так, в отчете Ферганского попечительства детских приютов за 1908 год содержатся сведения о пожертвованиях со стороны попечительницы М. П. Слюниной, почетного члена попечительства Евтихиди, учителя Соколова, а также средства, завещанные приюту недавно скончавшейся женой врача Садовской – всего 417 руб. 84 коп. Кроме того, от устраивавшихся любителями драматического искусства спектаклей было получено 139 руб. 57 коп.⁵³

Граждан, постоянно жертвовавших средства на благо детей приюта, поощряли возведением их в почетные члены попечительства. Таковым, например, в 1909 г. стал купец Рахмин Давыдович Давыдбаев⁵⁴. Директор-распорядитель Ферганского электрического общества Липинский также в 1913 г. был избран почетным членом попечительства, поскольку, как сказано в отчете ферганского попечительства детских приютов, «благодаря его любезности приют освещался электричеством безвозмездно»⁵⁵.

Начиная с 1909 г. согласно разрешению ведомства императрицы Марии от 25 сентября 1909 г. стали разыгрываться лотереи в пользу детей приюта г. Скобелев Ферганской области. Это привело к улучшению материального положения приюта. Так в течение года было изготовлено и продано 3000 билетов по 50 коп. на сумму

⁴⁹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 444. Л. 2 об.

⁵⁰ Там же. Д. 385. Л. 1 об.

⁵¹ Там же. Д. 444. Л. 7–8.

⁵² Там же. Д. 626. Л. 13.

⁵³ Там же. Л. 11.

⁵⁴ Там же. Д. 564. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Д. 821. Л. 1 об.

1499 руб. 74 коп. Из них на покупку разных вещей для лотереи было истрачено 315 руб. 17 коп. Таким образом, чистая прибыль составила 1184 руб. 57 коп.⁵⁶

Согласно отчету об общественных гуляниях в 1910 г. приход составил уже 2688 руб. Расходы на устройство киосков, буфетов, лотереи-аллегри и т.д. составили 761 руб. 54 коп. Чистый сбор составил уже 1926 руб. 46 коп.⁵⁷

29 мая 1911 г. были устроены народные гуляния в пользу приюта, по результатам которого приход денежных средств составил уже 3352 руб. 66 коп. При расходе в 864 руб. 07 коп. чистый сбор составил 2488 руб. 59 коп.⁵⁸

В 1912 г. помимо сборов от общественных гуляний приют получил значительные денежные вложения от обычных горожан. Граждане области внесли денежные суммы в размере 259 руб.⁵⁹ В 1913 г. гражданами были инвестированы средства в размере 165 руб. 75 коп.⁶⁰ Доход от народного гулянья 23 мая 1913 г. составил 3157 руб. 30 коп. После расходования средств в размере 841 руб. 30 коп. чистый сбор от гулянья составил 2316 руб.⁶¹

В начале Первой мировой войны пожертвования со стороны граждан стали уменьшаться, в 1914 г. они составили 66 рублей. В 1915 г. пожертвования частных лиц составили 1305 руб.⁶² В условиях военного времени попечительство увеличило жалование няням, которое в 1914 г. составило 200 руб., а в 1915 г. было доведено до 280 руб.⁶³

Все расходы и приход денежных средств детского приюта тщательно фиксировались в отчетах попечительства, закладывались деньги на непредвиденные расходы. Отмечены были проведение торжеств по случаю Рождества, посещения синемаатографа и любительских спектаклей.

В дальнейшем события 1916 г. в Ферганской области, явившиеся частью крупнейшего среднеазиатского восстания, и начавшаяся вскоре Русская революция прервали существование заведений, подобных Скобелевскому детскому приюту, а после 1917 г. деятельность детского приюта и ферганского попечительства была окончательно прекращена.

Заключение

Российские власти в Туркестане уделяли серьезное внимание детям русских переселенцев, частично лишившимся попечения родителей или полностью оказавшимся без средств к существованию. Существовавшие в Туркестанском генерал-губернаторстве детские приюты функционировали в полном соответствии с российским законодательством и являлись составной частью ведомства императрицы Марии, контролировавшего призрение детей. Здесь просматривается желание русской администрации поднять национальные окраины империи до своего уровня.

Все проблемы детского приюта г. Скобелев, созданного в 1906 г., находили отклик при обсуждении на заседаниях ферганского попечительства и решались в установленном порядке. Обо всех обсуждаемых вопросах и решениях попечительство отчитывалось перед канцелярией ведомства императрицы Марии, получая оттуда

⁵⁶ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 564. Л. 15.

⁵⁷ Там же. Д. 626. Л. 14.

⁵⁸ Там же. Д. 695. Л. 14.

⁵⁹ Там же. Д. 759. Л. 11.

⁶⁰ Там же. Д. 821. Л. 11.

⁶¹ Там же. Д. 821. Л. 16.

⁶² Там же. Д. 905. Л. 6.

⁶³ Там же. Д. 880. Л. 16.

помощь и распоряжения. Ферганское попечительство было открыто самым последним в Туркестане, однако его члены активно участвовали в делах детского приюта. Благодаря их неравнодушию решались вопросы строительства корпусов, ремонта помещений, улучшения жизни детей в Скобелевском приюте, внутренний распорядок которого был таким же, как во всех приютах России.

Приют существовал на средства Ферганского попечительства, на пожертвования горожан, которых поощряли посредством возведения их в почетные члены попечительства. С 1909 г., согласно разрешению Ведомства учреждений императрицы Марии стали практиковаться розыгрыш лотереи аллегри и народных гуляний в пользу детей приюта г. Скобелев, что привело к улучшению материального положения.

В приют поступали дети русских переселенцев как правило из неполных семей и сироты. Приют был открыт и для детей из полных семей, имевших материальные затруднения. По результатам исследования можно сделать вывод, что, если ранее превалировало число детей, имевших только отца, то со временем растет число одиноких матерей, лишившихся кормильца, или матерей-одиночек, чьи дети были рождены вне брака, отдающих детей в приют. Это можно объяснить вынужденным положением женщины работать, чтобы в дальнейшем обеспечить будущее своему ребенку. Практиковалось возвращение детей из приюта родителям, поправившим свое материальное положение.

Социальный состав детей в приютах был различным. Превалировали крестьянские дети, помимо которых были и представители других непривилегированных сословий. Встречались даже выходцы из дворян, которых было немного. Конечно, в приют принимали круглых сирот нередко неизвестного происхождения. Можно предположить, что были и подкидыши, что несложно заключить из отчетов попечительства о приеме в приют малолетних детей до одного года. По половому составу девочек в приюте было гораздо больше, возможно, это объясняется тем, что мальчики могли оказать большую физическую помощь, находясь в семье. Численность детей возрастала, за десять лет число детей увеличилось больше чем в два раза (с 25 до 62). Все дети при этом были православного вероисповедования.

Таким образом, жизнь детского приюта в г. Скобелев за десять лет его существования развивалась в русле, характерном для подобных учреждений, существовавших как в Туркестанском генерал-губернаторстве, так и во всей Российской империи. Общероссийские нормы, соблюдавшиеся в приюте, являются свидетельством заботы администрации о детях, подданных России, что являлось приоритетным направлением политики империи.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.05.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.10.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.12.2025

References

- Alikeeva, G.M., Shakhieva, A.M., and Sayatova, A.S. "The history of guardianship and social protection of orphans in Verny city (1879–1917)." *Vestnik KazNMU*, no. 3 (2017): 405–408 (in Russian).
- Arslanov, R.A., and Klimashin, A.L. "Russian periodicals at the turn of the 19th–20th centuries on Russian migrants' sociocultural adaptation in Central Asia." *RUDN Journal of Russian History* 16, no. 3 (2017): 347–364 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2017-16-3-347-363>
- Brezhneva, S.N. "Russian immigrants in Turkestan: problems of interrelation with the local population." *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political science* 37, no. 1 (2016): 112–118 (in Russian).

- Brezhneva, S.N. “Orphanages on the National Outskirts of the Russian Empire: the Experience of the Syrdarya Regional Guardianship in Russian Turkestan.” *Journal of Frontier Studies* 8, no. 3 (2023): 112–135 (in Russian), <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.534>
- Brezhneva, S.N. “Deiatelnost Ferganskogo oblastnogo popечitelstva detskikh priiutov skvoz prizmu frontirnoi modernizatsii Rossiiskoi imperii (nachalo XX v.) [The activities of the Fergana Regional Guardianship of Orphanages through the prism of the frontier modernization of the Russian Empire (early 20th century)].” In *Ethnic Minorities in the History of Russia. Proceedings of the V International Scientific Conference, October 25–26, 2024*. St. Petersburg, 2024: 89–94 (in Russian).
- Brusina, O.I. *Slaviane v Srednei Azii: Etnicheskie i sotsial'nye protsessy: konets XIX – konets XX veka* [Slavs in Central Asia: Ethnic and social processes: late 19th – late 20th centuries]. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2001 (in Russian).
- Dashkevich, L.A. “Labor education in the rural shelters of the perm province in late XIX – early XX centuries.” *Pedagogical Education in Russia*, no. 5 (2018): 6–12 (in Russian), <https://doi.org/10.26170/po18-05-01>
- Litvinov, V.P. “Administrative and Police Regulation of the Status of Muslim Women in Russian Turkestan.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 3 (2024): 272–285 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-272-285>
- Kotyukova, T.V. “Problems of Russian resettlement policy in Turkestan at the beginning of the 20th century.” *Military History Magazine*, no. 2 (2010): 58–64 (in Russian).
- Kotyukova, T.V. “Problems of Russian resettlement policy in Turkestan at the beginning of the 20th century.” *Military History Magazine*, no. 3 (2010): 54–57 (in Russian).
- Selyutina, E.N. “Creation and activities of establishment of department of the empress Maria Fedorovna for contempt of children in the Oryol province of sulfurs XIX – the head of the XX centuries.” *Scientific notes of Orel state university. Series: Humanities and social sciences*, no. 1 (2014): 331–336 (in Russian).
- Volkov, I.V. “On institutions of public charity in Turkestan: historical-legal aspect.” *The Authority*, no. 12 (2017): 137–142 (in Russian).
- Zakolodnaya, V.N. “State and society in the organization of social assistance to orphans in St. Petersburg and the province in the second half of the 19th – early 20th centuries.” *Pushkin Leningrad State University Journal*, no. 3 (2011): 145–150 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Светлана Николаевна Брежнева, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; Россия, 196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; brezhneva_s_n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7637-2949>; SPIN-код: 4327-9621.

Svetlana Nikolaevna Brezhneva, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Department of Russian History, Leningrad state University named after A.S. Pushkin; 10, Peterburgskoe shosse Str., Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; brezhneva_s_n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7637-2949>; SPIN-code: 4327-9621.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-122-137>

EDN: ZRTXTM

Научная статья / Research article

Политика СССР по коммунистическому воспитанию и выдвижению на руководящие должности женщин Востока: на примере Узбекской ССР

Расулова Нодира Сардаровна

Университет общественной безопасности Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан

✉ nodirarasulova117@gmail.com

Аннотация: Рассматриваются реформы, проводившиеся Коммунистической партией Узбекской ССР через отделы пропаганды и политического просвещения, по повышению общественно-политической активности женщин. Раскрываются процессы подготовки женских кадров на руководящие должности. Изучено облегчение условий приема женщин в партию, открытие для них специальных домов культуры, пропагандистских школ, внедрение идей коммунистической идеологии через женщин во всю семью, использование кинематографа в пропагандистских целях среди женщин, включение их в номенклатурный список. Показано, что с первых дней создания Советского государства проводились массовые мероприятия по широкому вовлечению женщин-узбечек в общественно-политическую жизнь, в коммунистическую идеологию, атеистическое воспитание, пропаганду новой культуры. На различных собраниях, съездах, пленумах, заседаниях партийных ячеек, проводимых партийными руководителями всех уровней, помимо работы по вовлечению женщин в жизнь партии решалась задача ликвидации неграмотности. Молодое поколение вдохновлялось также советской идеологией. Насаждая советскую идеологию, представители партии ставили цель воспитать из молодого поколения, в том числе женщин, лояльных граждан советского государства. В этих целях партийные чиновники старались шире привлекали женщин к общественной работе, к политическим чтениям и производству. Создавались клубы, детские сады, «красные уголки» и их филиалы, обучающие портняжному делу и оказывающие медицинскую помощь детям и матерям, а также консультационные пункты, кухни, прачечные и т. д. Книги и журналы, издаваемые для женщин, кинофильмы и театральные постановки также сыграли важную роль в продвижении женщин. Автор приходит к выводу о широком вовлечении женщин в жизнь страны, в деятельность Коммунистической партии УзССР, особенно в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: гендерная история, освобожденная женщина Востока, женская история, советская национальная политика, женская эмансипация

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Расулова Н.С.* Политика СССР по коммунистическому воспитанию и выдвижению на руководящие должности женщин Востока: на примере Узбекской ССР // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 122–137. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-122-137>

© Расулова Н.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

USSR Policy on Communist Education and Promotion of Women of the East to Leadership Positions: Exemplified by the Uzbek SSR

Nodira S. Rasulova

University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

✉ nodirarasulova117@gmail.com

Abstract: The author analyzes the reforms implemented by the Communist Party of the Uzbek SSR through its propaganda and political education departments to increase women's socio-political activity. They consider the process of training female cadres for leadership positions. The author also examines: the easing of conditions for women's admission to the party, the opening of special cultural centers and propaganda schools for them, the introduction of communist ideology into families through women, the use of cinema for propaganda purposes among women, and their inclusion in the nomenklatura list. From the first days of the Soviet state, mass events were held to widely involve Uzbek women in: socio-political life, communist ideology, atheistic education, and the promotion of the new culture. At various meetings, congresses, plenary sessions, and sessions of party cells held by party leaders at all levels, in addition to efforts to involve women in party life, there was an effort to eradicate illiteracy. The younger generation was also inspired by Soviet ideology. By inculcating the "attractive" Soviet ideology, party representatives aimed to cultivate the younger generation, including women, as loyal citizens of the Soviet state. To this end, party officials sought to involve women more widely in community service, political readings, and production. Clubs, kindergartens, "red corners" and their branches were established, which offered tailoring training and medical care to children and mothers, as well as consultation centers, cooking houses, laundries, etc. Books and magazines published for women, films, and theatrical productions also played a significant role in promoting women. The author concludes this effort was actively carried out through communist propaganda, as well as the processes such as the introduction of new holidays and rituals, numerous lectures on political and ideological issues for women, and their broad involvement in the active life of the country and the activities of the Communist Party of the Uzbek SSR, especially during the Great Patriotic War.

Keywords: gender history, liberated women of the East, women's history, Soviet national policy, women's emancipation

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Rasulova, N.S. "USSR Policy on Communist Education and Promotion of Women of the East to Leadership Positions: Exemplified by the Uzbek SSR." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 122–137 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-122-137>

Введение

Актуальность. В современном мире, где происходят глобальные изменения и усиливается конкуренция между странами, крайне важна подготовка квалифицированных кадров для управления. Повышение общественно-политической активности женщин и обеспечение их достойного места в управлении страной является одним из важнейших факторов развития страны.

История советской политики в области гендерного равенства сыграла важную роль в формировании современного понимания прав женщин в постсоветском пространстве. С самого начала существования Советского Союза была заявлена политика равенства полов, что отразилось в законодательных инициативах. Женщины получили право на образование, труд и участие в политической жизни. Советская власть активно продвигала идею освобождения женщин от традиционных ролей домохозяйек, стимулируя их участие в промышленности и науке.

Учитывая большой опыт Советского государства по повышению роли женщин в обществе и в государственном управлении, важно исследовать документальные источники, в целях внедрения положительного опыта советской политики, а также недопущения ошибок прошлого.

В данной статье рассматривается деятельность Коммунистической партии Узбекской ССР в данной сфере, так как в период бывшего Советского Союза органы государственной власти во главе с Коммунистической партией занимались, в первую очередь, подготовкой управленческих кадров.

Формируя убеждение в обществе, что политика Коммунистической партии является лучшей для граждан, руководство страны воспитывало население в духе коммунистической морали, использовало на эти цели все средства идеологического воздействия, описывая религию и обычаи как «пережитки прошлого», в целях формирования «единого советского народа» эффективно использовалось положение женщин в семье в борьбе с религией и традициями.

За внедрение идеологии и политики в повседневную жизнь общества в Советском Союзе отвечали отделы пропаганды и Главное управление политического просвещения. Главное управление политического просвещения занималось школами, лекционными залами и учебными залами. Помимо работы по делам масс-культуры и печати Отдел пропаганды курировал просветительскую деятельность партии в государственном аппарате, профсоюзах, производственной и потребительской кооперации и других организациях. Вопросы повышения общественной и политической активности женщин в обществе и подготовки из них советских кадров всегда стоял на повестке дня пропаганды.

Исходя из вышесказанного, мы пришли к выводу, что изучение политики СССР по коммунистическому воспитанию и выдвижению на руководящие должности женщин Востока играет важную роль в науке и требует дальнейшего исследования.

Степень изученности проблемы. При освещении и анализе выбранной темы были использованы научные исследования таких ученых, как О. Хан, М. Камп, Х. Турсунов, А. Ишанов, Э. Юсупов, Р. Раджапова, Ш. Зиямов, О. Рашидов. В своей монографии М. Кэмп проанализировал коренные изменения в жизни узбекских женщин в XX в., характер и последствия движения «Худжум», реформы, проводимые советским государством по воспитанию узбекской женщины, а также деятельность коммунистической партии, политику в отношении женщин¹.

В своем исследовании Н.Л. Пушкарева проанализировала гендерную политику в советское время и подчеркнула, что для политического просвещения женщин уже в разгар Гражданской войны в октябре 1919 г. при всех парторганизациях были созданы «женские отделы», образован специальный государственный аппарат для работы среди женщин – «женсоветы»².

Д.В. Мелентьев в своей диссертации заявил, что политическая мобилизация, трудовая социализация и культурное развитие женщин декларировались партией большевиков приоритетными задачами на мусульманских окраинах. Женщины должны были примерять на себя новые роли и социальные статусы, способствовать экономическому возрождению страны³.

¹ *Kamp M.* The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism. Seattle, 2006.

² Пушкарева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/ (дата обращения: 05.12.2024).

³ *Мелентьев Д.В.* Женотделы Средней Азии в 1920-е гг.: методы и результаты кампании раскрепощения мусульманок. Резюме диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. URL: <https://www.hse.ru/data/2024/05/15/2145238390/%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D1%8E%D0%BC%D0%B5.pdf> (дата обращения: 05.12.2024).

В своих исследованиях О. Хан писал об эмансипации восточных женщин в 20-е гг. XX в., об идеологической политике Советского государства в этом отношении, о первых видеофильмах о женщинах и их содержании⁴.

Ученые советской эпохи Х. Турсунов, А. Ишанов, Е. Юсупов, Р. Раджапова и Х. Шукурова в своих монографиях также рассмотрели вопросы подготовки женских кадров Советским государством и Коммунистической партией, а также направлениях пропагандистской работы, проводимой среди них⁵.

В зарубежной историографии, в частности, учеными Оксфордского университета, Университета Индианы, Карлтонского колледжа также проводились многочисленные исследования политики подготовки кадров, осуществлявшейся в СССР. В них отмечается важность пропагандистских инструментов; раскрывается сущность «культурной революции» и результаты использования партийных кадров в формировании общесоветской культуры. Делается вывод о том, что Советское государство открыло школы грамотности для женщин, ввело политическое образование, приняло женщин в ряды партии, продуктивно использовало их в процессе «строительства коммунизма», предоставило им привилегии при подготовке управленческих кадров:

Целью исследования является объективное исследование политики СССР в области коммунистического воспитания и выдвижения женщин Востока на должности в советских партийных органах, а также вопросов вовлечения женщин в систему подготовки кадров партии, в пропагандистские процессы.

Источниковая база. В работе использованы опубликованные нормативные и делопроизводственные документы Коммунистической партии Узбекской ССР. На их основе проводились меры по широкому вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь республики и подготовке кадров⁶. При исследовании данной темы использовались также статистические данные, периодика. Важное место занимают материалы, выявленные автором в фондах Архива администрации президента Республики Узбекистан (Ф. 58, 181, 499, 617, 971) и Российском государственном архиве социально-политической истории Российской Федерации (Ф. 17).

Начало борьбы за эмансипацию женщин Востока

С первых лет существования Советского государства встала серьезная задача формирования региональных управленцев, которые бы пропагандировали идеи коммунистического общества, потому что именно кадры обеспечивали лояльность местного населения решениям и приказам правящей политической власти.

Вопрос подготовки партийных кадров-женщин играл важную роль в кадровой политике ВКП(б). Особое внимание уделялось женщинам на всех руководящих должностях и в системе партийного образования. Женщины-пропагандистки должны

⁴ Хан О.В. «Раскрепощение женщины Востока» в 1920-е годы: идеология, практика и кинематограф // Вестник атропологии. 2021. № 4. С. 225. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-4/215-229> EDN: MGVCWM

⁵ Турсунов Х. Формирование Узбекской Коммунистической партии. Ташкент, 1970; Ишанов А. Роль Компартии и Советского правительства в создании национальной государственности узбекского народа. Ташкент, 1978; Юсупов Э. Кураш ва мехнатда чиниккан аёл. Ташкент, 1976; Раджапова Р. Идеологическая работа Компартии Узбекистана в период строительства социализма (1925–1937). Ташкент, 1982.

⁶ Резолюции и постановления съездов Узбекской Коммунистической партии. Ташкент, 1958; Очерки истории Узбекской Коммунистической партии. Ташкент, 1964; Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах. Сборник стат. Материалов. 1924–1977 гг. Ташкент, 1979.

были способствовать воспитанию нового советского человека как минимум путем распространения в своих семьях коммунистической идеологии, атеизма, новых советских обычаев и обрядов. С этой целью было создано множество учебных заведений.

По замыслу идеологов советского государства, женщины страны должны были сыграть ключевую роль в формировании «нового советского человека». Среди делегатов, принимавших участие в первом съезде Коммунистической партии Узбекистана, состоявшемся в Бухаре 6–12 февраля 1925 г., право голоса имели 280 мужчин и 19 женщин, а право совещательного голоса – 87 мужчин и 8 женщин⁷. По социальному происхождению 74% этих женщин были из рабочих и крестьянских семей⁸. Предлагалось также организовать для них «красные уголки» при женских школах, а от членов партии и комсомольцев требовалось не препятствовать участию их жен, матерей и сестер в жизни общества и государства. Был поднят вопрос о привлечении жен ответственных сотрудников к пропагандистской работе.

Также подчеркивалось, что агитационно-пропагандистским отделам парткомов следует немедленно приступить к подготовке агитаторов, облегчить условия приема женщин в партию и назначить для этой цели 8 марта в качестве кампании⁹. Председатель Центрального исполнительного комитета СССР М.И. Калинин также отметил, что одна из главных задач Центрального комитета Коммунистической партии (б) Узбекистана является активизация работы женского отдела, направление всех усилий на эту работу. В ответ на это заведующая Женским отделом компартии С. Любимова говорила, что производство, наука и культура не могут быть полностью развиты до тех пор, пока женщины не будут полностью свободны. Указывалось, что в учебных заведениях учатся более 3 тыс. узбекских девушек. Только в 1925 г. планировалось открыть 90 школ грамотности для женщин, в работе которых участвовали 169 женщин¹⁰. Выдвигался лозунг: «Пусть не будет ни одного совета, исполкома, правления кооператива или комитета взаимопомощи, в котором не участвовали бы женщины!». После того, как эти вопросы были обсуждены на партийных съездах, деятельность, направленная на повышение роли женщины в обществе, получила широкое распространение.

В частности, в целях активизации культурно-массовых мероприятий среди женщин для них были организованы специальные клубы. Первый женский клуб был открыт в 1924 г. в Ташкенте. Первоначально в клуб были привлечены 250 местных жительниц. Во второй половине того же года подобные клубы открылись в Самарканде, Коканде, Фергане, Маргилане и других городах¹¹. В 1925 г. число таких клубов достигло 21, а их деятельность охватывала около 3 тыс. женщин. В то же время в результате формирования движения «Худжум» в ряды Коммунистической партии стали вступать женщины. В начале 1929 г. численность представителей местных национальностей в рядах Компартии (б) Узбекистана достигла 1187 чел.¹²

На втором съезде КП (б) Узбекистана, состоявшемся 22–30 ноября 1925 г., подчеркивалось, что одним из главных условий полной эмансипации женщин является

⁷ Турсунов Х. Образование Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1970. С. 26.

⁸ Ишанов А. Роль Компартии и Советского правительства в создании национальной государственности узбекского народа. Ташкент, 1978. С. 248.

⁹ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1958. С. 53.

¹⁰ Юсупов Э. Кураш ва меҳнатда чиникқан аёл. Тошкент, 1976. С. 36.

¹¹ История Узбекистана (1917–1991 гг.). Узбекистан в 1939–1991 гг. / Ответственные редакторы: Абдуллаев Р., Рахимов М., Раджабов К. Ташкент, 2019. К. 1. С. 337.

¹² Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1964. С. 171, 217.

повышение их культурного уровня, а для этого воспитание женщин было определено основной задачей.

Но было неясно, как повысить культуру матерей, занимавшихся воспитанием детей дома. Повышение культуры женщин, которые многие годы были мощной опорой семейной крепости, воспитывая своих детей на основе традиций и ценностей своего народа, фактически означало прививание идей советской коммунистической идеологии всей семье. Потому что привитие советской культуры женщинам, применение в их жизни идей коммунистической идеологии, естественно, отразилось бы на мировоззрении следующего поколения. То есть им приходилось бы выступать пропагандистами для своих детей и других родственников.

С этой целью с первых лет советской власти особое внимание уделялось привлечению девушек в школы социалистического воспитания, ликвидации среди них неграмотности, подготовке в будущем женщин-работниц культурного дела, при этом не ограничивая их возраст и численность¹³.

Вопрос подбора кадров для отделов агитации и пропаганды стал острейшей проблемой общественной пропаганды не только в Узбекистане, но и во всех республиках Средней Азии. В июне 1925 г. Исполнительная комиссия Среднеазиатского бюро ЦК ВКП (б) начала подготовку 20 пропагандистов, 6 сотрудников для работ с женщинами, 20 сотрудников политико-просветительских работ – всего 46 чел. для использования в агитационно-пропагандистской деятельности. Из них 19 мест было отведено Узбекистану¹⁴.

В селах во всех регионах республики открывались «крестьянские дома» и «красные уголки», которые выполняли функции женских клубов. При женских клубах были созданы подотделы, оказывающие медицинскую помощь детям и матерям, обучающие портняжному делу. Вначале в подотделах давали советы по воспитанию детей и женской гигиене. Эти работы в основном выполняли приезжие русскоязычные женщины, которые распространяли новую советскую культуру, наглядно демонстрировали новый стиль одежды, манеры поведения среди местных женщин¹⁵.

С марта 1925 г. по март 1926 г., то есть за один год, число женских клубов увеличилось с 11 до 32, а количество их членов увеличилось с 920 до более чем 3 тыс. чел. Оживилась и внутренняя деятельность клубов. Помимо организации женских собраний была налажена регулярная работа клубов, в том числе издание стенгазет, обучение грамоте, гигиене и санитарии. Значительно расширилась и география клубов: они действовали не только в наиболее развитых областных центрах, но и в значительной части районных городов и даже в селах¹⁶.

Определяя культуру и политику, Коммунистическая партия рассматривала кино как идеальное средство борьбы против религии, классового или гендерного доминирования, а также для усиления протеста против «старых традиций» и угнетения. Первые такие фильмы, посвященные традиционной и стремящейся к новой жизни восточной женщине, составили основную часть новой идеологии. Поскольку образ женщины являлся символом общественно-политических перемен, изменения

¹³ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1958. С. 132.

¹⁴ Раджанова Р. Идеологическая работа Компартии Узбекистана в период строительства социализма (1925–1937 гг.). Ташкент, 1982. С. 105.

¹⁵ История Узбекистана (1917–1991 гг.). Узбекистан в 1939–1991 гг. / Ответственные редакторы: Абдуллаев Р., Рахимов М., Раджабов К. Ташкент, 2019. К. 1. С. 337.

¹⁶ Раджанова Р. Идеологическая работа Компартии... С. 150–151.

социального статуса женщин были напрямую связаны с их художественным представлением в кино. В 1925 г. в Узбекистане была открыта первая в Средней Азии киностудия, где сначала создавали немое кино. В соответствии с духом времени в 1920-е гг. здесь были сняты фильмы под названиями «Муслима» («Мусульманка»), «Вторая жена», «Шакалы Равата», «Чадыр» («Шатёр»), «Проказа» и др. В результате женщина, освободившаяся от патриархального гнета, стала не только соратницей, но и частью амбициозного проекта большевиков по созданию «новой женщины», распространительницы новой светской идеологии.

18 июня 1926 г. вышло постановление ЦК Коммунистической партии Узбекистана «О работе, проводимой между женщинами-рабочими и крестьянками в среднеазиатских партийных организациях». В нем определялись задачи, исходя из идей В.И. Ленина о том, что «не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия»¹⁷. Предусматривалось усиление борьбы с остатками бытовой моральности среди женщин, неуклонное усиление партийного руководства по работе с женщинами в общественной жизни республики¹⁸. В 1925–1926 гг. для выполнения задач, указанных в постановлении, было направлено 36 сотрудников отдела пропаганды, печати и женщин ЦК КП (б) Узбекистана, в том числе 21 пропагандист¹⁹. Однако отчеты женского отдела Наманганского обкома КП (б) Узбекистана показывают, что женские отделы райкомов партии Наманганской области не занимались глубоко и системно агитационно-общественной работой среди женщин. Специальных лекций и бесед для женщин не проводилось. Руководители большинства колхозов были многоженцами²⁰.

В сентябре 1926 г. III-я региональная конференция женских отделений также рассмотрела вопрос о решительном завершении старого образа жизни и о полной эмансипации женщины. Секретарь Среднеазиатского бюро Среднеазиатского комитета ВКП (б) И. Зеленский также предложил вести борьбу за свободу женщин, действуя под лозунгом «Атака на застойные формы жизни и отсталую экономику». В июле 1926 г. в Послании Среднеазиатского бюро ЦК ВКП (б) в целях привлечения партийных масс к непосредственному участию в освобождении женщин предлагалось с 15 июля по 15 августа провести кампанию отчетов о проделанной работе среди женщин на собраниях общих и первичных партийных организаций, используя в качестве материала решение партийного собрания (май 1926 г.) и постановление ЦК ВКП (б) от 18 июня 1926 г.²¹

Таким образом, на заседаниях партийных ячеек во всех регионах республики обсуждались директивные документы по освобождению женщин. Вопрос «Год работы с женщинами и задачи, стоящие перед партией» был включен в повестку дня всех заседаний партийных организаций Ташкента²². В результате женщина, «освободившаяся» от патриархального гнета, стала не только соратницей, но и частью амби-

¹⁷ О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь В.И. Ленина на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. URL: <https://www.livelib.ru/book/125739/read-polnoe-sobranie-sochinenij-tom-37-iyul-1918-mart-1919-vladimir-lenin/~48> (дата обращения: 21.08.2024).

¹⁸ Очерки истории Ташкентской городской партийной организации. Ташкент, 1976. С. 195.

¹⁹ Раджапова Р. Идеологическая работа Компартии Узбекистана... С. 105.

²⁰ Архив администрации президента Республики Узбекистан (далее – ААП РУз). Ф. 58. Оп. 21. Д. 987. Л. 1.

²¹ Раджапова Р. Идеологическая работа Компартии Узбекистана... С. 152–153.

²² Шукурова Х.С. Социализм и женщина Узбекистана. Ташкент, 1970. С. 182.

циозного проекта большевиков по созданию «новой женщины», то есть распространительницы новой светской идеологии²³.

Женщины из номенклатурных списков стали активно включаться в пропагандистскую работу. К 1927 г. была поставлена задача ЦК ВКП (б) провести празднование предстоящего Международного женского дня совсем в иной обстановке, чем в предыдущие годы²⁴.

Все это создало необходимые условия для того, чтобы использовать праздник 8 марта не только для смотра новых слоев трудящихся женских масс, объединявшихся вокруг партии, но и для учета и проверки настроений всей массы населения. Ставилась задача для эмансипации женщин на практике перейти в «наступление» в борьбе за уничтожение остатков старого образа жизни, тормозивших дело социалистического строительства. По мере возможности осуществлялось также расширение учреждений и организаций, способствующих «освобождению» женщин и подраставших девочек на уровне детских садов, консультационных пунктов, домов матери и ребенка, кухонь, прачечных и т.д.²⁵

Движение «Худжум» («Атака»), которое зародилось в 1927 г., стало не только средством борьбы с религиозными предрассудками, но и насилием государства над обществом²⁶. Муж женщины, отказавшейся снять чадру, был наказан и даже исключен из партии. Помимо пропаганды и публичных демонстраций для дальнейшей активизации движения «Худжум» использовались в том числе различные способы поощрения женщин, снявших паранджу²⁷. Работа, проводимая среди женщин и девушек, освещалась в прессе.

Развитие образования среди женщин и борьба за повышение их партийно-политической грамотности

Партия определила направления всестороннего развития женского образования за первые пять лет. В целях укрепления своих позиций в обществе партия в планах первой пятилетки развития народного хозяйства задала направление на всестороннее развитие женского образования. В 1929 г. III Пленум ЦК КП (б) Узбекистана, на котором обсуждались «Вопросы образования, вытекающие из общих задач социалистического строительства», затронул и вопрос о женщинах. На пленуме подчеркивалось, что «занятие женским образованием является не только культурно-просветительской задачей партии, но и важнейшей политической задачей на пути освобождения женщин», а особое внимание было уделено вопросу женского образования (на всех этапах, от дошкольного до профессионального обучения) в разработке пятилетнего плана культурного строительства.

Наряду с введением совместного обучения мальчиков и девочек в школах, Пленум поручил Народному комиссариату образования и партийным организациям «быстро увеличить количество женских школ и твердо подойти к осуществлению этого,

²³ Хан О.В. «Раскрепощение женщины Востока» в 1920-е годы: идеология, практика и кинематограф // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 225. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-4/215-229> EDN: MGVCWM

²⁴ ААП РУз. Ф. 499. Оп. 1. Д. 259. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 1–2.

²⁶ Kamp M. The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism. Seattle, 2006.

²⁷ Хан О.В. «Раскрепощение женщины Востока» в 1920-е годы: идеология, практика и кинематограф // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 219. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-4/215-229> EDN: MGVCWM

особенно в культурно отсталых районах и областях». В 1927 г. не менее 25% сети новых школ и 30% курсов по ликвидации неграмотности в республике были выделены на женское образование, чтобы покончить с женской неграмотностью²⁸.

Также было открыто 84 школы, 76 артелей, 5 клубов, 13 «красных уголков». Снятие паранджи женщинами стало приобретать публичный характер. Только в Ферганской области число женщин, отказавшихся от паранджи, достигло 80–90 тыс. 40% женщин, снявших паранджу, были приняты в школы грамоты. В сентябре 1927 г. в Самарканде начал свою работу Съезд женщин Узбекистана. Таджихон Шодиева, помощница заведующего женотделом ЦК КП (б) Узбекистана, выступила с речью и отметила, что существуют препятствия в продвижении женщин на руководящие должности в республике. После этого в 1930 г. женский отдел ЦК КП (б) Узбекистана был реорганизован. Т. Шодиева была назначена членом Бюро ЦК партии, а затем заместителем секретаря ЦК КП (б) Узбекистана в том же году²⁹.

В качестве важного шага к «освобождению» женщин комитет также обратил особое внимание созданию женских клубов, школ по ликвидации безграмотности, организацию различных кружков. В целях более широкого вовлечения женщин в общественную работу политические занятия и производство увеличилось число артелей, наряду с клубами и школами ликвидации безграмотности. Хотя привлечение к политическим занятиям также было включено в партийные инструкции, в партийных документах отмечалось, что к 1934 г. политическая работа среди женщин ослабла, а коммунистки и комсомолки все еще носили паранджу. Поэтому продолжались работы по активизации политической пропаганды и организации общественных кружков среди женщин³⁰.

Из вышеизложенного следует, что система партийного обучения была особенно важной формой подготовки кадров для партии. В целом все идеологические средства партии должны были «служить благородному делу формирования марксистско-ленинского сознания советских людей, великому делу строительства коммунизма»³¹.

Система подготовки кадров Коммунистической партии была весьма комплексной, включая подготовку и переподготовку руководящих партийных и советских работников. Со временем партийное образование превратилось в систему политического образования, охватывающую множество форм и этапов: от начальных политических школ до марксистско-ленинских университетов. С течением лет менялись этапы системы партийного образования, преподаваемые предметы и требования, а также усиливалась пропагандистская работа Коммунистической партии. Главное управление политического просвещения ЦК КПСС отвечало за школы, классы и аудитории.

В 1920-е гг. система партийного образования в стране по регионам была структурирована следующим образом:

в селах – центры грамотности и передвижные школы;

в Старом городе – пункты ликвидации неграмотности, школы сокращенной политической грамотности, школы обычной политической грамотности;

в Новом городе – сокращенные школы политграмоты, обычные школы политграмоты, марксистско-ленинские кружки, советские партийные школы.

²⁸ Раджапова Р. Идеологическая работа Компартии Узбекистана... С. 100.

²⁹ Юсуфов Э. Кураш ва меҳнатда чиникқан аёл. Тошкент, 1976. С. 44, 45, 51.

³⁰ ААП РУз. Ф. 58. Оп. 10. Д. 1168. Л. 11.

³¹ XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза (29 марта – 8 апр. 1966 г.): Стенографический отчет. М., 1966. Т. 1. С. 106.

В этой образовательной системе особое внимание уделялось также образованию женщин и повышению их общественно-политической активности.

Согласно инструкции № 317 Женского отделения Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) «Об открытии курсов переподготовки кадров», принятой 28 мая 1930 г., было принято решение пригласить на данные курсы 3 чел. из Ташкента, 2 чел. из Самарканда, 1 чел. из Конимеха, по 2 чел. из Зарафшана, Коканда, Бухары, Андижана, Сурхандарьи, Хорезма и Кашкадарьи из числа инструкторов, районных секретарей и других женщин³². Таким образом, среди женщин-коммунисток постепенно увеличивалось число секретарей первичных партийных организаций, и вскоре их число достигло 197.

В ноябре–декабре 1935 г. сотрудниками Института революции и партийного строительства Узбекистана при ЦК КП (б) Узбекистана был проведен ряд лекций по теме «Женщины и религия» в рамках антирелигиозной пропаганды. В лекции подчеркивалось, что религиозная женщина-мать является фактически лучшей помощницей духовенства, буржуазной школы и эксплуататорского класса и что религия часто выполняет свою разрушительную роль через женщин. Резкой критике подвергалось то, что из-за их религиозных убеждений женщины часто препятствуют своим детям вступать в пионеры, комсомол или партию, препятствуют им посещать «школы ликбеза» (школы ликвидации безграмотности), даже выступают против ликвидации безграмотности, не позволяют своим детям учиться в советских школах, заставляют их совершать религиозные обряды. В частности, особо отмечалось, что антирелигиозная пропаганда среди женщин остается слабым местом деятельности партии, антирелигиозной пропаганды среди женщин недостаточно, необходимо больше привлекать крестьян и рабочих к производству, учебе, общественным работам³³.

VIII съезд КП (б) Узбекистана, состоявшийся 1–9 июля 1938 г., признал уровень общественно-политической работы среди женщин неудовлетворительным. На съезде партийным организациям было предложено усилить этот важнейший аспект работы, добиться более широкого вовлечения женщин в производственные и учебные заведения, систематически повышать квалификацию женщин, ликвидировать безграмотность и малограмотность, расширять круг культурно-хозяйственных услуг, более смело выдвигать женщин на руководящие должности в госорганизациях, партии, колхозах и в хозяйственном труде³⁴.

В 1932–1933 гг. для обучения людей, далеких от коммунистических идей, были созданы следующие виды кружков по ликвидации неграмотности:

- 1) кружки низшей политической грамотности;
- 2) простые кружки политической грамотности;
- 3) кружки истории партии для начинающих;
- 4) кружки для изучающих историю партии по учебникам;
- 5) кружки, изучающие историю партии по первичным документам;
- 6) кружки по изучению основ ленинизма;
- 7) кружки по изучению избранных произведений классиков марксизма-ленинизма;
- 8) вечерние партийные школы для коммунистов.

³² Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦА РУз). Ф. 86. Оп. 1. Д. 6559. Л. 59.

³³ ААП РУз. Ф. 617. Оп. 5. Д. 88. Л. 4, 8.

³⁴ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1958. С. 386.

Действовали также районные вечерние школы, предлагавшие двухгодичный курс общеобразовательной подготовки³⁵.

На девятом съезде КП (б) Узбекистана, состоявшемся 12–16 марта 1940 г., подчеркивалось, что в центре работы партийных организаций в области пропаганды имеются такие важные задачи, как охват большевизмом, вооружение членов партии, прежде всего руководящие кадры, марксистско-ленинской теорией, идеологическое и политическое воспитание интеллигенции, входившей и не входившей в партию, в духе марксизма-ленинизма³⁶. В принятой съездом резолюции были поставлены задачи по дальнейшему развитию экономики и культуры республики, совершенствованию партийно-организационной и партийно-политической работы³⁷. На эти работы было решено мобилизовать и женщин.

Выдвижение женщин на руководящие должности в стране

С началом Великой Отечественной войны советского народа стал актуальным вопрос вовлечения женщин в народное хозяйство в целях укрепления обороны страны.

5 июля 1941 г. Октябрьский райком партии организовал в Ташкенте митинг с участием 15 тыс. чел. На митинге было принято обращение женщин района ко всем женщинам Узбекистана, в котором предлагалось изучать профессии, необходимые для промышленности, транспорта, учреждений и школ. В частности, на производственных предприятиях в годы войны женщинам приходилось работать в качестве токарей, слесарей, горняков, водителей и машинистов. Для этого отделом пропаганды ЦК КП (б) Узбекистана в командировку в регионы были направлены 14 сотрудников для проведения переговоров и чтения лекций, отобрано 17 чел.³⁸ Коммунистическая партия Узбекистана поддержала эту инициативу. В качестве примера были приведены инициативы женщин Октябрьского района. В результате в июле–августе 1941 г. на работу на производственных предприятиях поступили более 10 тыс. женщин в Ташкенте, 694 – в Чирчике, 2672 – в Самарканде³⁹.

1 июля 1943 г. состоялось заседание Республиканского женского совета при ЦК КП (б) Узбекистана, с участием областных, городских, районных женщин – секретарей партии. Отмечается, что активно работали секретари областных, городских и районных комитетов партии, входившие в состав этого совета, созданного в июне 1943 г. Секретарь Наманганского обкома партии Мухитдинова, секретарь Сталинского райкома партии в Ташкенте Мухамедова, секретарь Самаркандского обкома партии Ж. Оманова проявили особое усилие, помогая семьям солдат на фронте⁴⁰.

Как видно из таблицы выше, в годы войны доля женского персонала увеличилась, они широко привлекались во всех сферах.

В 1941–1943 гг. в связи с Великой Отечественной войной обновился состав персонала в номенклатуре в области культуры и образования. Женщины в ней составили 17,6% от общей численности сотрудников⁴¹.

³⁵ История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М., 2013. С. 212–213.

³⁶ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1958. С. 40.

³⁷ Съезды коммунистической партии Узбекистана // *Узбекская Советская Энциклопедия*. Ташкент, 1979. Т. 13. С. 510.

³⁸ ААП РУз. Ф. 58. Оп. 18. Д. 856. Л. 4.

³⁹ *Ким П.Г., Хаитбаев Э.К.* В авангарде борьбы и побед. Ташкент, 1976. С. 10.

⁴⁰ ААП РУз. Ф. 58. Оп. 19. Д. 194. Л. 1, 11, 16.

⁴¹ ААП РУз. Ф. 58. Оп. 22. Д. 859. Л. 23.

Таблица 1 / Table 1

Кадровый состав номенклатуры культурно-просветительских подразделений (секторов) ЦК КП (б) Узбекистана (на 1 января 1943 г.) / The personnel composition of the nomenclature of the cultural and educational divisions (sectors) of the Central Committee of the Communist Party (bolsheviks) of Uzbekistan (as of January 1, 1943)

	Всего человек / Total number of people	Женщин / Women
Народный комиссариат образования / People's Commissariat of Education	25	4
Педагогическое училище / Pedagogical College	11	2
Техникумы / Technical Schools	19	2
Отдел кинематографии / Cinematography Department	13	-
Отдел искусства / Arts Department	43	1
Управление печати / Printing Department	6	-
УзТАГ / UzTAG	2	-
Радиокомитет / Radio Committee	2	-
МОПР ⁴² , объединение атеистов / MOPR, Atheist Association	2	1
Академия наук Узбекистана / Academy of Sciences of Uzbekistan	31	2
Высшие учебные заведения / Higher Education Institutions	233	56
Итого / Total	387	68 (17,6 %)

Источник: ААП РУз. Ф. 58. Оп. 22. Д. 859. Л. 42.

Source: Archives of the Administration of the President of the Republic of Uzbekistan, f. 58, op. 22, d. 859, l. 42.

Так, в 1943 г. в номенклатуру ЦК КП (б) Узбекистана было включено 5569 руководящих должностей. Среди 3120 должностных лиц, утвержденных Бюро ЦК КП (б) Узбекистана (1484 не были утверждены), было 512 (13,4%) женщин, 1595 (41,8%) представителей местных наций⁴³. Теперь вновь особое внимание начали уделять пропагандистской работе, остановленной из-за войны.

С июня 1943 г. были открыты при ЦК КП (б) Узбекистана 6-месячные курсы по подготовке и переподготовке партийных работников. Более половины слушателей курсов составляли женщины. Большинство выпускников были направлены в руководство партии, они регулярно участвовали в агитационных лекциях⁴⁴. Основной задачей этих кадров было проведение агитационной и пропагандистской работы среди рабочих и колхозников, обеспечение восстановления экономики в соответствии с условиями войны.

По отчетам областного и городского комитетов КП (б) Узбекистана, в 1946 г. в Кокандской области четыре раза проводился слет женщин. 25-е число каждого месяца было объявлено Днем женщин. В этот день заместители председателей колхозов и женсоветов отчитывались о проделанной за прошедший месяц работе, обсуждали все поручения вышестоящего начальства и определяли дальнейшие задачи. Такая деятельность продолжалась и в 1946 г., тогда в Ташкентской области работало около 2 тыс. женщин-активисток, из них 50 работали руководителями агитационных пунктов; 460 – председателями или членами избирательных комиссий⁴⁵.

В феврале–марте 1947 г. отдел кадров ЦК КП (б) Узбекистана провел проверку работы с личным составом в партийной организации Узбекистана, в ходе которой резкой критике подверглись такие недостатки, как низкий уровень общей грамотности

⁴² Международная организация помощи борцам революции.

⁴³ ААП РУз. Ф. 58. Оп. 19. Д. 885. Л. 9.

⁴⁴ *Раджапов Д., Зиямов Ш.* Важное звено партийной работы: из истории подготовки и переподготовки партийно-советских кадров в Средней Азии. Ташкент, 1978. С. 77.

⁴⁵ ААП РУз. Ф. 58. Оп. 22. Д. 992. Л. 36, 60.

личного состава; недостаточное продвижение местных сотрудников на руководящие должности; назначение женщин на такие должности в очень редких случаях. Неуклонное уменьшение числа женщин на должностях в номенклатуре ЦК КП (б) Узбекистана в последующие годы достигало в 1947 г. лишь 7,7 процента, притом ни одна женщина не работала, например, в прокуратуре, в органах юстиции и министерствах, в сфере водного хозяйства, текстильной промышленности⁴⁶. Хотя 16 июля 1947 г. Бюро ЦК КП(б) Узбекистана приняло постановление «О положении работы с кадрами в партийной организации Узбекистана и мерах по его улучшению», на практике было проведено очень мало мер по серьезному улучшению работы с кадровым составом ЦК КП (б) Узбекистана.

В письменном докладе женского отдела Бухарского горкома партии о проделанной работе в 1947 г. сообщалось, что женщинами были прочитаны лекции на темы «Дружба народов Советского государства», «Жизнь и деятельность товарища Сталина», «Женщины нашей страны», «Достойная роль Советской женщины-матери» и «Советская женщина – равноправный член социалистического общества».

На X съезде КП (б) Узбекистана было отмечено, что в результате особого внимания к увеличению числа женщин в партийных организациях их доля в рядах партии достигла в эти годы 19%⁴⁷. В целях оживления данной работы ЦК ВКП (б) принял постановление от 6 августа 1948 г. «О положении и мерах по усилению работы среди женщин республики»⁴⁸. Особое внимание вновь уделялось образованию женщин в партийных школах. В результате в 1948 г. на 1 курсе советского факультета двухгодичной партшколы обучалось 35 (18,4%) студенток, на 2 курсе – 29 (13,8%)⁴⁹.

Примечательно, что всегда подчеркивалась при этом роль матери и женщины в становлении советского человека. Партия и правительство также серьезно отнеслись к этому вопросу. Поэтому в послевоенные годы внимание к женщинам продолжало возрастать. 13 июля 1953 г. ЦК КПСС принял постановление «О серьезных недостатках политико-воспитательной работы среди женщин в Узбекской ССР». В постановлении критиковалось то, что большинство женщин не участвует в политической работе, недостаточно налажено продвижение естественных и научных знаний среди них, в результате чего часть женщин все еще была привержена старым традициям и религиозным суевериям. Отмечалось, что с узбекскими женщинами по-прежнему обращались как в эпоху феодализма, и даже некоторые коммунисты не положили конец такому подходу и что партийные организации недостаточно боролись с этим бедствием.

На XII съезде КП (б) Узбекистана, состоявшемся 15–17 февраля 1954 г., также было отмечено, что задачи, определенные в вышеуказанном постановлении, не были выполнены удовлетворительно. Съезд поставил задачу по улучшению работы с женщинами перед ЦК КПСС Узбекской ССР, областными, городскими и районными комитетами партии. Было подчеркнуто, что женщины, особенно женщины из местных этнических групп, должны более активно участвовать в общественной и политической жизни, а также выдвигаться на руководящие должности⁵⁰.

К 1955 г. доля женщин в партийных организациях составляла 17 процентов. Но были партийные организации, где отсутствовали женщины – кандидаты в партию,

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1354. Л. 23–32.

⁴⁷ ААП РУз. Стенографический отчет X съезда КП(б) Узбекистана (1–4 марта 1949 года). Ф. 58. Оп. 25. Д. 1. Л. 59.

⁴⁸ Коммунистическая партия Узбекистана и работа среди женщин Республики (1938–1955 гг.). Сборник документов и материалов. Ташкент, 1982. С. 233.

⁴⁹ ААП РУз. Ф. 181. Оп. 9. Д. 76. Л. 1.

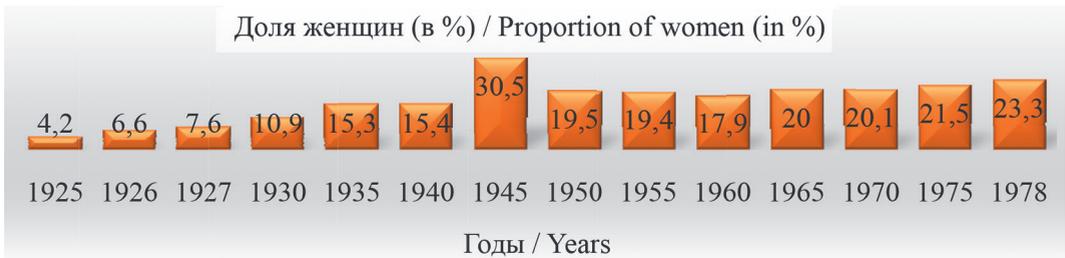
⁵⁰ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1958. С. 507.

и такая ситуация, конечно, требовала серьезного подхода к этому вопросу со стороны вышестоящих организаций.

В 1958 г., после проведения Первого съезда женщин Узбекистана, стало традицией проведение республиканских съездов женщин, а также областных, городских и районных конференций, на которых вырабатывались конкретные формы и методы работы среди женщин с целью вовлечения их во всенародную работу по строительству коммунизма в стране. В 1963 г. среди пропагандистов сети политического просвещения в республике работало 2294 (15 %) женщины⁵¹. В 1965 г. в областных, городских и районных комитетах партии работало 80 женщин, 2400 женщин работали секретарями в первичных партийных организациях, 116 женщин возглавляли промышленные предприятия, 30 женщин возглавляли колхозы и совхозы⁵².

14–15 мая 1984 г. в Ашхабаде состоялось заседание научно-координационного совета на тему «Атеистическое воспитание женщин на основе решений июньского Пленума ЦК КПСС (1983 г.) – важный фактор повышение их роли в строительстве коммунизма»⁵³. Большое внимание уделялось пропаганде атеизма среди женщин. К этой работе были привлечены сотни активисток общества «Знание»⁵⁴.

Первый секретарь ЦК КП Узбекистана И.Б. Усмонходжаев в своем выступлении на 16-м Пленуме, состоявшемся 23 июня 1984 г., сказал: «Следует подчеркнуть участие женщин в руководящих деятельности. Освобождение восточных женщин – одно из величайших достижений социализма. Сегодня они успешно работают во всех сферах хозяйственного и культурного строительства. Женщины от природы сообразительны и бережливы. Парткомам следует смелее продвигать их на руководящие должности и оказывать им большую поддержку. Это одно из важнейших направлений кадровой политики»⁵⁵. Все секретари КП Узбекской ССР старались увеличить численность женщин среди коммунистов республики.

Динамика доли женщин среди членов КП УзССР в 1925–1978 гг. / Dynamics of the proportion of women among members of the Communist Party of the Uzbek SSR in 1925–1978

Источник: Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах (Сборник стат. материалов. 1924–1977 гг.). Ташкент, 1979.

Source: *Kommunisticheskaia partiia Uzbekistana v tsifrakh (Sbornik stat. materialov. 1924–1977 gg.)* [The Communist Party of Uzbekistan in Figures (Collection of Statistical Materials, 1924–1977)]. Tashkent: Uzbekistan Publ., 1979 (in Russian).

Абсолютные цифры по количеству женщин среди членов КП УзССР в 1925–1978 гг. представлены в таблице 2.

⁵¹ ААП РУз. Ф. 58. Оп. 235. Д. 538. Л. 9.

⁵² История Узбекской ССР. 4 тома. Ташкент, 1971. Т. 4. (1938–1965 гг.). С. 509.

⁵³ ААП РУз. Ф. 971. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

⁵⁴ Музаффаров А. Борьба за атеистическое мировоззрение // Коммунист Узбекистана. 1977. № 7 (июль).

⁵⁵ Речь первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Усманходжаева И.Б. (XVI Пленум ЦК Компартии Узбекистана. г. Ташкент, 23 июля 1984 г.) // Раджабов К. Ражабов Н. (историческое эссе). Ташкент, 2021. С. 199.

Количество женщин среди членов КП УзССР в 1925–1978 гг. / Quantity of women among members of the Communist Party of the Uzbek SSR in 1925–1978

Годы / Years	Количество всех коммунистов / The number of all communists	В том числе число женщин / Including the number of women
1925	16570	693
1926	24383	1600
1927	27312	2076
1930	40245	4406
1935	33834	5163
1940	63847	9854
1945	82505	25135
1950	132336	25770
1955	143878	27971
1960	202865	36235
1965	288358	57796
1970	387715	78047
1975	472342	101493
1978	518350	121006

Источник: Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах (Сборник стат. материалов. 1924–1977 гг.). Ташкент, 1979.

Source: *Kommunisticheskaya partiya Uzbekistana v tsifrakh (Sbornik stat. materialov. 1924–1977 gg.)* [The Communist Party of Uzbekistan in Figures (Collection of Statistical Materials, 1924–1977)]. Tashkent: Uzbekistan Publ., 1979 (in Russian).

Важно отметить и еще одну деталь, которая использовалась в пропаганде коммунистических идей на Востоке. Речь идет о красном цвете в идеологической пропаганде большевиков. Отсюда – «красная чайхана», «красная пресса», «красный женский клуб», «красная интеллигенция», «красный учитель», «красное перо», «Красная площадь» и др. Также символами этой идеологии стали лозунги, плакаты и афиши красного цвета. Служение воспитанию молодежи на основе пролетарской идеологии и идеи интернационализма было определено как главная задача красной интеллигенции⁵⁶.

Заключение

В СССР на протяжении всего существования придавалось особое значение подготовке советских кадров из числа женщин. Специальное внимание уделялось подготовке среди них активных пропагандистов, формированию новых обычаев и обрядов, пропаганде коммунистической идеологии и атеизма среди женщин, игравших важную роль в воспитании детей. Путем отчуждения народа от своей национальности шло формирование лояльного советского человека, подчинявшегося решениям партии. Кроме того, всегда в советском обществе подчеркивалась роль матери и женщины в становлении советского человека. Партия и правительство также серьезно относились к этому вопросу. Поэтому в послевоенные годы внимание к женщинам продолжало возрастать. Женщины из местных этнических групп должны более активно участвовать в общественной и политической жизни, они широко выдвигались на руководящие должности. Особое внимание при этом уделялось вопросам женского образования. Для ликвидации безграмотности среди женщин открывались в совет-

⁵⁶ Рашидов О.Р. Борьба национальной интеллигенции и большевиков на идеологической арене на территории Узбекистана (1917–1938 гг.). Ташкент, 2022. С. 6.

ских среднеазиатских республиках сотни «школ ликбеза», распространялись через систему среднего, специального и высшего образования естественные и научные знания.

Коммунистическая партия СССР представляла собой сложную общественную организацию, целью которой являлись воспитание трудящихся в духе высокой коммунистической нравственности, усиления борьбы с традициями прошлого (особенно в ранний советский период), сохранявшимися в сознании и поведении людей. Одновременно в стране многое делалось для расширения прав женщин Востока, вовлечения их в общественно-политическую жизнь, используя при этом все средства идеологического воспитания, в том числе борьбы с религиозной идеологией и усиления атеистической пропаганды.

Поступила в редакцию / Submitted: 28.07.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.03.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.11.2025

References

- Ishanov, A. *Rol' Kompartii i Sovetskogo pravitel'stva v sozdanii natsional'noi gosudarstvennosti uzbekskogo naroda* [The role of the Communist Party and the Soviet government in the creation of the national statehood of the Uzbek people]. Tashkent: «Uzbekistan» Publ., 1978 (in Russian).
- Kamp, M. *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. Seattle: University of Washington Press, 2006.
- Khan, O.V. “‘Emancipation of the eastern woman’ in the 1920s: ideology, practice, and cinematography.” *Herald of Anthropology*, no. 4 (2021): 215–229 (in Russian), <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-4/215-229>
- Kim, P.G., and Khaitbaev, E.K. *V avangarde bor'by i pobed* [In the vanguard of struggle and victories]. Tashkent: «Uzbekistan» Publ., 1976 (in Russian).
- Radzhapov, D., and Ziyamov, Sh. *Vazhnoe zveno partiinoi raboty: iz istorii podgotovki i perepodgotovki partiino-sovetskikh kadrov v Srednei Azii* [An important link in party work: from the history of the training and retraining of party and Soviet cadres in Central Asia]. Tashkent: «Uzbekistan» Publ., 1978 (in Russian).
- Radzhapova, R. *Ideologicheskaia rabota Kompartii Uzbekistana v period stroitel'stva sotsializma (1925–1937 gg.)* [Ideological work of the Communist Party of Uzbekistan during the period of construction of socialism (1925–1937)]. Tashkent: «Uzbekistan» Publ., 1982 (in Russian).
- Rashidov, O.R. *Ўзбекистон ҳудудиди миллий зиёлилар ва большевикларнинг мафкура майдонидаги кураши (1917–1938)* [The ideological struggle of the national intelligentsia and the Bolsheviks in Uzbekistan (1917–1938)]. Tashkent: “Muharrir”, 2022 (in Uzbek).
- Shukurova, H.S. *Sotsializm i zhenshchina Uzbekistana* [Socialism and the Woman of Uzbekistan]. Tashkent: «Uzbekistan» Publ., 1970 (in Russian).
- Tursunov, H. *Ўзбекистон Коммунистик партиясининг ташиқил этилиши* [The formation of the Communist Party of Uzbekistan]. Tashkent: ЎзКП МК нашриёти, 1970 (in Uzbek).
- Yusupov, E. *Кураш ва меҳнатда чиниққан аёл* [A woman who has been trained in struggle and labor]. Tashkent: “Ёш гвардия”, 1976 (in Uzbek).

Информация об авторе / Information about the author

Нодира Сардаровна Расулова, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Университет общественной безопасности Республики Узбекистан; Узбекистан, 100109, Ташкентская область, Зангиотинский район, пос. Чорсу; nodirarasulova117@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0008-9970-1435>

Nodira Sardarovna Rasulova, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan; Chorsu fortress, Zangiota district, Tashkent region, 100109, Uzbekistan; nodirarasulova117@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0008-9970-1435>

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
SOURCES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-138-154>

EDN: ZTXKHU

Научная статья / Research article

**Россия – государство-цивилизация:
новые методологические проекции в репрезентации
курса российской истории**

Вардан Эрнестович Багдасарян

Государственный университета просвещения, Москва, Россия,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

✉ vardanb@mail.ru

Аннотация: Обосновывается необходимость перехода от эволюционистско-модернизационной парадигмы к цивилизационному подходу в репрезентации курса российской истории, соотнося этот поворот с государственным и общественным запросом на укрепление суверенитета и единой идентичности. Методологическая база исследования раскрывается в сопоставлении осевого содержания действующего исторического курса с фундаментальными позициями теории цивилизаций и их логическими проекциями на российский исторический материал. Прослеживается формирование цивилизационного дискурса в современной России на государственном уровне и отражение его в образовательном процессе. Предлагается пакет методологических рекомендаций, связанных с переходом к рассмотрению российской истории через призму характеристики России как государства-цивилизации. Даются рекомендации по внесению соответствующих коррекций в отражение процесса государствогенеза, выявления движущих сил российской истории, ее периодизации, оценки реформ, определения природы социальных кризисов, раскрытия оснований внешних конфликтов, роли идеологии, системы идентичностей. Практический результат проведенного исследования состоит в выстраивании ориентиров для обновления школьных и вузовских курсов истории России в единой рамке цивилизационного подхода.

Ключевые слова: методология, исторический процесс; суверенитет, Основы российской государственности, идентичность, традиционные ценности, цивилизационногенез, цивилизационные войны, цивилизационные кризисы, цивилизационные константы

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания по НИР «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», шифр FSZG-2025-0004. Регистрационный номер: 1025021700071-2-6.3.1.

Для цитирования: Багдасарян В.Э. Россия – государство-цивилизация: новые методологические проекции в репрезентации курса российской истории // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 138–154. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-138-154>

© Багдасарян В.Э., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Russia as Civilization-State: New Methodological Projections in Representing the Course in Russian History

Vardan E. Bagdasaryan

Federal State University of Education, Moscow, Russia
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
✉ vardanb@mail.ru

Abstract: The author substantiates the necessity of transitioning from the evolutionist-modernization paradigm to the civilizational approach in representing the course in Russian history, while correlating this shift with the state and societal demand for strengthening sovereignty and a unified identity. The methodological framework of the study is revealed through the comparison of the core content of the current course in history with the fundamental principles of civilizational theory and their logical projections onto Russian historical material. The author traces the formation of the civilizational discourse in contemporary Russia at the state level and its reflection in educational processes. The author also proposes a set of methodological recommendations related to the transition to examining Russian history through the prism of characterizing Russia as a civilization-state. Recommendations are provided for introducing corresponding adjustments in: the representation of state genesis, the identification of the driving forces of Russian history, historical periodization, assessment of reforms, the determination of the nature of social crises, explanation of external conflicts, and the role of ideology and identity systems. The practical result of the research lies in outlining guidelines for updating school and university courses in Russian history within the unified framework of a civilizational approach.

Keywords: methodology, historical process, sovereignty, Fundamentals of Russian Statehood; identity, traditional values, civilizational genesis, civilizational wars, civilizational crises, civilizational constants

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The article was prepared within the framework of the state assignment for the research project “Russia’s Identity as a Civilizational State: Political, Spiritual, and Social Dimensions,” code FSZG-2025-0004. Registration number: 1025021700071-2-6.3.1.

For citation: Bagdasaryan, V.E. “Russia as Civilization-State: New Methodological Projections in Representing the Course in Russian History.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 138–154. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-138-154>

Введение

Актуальность. Обращение к цивилизационному подходу и позиционированию России как государства-цивилизации определялось возрастающим запросом на укрепление, а отчасти и на восстановление государственного суверенитета России. Тема суверенитета является ключевой в дискурсивной логике курса В.В. Путина. Понятие суверенитета при этом трактуется значительно шире и интегральнее, чем в классическом понимании, восходящем к Ж. Бодену. Оно включает различные составляющие — политический, экономический, финансовый, технологический, образовательный, продовольственный, языковой, ценностный и другие виды суверенитета. Одной из важнейших составляющих является концептуальный суверенитет¹.

Различные обществоведческие подходы по-разному соотносятся с задачей сохранения суверенитета: одни объективно ведут к его умалению, другие, напротив, способствуют его укреплению. Это в полной мере относится и к исторической науке, выводы которой могут иметь амбивалентную направленность².

¹ Дугин А.Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 7–21. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2024-3-7-21> EDN: NKKHSZ

² Малышева: исторический суверенитет обеспечивает смыслы для национального сознания. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23099331> (дата обращения: 06.09.2025).

С началом обществоведческой ревизии конца 1980-х гг, доминирующим стало представление об универсальности мирового развития, основанное на идее «общечеловеческих ценностей». По сути, это означало предъявление универсальности исторического пути Запада. Из подобного подхода логически следовали интерпретации, осуждавшие всё, что подразумевало претензию на незападный путь развития. Так как реальная история России плохо укладывалась в западные лекала, она оказывалась дискредитируема. Соросовская учебная литература явилась наглядной иллюстрацией данного подхода. О том, что она оказала деструктивное воздействие на сознание молодежи, согласился и Президент Российской Федерации В.В. Путин³.

Второй запрос был обусловлен тематикой обеспечения государственного единства России и сопряженным с ней вопросом о формировании единой идентичности. Пройдя испытания угроз распада и ликвидировав очаги сепаратизма, Российская Федерация нуждалась в новой репрезентации государственного единства. Ценность единства страны являлась и продолжает являться одной из ключевых в риторике В.В. Путина.

Выходом из сложившейся ситуации стало выдвижение концепта России как государства-цивилизации, представляемого в качестве контроверзы государству-нации. Такой тип государства предполагал наличие двух уровней идентичности – этнической и цивилизационной. Он также подразумевал наличие цивилизационного ядра, в качестве которого понимался русский народ – государствообразующий, а следовательно, и цивилизационнообразующий. При этом все другие народы, объединяясь вокруг него, создавали единую цивилизационную общность – Народ России.

Степень изученности проблемы. Отражением государственного запроса и вызовов современности стало появление научных трудов, связанных с развитием цивилизационного подхода в контексте современного переосмысления репрезентации российской истории. При этом следует констатировать, что научно-исторический дискурс несмотря на то, что цивилизационный подход формировался изначально именно в сфере истории, в значительной мере отстает от других обществоведческих дисциплин. Сохраняется также инерция рассмотрения цивилизационного подхода преимущественно применительно к древним и средневековым цивилизациям.

Современные исследования, обращенные к российскому историческому процессу, можно разделить условно на две группы. Первая группа посвящена анализу возможностей цивилизационного подхода и носит методологический характер⁴. Вторая – представляет его непосредственное применение к отдельным этапам отечественной истории. Количество работ второй группы значительно меньше, что свиде-

³ Путин согласился, что негативное воздействие учебников Сороса на молодежь было. URL: <https://tass.ru/politika/25095713> (дата обращения: 06.09.2025).

⁴ Жуков В.И. Цивилизация: от гипотез, сказаний и былин к правовой определенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 2. С. 249–263. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-2-249-263> EDN: PUNAWZ; Ковалев Э.Ю. Влияние цивилизационного подхода к истории на формирование национальной идентичности общества в процессе глобализации // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 108–121. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.10> EDN: ЕКРQGC; Феофанов К.А. Концепция «государства-цивилизации» как направление в развитии цивилизационной теории // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. № 17. С. 122–135. <https://doi.org/10.31249/kgf/2024.04.08> EDN: ТМFTZA; Шишигин А.В. Цивилизационный подход как методологическая основа преподавания дисциплины «Основы российской государственности» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 40–48. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-40-48> EDN: QFFFMV

тельствует о методической сложности перехода от понимания истории как процесса изменчивости к ее осмыслению как процесса воспроизводства⁵.

Отмечаются и первые попытки инкорпорации цивилизационного подхода в учебники истории. Однако наличие соответствующих разделов и ссылок еще не означает полноценного использования данной методологии: включенные элементы пока остаются слабо интегрированными в общий нарратив, выстроенный в иной парадигме⁶.

Проведенный обзор обнаруживает острый дефицит диссертаций, посвященных рассмотрению в цивилизационном ракурсе российской истории. На сегодняшний день выявлено только одно диссертационное исследование, специально направленное на выявление истоков Российской цивилизации⁷. При этом ни один из исторических периодов России не стал до настоящего времени предметом специального диссертационного анализа в ракурсе цивилизационного подхода.

Такое положение дел можно охарактеризовать как разрыв между государственной исторической политикой и исследовательской практикой, что указывает на необходимость формирования новых исследовательских школ и программ, ориентированных на развитие цивилизационного подхода в отечественной исторической науке. Предварением таких исследований, которые должны в перспективе появиться, могут стать предлагаемые методологические рекомендации.

Целью исследования является разработка методологических рекомендаций, направленных на переосмысление курса российской истории в логике цивилизационного подхода. Поставленный целевой ориентир предопределил выбор исследовательской методологии, основанной на сопоставлении осевого содержания курса истории России с фундаментальными положениями и логическими проекциями теории цивилизаций. Такой подход позволяет выявить структурные и смысловые несоответствия между действующей моделью преподавания истории и цивилизационным пониманием исторического процесса, а также наметить пути их методологической коррекции.

Источниковая база. Источниковую базу исследования составил, с одной стороны, корпус современного исторического нарратива по курсу истории России, сложившейся к настоящему времени в рамках образовательной модели Российской Федерации. Отобраны факты и персоналии, составляющие костяк репрезентации российского исторического процесса⁸. Однако фиксация рассогласования интерпре-

⁵ Апанович А.И. Взгляд на СССР через призму цивилизационного подхода // К 100-летию образования СССР: уроки истории: материалы круглого стола кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета. Минск, 2023. С. 13–17. EDN: SKJZPL; Ковалев В.В. Крещение Руси в 988 г. и его значение для формирования особенностей российской цивилизации // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. № 4. С. 24–30. EDN: FUGMQA; Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М., 2023. EDN: JMTGVY

⁶ История России. Учебник для неисторических специальностей и направлений подготовки / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2024. С. 13–20.

⁷ Шемякина О.Д. Цивилизационный подход к истории России как факт историографии и метод познания: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. EDN: QFHCA7

⁸ Историко-культурный стандарт. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://history.ru/uploads/media/default/0001/33/e13218e2e0721acfe82d567de933f1659d3d6673.pdf> (дата обращения: 06.09.2025); Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Курукин И.В. История России. 8 класс. Учебник. В 2-х частях. Часть 1. М., 2021; Горинов М.М., Данилов А.А., Семенов И.С. История России. 10 класс. Учебник. Базовый и углубленный уровни. В 3-х частях. Часть 2. М., 2021; Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. Учебник. М., 2025. EDN: WXQJRL; Сахаров А.Н., Загладин Н.В., Петров Ю.А. История. Конец XIX – начало XXI в. 10-11 классы. Часть 2. Учебник. Базовый и углубленный уровни. М., 2022; Сахаров А.Н., Шестаков В. А., Боханов А.Н. История России с древнейших времен до наших дней. Учебник. М., 2025. EDN: EKBXСJ

тации этой канвы в образовательном пространстве с запросом на переосмысления ее в логике цивилизационного подхода определяет включение второй источниковой компоненты – трудов, представляющих взгляд на историю с позиции теории цивилизации от классиков до современных последователей соответствующего методологического направления⁹.

Цивилизационный подход в государственно-властном дискурсе политики России в области исторического просвещения

Запрос на цивилизационный подход был сформулирован на самом высоком государственном уровне, войдя в президентский дискурс.

Важнейшее рубежное значение в формировании новой повестки рассмотрения исторического процесса принадлежало вышедшей в 2012 г. в преддверии президентских выборов статьи В.В. Путина «Россия: национальный вопрос». В статье впервые было публично в российском дискурсе заявлено положение о России как государстве-цивилизации, которое рассматривалось как государство полиэтничное и поликонфессиональное, выстраиваемое вокруг русского цивилизационного ядра. Миссия русского народа проявлялась в том, чтобы скреплять Российскую цивилизацию. Путин в обосновании своих тезисов ссылаясь на «Слово о законе и благодати», «Повесть временных лет», труды В.О. Ключевского, Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина. Сложившейся тип российской государственности В.В. Путин охарактеризовал в статье как исторический, подразумевая, что он сложился как опыт истории. Методологически это означало и рассмотрение его как оси отечественного исторического процесса¹⁰.

Понятие государства-цивилизации вошло далее в Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2012 г., что придавало ему ввиду стратегического статуса Послания системообразующий характер. Государство-цивилизация противопоставлялось государству-нации, что подразумевало различие исторических траекторий, приведших к формированию данных типов государственности¹¹.

Наиболее развернутое изложение цивилизационного подхода было дано В.В. Путиным в выступлении на Валдайском форуме в октябре 2023 г. Цивилизационный подход в президентской интерпретации был противопоставлен универсалистскому, обозначенному как колониальный и по сути – расистский. Президент подчеркивал, что цивилизации не могут быть «высшими» и «низшими», и что навязывание моделей развития, равно как любая унификация, противоречит самой природе цивилизационного многообразия¹².

В.В. Путин выделил отличительные признаки цивилизаций – их уникальность, внутреннюю сложность и самодостаточность. На Валдайском форуме, который проходил с 29 сентября по 2 октября 2025 г., он представил уже фактически кристаллизованный мировоззренческий концепт, в котором цивилизационный подход соеди-

⁹ Данилевский Н.Я. *Россия и Европа*. СПб., 1995; Шпенглер О. *Закат Европы*. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993; Тойнби А.Дж. *Цивилизация перед судом истории*: Сборник. М., 2002; Панарин А.С. *Православная цивилизация*. М., 2002; *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999; *Сергеева О.А.* Теоретические модели цивилизационной концепции: дис. ... док. фил. наук. М., 2002. EDN: QDSHDH

¹⁰ Путин В.В. *Россия: национальный вопрос*. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 06.09.2025).

¹¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 06.09.2025).

¹² Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 5 октября 2023 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 06.09.2025).

нялся с идеей суверенитета, системой традиционных ценностей и геополитическим измерением.

В своем выступлении Президент полемизировал с автором концепции «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтоном, акцентируя внимание на недетерминированности конфликтных сценариев и возможности диалога между цивилизациями. В числе факторных основ цивилизационного генезиса им были названы история, культура, религия, этические нормы и география – как источники формирования ценностных установок, традиций и цивилизационного самосознания.

Совокупность высказываний В.В. Путина позволяет заключить, что к настоящему времени на высшем государственном уровне сформировано целостное мировоззренческое видение – концепция России как государства-цивилизации, выступающая методологической основой ее исторической репрезентации. Вопрос сегодня заключается в том, каким образом это видение будет транслировано в реальную практику исторического образования и в процесс осмысления национальной истории¹³.

Понятие «цивилизация» вошло в нормативно-правовые акты высокого государственного уровня. Первым в этой череде документов стали утвержденные Президентом РФ в декабре 2014 г. «Основы государственной культурной политики». В них ставилась задача сохранения цивилизационной самобытности страны и межпоколенная трансляция ценностей, норм, традиций, образцов поведения Российской цивилизации¹⁴.

Определение России как государства-цивилизации впервые на доктринальном уровне было закреплено в 2023 г. в Концепции внешней политики Российской Федерации. Представление этого концепта в ракурсе внешней политики раскрывалось в трех аспектах – отстаивание российской цивилизационной самобытности, вариативности развития цивилизаций мира и права России в качестве одного из полюсов многополярного мира¹⁵.

Включение положения о государстве-цивилизации в «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» уже прямо указывало на цивилизационный методологический подход, с позиций которого предполагалось выстраивание нарративов истории в сферах образования и просвещения¹⁶.

По поручению Президента РФ был разработан и с сентября 2023 г. введен в реализацию курс «Основы российской государственности» как первая дисциплина с целевой задачей формирования мировоззрения российской студенческой молодежи. Методологической основой курса стал цивилизационный подход. Из пяти тематических блоков два были непосредственно связаны с раскрытием цивилизационной теорией: второй – «Российское государство-цивилизация» и третий – «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации». Вышло несколько учебников

¹³ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 2 октября 2025 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78134> (дата обращения: 06.09.2025).

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 06.09.2025).

«Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 06.09.2025).

¹⁵ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 06.09.2025).

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 06.09.2025).

разных авторских групп на общей методологической платформе, но с разной акцентировкой для различных направлений подготовки¹⁷.

Однако в ходе внедрения курса выявилась проблема рассогласования его методологических установок с содержанием преподавания других обществоведческих и гуманитарных дисциплин, прежде всего истории. Противоречие обнаружилось в том, что историческое образование продолжает в значительной степени опираться на логику теории модернизации, тогда как курс «Основы российской государственности» выстроен в парадигме цивилизационного подхода и ценностно-антропологической преемственности.

Разрешением возникших противоречий стала начавшаяся ревизия методологических основ обществоведческих и гуманитарных дисциплин по приведению их к общему знаменателю, которым оказывались традиционные российские духовно-нравственные ценности и цивилизационный подход. Процесс этот к настоящему времени находится еще в начальной фазе, что обуславливает указание соответствующих ориентиров проводимого системного пересмотра.

Методологические критерии цивилизационного подхода в преподавании истории

При разработке новых версий учебников истории — как школьных, так и вузовских — выявляется трудность перехода от логики эволюционизма к методологии цивилизационного подхода. Важно обозначить особенности представления исторического материала через призму цивилизационного подхода.

Во-первых, цивилизационный подход акцентирован не на исторической изменчивости, а на константах. В соответствии с ним история понимается как процесс ценностно-цивилизационного воспроизводства. В этом отношении Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз и современная Россия представляют собой формы преемственного и воспроизводимого государства-цивилизации.

Во-вторых, цивилизационный подход делает акцент на специфичности исторического пути каждой общности. В этом контексте ценностные основания и система жизнеустройства России рассматриваются как цивилизационно самобытные и не подлежащие описанию через призму иноцивилизационного опыта. Экстраполяция институций и рецептур иных цивилизаций (в российском случае — Западной) способна привести лишь к системному кризису. Запрет цивилизационных экстраполяций был сформулирован, в частности, в третьем законе Н.Я. Данилевского («Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»)¹⁸. Это, однако, не означает отказа от заимствования технологий — до тех пор, пока они не вступают в противоречие с ценностными константами собственной цивилизации.

¹⁷ *Евгеньева Т. В., Кузнецов И. И., Перевезенцев С. В., Селезнева А. В., Сорокопудова О. Е., Страхов А. Б., Боронин А. Р.* Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Под ред. С. В. Перевезенцева. М., 2023. EDN: XHTODY; *Харичев А. Д., Полосин А. В., Селезнева А. В.* Основы российской государственности. М., 2024. EDN: GFMZVQ; *Шевырёв А. П., Латин В. В., Рогачёв С. В., Тютюрский А. В., Уваров П. Ю., Ларионов А. А. (иеромонах Родион), Еремин В. С., Пивоваров Н. Ю., Ефремов О. А., Маковецкий Е. А., Овчинникова Е. А., Андреев Д. А., Булатов В. В., Чагадаева О. А.* Основы российской государственности: учебное пособие для студентов естественно-научных и инженерно-технических специальностей / рук. проекта А. А. Ларионов (иеромонах Родион), науч. ред. П. Ю. Уваров. М., 2023.

¹⁸ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1995. С. 77.

В-третьих, государства-цивилизации опираются на цивилизационные ценности, которые выступают для данного сообщества ценностями традиционными. Традиционными являются те ценности, которые обеспечивают жизнеспособность цивилизации. Антиценности, напротив, — это ориентиры, понижающие жизнеспособность вплоть до ее утраты и ведущие к цивилизационной смерти. Суверенитет государства-цивилизации произведен от цивилизационных ценностей. В свою очередь, государство-цивилизация защищает эти ценности, обеспечивая историческое воспроизводство соответствующей цивилизации. Связь существования цивилизаций с государственным суверенитетом раскрывается вторым законом Н. Я. Данилевского («Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью»)¹⁹.

В-четвертых, цивилизации самодостаточны и способны существовать в качестве самостоятельных социальных систем. В этом аспекте цивилизационный подход может быть сочтателен с концепцией мир-систем, равно как и с теорией геополитики. Россия как самодостаточная цивилизация представляет собой «мир миров» и не испытывает потребности в интеграции в иные мир-системы.

В-пятых, история государства-цивилизации не может быть описана в логике правого и левого политического спектра. Цивилизации не бывают ни «левыми», ни «правыми». Рассмотрение истории с позиций идеологического деления приводит к разрушительным последствиям, поскольку воспроизводит синдром гражданского размежевания как модели исторического сознания. Цивилизационный подход, напротив, акцентирует внимание на соответствии или несоответствии деятельности исторических акторов природе и ценностной структуре данной цивилизации.

Российская история в оптике теории цивилизаций

Рассмотрим далее, какие изменения должны быть внесены в курс отечественной истории в связи с переходом на позиции цивилизационного подхода и рассмотрением России как государства-цивилизации.

Государствогенез России

Государствогенез России в логике представляемого подхода должен рассматриваться одновременно как процесс цивилизационногенеза, который подразумевает отделение и самоопределение формирующейся цивилизационной общности по отношению к иным цивилизациям. В истории российской цивилизации можно выделить три ключевых акта такого сепарирования: от Запада – западно-христианской цивилизации, позднее от Европы; от Византии – старой восточно-христианской цивилизации; и от цивилизации Великой Степи – монголо-евразийской мир-системы²⁰.

С цивилизационным подходом несовместима теория норманнского завоевания. Государственность, согласно логике цивилизационного подхода, формируется на основе внутреннего цивилизационно-идентичного фундамента, а не посредством внешнего заимствования или насильственного переноса политических форм. Позиция об учреждении государства на Руси норманнами противоречит методологическим основаниям цивилизационного анализа и коррелирует с западнцентричной интерпретационной матрицей, сводящей исторический процесс к внешнему импульсу, исходящему с Запада.

¹⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 77.

²⁰ Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 2003. С. 26–31, 41–43, 86–87, 114–119, 122–123, 275–280.

Цивилизации, по мысли П.А. Сорокина, начинаются с выработки логико-мировоззренческой целостности²¹. Таким мировоззренческим основанием российской цивилизации стало православие. Православное христианство в этом отношении выступает цивилизационнообразующей религией для российской цивилизации, обеспечивая ее смысловую, культурную и духовную непрерывность.

Важно исходно обозначить различия цивилизационных феноменов Государства и State. Перевод этих понятий как эквивалентных не отражает, как это часто бывает, их цивилизационной специфики. Перенос характеристик State на российский исторический процесс приводит к существенным методологическим и смысловым деформациям. Одним из следствий такого переноса становится противопоставление государства и общества как двух автономных и конкурирующих институций.

В российской традиции государство осмыслялось иначе – не как политико-административная структура, а как социальная оболочка, воплощающая всеобщность и органическое единство народа. В этом понимании общество и государство не противопоставлялись, а представляли собой разные формы одной и той же цивилизационной целостности. Их разделение рассматривалось как симптом кризиса, ведущего к разрушению органической связи между властью и народом.

С этой позиции авторитетное высказывание В.О. Ключевского – «Государство пухло, а народ хирел» – требует определенной коррекции²². Как показал сам Ключевский, в российской истории все сословия несли государственное тягло, что свидетельствует о глубокой вовлеченности общества в систему государственного служения. Этика служения государству выступала универсальным, всеобщим императивом. Поэтому кризис государства в России никогда не означал освобождения общества от давления власти, как это нередко происходило в Европе, а, напротив, оборачивался гуманитарной катастрофой, затрагивавшей все общественное тело цивилизации.

Периодизация российской истории: константы и псевдоморфозы

Для цивилизационного подхода схематика линейного прогресса (также, как и регресса) неприемлема. Более адекватной ему представляется логика исторических циклов, однако и она не в полной мере отражает специфику цивилизационного развития. Цивилизационный подход акцентирует внимание не на смене стадий, а на механизмах воспроизводства цивилизации. Исторически изменяются формы и политический язык, но ценностные основания государства-цивилизации сохраняются и воспроизводятся в новых контекстах.

По О. Шпенглеру, в истории нередко проявляется феномен исторического псевдоморфоза — ситуации, когда под новыми внешними формами и терминами продолжают существовать прежние культурно-исторические сущности. Примером такого псевдоморфоза в российской истории явился переход к петровской, а позднее – к советской модели государственности. В обоих случаях изменялись идеологические и институциональные формы, но сохранялось цивилизационное ядро, обеспечивавшее преемственность российской государственности²³.

Показать, что Советский Союз представлял собой эманацию российского государства-цивилизации на стадии модерна, является одной из ключевых методологиче-

²¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006. С. 40–42, 50–51. EDN: YRRQTI

²² Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция XLI. URL: <https://www.istorya.ru/book/kluhev/kllec41.php> (дата обращения: 06.09.2025).

²³ Леонов И.В. Псевдоморфоз как форма межкультурного взаимодействия: по мотивам «Заката Европы» О. Шпенглера // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 47. С. 71–73. <https://doi.org/10.17223/22220836/47/6> EDN: YUHHIK

ских задач при изучении советского периода отечественной истории. В этом смысле цивилизационный подход позволяет преодолеть дихотомию «разрыва» между имперским и советским этапами, рассматривая их как различные формы проявления одного и того же цивилизационного типа²⁴.

Соответственно, периодизация истории России в логике цивилизационного подхода определяется не по политическим, а по цивилизационным рубежам – моментам смены исторических псевдоморфоз. Каждому такому переходу предшествовал цивилизационный кризис, функционально эквивалентный понятию «Смута» – периоду дезинтеграции и последующего обновления ценностно-государственного основания российской цивилизации.

Движущие силы истории: вызов-ответ

Движущим фактором цивилизационной динамики являются, согласно с подходом А. Дж. Тойнби, вызовы. Вызовы изменяют условия цивилизационного бытия и создают угрозы для самого существования цивилизаций. Основным историческим вызовом для Российской цивилизации оказывалась, по признанию самого Тойнби, агрессия со стороны Запада²⁵.

История России демонстрирует устойчивое действие системы «вызов – ответ», в рамках которой внешние угрозы становились источником внутренней мобилизации и цивилизационного расширения. Так, на двойную литовскую и татарскую угрозы ответом стало формирование русского централизованного государства. Ливонская война стимулировала установление Иваном Грозным опричной модели государственной мобилизации. Польско-шведская интервенция вызвала ответ пересборки Московского царства под властью Романовых.

Северная война со Швецией явилась импульсом петровской модернизации России. Наполеоновские войны и непосредственно Отечественная война 1812 г. обусловили последующую идеологическую инверсию периода правления Николая I. Ответом на интервенцию Антанты и блокаду Советской России стало создание автаркийной системы советской экономики и мобилизационной политической модели, функционировавшей в режиме чрезвычайщины. Угроза Второй мировой войны стала толчком форсированной индустриализации в СССР и идеологической инверсии предвоенных лет. Угроза Третьей мировой войны и американского ядерного удара по СССР привела к советскому ядерному и космическому прорыву, позволившему СССР достичь положения «сверхдержавы». Каждая из этих ситуаций представляет собой пример исторического прорыва России, демонстрирующий действие механизма цивилизационного ответа на внешние вызовы²⁶.

Специальная военная операция и гибридная война со стороны коллективного Запада также с очевидностью подтолкнули процесс современной мобилизационной сборки российского общества. Обращение к традиционным российским духовно-нравственным ценностям явилось одним из результатов современного ответа России.

Идеология

Ключевыми факторами цивилизационногенеза и государствогенеза, согласно с теорией цивилизаций, выступают природно-хозяйственный, военный, этнокультурный, языковой и ценностно-мировоззренческий факторы. Ценностно-мировоззрен-

²⁴ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2008. С. 327–359. EDN: QPJTОВ

²⁵ Уколова В.И., Шкаренков П.П. Россия и Запад: Горизонт вызовов, ответов и угроз в концепции А.Дж. Тойнби // Новый исторический вестник. 2020. № 65. С. 56–78. EDN: GDLYVK

²⁶ Рамазанлы Г.Д. Концепция «Вызова-и-Ответа» А. Тойнби в истории России // KANT. 2024. № 1. С. 183–187. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2024-50.33> EDN: MZQSGE

ческий фактор формирует цивилизационный логос. Соответственно, в цивилизационных версиях истории России особое значение должно быть уделено идеологии российского государства. В этой логике именно с идеологии следует начинать рассмотрение соответствующих исторических периодов²⁷.

На основании цивилизационно-ценностных констант формировался комплекс идей, которые воплощались в государствовоительство и развертку общественных процессов²⁸. Наличие ценностно-мировоззренческого компонента обуславливает необходимость двойного рассмотрения каждого исторического периода – с позиции реального и с позиции общественных идеалов.

Привнесение идеальной составляющей позволит, в частности, пересмотреть сохраняемые в отдельных периодах установки гипертрофированной критичности. Изучение одновременно России реальной и России идеальной дает возможность объяснить мотивации российского государства и общества, исходя из выдвигаемых ими идеалов, общественной мечты.

Цивилизационные войны

Межгосударственные конфликты могут, сообразно с теорией цивилизаций, иметь характер цивилизационной войны. Различаются внутрицивилизационные и межцивилизационные войны, которые нередко оказываются сочетаемыми в рамках одного и того же конфликта. Цивилизационные войны ведутся не столько за ресурсы, сколько в противоборстве ценностей. На кону войн цивилизаций стоят цивилизационные идентичности, а нередко – само цивилизационное существование.

Цивилизационный подход при этом не означает предопределенности к войне, как утверждал С. Хантингтон²⁹. Цивилизации способны сосуществовать в режиме диалога и взаимодействия. К войнам приводит стремление одной цивилизации установить доминирование над другими, а также претензии на универсализацию собственных ценностей и моделей развития. Исторически Россия выступала против подобных попыток, выполняя роль ключевого актора сдерживания мировых агрессоров и тем самым обеспечивая сохранение цивилизационного многообразия человечества.

Характер цивилизационных войн имели многие конфликты России со странами Запада. В истории отношений России с Западом насчитывается двадцать девять масштабных войн, ставших осью исторического нарратива. Специальную военную операцию можно рассматривать как тридцатый по счету конфликт такого рода.

С позиций войны цивилизаций целесообразно рассмотреть Ливонскую войну, борьбу с польско-шведской интервенцией в начале XVII в., Отечественную войну 1812 года, Крымскую войну, интервенцию Антанты, Великую Отечественную войну, Холодную войну и гибридную войну периода СВО. Великая Отечественная война имела характер цивилизационной, что не исключает наличия компонента внутрицивилизационного конфликта в рамках западной цивилизации.

Советскому Союзу противостояла фактически единая континентальная Европа. Военные действия на востоке, в отличие от западного фронта, были объявлены противником войной на уничтожение. Целевая установка врага состояла в ликвидации Российской цивилизации как таковой. Практика нацистской войны на уничтоже-

²⁷ Русские коды / Под ред. Виталия Аверьянова. М., 2022. С. 5–7, 8–9, 370–371.

²⁸ *Уортман Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. М., 2004. Т. 1: от Петра великого до смерти Николая I. С. 17–28; Т. 2: от Александра II до отречения Николая II. С. 17–34.

²⁹ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 27, 117–118, 193–194, 281, 323–325, 407–409, 412–413. EDN: TUPBEP

ние на востоке предлагается в этом отношении определять понятием «геноцида цивилизационного»³⁰.

С первых же дней войны она была воспринята Народом как священная. Советский народ в этой войне боролся за своё существование и за свои ценности. В этом контексте оценка Президента России о том, что Победа была достигнута при опоре на традиционные российские духовно-нравственные ценности несмотря на то, что в период Великой Отечественной войны само понятие в таком виде не употреблялось, является в полной мере исторически обоснованной.

Государственные реформы

Переход на позиции цивилизационного подхода предполагает пересмотр оценок и освещения государственных реформ. В историческом и общественном сознании сложился стереотип позитивной интерпретации большинства реформационных инициатив. Само понятие «реформа» приобрело устойчиво положительные коннотации несмотря на то, что цели реформирования нередко оказывались ошибочными, а результаты – катастрофическими³¹.

Во многих случаях реформы в истории России носили подражательный характер, отражая стремление части элит к заимствованию западных моделей жизнеустройства. В логике цивилизационного подхода подобные реформы не могли завершиться иначе как провалом, порождая глубокие кризисные последствия.

В этом контексте требует пересмотра вся рецептура европеизации и вестернизации, характерная для различных исторических эпох. Одновременно возникает необходимость в переоценке того, что традиционно определялось как контрреформы. Во многих случаях именно контрреформы выражали логику цивилизационного самосохранения и естественного отторжения внешних экстраполяций, противоречивших ценностным основаниям российской цивилизации.

Цивилизационные кризисы: феномен «Смут»

Цивилизационные кризисы в истории объясняются, с позиции цивилизационной теории, результатом отступления государства и общества от традиционных для них ценностей и идентификационных констант. В русском эквиваленте цивилизационные кризисы получили наименование «Смуты»³². «Смутное время» начала XVII в. можно считать одной, но не единственной из русских смут. Цивилизационные кризисы могут быть описаны общей схемой, включающей девять этапов.

I. Начальная стадия характеризуется состоянием мобилизованного общества, объединенного идеей. Функционирует идеократическая модель, в рамках которой идея выступает высшим организующим началом. Общество действует как единое целое, сосредоточенное на реализации ценностных целей.

II. На этом этапе идеократия постепенно утрачивает духовное содержание. Начинается процесс объективации и бюрократизации, при котором смысловые и цен-

³⁰ Багдасарян В.Э. Великая Отечественная война как война цивилизационная: научно-методические рекомендации для новых учебников истории // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: история и политические науки. 2025. № 2. С. 7–25. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2025-2-7-25> EDN: ZGNEAH

³¹ Сараева Е.Л. Содержание и формы европеизации России в XVIII – первой половине XIX вв. В контексте западнического учения // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2006. № 6. С. 143–147. EDN: XSVTET

³² Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. EDN: PYHOZ; Марченя П. П., Разин С.Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к ...? // Россия и современный мир. 2010. № 4. С. 48–65. EDN: NCLCXN

ностные ориентиры заменяются формальными процедурами. Происходит ослабление общественной энергетики и снижение мобилизационного потенциала.

III. Институты теряют способность эффективно выполнять свои функции. Общество входит в фазу застоя, пробуксовки, нарастают признаки управленческой и идейной инерции. Происходит нарастание внутренней утомленности системы.

IV. Осознание кризиса порождает стремление к обновлению. Возникает идея общественного обновления, которая реализуется через обращение к внешним образцам. Начинается рецептура заимствований – поиск решения во внешнем опыте, в иных цивилизационных моделях.

V. В систему вводятся элементы, заимствованные из чуждого цивилизационного контекста. Они создают эффект новизны, который воспринимается как прогрессивное движение. Однако этот эффект кратковременен, поскольку внедренные компоненты вступают в противоречие с внутренними основами цивилизации.

VI. На данном этапе внешние силы и космополитически ориентированная часть элиты активно поддерживают реформы. Возникает раскол идентичности: элита начинает ориентироваться на внешние ценности, тогда как народ сохраняет приверженность собственным цивилизационным основаниям. Формируется внутреннее напряжение между властью и обществом.

VII. Привнесенные иноцивилизационные элементы начинают разрушать внутренний общественный и ценностный фундамент. Возникает системный кризис, выражающийся в потере управляемости, идейного единства и духовной целостности. Наступает Смута — фаза распада и цивилизационного обесмысления.

VIII. В ответ на разрушение идентичности активизируются силы цивилизационного отторжения. Возникает борьба между патриотическими и космополитическими слоями, направленная на очищение общества от чуждых влияний и восстановление традиционных основ.

IX. Заключительная стадия связана с возрождением цивилизационной целостности. Восстанавливаются идентичные смыслы, возобновляется идеократическая мобилизация. Общество возвращается к своим ценностным основаниям, и цивилизация вступает в новый виток исторического цикла.

Цивилизационное единство и этническое многообразие

Учитывая принципиальные отличия государства-цивилизации от государства-нации, выражающиеся в существовании двух уровней идентичности — этнической и цивилизационной, требуется соответствующая коррекция исторического нарратива. История России должна представляться как история единой цивилизационной общности, включающей многообразие народов, объединенных вокруг русского цивилизационнообразующего ядра³³.

Необходимо сместить акценты в сторону показа общности культурных кодов народов России, близости представлений о добре и зле, единства в решении исторических задач и совместной борьбы с внешними угрозами. Такой цивилизационный нарратив должен определять не только общегосударственное, но и региональное представление истории. Недопустимо подменять историю регионов этническими историями отдельных народов, что приводит к дезинтеграции исторического пространства.

³³ Спиридонова В.И. «Цивилизационное государство» versus «национальное государство» как отражение кризиса неолиберального порядка // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 27. С. 103, 106. <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.2.7> EDN: URRAUZ

Одновременно важно показать вклад каждого этноса в российское государство-строительство и в цивилизационные победы России, формируя целостное восприятие исторического процесса как совместного творения народов одной цивилизации.

Российская государственность в ее евразийском масштабе должна рассматриваться не как результат военных завоеваний, а как естественное объединение исторического пространства, обусловленное задачами хозяйственного освоения территорий, обеспечения экономической связности, культурно-просветительской миссией и необходимостью защиты от внешних врагов. Такой подход позволяет восстановить целостное восприятие России как исторического государства-цивилизации, развивавшегося по собственной логике и на собственных ценностных основаниях.

Заключение

Переход к цивилизационному подходу и к рассмотрению России как государства-цивилизации в преподавании отечественной истории требует не точечных коррекций, а принципиальной смены методологической парадигмы исторического образования. Это не означает отказа от использования иных исследовательских и интерпретационных моделей – экономических, формационных, культурологических, политико-институциональных. Однако их применение должно быть подчинено целостной цивилизационной рамке, которая задает общий смысловой контур исторического анализа.

Одновременно этот переход не предполагает механического совмещения различных методологий. Попытка эклектического сочетания цивилизационного, модернизационного, либерально-прогрессистского или марксистского подходов приводит к логическим противоречиям и утрате целостности исторического мышления. Каждая методология опирается на собственную систему категорий, ценностей и представлений о целях исторического процесса, и их смешение делает интерпретацию внутренне несогласованной.

Поэтому последовательность в применении цивилизационного подхода является необходимым условием научной состоятельности учебного курса. Требуется, соответственно, дать ответ, что означает его применение в каждой исторической теме и для каждого исторического периода. Следует показать, каким образом рассматриваемые события, процессы и личности соотносятся с ценностно-цивилизационными константами, как они способствовали либо, напротив, препятствовали воспроизводству цивилизационного ядра России.

Перечислим далее предполагаемые ревизии, вытекающие из методологического перехода к цивилизационному подходу и к представлению России как государства-цивилизации.

Во-первых, требуется закрепить в учебных курсах представление об истории России как о непрерывном процессе ценностно-цивилизационного воспроизводства, где все исторические формы – от Древней Руси до современности — отражают единую линию развития государства-цивилизации.

Во-вторых, требуется отразить самобытность и специфичность исторического развития России, несводимость ее цивилизационного опыта к внешним схемам.

В-третьих, необходимо раскрывать в курсе истории взаимосвязь традиционных ценностей и потенциалов жизнеспособности Российской цивилизации.

В-четвертых, формировать через изучение истории представления о России как самодостаточной цивилизации – особом «мире миров», открытой к диалогу, но не нуждающейся в подчинении внешним мировым системам.

В-пятых, отказаться от освещения отечественной истории через борьбу в пространстве лево-правого спектра, оценивая исторические явления и деятелей не по категориям «правых» и «левых», а по степени их соответствия ценностной природе российской цивилизации.

В-шестых, требуется показать государствогенез России как процесс цивилизационногенеза, предполагающего цивилизационное сепарирование — отделение и самоопределение по отношению к иным цивилизациям, фиксируя при этом цивилизационноидентичное религиозное ядро, в качестве которого выступало православие.

В-седьмых, необходимо выстроить новую периодизацию отечественной истории по историческим псевдоморфозам, отражающим этапы воспроизводства и обновления форм репрезентации российской цивилизации.

В-восьмых, пересмотреть изложение отечественной истории в логике системы «вызов – ответ», показывая, как внешние угрозы становились источником внутренней мобилизации и исторических прорывов России, а ключевым вызовом на протяжении веков выступала агрессия со стороны Запада.

В-девятых, необходимо сместить акценты на значение ценностно-мировоззренческого фактора в развитии России, уделяя приоритетное внимание идеологии государства в соответствующие периоды, отражая наряду с реальным состоянием общества, его идеалы.

В-десятых, следует включить в освещение военной истории категорию цивилизационных войн, показывая, что наиболее значимые конфликты России имели характер противоборства ценностей и представляли собой борьбу за сохранение самой российской цивилизации перед лицом внешней экспансии.

В-одиннадцатых, требуется пересмотреть оценку государственных реформ, рассматривая их не как безусловное проявление прогресса, а через призму их соответствия цивилизационным ценностям, преодолеть позицию априорной положительной оценки курса европеизации / вестернизации.

В-двенадцатых, следует переосмыслить российские исторические кризисы как результат разрыва с цивилизационными ценностями, заимствованием иноцивилизационных элементов.

В-тринадцатых, необходимо усиление акцентов на представлении многонационального единства этносов в качестве единой российской цивилизационной общности, объединенной вокруг цивилизационнообразующего русского народа.

Поступила в редакцию / Submitted: 5.11.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 4.12.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.12.2025

References

- Arsenyev, N.M., Danilov, A.A., and Kurukin, I.V. *Istoriia Rossii. 8 klass. Uchebnik. V 2-kh chastyakh. Chast' I* [History of Russia. Grade 8. Textbook. In 2 parts. Part 1]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2021 (in Russian).
- Apanovich, A.I. “Vzglyad na SSSR cherez prizmu tsivilizatsionnogo podkhoda [A look at the USSR through the prism of a civilizational approach].” In *K 100-letiiu obrazovaniia SSSR: uroki istorii: materialy kruglogo stola kafedry politologii iuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*, 13–17. Minsk: BGU Publ., 2023 (in Russian).
- Baghdasaryan, V.E. “The Great Patriotic War as a Civilizational War: Scientific and Methodological Recommendations for New History Textbooks.” *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*, no. 2 (2025): 7–25 (in Russian), <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2025-2-7-25>

- Buldakov, V.P. *Krasnaia smuta. Priroda i posledstviia revolyutsionnogo nasiliia* [The Red Troubles. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1997 (in Russian).
- Danilevsky, N.Ya. *Rossii i Evropa* [Russia and Europe]. St. Petersburg: Glagol' Publ., 1995 (in Russian).
- Dugin, A.G. “Westernology: towards a sovereign Russian science.” *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*, no. 3 (2024): 7–21 (in Russian), <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2024-3-7-21>
- Eisenstadt, Sh. *Revolutsiia i preobrazovanie obshchestv: Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii* [Revolution and Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 1999 (in Russian).
- Evgenyeva, T.V., Kuznetsov, I.I., Perevezentsev, S.V., Selezneva, A.V., Sorokopudova, O.E., Strakhov, A.B., and Boronin A.R. *Osnovy rossiiskoi gosudarstvennosti: uchebnoe posobie dlya studentov, izuchaiushchikh sotsiologicheskiiye nauki* [Fundamentals of Russian statehood: a textbook for students studying social and humanitarian sciences]. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS Publ., 2023 (in Russian).
- Feofanov, K.A. “The Concept of “Civilization State” as a Direction in the Development of Civilizational Theory.” *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 17 (2024): 122–135 (in Russian), <https://doi.org/10.31249/kg/2024.04.08>
- Gorinov, M.M., Danilov, A.A., and Semenenko, I.S. *Istoriia Rossii. 10 klass. Uchebnik. Bazovyi i uglublennyyi urovni. V 3-kh chastyakh. Chast' 2* [History of Russia. 10th grade. Textbook. Basic and advanced levels. In 3 parts. Part 2]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2021 (in Russian).
- Gumilev, L.N. *Ot Rusi do Rossii* [From Rus to Russia]. Moscow: AST Publ.; Astrel'. Ermak Publ., 2003 (in Russian).
- Istoriia Rossii. Uchebnik dlya neistoricheskikh spetsial'nostei i napravlenii podgotovki* [History of Russia. A textbook for non-historical majors and programs of study]. Moscow: Nauka Publ., 2024 (in Russian).
- Kara-Murza, S.G. *Sovetskaia tsivilizatsiia* [Soviet civilization]. Moscow: Algoritm Publ., 2008 (in Russian).
- Khantington, S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST Publ., 2003 (in Russian).
- Kharichev, A.D., Polosin, A.V., and Selezneva, A.V. *Osnovy rossiiskoi gosudarstvennosti* [Foundations of Russian Statehood]. Moscow: Izdatel'skii dom “Delo” RANKhiGS Publ., 2024 (in Russian).
- Kovalev, E.Yu. “The influence of the civilizational approach to history on the formation of the national identity of society in the process of globalization.” *MCU Journal of Philosophical Science*, no. 1 (2022): 108–121 (in Russian), <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.10>
- Kovalev, V.V. “Baptism of Russia in 988 and its significance for formation of features of the Russian civilization.” *Caucasian Science Bridge* 3, no. 4 (2020): 24–30 (in Russian).
- Leonov, I.V. “Pseudomorphosis as a form of intercultural interaction: based on “The decline of the West” by O. Spengler.” *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, no. 47 (2022): 69–82 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/22220836/47/6>
- Marchenya, P.P., and Razin, S.Yu. “‘The Study of Troubled Times’ as a ‘Gordian Knot’ of the Russian Studies: From Empire to Strife, from Strife to..?’” *Russia and the Contemporary World*, no. 4 (2010): 48–65 (in Russian).
- Orlov, A.S., Georgiev, V.A., Georgieva, N.G., and Sivokhina, T.A. *Istoriia Rossii. Uchebnik* [History of Russia. Textbook]. Moscow: Prospekt Publ., 2025 (in Russian).
- Panarin, A.S. *Pravoslavnaia tsivilizatsiia* [Orthodox Civilization]. Moscow: Algoritm Publ., 2002 (in Russian).
- Perevezentsev, S.V. *Russkie smysly: Dukhovno-politicheskie ucheniia Rossii X–XVII vv. v ikh istoricheskoi razvitiu* [Russian Meanings: Spiritual and Political Teachings of Russia in the 10th–17th Centuries in Their Historical Development]. Moscow: Kvadriga Publ., 2023 (in Russian).
- Ramazanly, G.D. “The concept of “Challenge-and-Response” by A. Toynbee in the history of Russia.” *KANT*, no. 1 (2024): 183–187 (in Russian), <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2024-50.33>
- Russkie kody* [Russian Codes]. Moscow: Nashe zavtra Publ., 2022 (in Russian).
- Saraeva, E.L. “The content and forms of Europeanization of Russia in the 18th – first half of the 19th centuries. In the context of Westernizing doctrine.” *Vestnik of Kostroma State University*, no. 6 (2006): 143–147 (in Russian).

- Sakharov, A.N., Zagladin, N.V., and Petrov, Yu.A. *Istoriia. Konets XIX – nachalo XXI v. 10–11 klassy. Chast' 2. Uchebnik. Bazovyi i uglublennyyi urovni* [History. Late 19th – Early 21st Century. Grades 10–11. Part 2. Textbook. Basic and Advanced Levels]. Moscow: Russkoe slovo Publ., 2022 (in Russian).
- Sakharov, A.N., Shestakov, V.A., and Bokhanov, A.N. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Uchebnik* [History of Russia from Ancient Times to the Present Day. Textbook]. Moscow: Prospekt Publ., 2025 (in Russian).
- Sergeeva, O.A. “Theoretical models of the civilization concept.” Doc. diss., Moscow State University, 2002 (in Russian).
- Shevyrov, A.P., Lapin, V.V., Rogachov, S.V., Tutorskiy, A.V., Uvarov, P.YU., Larionov, A.A. (ieromonakh Rodion), Eremin, V.S., Pivovarov, N.Yu., Efremov, O.A., Makovetskiy, Ye.A., Ovchinnikova, Ye.A., Andreyev, D.A., Bulatov, V.V., and Chagadayeva, O.A. *Osnovy rossiikoï gosudarstvennosti: uchebnoe posobie dlya studentov estestvenno-nauchnykh i inzhenerno-tekhnicheskikh spetsial'nostei* [Fundamentals of Russian Statehood: A Textbook for Students of Natural Sciences and Engineering Specialties]. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS Publ., 2023 (in Russian).
- Shemyakina, O.D. “Civilizational approach to the history of Russia as a fact of historiography and a method of cognition.” PhD diss., RUDN University, 2011 (in Russian).
- Shishigin, A.V. “Civilizational approach as a methodological basis for teaching the discipline ‘fundamentals of Russian statehood’.” *Humanitarian Studies. History and Philology*, no. 19 (2025): 40–48 (in Russian), <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-19-40-48>
- Shpengler, O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii* [The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History]. Moscow: Mysl' Publ., 1993 (in Russian).
- Sorokin, P.A. *Sotsial'naia i kul'turnaia dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moscow: Astrel' Publ., 2006 (in Russian).
- Spiridonova, V.I. “‘Civilizational State’ versus ‘Nation-State’ as a Reflection of the Crisis of the Neoliberal Order.” *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 27 (2022): 102–114 (in Russian). <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.2.7>
- Toynbee, A.J. *Tsivilizatsiia pered sudom istorii: Sbornik* [Civilization before the Court of History: Collection]. Moscow: Rol'f Publ., 2002 (in Russian).
- Ukolova, V.I., and Shkarenkov, P.P. “Russia and the West: a horizon of challenges, responses, and threats in the conception of A.J. Toynbee.” *The New Historical Bulletin*, no. 65 (2020): 56–78 (in Russian).
- Uortman, R.S. *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii. Tom 1: ot Petra Velikogo do smerti Nikolaia I* [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy. Volume 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I]. Moscow: OGI Publ., 2004 (in Russian).
- Uortman, R.S. *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii. Tom 2: ot Aleksandra II do otrecheniia Nikolaia II* [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy. Volume 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II]. Moscow: OGI Publ., 2004 (in Russian).
- Zhukov, V.I. “Civilization: from Hypotheses, Legends and Epics to Legal Certainty.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 2 (2025): 249–263 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-2-249-263>

Информация об авторах / Information about the authors

Вардан Эрнестович Багдасарян, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, Государственный университет просвещения; Россия, 105005, Москва, ул. Радио, 10А; старший научный сотрудник Центра фундаментальных и прикладных научных проектов, Российский государственный гуманитарный университет; Россия, 125047, Москва, округ Тверской, пл. Миусская, д. 6, стр. 6. vardanb@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4895-5108>; SPIN-код: 5013-6853.

Vardan Ernestovich Bagdasaryan, Dr. Habil. Hist., Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education; 10A, Radio Str., Moscow, 105005, Russia; Senior Researcher of the Center for Fundamental and Applied Research Projects, Russian State University for the Humanities; 6, Bld. 6, Miusskaya Square, Tverskoy District, Moscow, 125047, Russia; vardanb@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4895-5108>; SPIN-code: 5013-6853.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-155-164>

EDN: XTHURK

Научная статья / Research article

Псковские летописи об истории русско-ордынских отношений

Юрий Васильевич Селезнев

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

✉ orda1359@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются Псковские летописные своды, составленные в XV столетии, в конце и после завершения периода ордынского ига, которые представляют собой не только отдельный пласт информации об истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений, но и особый взгляд и оценочные характеристики периода и событий того времени. Здесь представлен взгляд интеллектуалов, оценивающих события на территории, не подверженной завоевательному вторжению монголо-татар. Показано, что осмысление истории русско-ордынских отношений и эпизодов, связанных с ними, происходило в условиях относительной политической независимости, во всяком случае, от ордынских властей и степной политической доктрины. Автор приходит к выводу, что история Золотой Орды и русско-ордынских отношений представлена в серии достоверных свидетельств. Часть из них уникальна и требует дальнейшего исследования. При этом при учете иных данных сведения псковских летописей представляют собой важную дополнительную информацию по истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений. Немаловажен и пласт информации оценочного, историософского и религиозного характера, выявляемый при систематизации свидетельств об Орде и русско-ордынских отношениях. Источники, различающиеся по месту своего географического происхождения, отражали событийный ряд исходя из наличия информации об интересовавших их событиях.

Ключевые слова: Джучиев Улус, период раздробленности, Древняя Русь, русские княжества, книжность Древней Руси

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность: Автор выражает искреннюю благодарность А.А. Горскому, ценными советами которого он воспользовался при подготовке данной статьи.

Для цитирования: Селезнев Ю.В. Псковские летописи об истории русско-ордынских отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 155–164. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-155-164>

© Селезнев Ю.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Pskov Chronicles on the History of Russian-Horde Relations

Yuri V. Seleznev

Voronezh State University, Voronezh, Russia

✉orda1359@mail.ru

Abstract: The author examines the Pskov Chronicle collections, written in the 15th century, towards the end of and after the end of the yoke of the Golden Horde. These chronicles represent not only a separate layer of information on the history of the Golden Horde and Russian-Horde relations, but also a unique perspective and evaluative characteristics of the period and its events. The author presents the viewpoint of intellectuals assessing events in the territory not subject to the Mongol-Tatar invasion. It is shown that the understanding of the history of Russian-Horde relations and the events associated with them took place in Pskov in the context of relative political independence, at least from the Golden Horde authorities and their steppe political doctrine. The author concludes that the history of the Golden Horde and Russian-Horde relations in the Chronical is presented with reliable evidence, and that some of this evidence is unique and that it requires further research. Moreover, when taking into account other data, the information of the Pskov Chronicles provides important additional information on the history of the Golden Horde and Russian-Horde relations. Of specific importance is the layer of evaluative, historiographical, and religious information revealed it through systematizing evidence about the Horde and Russian-Horde relations. The sources differ in their geographical origin and reflect the sequence of events based on the availability of information about the events that inspire them.

Keywords: Jochi Ulus, period of fragmentation, Ancient Rus', Russian principalities, literature in Ancient Rus'

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgments: The author expresses his sincere gratitude to A.A. Gorsky, whose valuable advice he used in preparing this article.

For citation: Seleznev, Y.V. "Pskov Chronicles on the History of Russian-Horde Relations." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 155–164 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-155-164>

Введение

Актуальность. Любая летопись или летописный свод в момент своего окончательного редактирования представляет законченное целостное произведение, которое обладает своим идейным замыслом, композицией и подчиненным этому содержанием записей. Именно поэтому появление или отсутствие в летописных памятниках тех или иных известий не может быть случайным (за исключением нечастых случаев механического соединения разнородных текстов).

Степень изученности проблемы. А.Н. Насонов в издании 1941–1955 гг. выделил три Псковские летописи: Псковскую I (Тихановский, Архивский 1-й и другие списки), Псковскую II (Синодальный список) и Псковскую III (Строевский и Архивский 2-й списки)¹.

В исследовательской литературе время создания в Пскове летописного свода является дискуссионным. Тем не менее, составление такого свода относят ко времени около 1410–1411 гг.² и после 1418 г.³ Уже на базе этого свода при Троицком соборе

¹ Охотникова В.И. Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. Ч. 2: Л–Я. С. 27–30.

² Вовин А.А. К вопросу о времени создания общего протографа псковских летописей и его связи с новгородским летописанием // Новгородский исторический сборник. 2016. № 16. С. 161. EDN: VHMCZO

³ Введенский А.М. О нижней границе составления общего протографа Псковских летописей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 22. EDN: ZFPDND; Введенский А.М. О нижней границе создания общего протографа Псковских летописей // *Rossica Antiqua*. 2018. № 1–2. С. 26–47.

продолжилось ведение записей. Кроме того, данный свод положил начало другой псковской летописной традиции, связанной, вероятно, с монастырским летописанием. В XVI в. создаются своды 1547 и 1567 гг. Составитель последнего использовал в том числе и доступный ему список «посадничей» летописи XV в. Это объясняет близость Псковской II летописи (далее – ППЛ) и Псковской III летописи (далее – ППЛ)⁴.

Проблема рассмотрения псковского летописания на предмет выявления свидетельств о русско-ордынских отношениях в историографии не ставилась.

Цель исследования – выявление в псковском летописании блока свидетельств о Джучиевом Улусе (Орде) как самостоятельного массива источникового материала, который позволяет в дальнейшем при сравнении с иными данными получить дополнительную информацию. При этом в представленной работе задача компаративистского анализа не ставится.

Источниковая база. Псковские летописные памятники, объединенные единством происхождения, являются несколькими самостоятельными сводами XV–XVII столетий. Известия псковского летописания XIII–XIV вв. носят, прежде всего, местный деловой характер.

Вызывают интерес и события, которые не имеют прямого отношения к Пскову: удельные смуты, события в Литве и Новгороде⁵. На протяжении XIII–XV столетий находят отражение на страницах псковского летописания и известия о русско-ордынских отношениях. Причем нередко эти свидетельства носят довольно точный характер, выдавая осведомленного информатора⁶.

Сведения Псковского летописания об Орде и русско-ордынских отношениях

Всего в Псковском летописании выделяется 32 известия, касающихся русско-ордынских отношений и отношений России с постордынскими государствами в XIII–XVI столетиях. Из них 18 – в ППЛ в годовых записях за 6732, 6738, 6856, 6747 (2 события), 6746, 6749, 6835, 6845, 6847, 6869, 6886, 6890, 6934, 6939, 6940, 6954, 7049 гг. и еще два в отрывке из летописи типа Авраамки на лл. 2-8 Тихановской рукописи под [1371 (6879)] и 6883 г. – всего 19. В ППЛ – 9 в годовых записях за 6732, 6835, 6845, 6847, 6888, 6890, 6908, 6934, 6991 гг. и одно – во вводной части летописи – всего 10. В ППЛ – 19 в годовых записях за 6732, 6746, 6748, 6749, 6835, 6845, 6847, 6888, 6920, 6934, 6939, 6940, 6954, 6980, 7061 гг. (два известия), 7063 г. (два известия), 7073 г. и еще три в Окончание Архивского 3-го списка в годовых записях 7004, 7016, 7095 гг. – всего 22. Таким образом, учитывая совпадения в трех летописях (а таковых 21), в псковских сводах содержится 53 известия. К примеру, в Галицко-Волынской летописи выделяется 24 известия⁷. Большее количество известий, отложившихся в псковском летописании, может говорить о значительной актуальности для летописцев известий о русско-ордынских отношениях. Однако надо учитывать, что Галицко-Волынская летопись обрывается на 1298 г., а для XIII столетия в псковском

⁴ *Вовин А.А.* К вопросу о времени создания общего протографа псковских летописей и его связи с новгородским летописанием // Новгородский исторический сборник. 2016. № 16. С. 161. EDN: VHMCZO

⁵ *Охотникова В.И.* Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. Ч. 2: Л–Я. С. 27–30.

⁶ *Цыб С.В., Чичинов В.А.* Хронологические показания судакского Синаксария и датировка монгольского похода на южную Русь // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–2. С. 247. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)4.2-35](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.2-35) EDN: TIIHGL

⁷ *Селезнев Ю.В.* Галицко-Волынская летопись как источник по истории Джучиева улуса // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 123. EDN: WYXXVL

летописании фиксируется порядка 12 известий. Тем не менее, если рассматривать каждый свод как законченное произведение, то актуальность «ордынской» тематики для псковского книжника все-таки остается весьма высокой.

В начальных статьях ППЛ в нарушение хронологии летописания помещено «Житие Александра Невского», в тексте которого отмечается возвращение князя Александра Ярославича из Орды и его кончина в Городце⁸.

Во всех трех Псковских летописях отмечено первое военное столкновение русских дружин с монголо-татарами на Калке. Известие сопровождается анахронизмом – потерпевшие поражение русские полки названы суздальцами. Отнесено сражение к 31 мая 6732 (1224) г. Данная хронология связана с использованием в разных летописях – источниках псковского летописания – мартовского и ультрамартовского календарных стилей константинопольской эры⁹. При этом сам составитель текста посчитал необходимым привести относительные датировки в качестве пояснения хронологии: если в ППЛ лишь кратко отмечено поражение русских войск, то в Псковской I летописи (далее – ПЛ) и ППЛ отмечены ориентиры от событий – перенесение мощей Бориса и Глеба (2 мая 1115 г.) до взятия Киева войсками Рюрика Ростиславича (2 января 1203 г.) (87 лет); а от взятия Киева до битвы на Калке – 20 лет; до землетрясения 8 лет. Землетрясение наблюдали 1 мая 1230. При учете «включающего» счета и начала мартовского года получается, что с мая 1223 г. до мая 1230 г. надо отсчитывать 8 лет. В то же время с марта 1115 г. до марта 1203 г. прошло 87 лет. Таким образом, летописец относительными датировками показывал читателю более точную дату сражения на Калке¹⁰.

В ряду относительных датировок в ПЛ стоит известие об уже упомянутом землетрясении под 6738 (1230) г., к которому привязано нашествие степняков: «От потрясения земли до взятия Рязаньскаго и Володимерскаго от Тотарь 8 лѣтъ» и датировка нашествия на Переяславль Южный: «На другое лѣто Переславль Руский взять бысть в средокрестныя недели, месяца марта въ 3 день»¹¹.

Далее в ПЛ в нарушении хронологии без года после 6856 (1348) г. отмечается падение Чернигова под натиском войск Батыея «месяца октябрья во 18 день, во вторник»¹². Под 6747 (1239 г.) отмечена, также в нарушение хронологии, казнь в ставке Батыея князя Михаила Черниговского и его боярина Федора (названного князем)¹³ (казнь была осуществлена в 1245 г.)¹⁴. После упоминания этого события указана дата падения Киева «от злочестиваго царя Батыея, месяца ноябрья въ 19 день, въ понедѣльникъ» и приведена относительная датировка; «От взятия Киевского до числа Руския земли 18 лѣтъ»¹⁵. В ППЛ известие о падении Киева поставлено в соответствующую годовую статью 6748 (1240) г.¹⁶ В. И. Ставиский установил:

Известие о дате падения Киева из летописи Авраамки, Супральской, и I Псковской летописи восходящих к общему протографу – псковскому своду середины XV в., является истинным и наиболее древним. Оно восходит к Повести о нашествии Батыея на русские земли в 1237–

⁸ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. V. Вып. 2. Псковские летописи. М., 2000. С. 15.

⁹ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 106–107.

¹⁰ ПСРЛ. Т. V. М., 2003. Вып. 1 Псковские летописи. С. 11; Вып. 2. С. 15, 78.

¹¹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 11.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Там же.

¹⁴ *Селезнев Ю.В.* «И отсекоша главы им»: выбор ханом дня для казни русских князей // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия. Материалы 8 региональной научной конференции. Воронеж, 2014. С. 3–6.

¹⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 12.

¹⁶ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 80.

1241 гг., присоединенной к киевской летописи 1239 г. Список этого митрополичьего летописца попал в Новгород, очевидно, весной 1251 г., когда сюда приехал митрополит. Здесь он и вошел в состав новгородского свода, который может быть охарактеризован как Новгородский I особой редакции. В середине XV в. он был использован вместе с Новгородской IV летописью и Ростовской владычной летописью при составлении Псковского свода¹⁷.

То есть, абсолютные датировки нашествия Батые на Русь в Псковском летописании представляются наиболее точной фиксацией событий, несмотря на нарушение годовой последовательности.

Только после описания нашествия на Южную Русь в ПЛ под 6746 (1238) г. отмечено нашествие Батые на Северо-Восточную Русь¹⁸. Оно повторено в ППЛ¹⁹. Запись отличается краткостью. Отмечено, что Батый «плѣниша грады многи, и идоша и до Игнаца хреста, и ту возвратишася»²⁰.

В следующей по хронологии записи под 6749 (1241) г. отмечено возвращение князя Александра Ярославича от Батые: «Пришед Александръ от Батые». После этого указано, что «с братом Андреем и с низовцы» князь направился освобождать от немцев Псков²¹. ПЛ, умалчивая о поездке князя к Батые отмечает, что «Взя князь Александръ городокъ Копорию, а Нѣмецъ изби. А на другое лѣто ходилъ князь Александръ с муж новгородцы и бишася на леду с Нѣмцами»²². При этом добавлена относительная датировка: «От числа Руския земли до смерти царя Александра и до оубития князя литовскаго Миндовга лѣт 6»²³. Ордынское исчисление – перепись податного населения – происходила в годы великого княжения князя Александра Ярославича в 1257–1259 гг. Зима 1257–1258 гг. соответствует шестилетию до смерти князя Александра и гибели князя Миндовга.

Далее интерес к русско-ордынским отношениям в псковском летописании появляется лишь при описании событий в Твери в 1327 г. В ПЛ и ППЛ помещена «Повесть о Шевкале»²⁴, в основу которой положен псковский рассказ о событиях 1327 г. в Твери²⁵. В помещенном тексте «Повести» объединены обстоятельства восстания и бегства князя Александра Михайловича во Псков и последующих событий 1328 и 1329 гг. («на третье лѣто»), когда по распоряжению хана Узбека русские князья во главе с Иваном Даниловичем Московским требовали выезда князя Александра в Орду.

Данные события представляют собой единую цепь причинно-следственных связей и логическим продолжением друг друга. Однако в иных летописях повествование о судьбе князя Александра обычно разделено на отдельные летописные рассказы или статьи.

В ППЛ представлен краткий рассказ о восстании в Твери и бегстве князя Александра, в котором отмечено, что «псковичи приаша его честно и крестъ к нему целоваша, что его не выдати княземъ рускымъ»²⁶.

¹⁷ Ставиский В.И. О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1990. Т. 43. С. 290.

¹⁸ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 12.

¹⁹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 21.

²⁰ Там же. С. 21.

²¹ Там же. С. 82.

²² ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 13.

²³ Там же. С. 13.

²⁴ Там же. С. 17; 92.

²⁵ Лурье Я.С. Повести о Шевкале // Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. С. 208–209.

²⁶ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 23.

Судьба князя Александра Михайловича Тверского и далее приковывает внимание псковских летописцев. Так, под 6845 (1337) г. в ПЛ, ППЛ и ППЛ отмечен отъезд князя в Орду после десятилетнего пребывания во Пскове.²⁷

Все три летописи под 6847 (1339) г. сохранили краткое упоминание о казни при дворе Узбека князя Александра и его старшего сына Федора²⁸. Лишь в ППЛ добавлен комментарий о том, что князя «терпѣнии мнозѣ стяжаста душа своя и прияста царство небесное»²⁹.

После смерти князя Александра Михайловича, тесно связанного со Псковом, следующее известие о русско-ордынских отношениях появляется под 6869 (1361) г. в ПЛ. Летописец сохранил краткое известие о поездке к хану русских князей³⁰.

Сохранило псковское летописание и известие о Куликовской битве. В ППЛ под 6888 (1380) г. кратко отмечено, что русские князья «бишяся съ Тотары за Дономъ»³¹. В ПЛ и ППЛ отложился несколько более подробный рассказ: отмечено, что битва была в субботу на Рождество Богородицы и разгромленного противника преследовали до тридцати верст. Отмечен масштаб сражения: «побоище велико»³². Однако в ПЛ описание события отнесено к 6886 (1378) г.

Падение Москвы в 1382 г. под саблями войск хана Токтамыша («отъ царя Тартаныша») также отмечено кратким сообщением в ППЛ³³. При этом в ПЛ лишь отмечено, что «Въ лѣто 6890. Взятие Москвъ»³⁴. Надо полагать, что источник извещения в псковском летописании был не полон или испорчен.

В рамках отношений Литвы и Орды псковский летописец упомянул о битве на Ворскле, в которой войска великого литовского князя Витовта и союзного Токтамыша потерпели поражение от армии хана Тимур-Кутлуга и беклярибека Идигу (Едигей). В ППЛ событие отнесено к 6 августа 6908 (1400) г.³⁵ Вероятно, здесь также наблюдается использование в источнике летописи ультрамартовского календарного стиля константинопольской эры³⁶, поскольку битва датируется 1399 г.

Под 6920 (1412) г. ППЛ повествует о посольстве псковичей в Москву к великому князю «дружиноу князя просить, и испросиша себе князя Константина меньшего, брата великого князя». Далее летописец отмечает, что «князь великий при послехъ поеха в Орду»³⁷. В иных летописях отмечается, что отъезд великого князя Василия Дмитриевича состоялся 1 августа 1412 г.³⁸

При описании вторжения литовского князя Витовта на псковскую землю в 6934 (1426) г. все три псковские летописи отмечают присутствие в качестве союзников в войсках противника татарской конницы, которая в ходе боестолкновений понесла потери³⁹. Переход татар на службу к великому князю литовскому иллюстрирует процесс распада Орды и поиска представителями ордынского служивого сословия покровителей в лице соседних правителей.

²⁷ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 17, 24, 92.

²⁸ Там же. С. 18, 24, 92.

²⁹ Там же. С. 18.

³⁰ Там же. С. 23.

³¹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 29.

³² ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 24, 106.

³³ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 29.

³⁴ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 24.

³⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 31.

³⁶ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 106–107.

³⁷ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 119.

³⁸ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XI. Никоновский свод. С. 219; Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. Стб. 486.

³⁹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 35–36; Вып. 2. С. 41; 122.

Псковские летописцы отмечают поездку в ставку хана князя Василия Васильевича Московского и его дяди князя Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галицкого в 1431 г. (в лѣто 6939). В ПЛ и ППЛ отложились практически идентичные записи. Однако ППЛ добавляет сроки отъезда – князь Василий Васильевич выехал «на Оуспенья святыа богородица» (15 августа); князь Юрий Дмитриевич «поиде на Воздвиженье честнаго креста (14 сентября)⁴⁰. Причем московское летописание относит отъезд князя Юрия «на праздникъ рожества пречитыа богородици»⁴¹ – 8 сентября. Псковское летописание указывает, что князь Юрий выехал на шесть дней позже.

Также идентично ПЛ и ППЛ повествуют о возвращении князей Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича из Орды в следующем 1432 г. Летописец подчеркивает, что «княжения не взять ни единый»⁴². ППЛ добавляет хронологический маркер: «А вышли на Рождество Ивана Предотечи»⁴³ – 24 июня 1432 г.

Следующее событие русско-ордынских отношений отложившиеся в псковском летописании отнесено к 6954 (1446) г. ПЛ и ППЛ сохранили рассказ о битве войск князя Василия Васильевича с отрядом хана Улуг-Мухаммеда под Суздаlem. Битва произошла 7 июля 1445 г. Однако псковские летописи относят ее к 6954 (1446) г. применяя, вероятно, и в данном случае также ультрамартовсий стиль летоисчисления. В целом, рассказ посвящен возвращению князя Василия Васильевича из плена и необходимостью выплаты «окоупа» «от злата и сребра и от портища всякого и от коней и от доспѣховъ пол 30 тысящъ»⁴⁴. Однако летописцу понадобилось описать приведшие к необходимости выкупа события, в том числе поражение под Суздаlem и пожар в Москве, причиной которого псковский автор считает панику после получения сведений о движении татар к столице княжества.

В связи с посольством псковичей в Москву в «лѣто» 6980 (1472) г. бояр Трофима Кипрешева и Юрия Исакова-Сестникова с просьбой направить к ним наместником Ивана Бабича или Ярослава Васильевича Стригу-Оболенского (последний был позднее направлен наместником в Псков) в ППЛ упомянуто еще одно событие из истории русско-ордынских отношений. Посольство прибыло в Москву 1 августа 1472 г. Однако великого князя псковичи не застали в столице, поскольку тот с братьями и иными русскими воеводами выдвинулся к Оке. Летописец поясняет, что «пришелъ тогда на великого князя Ивана Васильевича и на его братью и на всю силу роускою царь ис Поля Махмоуть Кичихмоутовъ сынъ и стоял об Оке рѣке». Простояв день и ночь ордынский хан отступил⁴⁵.

Под 6991 (1483 (1482)) г. по сентябрьскому стилю в ППЛ отмечается, что отменен поход крымских войск («поганыи перекопскыи царь») на Киев. Город был сожжен и пленен, а отходя от Киева «плѣни русских порубежных городов 11»⁴⁶.

Следующие записи псковского летописания относятся ко времени после поражения Большой Орды от Крымского ханства в 1502 г. и относятся к отношениям России с постордынскими государствами. Под 7049 (1541) г. в ППЛ упомянуто о походе крымского хана Сахиб Гирея и разгроме части его войск («воеводы побиша Татар за Окою царя крымского Сапкирѣя»)⁴⁷.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 126.

⁴¹ Полное собрание русских летописей. М., 2004. Т. XXV: Московский летописный свод конца XV в. С. 249.

⁴² ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 39.

⁴³ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 126.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 47. Вып. 2. С. 136.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 188.

⁴⁶ Там же. С. 62–63.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 111.

Под 7061 (1553) г. в ПШЛ описаны события взятия Казани в 1552 г. царем и великим князем Иваном IV Васильевичем. Используя сентябрьский стиль, летописец указывает на дату падения Казани – 2 октября. Летописец дает оценку событиям как справедливому возмездию в рамках религиозного противостояния: «И тако возда господь месть безбожным Агаряном за много лѣт от нихъ проливаемыя крови христьянския»⁴⁸.

Далее отмечается, что весной 1553 г. был совершен поход на Астрахань «и помощию божиею взяша Астороханское царство». Однако удержать под контролем владения не удалось. Лишь после второго похода («и царь и великий князь второе посла на Асторохань») ханство было присоединено к России («и паки взяша ю, и оукрепиша») ⁴⁹. К 1555 г. летописец относит назначение в Казань православного иерарха: «Послалъ на Казань перваго архиепископа Гоурья игоумена из Селижарова»⁵⁰.

Также в ПШЛ под 7063 (1555) г. упомянуто о битве на Судбищах с войсками крымского хана Девлет-Гирея⁵¹. А под 7073 (1565) г. рассказано об отражении вторжения крымской конницы и пленении ширинского «князя Мома»⁵².

В дополнение к текстам псковских летописей в Архивском 3-ем списке мы встречаем ряд известий о русско-ордынских отношениях. Так, в «Окончании Архивского 3-го списка» под 7004 (1496) г. отмечено, что по воле великого князя Ивана Васильевича в Казани ханский престол занял Абдул-Латиф, сменив Мухаммед-Амина («отпустил на Казань на царство с Москвы») ⁵³.

Под 7016 (1508) г. помещен краткий рассказ о неудачном походе на Казань князей Дмитрия Ивановича Углицкого и Федора Борисовича Вологодского: «Московских людеи на Волги у Казани потопло много, мая вь 22 день»⁵⁴.

Под 7095 (1587) г. сохранилось сообщение о поступлении на службу к царю Федору Ивановичу крымского царевича, не названного по имени⁵⁵.

Еще ряд известий о русско-ордынских отношениях выявляется в отрывке летописи типа Авраамки на лл. 2-8 Тихановской рукописи. Так, обрывочно сохранились сведения о событиях 1371 г.: о получении князем Михаилом Александровичем Тверским ярлыка на Владимирское княжество, о поездке князя Дмитрия Ивановича Московского в Орду и его возвращения из ставки хана⁵⁶.

Под 6883 (1376) г. помещен рассказ «О воинѣ и о брани, иже бѣ под Твѣрью». События развивались в 1375 г. и были тесно связаны с отношениями Москвы и Твери с Мамаевой Ордой. Прибытие в Тверь ордынского посла с ярлыком на великое княжение послужило сигналом к началу военных действий: «Князь Михаило пойма вѣру лъсти бесеръменьской, ни мало не пождавъ, но того дни посла на Москву к великому князю Дмитрею, целование крестное сложилъ»⁵⁷. Тем не менее, данный рассказ является кратким описанием событий противостояния Москвы и Твери.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 233.

⁴⁹ Там же. С. 234.

⁵⁰ Там же. С. 234.

⁵¹ Там же. С. 234.

⁵² Там же. С. 246.

⁵³ Там же. С. 253.

⁵⁴ Там же. С. 253.

⁵⁵ Там же. С. 264.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 143.

⁵⁷ Там же. С. 145.

Заключение

В ходе хронологического повествования о погодных событиях псковские летописцы не могли не давать русско-ордынским отношениям прямых или косвенных оценочных характеристик. К примеру, татары получают различные эпитеты негативного свойства.

Так, четырежды они названы «погаными», трижды «безбожными», в том числе, один раз они обозначены «безбожными Агарянами» (еще один раз «нечестивыми Агарянами»). Один раз ордынский правитель Батый назван «злочестивым». При этом псковские летописцы оценочные характеристики к татарам применяют достаточно редко (всего 11 раз). Для сравнения: в Лаврентьевской летописи встречается 20 эпитетов⁵⁸, а в Новгородской Первой – 23 оценочные характеристики⁵⁹.

Это можно объяснить тем фактом, что Орда находилась далеко от Пскова и большая часть известий о русско-ордынских отношениях касается свидетельств о великих князьях, так или иначе связанных со Псковом, либо с событиями, непосредственно затрагивающих Псков и псковичей.

При этом свидетельства псковских летописей отличаются точностью, часто приводятся абсолютные датировки событий. Если же переписчик сомневался в изложении событийного ряда он приводил относительные датировки, которые отличаются точностью и проверяются сведениями других источников.

В этой связи приведенные в псковском летописании известия по истории Орды и русско-ордынских отношений представляют собой важнейший пласт достоверной информации. Тем не менее, ряд свидетельств псковского летописания о русско-ордынских отношениях внесены в своды с неточностями. Они нередко сопровождаются уточняющими комментариями и хронологическими отсылками. При этом псковские книжники донесли до нас отдельные верные сведения. К примеру, в летописях представлена точная хронология взятия монгольскими армиями Переяславля Южного и Чернигова и ряда других событий. В сочетании с иными достоверными сведениями они представляют собой дополнительную информацию по истории Орды и русско-ордынских отношений.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.12.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 23.10.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 29.11.2025

References

- Berezhkov, N.G. *Khronologiya russkogo letopisaniia* [Chronology of Russian chronicles]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1963 (in Russian).
- Lurye, Ya.S. "Povesti o Shevkale [Tales of Shevkala]." In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 204–235. Leningrad: Nauka Publ., 1989 (in Russian).
- Okhotnikova, V.I. "Letopisi Pskovskie [The Pskov Chronicles]." In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 27–30. Leningrad: Nauka Publ., 1989 (in Russian).
- Seleznev, Yu.V. " 'I otsekosha glavy im': vybor khanom dnya dlya kazni russkikh knyazei ['And They Cut Off Their Heads': The Khan's Choice of the Day for the Execution of Russian Princes]."

⁵⁸ Селезнев Ю.В. Лаврентьевская Летопись как источник по истории Джучиева Улуса (Орды) // Исторический вестник. 2023. Т. 45. С. 105. <https://doi.org/10.35549/HR.2023.45.004> EDN: ХТННГQ

⁵⁹ Селезнев Ю.В. Новгородский взгляд на Орду и русско-ордынские отношения (опыт анализа выборки из Новгородской Первой летописи) // Новгородика-2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму. Великий Новгород, 2016. С. 35. EDN: YRYXWT

- In *Vlast' i obshchestvo: mekhanizmy vzaimodeistviia i protivorechiia. Materialy 8 regional'noi nauchnoi konferentsii*, 3–6. Voronezh: Istoki Publ., 2014 (in Russian).
- Seleznev, Yu.V. “Galician-Volhynian chronicle as a source on the ulus of Jochi history.” *Golden Horde Review*, no. 9 (2016): 123–130 (in Russian).
- Seleznev, Yu.V. “Novgorodskii vzglyad na Ordu i russko-ordynskie otnosheniia (opyt analiza vyborki iz Novgorodskoi Pervoi letopisi) [The Novgorod View of the Horde and Russian-Horde Relations (an Attempt at Analyzing a Selection from the Novgorod First Chronicle)].” In *Novgorodika-2015. Ot “Pravdy Russkoi” k rossiiskomu konstitutsionalizmu*, 29–46. Veliky Novgorod: [N.s.], 2016 (in Russian).
- Seleznev, Yu.V. “Laurentian codex as the source about the ulus of Jochi (the Golden Horde).” *Historical Reporter* 45 (2023): 88–113 (in Russian), <https://doi.org/10.35549/HR.2023.2023.45.004>
- Stavisky, V.I. “O dvukh datakh shturma Kieva v 1240 g. po russkim letopisyam [On two dates of the storming of Kyiv in 1240 according to Russian chronicles].” In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 282–290. Leningrad: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Tsyb, S.V., and Chichinov, V.A. “Chronological Readings of Sudak’s Synaxarion and Dating of Mongolian Campaign against Southern Rus’.” *Izvestiya of Altai State University*, no. 4–2 (2014): 242–247 (in Russian), [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)4.2-35](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.2-35)
- Vovin, A.A. “On the dating of the first edition (svod) of Pskov chronicles and its ties with Novgorod chronicles.” *Novgorod Historical Collection*, no. 16 (2016): 139–161 (in Russian).
- Vvedensky, A.M. “Towards Terminus post quem of the creation of the common protograph of the Pskov Chronicles.” *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, no. 3 (2017): 21–22 (in Russian).
- Vvedensky, A.M. “Towards Terminus post quem of the creation of the common protograph of the Pskov Chronicles.” *Rossica Antiqua*, no. 1–2 (2018): 26–47 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Юрий Васильевич Селезнев, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Воронежский государственный университет; Россия, 394018, Воронеж, Университетская площадь, 1; orda1359@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8224-445X>; SPIN-код: 6847-1666.

Yuri Vasilievich Seleznev, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Voronezh State University; 1, University Square, Voronezh, 394018, Russia; orda1359@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8224-445X>; SPIN-code: 6847-1666.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-165-177>

EDN: XUBVLH

Научная статья / Research article

Роль Станислава Жолкевского в событиях Смутного времени: по материалам неизвестного письма гетмана из собрания Н. П. Лихачева

Наталья Владимировна Эйльбарт

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
✉ ejlbart@mail.ru

Аннотация: Раскрывается роль польского коронного гетмана Станислава Жолкевского в избрании на московский престол королевича Владислава, заключении договора 17 (25) августа 1610 г. и управлении Московским государством в период нахождения в Кремле осенью 1610 г. Анализируются как опубликованные источники (мемуары и письма самого Ст. Жолкевского и современников русско-польской войны 1609–1618 гг.), так и неопубликованное письмо гетмана польскому королю Сигизмунду III от 8 октября 1910 г., в период его нахождения в Кремле, обнаруженное в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, в коллекции «Россика», собранной академиком Н.П. Лихачевым, и переведенное на русский язык. Совокупность всех собранных источников позволяет сделать вывод о том, что гетман Станислав Жолкевский заключил договор с московскими боярами об избрании Владислава исключительно на московских условиях. Ввод польских войск в Москву был тщательно согласован с членами Боярской думы, а сам Жолкевский не играл никакой роли в управлении государством во время пребывания в столице. Таким образом, подвергнута критической оценке как польская историография, нередко представляющая гетмана «завоевателем Москвы», так и часть русской дореволюционной историографии, приписывавшей Ст. Жолкевскому значительное влияние на московскую политическую элиту.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский институт истории РАН, академик Николай Петрович Лихачев, Речь Посполитая, Московское государство, королевич Владислав, царь Василий Шуйский, король Сигизмунд III, Клушинская битва, Семибоярщина.

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Минпросвещения России в рамках государственного задания по теме «Образы героев в российской педагогике» (проект № VRFY-2025-0030).

Для цитирования: *Эйльбарт Н.В.* Роль Станислава Жолкевского в событиях Смутного времени: по материалам неизвестного письма гетмана из собрания Н. П. Лихачева // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 165–177. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-165-177>

© Эйльбарт Н.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Role of Stanislaw Zholkiewski in the Time of Troubles: Based on an Unknown Letter from the Hetman in the Collection of N.P. Likhachev

Natalia V. Eilbart

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

✉ ejlbart@mail.ru

Abstract: The article reveals the role of the Polish Crown Hetman Stanisław Żółkiewski in the election of Prince Vladislav to the Moscow throne, the conclusion of the Treaty of August 17 (27), 1610, and the administration of the Moscow state during his stay in the Kremlin in the autumn of 1610. The article analyzes both published sources (memoirs and letters by Stanisław Żółkiewski and contemporaries of the Russo-Polish War of 1609-1618), as well as an unpublished letter from the hetman to Polish King Sigismund III dated October 8, 1610, during his stay in the Kremlin. This letter was discovered in the archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, in the Rossika collection assembled by Academician Nikolai Likhachev, and has been translated into Russian. The combination of all the collected sources allows us to conclude that Hetman Stanisław Żółkiewski concluded an agreement with the Moscow boyars to elect Władysław exclusively on Moscow terms. The entry of Polish troops into Moscow was carefully coordinated with members of the Boyar Duma, and Żółkiewski himself did not play any role in the government.

Keywords: Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Academician Nikolai Petrovich Likhachev, Polish-Lithuanian Commonwealth, Moscow State, Prince Vladislav, Tsar Vasily Shuisky, King Sigismund III, Battle of Klusha, Seven Boyars

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment on the topic “Images of heroes in Russian pedagogy” (project № VRFY-2025-0030).

For citation: Eilbart, N.V. “The Role of Stanislaw Zholkiewski in the Time of Troubles: Based on an Unknown Letter from the Hetman in the Collection of N.P. Likhachev.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 165–177 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-165-177>

Введение

Актуальность. Личность коронного гетмана Станислава Жолкевского (1547–1620) является в настоящее время предметом невиданной еще по своим масштабам и одновременно примитивизму пропагандистской кампании ряда польских историков, которая рассчитана, прежде всего, на молодое поколение поляков. Призывая читателя быть «бесстрашным как Жолкевский» в деле «защиты отчизны» от «злейшего врага на востоке», авторы не удосуживаются документально подкреплять свои оценочные суждения, потому что обращение к документам, прежде всего, показало бы нежелание гетмана воевать с Московским государством, а опираться более на достигнутые договоренности, нежели на силовое разрешение конфликта. Ввиду подобных многовековых исторических и политических спекуляций, которые, к сожалению, не новы для польской историографии, необходимы полные переводы польских исторических источников, относящихся к Смутному времени, в том числе и настоящего письма, что мы и предлагаем в данной статье (приводя и его оригинальный, старопольский текст).

Степень изученности проблемы. Начиная с XIX в., скорее всего ради психологической компенсации для польского читателя ввиду утраты Речью Посполитой своей государственности, предлагалась концепция «старого доброго времени», когда

не было недостатка в «геройских подвигах на благо отчизны», а сам гетман Жолкевский назывался «покорителем Москвы». «Победа Жолкевского под Клушино <...> устрасила всю Московскую землю», – писал польский историк XIX в. Юлиан Немцевич в 1819 г.¹, полагавший, что сам гетман первый «склонил бояр к тому, чтобы они избрали государем королевича Владислава»². С начала 1990-х гг. польские издания (мы имеем ввиду научную и научно-популярную литературу) многократно увеличивают интенсивность подобных нарративов, говоря о победе Жолкевского в Клушинской битве как о «Восточном Грюнвальде», а пребывание гетмана в Москве называют периодом «Москвы в руках поляков»³, утверждая, что после заключения договора с боярами 17 (27) августа 1610 г. он якобы «принял бремя власти над городом и целым государством от имени нового царя Владислава Сигизмундовича»⁴. Поскольку 2020 г. был объявлен польским сеймом «годом Станислава Жолкевского», а в тексте сеймового постановления указано, что он «побеждал в компаниях против России», последующие годы ознаменовались выходом в свет книг, посвященных как биографии гетмана, так и в целом русско-польским войнам конца XVI – начала XVII в.

К сожалению, степень идеологизированности этих работ достигла уровня гротеска и не имеет ничего общего с исторической истиной. Вот как, например, пишет о ситуации в Москве в августе 1610 г. современный польский историк Войцех Полак в биографической книге «Жолкевский. Покоритель Москвы»: «Когда в Москве слышали имя гетмана Жолкевского, лица ее жителей бледнели от страха. Потому что свежи были в их памяти военный гений и отвага в битве деятельного военачальника Речи Посполитой, который много раз побеждал русских, а под Клушино наголову разбил их вместе с помогающими москалям шведами»⁵. Дабы подчеркнуть «анти-русскость» гетмана, автор описывает происхождение его рода из княжества Мазовецкого⁶, в то время как давняя историческая традиция относилась предков Жолкевского к боярам Галицко-Волинской Руси, по крайней мере неоспоримым фактом является принадлежность многих поколений этой семьи к православной вере (только отец нашего героя перешел вместе со своей семьей из православия в католичество). Похожие нарративы содержатся, например, в работе современного популяризатора истории Славомира Лесневского «На Москву. Поляки в Кремле в XVII веке», где вновь говорится «о временах, когда нас боялись в Кремле», а Жолкевский якобы совершил туда «триумфальный въезд»⁷. Даже, казалось бы, имеющая все внешние признаки академического оформления статья Т. Бохуна «Поляки в Кремле: факты и мифы» называет гетмана, не имевшего совершенно никакой власти над московскими жителями без содействия Боярской думы, «губернатором Москвы»⁸. Вместе с тем в польском историческом научном сообществе раздаются и критические мнения относительно подобных пропагандистских нарративов, основанных на грубой фальсификации фактов. Например, вышеназванная работа В. Полака была подробно критически проанализирована в статье независимого исследователя П. Шпачинского «Спор о Станиславе Жолкевском», где автор указал на то, что в своих переговорах с боярами

¹ Niemcewicz J.U. Dzieje panowania Zygmunta III, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego itp. Warszawa, 1819. Т. II. S. 454.

² Там же. S. 460.

³ Moskwa w rękach Polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612 / wybór i opracowanie pamiętników Marek Kubala, Tomasz Ścieżor. Kraków, 2005.

⁴ Grzybowski S. Wielka historia Polski. Tom 4. Dzieje Polski i Litwy (1506–1648). Kraków, 2000. S. 317.

⁵ Polak W. Żółkiewski. Pogromca Moskwy. Biografia. Kraków, 2020. S. 1.

⁶ Там же. S. 13.

⁷ Leśniewski S. Na Moskwę. Polacy na Kremlu w XVII wieku. Kraków, 2024.

⁸ Bohun T. Polacy na Kremlu: fakty i mity // Sensus Historiae. 2013. Vol XI. № 2. S. 71–85.

гетман играл роль не победителя, а побежденного, поскольку принял все условия, продиктованные ему членами Думы, следовательно, определение его как «победителя Москвы» изначально абсурдно⁹.

Российская историография на протяжении последних двух веков была куда более объективна во взглядах на Станислава Жолкевского и на его роль в избрании на московский престол королевича Владислава. Некоторая «демонизация» образа гетмана присутствовала, однако, в работах историков XIX – начала XX в. правомонархического толка, которые являлись в том числе и авторами учебников по русской истории. Д.И. Иловайский писал среди прочего, что Жолкевский «ласкою, подарками и угощениями так привлек этих простодушных людей, что они охотно подчинились чужеземному начальнику... Происходя из русского рода, Жолкевский, очевидно, владел русским языком; а потому своими вкрадчивыми, умными речами сумел обойти самого [патриарха] Гермогена, так что суровый старец возымел к нему непритворное расположение»¹⁰. В свою очередь А.Д. Нечволодов, также отмечая дипломатичность и «ласковость» гетмана в общении с боярами, указывал на причину его поспешного отъезда из Москвы – страх перед поражением: «Устроив так блистательно польские дела в Москве, Жолкевский спешил ее покинуть; он отлично понимал, что отправленное посольство под Смоленск не будет иметь успеха, и знал, что весть об этом вызовет среди жителей столицы большие волнения. Чтобы избежать столь трудного для себя положения и не омрачить своей долголетней славы неудачей, он и решил как можно скорее выехать под Смоленск, надеясь, что ему может быть, удастся своим личным присутствием повлиять на короля и уговорить его приступить к точному выполнению договора 17 августа»¹¹.

Объективно смотрел на роль гетмана в избрании Владислава на московский трон и Н.И. Костомаров, отмечавший то, что договор 17 (27) августа 1610 г. был «составлен в духе боярском и под польским влиянием», однако «поляки не могли выговорить даже одного костела для приезжих в Москве; в договоре сказано было по этому поводу, что о том у государя будет совет с патриархом»¹². Говоря об отъезде гетмана из Москвы, историк подчеркивал: «Жолкевскому хотелось только обмануть москвичей именем Владислава и успокоить Московскую землю на короткое время, а самому убраться отсюда, чтобы, когда откроется обман, никто уже не имел случая смотреть ему в глаза»¹³. О ведущей роли бояр в составлении договора об избрании Владислава (как 14 февраля, так и 17 (27) августа 1610 г.¹⁴) говорил и С.М. Соловьев¹⁵. Современная российская историография также подчеркивает стремление Жолкевского договориться с боярами, ведь совершенно очевидно гетман понимал невозможность полной военной победы над противником и бесперспективность желания диктовать ему свои условия. «Коронный гетман <...> действовал <...> очень тонко, используя не силу и обман, как у бывших тушинцев, а договоры и убеждения», – пишет историк С.М. Козляков¹⁶.

⁹ *Szaczyński P.* Spór o Stanisława Żółkiewskiego // *Almanach Historyczny*. 2023. T. 25. S. 427–449.

¹⁰ *Иловайский Д.И.* Новая династия. М., 2003. С. 203–204.

¹¹ *Нечволодов А.Д.* История Смутного времени в России. От Бориса Годунова до Михаила Романова. М., 2013. С. 84.

¹² *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 562, 564.

¹³ Там же. С. 589.

¹⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Часть II. С. 391–405.

¹⁵ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 8. С. 565–566.

¹⁶ *Козляков В.Н.* Смутное время в России в начале XVII века. М., 2021. С. 293.

Разрешить ключевые противоречия между российской и польской историографией помогут источники, которые мы наряду с обнаруженным неизвестным письмом гетмана упомянем в данной статье. Это, прежде всего, воспоминания самого Жолкевского «Начало и успех Московской войны», уже известные нам письма гетмана, а также письма и воспоминания польских современников данных событий: Н. Мархоцкого, А. Гонсевского, Я. Задзика. Системный аналитический подход, принципы объективности и историзма позволят нам ответить на вопрос: был ли гетман Станислав Жолкевский «завоевателем Москвы» или же удалился из Московского государства побежденным?

Письмо с цифрами «146»

«Десятилетиями я рыскал повсюду и собирал крупницы от западноевропейских богатств для того, чтобы доставить русским ученым самостоятельный материал для изучения», – писал в 1933 г. в частном письме выдающийся русский историк и коллекционер, академик Николай Петрович Лихачев (1862–1936)¹⁷. Среди ценнейших и любопытнейших документов из его коллекции «Россика», входивших при жизни Николая Петровича в фонд его Палеографического кабинета, а сегодня ставших частью архива Санкт-Петербургского института истории РАН, хранится нигде ранее не упоминавшееся и довольно обширное письмо коронного гетмана Станислава Жолкевского к польскому королю Сигизмунду III, датированное 8-м октября 1610 г.¹⁸, то есть написанное всего через неделю после того, как по соглашению с Боярской думой польский гарнизон во главе с гетманом занял Кремль (оно в том числе не было известно и составителям считавшейся наиболее полной книги писем Жолкевского, изданной в 1868 г.¹⁹). Данное письмо ошибочно значится в каталоге как «копия письма воеводы киевского к гетману коронному» (на самом деле обе должности киевского воеводы и коронного гетмана сосредоточились в руках Жолкевского, а адресатом письма являлся сам король Сигизмунд Ваза). С учетом исторической значимости содержащейся в нем информации оно заслуживает правильного атрибутирования, полного перевода на русский язык и аналитического сопоставления с другими, уже введенными в научный оборот письмами гетмана, касающимися периода его нахождения в Москве. Само письмо, написанное на листе и сложенное в формате *in folio*, в верхнем левом углу имеет цифры «146», это, вероятно, означает, что оно было некогда подшито в сброшюрованную рукопись, затем частями распроданную очередным владельцем-антикваром и таким образом попавшее в коллекцию Лихачева.

Основные противоречия польской и российской историографии в вопросе о роли Станислава Жолкевского в событиях 1610 г. и их разрешение в опубликованных источниках

Как видим, часть польских историков до настоящего времени продолжает транслировать нарративы, из которых можно вычленил следующие исторические мифы: 1) победа Жолкевского в Клушинской битве «устрасила» московских бояр настолько, что они решили просить на московский трон либо королевича Владислава

¹⁷ Золотова Е.Ю. Иллюстрированные рукописные книги и документы Западной Европы IX–XVIII веков. Собрание Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Научный каталог. СПб., 2024. С. 7.

¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Коллекция 39 «Россика». Картон 589. Ед. хр. 71. Л.1–2.

¹⁹ Listy St. Żółkiewskiego kanclerza koronnego i hetmana 1584 – 1620. Kraków, 1868.

либо самого короля Сигизмунда III; 2) Жолкевский, испытывая неприязнь к Сигизмунду, первый предложил боярам кандидатуру Владислава, «заставив» их присягнуть королевичу; 3) Жолкевский – «завоеватель Москвы», «губернатор столицы», крепко державший в своих руках бразды правления во время кратковременного пребывания со своим гарнизоном в Московском Кремле и «умело» лавировавший между боярскими группировками, а подписанный им договор об избрании королевича был потенциальной частью «польской колонизации» русского государства²⁰.

Не в пользу первых двух утверждений говорит, между прочим, и тот факт, что еще во времена правления Лжедмитрия I посланный им на сейм в Краков в 1606 г. Иван Безобразов тайно озвучил литовскому канцлеру Льву Сапеге желание князей Шуйских и Голицыных видеть на троне вместо самозванца королевича Владислава²¹. В феврале 1610 г. приехавшее к Сигизмунду III под Смоленск посольство бывших тушинцев во главе с боярином Михаилом Глебовичем Салтыковым уже открыто говорило королю следующее:

У нас давно было желание, чтобы после прекращения дома наших старых государей из рода Рюрикова принял скипетр российской державы род польского короля Жигимонта²².

Таким образом, вариант избрания московским царем польского кандидата обсуждался в кругах московской политической элиты задолго до того, как Жолкевский подошел и якобы «силой оружия» навязал его Боярской думе. Возможно, сторонники такого развития событий в Москве еще помнили о том, как сама шляхта Речи Посполитой предлагали когда-то Ивану Грозному польскую корону²³, поэтому в свою очередь подобное приглашение иноземца на русский трон для них не являлось табу.

Относительно того, кто же предложил кандидатуру Владислава на московский трон и о своей роли в этом предложении, Жолкевский совершенно прямо говорит в своих мемуарах:

Не было достаточных средств для приведения дел к концу войны, и хотя не имел от его величества короля инструкции, должен был объявить, что хочет заключить с ними договор, и крестным целованием утвердить сообразно со статьями, которые были представлены его величеству королю Салтыковым и прочими боярами под Смоленском²⁴.

Таким образом, свидетельство главного участника говорит нам, что сам он никогда не упоминал о том, что предложение кандидатуры Владислава на московский трон когда-либо им делалось. Наоборот, гетман признавал, что действовал согласно договору, уже заключенному между тушинскими боярами и польским королем под Смоленском 14 февраля 1610 г.

Был ли Станислав Жолкевский бесстрашным завоевателем Москвы, стремившимся во что бы то ни стало ввести свои войска в Кремль? Источники согласны в том, что войска в Кремль он ввел по настоятельной просьбе бояр и страх при этом

²⁰ Samsonowicz H., *Tazbir J. Tysiąclecie dzieje*. Wrocław, 2001. S. 163.

²¹ Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону, 1998. С. 290; Эйлбарт Н.В. Лжедмитрий I в польско-литовском общественно-политическом мнении 1603–1604 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 920–933. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-920-933> EDN: DJGOJI

²² Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 510.

²³ Эйлбарт Н.В. Кандидатура Ивана Грозного на трон Речи Посполитой в польских политических памфлетах времен первой «вольной элекции» (1572–1574) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 3. С. 93–103. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.3.32474> EDN: RFICFV

²⁴ Жолкевский С. Начало и успех Московской войны // Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2006. С. 386.

действию был ему вовсе не чужд (свежо было в памяти поляков восстание 17 мая 1606 г. и гибель приехавших на свадьбу Лжедмитрия I и Марины Мнишек польских гостей), о чем участник событий ротмистр Николай Мархоцкий писал в своих мемуарах²⁵. Сам Жолкевский в письме к королю от 26 сентября 1610 г. признается, что именно бояре «сами послужили причиной того, что я ввел в столицу войско», а далее советует своему государю ни в коем случае не давить на временное московское правительство, и чтобы всего не потерять «добывать хлеб хлебом», то есть не скупиться на милости²⁶. Страхом и смятением наполнены письма оставшегося после отъезда Жолкевского командующего польским гарнизоном в Москве Александра Гонсевского, слезно просившего гетмана вернуться, ибо удержать город без его присутствия «вещь невозможная»²⁷. Однако «победитель Москвы» совершенно точно понимал опасность своего возвращения. «Его милость пан гетман сомневается во всем этом деле и видит то, что при таком развитии [событий] никакая мера не приведет к хорошему концу», – писал в феврале 1611 г. из лагеря под Смоленском королевский секретарь Якуб Задзик²⁸. Осознавая то, что вести переговоры в Москве можно только на русских условиях, и навязывать кандидатуру короля Сигизмунда вместо королевича Владислава членам Боярской думы опасно для его жизни, Жолкевский поспешил отбыть в Речь Посполитую и более не участвовал в московских делах.

Письмо Станислава Жолкевского королю Сигизмунду III от 8 октября 1610 г. из собрания Н.П. Лихачева

Проанализированные нами выше свидетельства участников описываемых событий полностью подтверждают в доселе неизвестном письме гетмана. Приведем здесь полностью его оригинальный старопольский текст, а также наш перевод с небольшими комментариями (отметим, что в публикуемом польском тексте мы полностью сохранили пунктуацию и орфографию оригинала).

Copia listu JMći P. Hetmana Coron: do J.K. Mći de data w stolicznym zamku Moskwie 8 octobris

Dzis trzeci dzien pozno iusz przyiachali Mołczanow y Sołowiecki: a zarazem wczora rano ze mną y s P. Referendarzem Lit. nieporozumiawszy się listy ktoreś im W.K. Mć raczył dać do Boiar, więc y te ktore roznym osobom na Urzędy y opatrzenia majątnosci Dworcowych po naszymu aeconomy, służyły wniesli do zasiedzenia Boiar. Jam nie był na ten czas w zamku, w oboziem był. Pan Referendarz tesz nie rychło dowiedziawszy się przyszedł, kiedy tych listow doczytywano. Onże może WKMći dostatecznie oznaymić, jako ten ktory obecny był, iaką commotią, iaki żal te listy w Boiarach przednich uczyniły, tak isz kn Mscisławskiemu, Andrzeiowi Galiczynowi do obfitych łez przyszło. Załował potem tego Sołtykow, że się s temi rzeczami tak naglie wynurzył, ale niewczas, atoli przecię s P. Referendarzem gładzim y miarkuiem te rzeczy. Żal w Boiarach s tąđ porzedł, że rozumieią się być upośledzonych, isz intercessiom y zasługom ich mieysca u W.K.Mći niezostaie. Więc o te Dworowe pomiescia utyskuią, że takie zmnieyszenie dostatkow tak do skarbu iako i do stołu Hospodarskiego należących przez tak wielkie targitie u W.K.M. otrzymywaia. Tym większą sobie u nich inuidią Sołtykow ziednał, a iusz y przed tym wielgą miał dla niektórych przyczyn, o ktorych długoby pisać, a mniefy tesz na tem należy.

Z Drugimi listy wczora przyiechał Tatarzyn. W tych sprawach o ktorych W.K.Mć raczysz mi rozkazować, iako to w odległosci bywać zwykło, po czasie kiedy iusz się stanie rozkazanie mie W.K.Mći

²⁵ Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000. С. 81.

²⁶ Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013. С. 205–206. EDN: VGUCKZ

²⁷ Там же. С. 206.

²⁸ Там же. С. 275.

dochodzi. Atoli w się tycze strony kn Szuyskich widząc co na tem y sławie W.K.Mći y pewności tutejszych spraw należało, przywiódłem do tego rzeczy, iakom iuż W.K.Mći oznaymił, że mi są wydani Kn Dimitry y Kn Iwan, bez chyby iuż w Białey są, albo i gdzie daley, ieśliś W.K.Mć roskazał. Kn Wasileyi iest na Osipowie, za pilną P. Ruckiego strażą : pisałem, tosz i teraz powtarzam, że tego trzeba iest, iszbyś go W.K. Mć raczył roskazać gdzie indziej przenieść, o czym trzeba roskazania W.K. Mći do P. Ruckiego. Co się tycze contenta, ktore są w Instructy W.K. Mći do P. Referendarza Ligo, ktorey tesz copia mnie iest przysłana, czynimi społem staranie, tako zyskaniu rzeczy skarbowych i innych dochodow skarbowi należących iako i w inszych rzeczach, żeby się we wszystkim mogło dogodzić roskazaniu W.K.Mći.

Lecz trzeba W.K.Mći wiedzieć, że skarb jest bardzo wyniszczony. A co się tycze woyska, pisałem był do W.K.Mći zrazu, tusząc że ten impostor nie miał się tak krzepić, jako się teraz dzieje, żeby się było woyska umnieyszyło dla ulgowania kosztowi. Ale isz y Impostor przecie trzyma, y insze ważne consideracie, ktore się potem ukazały potrzebują tego, pisałem znowu do W.K.Mći, y teraz tosz piszę, że dokąd rzeczy gruntownie się nie uspokoją, Impostor zniesiony nie będzie, potrzeba iest wszystko woysko W.K.Mći zadzierzeć. Jakosz to woysko ktore ze mną było, widząc y sami taką tego potrzebę, za moją tesz instancją zatrzymali się, choć to w wielkich swych niedostatkach, o których posyłaia posły swe do W.K. Mći. Za umową z Boiary zabiegaiąc temu żeby w stolicy motus iaki się niewszczał, ktoryby wszystkie rzeczy mógł pomieszać y powariować, wprowadziłem woyska większą część do zamku, ostatek odwiódłem ku Możaysku, żeby Impostorowi s tego woyska wstręt był. Lecz iakom to pierwiey do W.K.Mći pisał, rozumiem rzecz być potrzebną, żebyś W.K.Mć Panu Staroscie Uswiatskiemu ten postępek przeciwko Impostorowi poruczyć raczył, ktory gotow iest tego się podiąć, gdy mu to od W.K.Mći zlecono będzie, a nikomu snadniey iako iemu, ktory się zna i cointelligentią ma s temi wszystkimi ktoryzy przy Impostorze są. Wyprawiaią Boiarrowie część woyska z Kn Worotinskim, złączywszy wszystko do kupy ile anni tempus pozwoli, może potężnie przeciwko niemu czynić, bo nie o wielu ludzi do tąd przy nim słyhać. Postanowiwszy tak te rzeczy y w porządek wprawiwszy, mam wolią sam iako najprędzey zbieżeć do W.K. Mći gdysz przez list nie mogę tak dostatecznie W.K.Mći wszystkiego wypisać, iako ustnie o wszystkim sprawa się dać może. S tem unizone służby etc.

Cedula

Te tam wszystkie kraie ad mare Hyperboreum, Wołogda, Białeiezioro, Totma y insze całowały chrest y na łaskę K.J.Mći się udały. Z Nowogroda Wielkiego przysłali z listy do Boiar, pytaiąc się iakim sposobem uczynili postanowienie z W.K. Mćią, to samo wspominaiąc, żeby była pewność nie odmienienia wiary, że i oni chcą także chrest całować, iako stolica uczyniła. Jachał tam Iwan Michayłowicz Sołtykow, tusząc że do tego czasu y tam rzeczy spokojne. Do Toropca do Luk, do Siebiera, do Newlia, do Zawłoczja, do Opoczki, Ostrowa ku Pskowu wyprawiliśmy Gregoreia Woluiowa, choć nie tak wielkiej family, ale człek iest z dobrym rossądkiem. Więc do tego upewniony iest człowiek, nie mam o nim żadney wątpliwosci, pewniem że tam będzie wiernie W.K.M. służył. Ten to iest ktory w Ostroszku był z woyskiem y s Kn Jeleckim. Wszystkie zamki poblisze Troyca, Jarosław, Włodzimierz, Kostromia, Pereasław, Rostow, Suzdal, Uhlec, Kaszyn, wszystkie są in fide W.K.Mći. Rozsyłaią Boiarrowie do Kazany, Astrachany, y po wszystkim państwie, żeby wszystkich do całowania chrestu przywieść.

Druza

Kn Mscislawski barzo człowiek cnotliwy y W.K. M. denotes. Kn Iwan Siemienowicz Kurakin, wielki tesz tu iest człek między niemi, z Kn Borisem Łykowem iedna liga, obwy tesz chętnie się ofiaruią W.K. Mći służyć. Siła na tych ludziach należy, dobrze żebyś W.K.M. gładkimi listami raczył iem tem barzieszy przysmak czynić do łaski swey. Artemi Izmailow z Bracią y ci się barzo chętnie ofiaruią W.K. Mći służyć. Byli ci ludzie u Szuyskie[go] barzo favoriti, a zatym teraz od wielu inuidie i niechęci odnoszą, a za wzięciem Kn Szuyskich isz iusz głowy nie maią wszystkie swe nadzieie na łasce W.K. Mći pokładaia. I inszy są ktore także pokazuią się W.K. Mći być chetnemi, ale długoby o tem pisać ustnie da P. Bog W.K.Mći dam sprawę.

Trzecia

Przestroga którą W.K.Mć daiesz strony Krola Angielskiego y Dunskiego strony portu Archangelskiego powiedziałem Boiarrowi. Tesz własnie przestrogę P. Tisenhausen, ktory w więzieniu na Wołogdzie siedział, od niektórych ludzi tamże w Wołogdzie słyshał. Umawiam się o tem z Boiary, iakoby tam nie przyszło do iakiego nieprzespeczenstwa y zatrudnienia tamtego portu: bo P. Tisenhausen powiadał mi, że się do tego miał y K. Carolus, stry W.K. Mći przymieszać y chcieć Monaster nieiaki Sołowki nazwany occupować, ktory z morza przychodzącym pierwszy ieszcze iest, niśli Archangelski port.

Перевод

Копия письма е[го] м[илости] п[ана] гетмана коронного к Е[го] К[оролевскому] В[еличеству] из столичного замка Москвы от 8 октября [1610 года]

Три дня назад поздним вечером приехали Молчанов²⁹ и Соловецкий³⁰; а вчера утром, не показав мне и п[ану] референдарию³¹ писем, которые В[аше] К[оролевское] В[еличество] изволили прислать для бояр, равно и те, в которых содержались назначения разных людей на должности и на управление дворцовыми именьями (по-нашему экономии), они понесли их на заседание бояр. Меня в это время не было в замке, я пребывал в лагере. Пан референдарий также нескоро об этом узнал и пришел уже тогда, когда эти письма дочитывали. Он же может достаточно рассказать В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству], как очевидец, какое commotia³² и стенание вызвали эти письма у знатнейших бояр, так что досталось и князю Мстиславскому³³, и Андрею Голицыну³⁴. Салтыков³⁵ потом сожалел о том, что так поспешил выступить с этими вещами, но уже поздно, и прежде всего мы с паном референдарием пытаемся осмыслить и уладить эти дела. Нарекания от бояр пошли по той причине, что они считают себя обездоленными, поскольку В[аше] К[оролевское] В[еличество] не взял во внимание их заступничество и заслуги. И о получении дворцовых поместий³⁶, относящихся как к казне, так и к государеву столу, говорят, что терпят от В[ашего] К[оролевского] В[еличества] умаление доходов, проходя через столь великие трудности. Тем большую invidia³⁷ вызвал в них Салтыков, кою и до этого имел великую по некоторым причинам, о которых долго писать и мало что от этого зависит.

Со вторым письмом вчера приехал татарин. О тех делах, о которых В[аше] К[оролевское] В[еличество] изволите мне приказывать: как это обычно бывает при больших расстояниях, уже свершилось то, что приказывает мне сделать В[аше] К[оролевское] В[еличество]. А именно это касается князей Шуйских: видя, что от сего зависит слава В[ашего] К[оролевского] В[еличества] и исход здешних дел, я повел все к тому, как уже сообщал В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству], что мне выданы князь Дмитрий и князь Иван³⁸; без сомнения они уже в городе Белая, а возможно и поехали куда-либо дальше, если это приказано В[ашим] К[оролевским] В[еличеством]. Князь Василий находится в Осипове под бдительной стражей пана Руцкого; я уже писал и повторю сейчас, чтобы В[аше] К[оролевское] В[еличество] изволил приказать переместить его куда-либо в другое место, о чем В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству] необходимо послать приказ к пану Руцкому.

Что касается contenta³⁹, которое есть в инструкции В[ашего] К[оролевского] В[еличества] пану референдарию литовскому, копия которой также мне переслана, то мы вместе стараемся о том, чтобы получить вещи из казны, а также иные доходы, относящиеся к казне, мы печемся и о других делах, дабы во всем угодить приказу В[ашего] К[оролевского] В[еличества]. Однако В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству] необходимо знать, что казна очень опустошена. А что касается войска, то я сразу писал В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству], что тот самозванец⁴⁰ не укрепился бы так сильно, как это произошло сейчас, если бы не уменьшалось войско из-за сокращения расходов. Поскольку самозванец все еще держится и иные произошедшие потом важные события требуют этого, я писал уже об этом В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству] и пишу сейчас

²⁹ Молчанов Михаил Андреевич (ум. 1611) – дворянин, сторонник обоих Лжедмитриев. После падения Тушинского лагеря перешел на службу к Сигизмунду III.

³⁰ Речь о Федоре Ивановиче Андронове (ум. 1613), купце-кожевнике, перешедшем на службу к Сигизмунду III и возведенном им чин думного дворянина.

³¹ Должность референдаря литовского занимал Александр Корвин Гонсевский (ум. 1639).

³² Волнение (лат).

³³ Речь о Федоре Ивановиче Мстиславском (ум. 1622).

³⁴ Речь об Андрее Васильевиче Голицыне (ум. 1611).

³⁵ Речь о Михаиле Глебовиче Салтыкове, пропольски настроенном боярине, в 1611 г. навсегда уехавшем в Речь Посполитую.

³⁶ Это русское слово записано С. Жолкевским латинскими буквами.

³⁷ Ревность (лат).

³⁸ Братья царя Василия Шуйского.

³⁹ Содержания (лат).

⁴⁰ Лжедмитрий II

вновь: пока дела не уладятся в своей основе и самозванец не будет уничтожен, необходимо задержать [здесь] все войско В[ашего] К[оролевского] В[еличества]. Войско, которое было со мной, задержалось, само видя необходимость своего присутствия, а также по моему желанию, хоть и терпит большой недостаток, о котором я сообщал через своих послов В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству].

По уговору с боярами и предупреждая то, чтобы в столице не началось какое-либо motus⁴¹, которое бы смогло смешать и остановить все дела, большую часть войска я ввел в замок, остаток же отвел к Можайску, чтобы оно могло помешать самозванцу. Но как я и ранее писал В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству], считаю необходимым, чтобы В[аше] К[оролевское] В[еличество] изволили поручить пану старосте усвятскому⁴² это выступление против самозванца; он готов сие сделать, если это будет поручено ему от В[ашего] К[оролевского] В[еличества] и никого не найти лучше него, ибо он знает и имеет *con itelligentia*⁴³ всех тех, кто пребывает при самозванце. Бояре отправят часть войска с князем Воротынским⁴⁴, соединившись все вместе, насколько позволит *anni tempus*⁴⁵ и могут предпринять сильные действия против него, потому что слышно, что при нем мало людей. Итак, рассмотрев сии дела и приведя их в порядок, желаю сам как можно быстрее убежать к В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству], ибо через письмо не могу столь подробно описать все В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству], как мог бы устно сообщить о делах. С сим низжайшие услуги etc⁴⁶.

Записка

Все те края *ad mare Hyperboreum*⁴⁷, Вологда, Белоозеро, Тотьма и другие *целовали крест*⁴⁸ и отделились на милость В[ашего] К[оролевского] В[еличества]. Из Великого Новгорода прислали с письмами к боярам, спрашивая, каким образом они учинили договор с В[ашим] К[оролевским] В[еличеством], указывая также, что если они могут быть уверены в том, чтобы не менять веру, то и они также, как и столица, хотят *целовать крест*. К ним выехал Иван Михайлович Салтыков⁴⁹, так что до сего времени и там дела спокойны. В Торопец, в Луки, в Себеж, в Невель, в Заволочье, в Опочку, в Остров возле Пскова мы отправили Григория Валуева⁵⁰, он хоть и не так знатен, но человек рассудительный. Таким образом на это уполномочен человек, в котором я несколько не сомневаюсь, что он станет верно служить В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству]. Это тот, что был с войском в Острожке и с князем Елецким⁵¹. Все ближние замки: Троица, Ярославль, Владимир, Кострома, Переяславль, Ростов, Суздаль, Углич, Кашин – все *in fide*⁵² В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству]. Бояре посылают в Казань, Астрахань и по всему государству, чтобы всех привести к целованию креста.

Вторая

Князь Мстиславский очень добродетельный человек и В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству] *denotus*⁵³ [расположением]. Князь Иван Семенович Куракин⁵⁴ также здесь большой человек. Между ним и князем Борисом Лыковым⁵⁵ одна лига, оба также охотно предлагают свою службу В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству]. Сила за этими людьми, хорошо бы было, если бы В[аше]

⁴¹ Движение (лат).

⁴² Яну Петру Сапеге, ранее служившему Лжедмитрию II.

⁴³ Понимание (лат).

⁴⁴ Иван Михайлович Воротынский (ум. 1627), князь, боярин.

⁴⁵ Время года (лат).

⁴⁶ И прочее (лат).

⁴⁷ К северному морю (лат).

⁴⁸ Это русское выражение записано С. Жолкевским латинскими буквами. Далее оно также выделено курсивом.

⁴⁹ Сын Михаила Глебовича Салтыкова.

⁵⁰ Валуев Григорий Леонтьевич (ум. 1626) – сын боярский, думный дворянин.

⁵¹ Елецкий Федор Андреевич (ум. 1638) – князь, воевода. Вместе с Г.И. Валуевым сражался против гетмана С. Жолкевского в битве при Царево-Займище. После капитуляции принес присягу на верность Владиславу.

⁵² Верен (лат).

⁵³ Отмеченный (лат).

⁵⁴ Куракин Иван Семенович (ум. 1632) – князь, член Боярской думы.

⁵⁵ Лыков-Оболенский Борис Михайлович (1576–1646) – князь, член Семибоярщины.

К[оролевское] В[еличество] изволили ласковыми письмами еще более привить им вкус к своим милостям. Артемий Измайлов⁵⁶ с братьями, и эти весьма охотно желают служить В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству]. Сии люди были в большом фаворе у Шуйского, а посему сейчас от многих терпят враждебность и inuidie⁵⁷, а после ареста князей Шуйских уже лишились главы и все свои надежды возлагают на милость В[ашего] К[оролевского] В[еличества]. Есть и другие, которые также показывают расположение В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству], но об этом долго писать, даст Господь Бог, обо всем В[ашему] К[оролевскому] В[еличеству] ответу устно.

Третья

Предупреждение В[ашего] К[оролевского] В[еличества] об угрозе Архангельскому порту со стороны английского и датского королей я передал боярам. Это же предостережение и пан Тизенгаузен⁵⁸, который сидел в тюрьме в Вологде, там же в Вологде слышал от некоторых людей. Я говорю с боярами о том, чтобы не дошло до какой-либо опасности и затруднения для этого порта, потому как пан Тизенгаузен сказал мне, что к сему хотел присоединиться и Карл⁵⁹, дядя В[ашего] К[оролевского] В[еличества], и оккупировать некий монастырь, называемый Соловки, что для приходящих с моря стоит первым, нежели Архангельский порт.

Заключение

Обнаруженное нами пространное письмо Станислава Жолкевского королю отнюдь не походит на письмо «завоевателя», «управляющего из столицы» обширным Московским государством. Каждая его строка свидетельствует о большой осторожности и даже о страхе. Кажется, гетман без малого приходит в ужас, когда выясняется, что Боярская дума недовольна теми жалованными грамотами, которые от имени Владислава присланы были в Москву из-под Смоленска с М. Молчановым и Ф. Андроновым. Он подробно описывает Сигизмунду первых лиц временного правительства именно для того, чтобы государь считался с их положением, присылая очередные пожалования, и не давал лишний раз повода для враждебности. В письме ясно сказано, что польское войско введено в Москву «по уговору с боярами», а приведение к присяге Владиславу провинциальных городов всецело находится в руках бояр. Жолкевский также не горит желанием расправиться с самозванцем Лжедмитрием II, препоручая это Яну Сапеге, потому как сам поскорее мечтает «убежать» к королю под любыми предлогами. Любопытный момент прослеживается в тексте третьей записки, где гетман упоминает о предостережении Сигизмунда боярам о том, что датский и английский короли якобы угрожают Архангельску. Мы полагаем, что в угоду государю и сам Жолкевский измышляет сведения об угрозе Соловецкому монастырю от шведского короля, якобы сообщенные им неким лифляндским дворянином Тизенгаузеном. Цель этих фантазий заключалась в том, чтобы встревожить боярское правительство и поскорее заставить его принять последующие требования польского короля, ибо отсутствие законного царя как нельзя больше стимулировало соседей Московского государства занять его приграничные города.

Мы полагаем, что не снискавший лавры «завоевателя Москвы» гетман Станислав Жолкевский все же заслуживает лавры талантливого переговорщика-арбитра, который своей гибкостью и тактом сумел не допустить существенного кровопролития между сторонниками и противниками Владислава в самой русской столице. И произошло это потому, что он практически безоговорочно принял условия, поставленные перед ним боярами, и был крайне осторожен в своем поведении с русским

⁵⁶ Измайлов Артемий Васильевич (ум. 1634) – представитель рязанского дворянства, думный дворянин, воевода и окольничий.

⁵⁷ Зависть (лат).

⁵⁸ Вероятно, лифляндский дворянин, находящийся на службе у польского короля.

⁵⁹ Шведский король Карл IX (1550–1611).

населением вообще, придерживаясь польской поговорки «добывать хлеб хлебом». На наш взгляд, именно военачальник, лишенный иллюзий и объективно оценивающий ситуацию, склонный более договариваться, нежели воевать с родственным славянским народом, должен приводиться в качестве примера для молодежи действительно честными польскими историками, воссоздающими жизненный путь гетмана Станислава Жолкевского.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.07.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 1.12.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.12.2025

References

- Bohun, T. “Polacy na Kremlu: fakty i mity [Poles in the Kremlin: Facts and Myths].” *Sensus Historiae* XI, no. 2 (2013): 71–85 (in Polish).
- Grzybowski, S. *Wielka historia Polski. Dzieje Polski i Litwy (1506–1648)* [The Great History of Poland. The History of Poland and Lithuania (1506–1648)]. Kraków: Fogra, 2000 (in Polish).
- Eilbart, N.V. “The False Dmitry I in Polish-Lithuanian Public and Political Opinion 1603–1604.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (2020): 920–933 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-920-933>
- Eilbart, N.V. “Candidature of Ivan the Terrible for the throne of Polish-Lithuanian Commonwealth in the Polish political pamphlets of the period of first “free election” (1572–1574).” *Genesis: Historical research*, no. 3 (2020): 93–103 (in Russian), <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.3.32474>
- Eilbart, N.V. *Smutnoe vremya v pol'skikh dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Shvetsii. Kommentirovannyi perevod i istoricheskii analiz* [The Time of Troubles in Polish Documents of the Swedish National Archives. Annotated Translation and Historical Analysis]. Novosibirsk: Izdanie Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii Nauk Publ., 2013 (in Russian).
- Ilovaisky, D.I. *Novaia dinastiia* [New Dynasty]. Moscow: AST Publ., 2003 (in Russian).
- Kozlyakov, V.N. *Smutnoe vremya v Rossii v nachale XVII veka* [The Time of Troubles in Russia at the Beginning of the 17th Century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2021 (in Russian).
- Kostomarov, N.I. *Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletii* [The Time of Troubles of the Moscow State at the Beginning of the 17th Century]. Moscow: Firma «Charli» Publ., 1994 (in Russian).
- Leśniewski, S. *Na Moskwę. Polacy na Kremlu w XVII wieku* [To Moscow: Poles in the Kremlin in the 17th Century]. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2024 (in Polish).
- Markhotsky, N. *Istoriia Moskovskoi voiny* [History of the Moscow War]. Moscow: «Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia» (ROSSPEN) Publ., 2000 (in Russian).
- Nechvolodov, A.D. *Istoriia Smutnogo vremeni v Rossii. Ot Borisa Godunova do Mikhaila Romanova* [History of the Time of Troubles in Russia. From Boris Godunov to Mikhail Romanov]. Moscow: Alistorius Publ., 2013 (in Russian).
- Niemcewicz, J.U. *Dzieje panowania Zygmunta III, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego itp.* [History of the reign of Sigismund III, King of Poland, Grand Duke of Lithuania, etc.]. Warszawa: Nakładem Wydawnictwa Biblioteki Polskiej, 1819 (in Polish).
- Polak, W. *Żółkiewski. Pogromca Moskwy. Biografia* [Żółkiewski. The Conqueror of Moscow. A Biography]. Kraków: Wydawnictwo Biały Kruk, 2020 (in Polish).
- Pirling, P. *Dmitrii Samozvanets. Serii «Sled v istorii»* [Dmitry the Pretender. Series “Trace in History”]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 1998 (in Russian).
- Samsonowicz, H., and Tazbir, J. *Tysiącletnie dzieje* [A thousand years of history]. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 2001 (in Polish).
- Soloviev, S.M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. Moscow: Mysl' Publ., 1989 (in Russian).
- Szpaczyński, P. “Spór o Stanisława Żółkiewskiego [The dispute over Stanisław Żółkiewski].” *Almanach Historyczny* 25 (2023): 427–449 (in Polish).

- Zholkevsky, S. “Nachalo i uspekhn Moskovskoi voiny [The Beginning and Success of the Moscow War].” In *Zapiski Stanislava Nemoevskogo (1606–1608). Rukopis’ Zholkevskogo*, 364–398. Ryazan: Aleksandriia Publ., 2006 (in Russian).
- Zolotova, E. Yu. *Illyustrirovannye rukopisnye knigi i dokumenty Zapadnoi Evropy IX–XVIII vekov. Sobranie Arkhiva Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN. Nauchnyi katalog* [Illustrated manuscripts and documents of Western Europe from the 9th to the 18th centuries. Collection of the Archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Scientific catalog]. St. Petersburg: Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia Publ., 2024 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Наталья Владимировна Эйльбарт, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX века, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; Россия, 191181, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48-50-52АК; ejlbart@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0021-073X>; SPIN-код: 7287-4431.

Natalia Vladimirovna Eilbart, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Professor of the Department of Russian History from Ancient Times to the Early 19th Century, Herzen State Pedagogical University of Russia; 48-50-52 AK, naberezhnaya reki Moyki, St. Petersburg, 191181, Russia; ejlbart@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0021-073X>; SPIN-code: 7287-4431.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-178-190>

EDN: XXPNHA

Научная статья / Research article

Дневники лейтенанта флота Я.К. Туманова 1912 г. в контексте его автобиографического и литературного наследия

Кирилл Борисович Назаренко , Мария Александровна Смирнова

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^b Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия

 smirnmar@gmail.com

Аннотация: Впервые в отечественном источниковедении исследуются дневники русского морского офицера Язона Константиновича Туманова (1883–1955) из собрания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Они охватывают события 1912 г., когда лейтенант Туманов в должности ревизора находился на борту канонерской лодки «Хивинец» в Средиземном море. В дневниках описаны реалии военно-морской службы и повседневной жизни флота накануне Первой мировой войны, включая взаимоотношения офицеров между собой и с нижними чинами, ежедневную службу и развлечения, светскую жизнь «на берегу», а также отражение внешнеполитических и дипломатических событий Первой Балканской войны (1912–1913). Эмигрировавший после революции 1917 г. в Латинскую Америку князь Я.К. Туманов посвятил этим событиям цикл литературных произведений, однако именно дневники позволяют со скрупулезной точностью восстановить обстоятельства и имена действующих лиц. Особая значимость обнаруженного памятника заключается в том, что он является единственным сохранившимся дневником офицера, находившегося на стационарной службе в Средиземном море в 1910-е гг. Авторы приходят к выводу, что ценность обнаруженных дневников Я.К. Туманова заключается в том, что они содержат неформальные сведения о русских морских офицерах и являются важным источником по истории русского флота и повседневной жизни морских офицеров накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: история военно-морского флота, автобиографические памятники, Первая Балканская война, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Русское зарубежье

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-78-10135 «Возникновение и развитие автобиографической традиции в русской письменной культуре конца XVI – начала XX в. в контексте изучения изменений в сознании человека эпохи Нового времени».

Для цитирования: Назаренко К.Б., Смирнова М.А. Дневники лейтенанта флота Я.К. Туманова 1912 г. в контексте его автобиографического и литературного наследия // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 178–190. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-178-190>

Navy Lieutenant Ya. K. Tumanov's Diaries of 1912 in the Context of his Autobiographical and Literary Heritage

Kirill B. Nazarenko ^a, Maria A. Smirnova ^b✉

^a St.-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

^b National Library of Russia, St. Petersburg, Russia

✉ smirnmar@gmail.com

Abstract: The article is devoted to two volumes of diaries of Russian Navy officer Yazon Konstantinovich Tumanov (1883–1955) from the collection of the department of manuscripts of the National Library of Russia, which have not been introduced into scientific use. They cover the events of 1912, when Lieutenant Tumanov, as an inspector, was on board the gunboat *Khivinets* in the Mediterranean Sea. The diaries describe the realities of naval service and everyday life of the Navy on the eve of World War I: relations between officers, relations with lower ranks, daily service and entertainment, social life “on land,” as well as foreign policy and diplomatic events of the First Balkan War (1912–1913). Prince Ya.K. Tumanov, who emigrated to Latin America after the 1917 revolution, dedicated a number of literary works to these events, but it is the diaries that make it now possible to reconstruct the circumstances and names of the characters with accuracy. The discovered artifact is of particular significance as it is the only surviving diary of an officer who was on service in the Mediterranean Sea in the 1910s. The authors conclude that the value of Ya.K. Tumanov's diaries lies in the fact that they contain informal information about Russian Navy officers and are an important source for the history of the Russian Navy and everyday life of officers on the eve of World War I.

Keywords: Ya.K. Tumanov, diaries, history of the navy, autobiographical culture, First Balkan War, Manuscript Department of the National Library of Russia, Russian Diaspora

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: The work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project № 22-78-10135 “The emergence and the development of the autobiographical tradition in Russian written culture of the late 16th – early 20th centuries in the context of changes in human consciousness of the Modern period”.

For citation: Nazarenko, K.B., Smirnova, M.A. “Navy Lieutenant Ya. K. Tumanov's Diaries of 1912 in the Context of his Autobiographical and Literary Heritage.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 178–190 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-178-190>

Введение

Актуальность. Автобиографическое наследие представителей русской эмиграции неизменно привлекает внимание исследователей на протяжении нескольких последних десятилетий. Особым направлением изучения культуры Русского зарубежья стало обращение к архивам, систематизация и издание обнаруженных памятников мемуарной и художественной литературы.

Степень изученности проблемы. Опубликованные в зарубежных изданиях воспоминания и дневники представителей русской эмиграции описаны в фундаментальном каталоге, подготовленном коллективом специалистов во главе с А.Г. Тартаковским, Т. Эммонсом и О.В. Будницким¹. В отношении неизданных произведений такая работа ввиду ее чрезвычайной сложности произведена не была. Архивы представителей первой волны эмиграции зачастую не составляют единого комплекса

¹ Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. / Научн. ред. А.Г. Тартаковский, О.В. Будницкий, Т. Эммонс. М., 2003–2006.

и находятся в различных странах, в составе государственных архивохранилищ или у потомков². «Узловыми точками в процессе формирования и распределения архивных коллекций являются следующие факторы: эмиграция как окончательный отъезд за рубеж, возвращение культурных ценностей в Россию после окончания Второй мировой войны, соби́рание эмигрантской россики за рубежом и хорошо освещенная деятельность аукционных домов в начале XXI в., по которой видно, как оставшиеся в семьях документы ищут новых владельцев», – отмечает М.К. Крышталева в исследовании о разделенном на части собрании художника А.Н. Бенуа³. Примером подобной ситуации может служить судьба личного архива морского офицера Язона Константиновича Туманова (1883–1955). Его биография хорошо известна специалистам по истории военно-морского флота и подробно представлена в недавней работе Н.А. Кузнецова и Б.В. Соломонова⁴. Современная историография обращает особое внимание на самоценную проблему феномена российского офицерства начала XX в., в том числе личностного сознания представителей данной социальной группы в Российской империи⁵. Наконец, актуальность приобретают исследования, связанные с реконструкцией личных и семейных архивов⁶.

Цель исследования состоит в ведении в научный оборот неизвестных дневников 1912 г. Я.К. Туманова, хранящихся в собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Обнаруженный памятник важен в контексте уже опубликованных и активно привлекаемых специалистами его дневников, мемуарных очерков и художественных рассказов. Офицерский корпус русского флота – «клуб для избранных», к которому принадлежал Я.К. Туманов, является предметом специального просопографического исследования⁷.

Источниковой базой послужил весь комплекс автобиографического и литературного наследия Я.К. Туманова, включающий как опубликованные, так и рукописные произведения: дневники 1904–1905 и 1912 гг., очерк «Мичмана на войне» и цикл публикаций в издаваемых в Нью-Йорке «Морских записках». Для реконструкции обстоятельств, описанных князем Я.К. Тумановым в дневниках 1912 г., привлекались документальные материалы из отечественных архивохранилищ, в особенности Российского государственного архива Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ). Наконец, авторы статьи опирались на широкий спектр автобиографической литературы современников Туманова – прежде всего, морских офицеров.

² Попов А.В. Русское зарубежье и архивы: история российской эмиграции в отечественных и зарубежных хранилищах // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2008. № 8. С. 151–183. EDN: KWKPZH

³ Крышталева М.К. Архив Александра Бенуа: формирование и распределение // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 173. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.110> EDN: НТКTRV

⁴ Вместо предисловия. Князь Я.К. Туманов — флотский офицер, мемуарист и литератор // Язон Туманов. Четыре войны русского морского офицера. От Русско-японской до Чакской войны. М., 2020.

⁵ Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9. № 1. С. 6–12. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12> EDN: IQPMHC

⁶ Сабенникова И.В. Личные архивы и их трансформация в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 251–257. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-251-257> EDN: WLOQPO

⁷ Назаренко К.Б. Закат царского флота: Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. EDN: YSYAJF

«Последний рыцарь Империи»

Карьера Я.К. Туманова как русского флотского офицера до революции была вполне типична. Он окончил Морской кадетский корпус в начале 1904 г. в составе знаменитого «Царского выпуска». В начале русско-японской войны было принято решение о завершении обучения старшим курсом досрочно и без экзаменов. Николай II лично приехал поздравить гардемарин с этим знаменательным событием, что навсегда осталось в памяти молодых людей и в неформальном названии выпуска⁸. В марте 1904 г. молодой мичман был назначен вахтенным офицером на броненосец «Орел», находившийся в достройке. Я.К. Туманов проделал с «Орлом» весь путь на Дальний Восток. В Цусимском сражении командовал плутоном противоминных орудий, в самом начале боя был тяжело ранен. Вместе с экипажем броненосца мичман оказался в японском плену.

После возвращения на родину Туманов продолжил службу на флоте и Первую мировую войну встретил в чине старшего лейтенанта, а в 1916 г. был произведен в капитаны 2 ранга⁹. Офицер не принял Октябрьскую революцию и возглавил Особое отделение Морского управления Вооруженных сил Юга России¹⁰. «Последний рыцарь Империи», по определению Б.Ф. Мартынова, Туманов был вынужден покинуть Россию в 1920 г.¹¹ Морской офицер эвакуировался в Константинополь, затем переехал в Югославию и уже в 1924 г. оказался в Латинской Америке¹². На долгие годы его пристанищем стал Парагвай, где он принимал деятельное участие в жизни русской общины. Эмигранты из России, армейские и морские офицеры, способствовали организационному строительству военных и морских сил этой латиноамериканской страны. Я.К. Туманов стал военно-морским советником, принимал участие в Чакской войне (1932–1935) между Парагваем и Боливией. Убежденный монархист, он был видной фигурой в РОВСе, уполномоченным Главы Российского Императорского дома (Владимира Кирилловича) в Латинской Америке, членом Исторической комиссии Общества бывших русских морских офицеров в Америке¹³. Князь Туманов активно участвовал в культурной жизни Парагвая: состоял почетным вице-председателем «Очага русской культуры и искусств», занимался строительством православного храма в Асунсьоне, учредил русскую библиотеку¹⁴. В 1955 г. в последний путь его провожали члены русской общины и «многочисленные представители парагвайского флота»¹⁵.

⁸ *Гладкий С.В.* День 28 января 1904 года в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге // Морской кадетский корпус в воспоминаниях современников / Сост. А.Ю. Емелин. СПб., 2003. С. 69–77; *Граф Г. Моряки.* СПб., 1997. С. 70; *Т[итопольт] Н.* О выпуске 1904 года // Морской журнал. 1939. № 1. С. 12–13.

⁹ *Кузнецов Н.А.* Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 305–308. EDN: QPLBNN

¹⁰ *Крестьянников В.В.* Белая контрразведка в Крыму в Гражданскую войну // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия Исторические науки. 2017. Т. 3. № 1. С. 46. EDN: YLMEFQ

¹¹ *Мартынов Б.Ф.* Цусимец князь Язон Туманов в Парагвае // Латинская Америка. 2015. № 10. С. 67. EDN: НТКTRV

¹² *Кузнецов Н.А.* Русский флот на чужбине... С. 306–307.

¹³ *Мартынов Б.Ф.* Цусимец князь Язон Туманов в Парагвае... С. 79.

¹⁴ *Кузнецов Н.А.* Русский флот на чужбине... С. 309.

¹⁵ Вместо предисловия. Князь Я.К. Туманов – флотский офицер, мемуарист и литератор... С. 26.

Публицистическое и мемуарное наследие Я.К. Туманова

В последние десятилетия личность Я.К. Туманова вызывает пристальный интерес специалистов по истории русской эмиграции не только из-за его профессиональной деятельности, но и благодаря публицистическому и мемуарному наследию. Князь обладал несомненным литературным талантом и стал известен как литератор, издавший в Праге в 1930 г. беллетризованные воспоминания «Мичмана на войне», посвященные событиям русско-японской войны¹⁶, а также цикл публикаций в нью-йоркском журнале «Морские записки» с рассказами о своей жизни. «Как морской писатель князь, безусловно, стоит наравне, если не выше, Станюковича, Вл. Семенова и других», – отмечалось в некрологе в этом издании¹⁷. В нынешнем столетии все известные сочинения Я.К. Туманова были переизданы. «Мичмана на войне» были опубликованы сотрудником Центрального военно-морского музея К.П. Губером в 2002 г.¹⁸, а также вместе с заметками Туманова в журнале «Морские записки» вошли в книгу Н.А. Кузнецова и Б.В. Соломонова «Четыре войны морского офицера» 2020 г.¹⁹

Помимо воспоминаний князь Туманов вел ежедневные записи. До настоящего времени научному сообществу был известен лишь его дневник 1904–1905 гг., в котором он описывал свое участие в событиях русско-японской войны, в том числе накануне Цусимского сражения. Оригинал сохранился в фонде цусимца, писателя А.С. Новикова-Прибоя в Отделе рукописей РНБ²⁰. Дневник начинается с событий 30 октября 1904 г. в Дакаре и доведен до 13 марта 1905 г., когда «Орел» находился в Индийском океане. Тетрадь заполнена полностью, записи заходят даже на переплетный лист; очевидно, что в нее помещен не весь текст дневника. Сохранилось несколько копий дневника, переписанных в 1905 г. в японском плену офицером «Орла» Л.В. Ларионовым с оригинала, а затем напечатанных им на машинке. Ныне два экземпляра хранятся в Отделе рукописей РНБ²¹, а один – в РГАВМФ²². В копиях повествование дневников доведено до 20 апреля 1905 г., и Ларионовым сделано примечание:

Записки, переписанные в плену в Японии. Записки велись с выхода броненосца из Кронштадта, но часть их утеряна во время событий 14 и 15 мая 1905 г.²³

Текст «Цусимского дневника» Туманова был опубликован К.Б. Назаренко в 2014 г. в сборнике ««Орел» в походе и в бою» по машинописной копии Л.В. Ларионова²⁴.

¹⁶ Туманов Я.К. Мичмана на войне. Прага, 1930.

¹⁷ Г.Н.Т. Памяти капитана I ранга князя Язона Константиновича Туманова // Морские записки. 1956. № 1. С. 72.

¹⁸ Туманов Я.К. Мичмана на войне. СПб., 2002.

¹⁹ Язон Туманов. Четыре войны русского морского офицера...

²⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 524 (А.С. Новиков-Прибой). Оп. 2. № 57. Л. 1–91.

²¹ ОР РНБ. Ф. 422 (Л.В. Ларионов). № 16, 17; Ф. 524. Оп. 2. № 57. Л. 97–175.

²² Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ). Ф. 763 (Дневники, заметки, записки, вырезки из газет о русско-японской войне (коллекция)). Оп. 1. № 302. О материалах данной коллекции см.: Емелин А.Ю. Материалы личного происхождения о Русско-японской войне в фондах РГАВМФ // Россия и АТР. 2014. № 1. С. 111. EDN: SBCUZD

²³ ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. № 57. Л. 97, 98.

²⁴ «Орел» в походе и в бою: Воспоминания и донесения участников Русско-японской войны на море в 1904–1905 годах. СПб., 2014.

Сведений о наличии дневников у Я.К. Туманова за другие годы ни в литературе, ни в архивных справочниках не имелось. Н.А. Кузнецов при переиздании эмигрантских очерков Туманова отметил, что судьба его остального автобиографического наследия остается неизвестной, и предположил, что определенные записки могли попасть в зарубежные архивохранилища. В особенности представляют интерес воспоминания о событиях 1917 г. и Гражданской войны, фрагмент из которых был помещен Тумановым в «Морских записках»²⁵.

Дневники 1912 г.

Несколько лет назад сотрудниками Отдела рукописей РНБ И.А. Поляковым и М.А. Смирновой в собрании отдельных поступлений (Ф. 1000) были обнаружены два тома дневников Я.К. Туманова за 1912 г. во время его плавания в 1911–1913 гг. в заграничном походе в Средиземном море на борту канонерской лодки «Хивинец»²⁶. Сопоставление с оригиналом цусимского дневника позволяет утверждать, что данные заметки являются автографом; текст записан в дореволюционной орфографии и содержит минимальную правку, сделанную тем же почерком. По всей вероятности, дневники были переписаны набело с более ранних записей в две тетради иностранного производства, возможно, приобретенные в экспедиции для этих целей, формата 26 x 19,5 см. Первая тетрадь состоит из 80 листов, вторая – из 40, обе заключены в картонные обложки с тканевыми корешками. В тетради вложены две открытки и одна фотография из турецкого порта Зонгулдак²⁷.

События этой экспедиции послужили сюжетом для нескольких литературных сочинений Я.К. Туманова, которые он поместил в «Морских записках». В примечании к произведению «Эскимос» он указал:

Материалом для рассказа послужили воспоминания автора об участии в заграничном плавании на канонерской лодке «Хивинец» в 1911–1913 годах²⁸.

Однако в нем есть эпизод, связанный уже с возвращением экспедиции в Россию в 1913 г. и не отраженный в обнаруженных дневниках. Очерк «По Адриатике»²⁹ не содержит подобного примечания, но основан на реальных событиях жизни офицеров «Хивинца». В начале повествования влюбленный в «почтенную даму» мичман пускает в себя пулю и оказывается в русском морском госпитале в Пирее, где его навещает экипаж и «виновница» этого происшествия. В дневниках данная история освещена более подробно, а ее герои названы своими именами: супруга командира корабля Н.А. Волкова Вера Николаевна и мичман «Хивинца» Родионов. Последующие сюжеты посвящены отдельным эпизодам из жизни лодки и ее экипажа: небольшим бытовым зарисовкам и курьезным случаям. Насколько они вымышлены, судить сложно. Очерк оканчивается рассказом о подготовке и плавании «Хивинца» в Италию, что в действительности состоялось летом 1911 г. и не отражено в дневниках.

В РГАВМФ сохранились собственноручные записки Я.К. Туманова о плавании на «Хивинце» в 1912–1913 гг., озаглавленные в описи как «Фрагменты воспомина-

²⁵ Язон Туманов. Четыре войны русского морского офицера... С. 28–29.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 2. № 1410, 1411.

²⁷ Там же. № 1410. Л. 29, 34, 35.

²⁸ Туманов Я.К. Эскимос // Язон Туманов. Четыре войны русского морского офицера... С. 332–343.

²⁹ Туманов Я.К. По Адриатике // Язон Туманов. Четыре войны русского морского офицера... С. 272–318.

ний о плавании на канонерской лодке «Хивинец»³⁰. Они представляют собой рукопись очерков «По Адриатике» 1938 г., отправленную автором в редакцию «Морских записок»: на это указывает сопоставление двух текстов, а также история поступления в собрание архива. Многочисленные материалы, связанные с русскими морскими офицерами в эмиграции, передавались в архивохранилища РФ с 1999 г. Значительная их часть поступила в РГАВМФ и образовала фонд «Коллекция материалов по истории флота, поступивших из-за границы (1799–1990-е гг.)», ныне состоящий из 5 описей³¹. Отдельные документы были переданы в Российскую национальную библиотеку³² и ряд других учреждений³³.

Мог ли князь Туманов пользоваться своими дневниками 1912 г., когда уже в эмиграции создавал эти рассказы? Ответ на подобный вопрос дает обращение к книге поступлений Отдела рукописей за 1920 г. Под № 229 находим запись:

Дневники морского офицера кн. Туманова 1904–5 и 1912 гг., 3 тома. Поступило из секции научных библиотек³⁴.

Таким образом, все три тетради поступили одновременно в 1920 г. и не были с Я.К. Тумановым, когда он покидал Россию.

При формировании современной системы фондов в 1940–1950-е гг. «Цусимский» дневник был присоединен к его копии в архиве А.С. Новикова-Прибоя, а две тетради 1912 г. определены в собрание отдельных поступлений. Принадлежность дневников Я.К. Туманову была установлена уже на этапе научной обработки и отражена в описи фонда.

Тетради дневников 1912 г. являются частями 1 и 3 и охватывают записи за 3 января – 31 марта и 3 ноября – 19 декабря 1912 г. На существование второй части указывает и сплошная авторская пагинация: первая тетрадь содержит страницы с 1 по 158, третья – с 267 по 333, третья тетрадь не дописана до конца и повествование в ней обрывается.

Судя по первым строкам, после русско-японской войны князь Я.К. Туманов забросил ведение дневника и взялся за описание своей жизни лишь в 1912 г:

Если судить по концу прошлого 1911-го года, то наступивший 12-й должен быть таким интересным, что стоит того, чтобы вспомнить доброе старое время и начать вести дневник. Для такого лентяя как я это решение чего-нибудь да стоит, но меня успокаивает старый опыт, когда я, в условиях неизмеримо худших и трудных, нежели нынешние, вел почти повседневную запись событий в продолжении 8 месяцев, и весь секрет лишь в том, чтобы они (события) стоили того, чтобы их записывать³⁵.

Стационарная служба в изображении Я.К. Туманова

Князь Туманов начинает вести записи на борту канонерской лодки «Хивинец», которая была построена после русско-японской войны для стационарной службы и выполнявшей обязанности по «демонстрации флага» в Средиземноморье. Автор

³⁰ РГАВМФ. Ф. Р-2246 (Коллекция материалов по истории флота, поступивших из-за границы (1799–1990-е гг.)). Оп. 2. № 103.

³¹ РГАВМФ. Ф. Р-2246 (Коллекция материалов по истории флота, поступивших из-за границы (1799–1990-е гг.)). Оп. 1–5. 801 ед. хр.

³² ОР РНБ. Ф. 1424 (Собрание материалов музея «Родина»). 114 ед. хр.

³³ Гаврилов В.Г. Документы из собрания общества «Родина» в РГАВМФ: история, состав, использование // Отечественные архивы. 2023. № 1. С. 38–44. EDN: JFCOCZ

³⁴ ОР РНБ. Книга поступлений. 1920. Л. 4. № 229.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1411. Л. 1.

дневника в 1911–1912 гг. находился на «Хивинце» ревизором³⁶, в его обязанности входило заведование денежными средствами, материальная ответственность за содержание частей судового имущества, заведование делопроизводством, одновременно он нес и общую корабельную службу³⁷. При этой службе боевой подготовке уделялось самое скромное внимание, тогда как больше всего обращали внимание на чистоту и порядок. Учения отмечались как исключительные явления и то вызванные чрезвычайными обстоятельствами:

Начали служить. Ежедневно подъем флага с церемонией и затем тревоги, ученья, ученья и тревоги. Секрет в том, что накануне ухода нашего из Пирея была получена из Главного Морского Штаба бумажка следующего содержания: «Ввиду предполагаемого в скором времени прибытия лодки “Хивинец” для ремонта в Севастополь, никаких смен офицеров до прихода лодки туда произведено не будет»... Все успокоились, кроме командира, который тоже надеялся, что его сменят здесь. Теперь он увидел, что ему придется вести лодку в Севастополь, по прибытии куда нам, наверное, будет произведен смотр. Вот причина усиленных занятий на «Хивинце»³⁸. Вчера, после богослужения — редкое событие: «Корабль к осмотру». Хозяин (командир канонерской лодки Н.А. Волков, — *К.Н., М.С.*) часа 1½ обходил лодку и, по-видимому, ознакомился с положением вещей перед скорой сдачей корабля³⁹.

Большая часть времени, описанная в дневнике, состояла из стоянок в Пирее — крупном порту в пригороде Афин, и Суде — военно-морской базе на о. Крит, что было вполне обычно для стационарной службы на Средиземном и Черном морях, но вызывало удивление моряков Балтийского флота. Так, посетивший Севастополь летом 1912 г. однокурсник Я.К. Туманова по Морскому корпусу лейтенант Г.К. Граф в воспоминаниях отмечал:

В то лето Черноморский флот отчего-то мало плавал, и корабли занимались у Севастополя прохождением учебных стрельб и другими учениями. Только раз он вышел в обход всего побережья. <...> Для нас, офицеров Балтийского флота, такая неподвижность кораблей казалась странной. Мы были приучены адмиралом Эссенем к большой подвижности. Летом он редко давал кораблям подолгу стоять на якоре. Впрочем, была большая разница между Балтийским театром и Черноморским. Плавание по Финскому заливу, шхерам и по Балтийскому морю было несравненно труднее и требовало гораздо большей практики, чем по Черному морю⁴⁰.

С июня по октябрь 1912 г. лодка находилась на ремонте в Севастополе⁴¹, эти события должны быть отражены во второй тетради дневника, местонахождение которой пока не известно. Тумановым описаны небольшие переходы между базами на Средиземном море и в Зонгулдак — крупнейший углепогрузочный порт Черноморского побережья Турции, интересные события и происшествия на борту, взаимоотношения экипажа.

Автор дневника не испытывает иллюзий по поводу морской подготовки «Хивинца»: описав сильнейшую качку на мертвой зыби, от которой на лодке было сорвано большое количество оборудования, мебели и прочего, он замечает:

Вот что значит месяцами стоять на месте, а для редких походов тщательно выбирать тихие и штилевые дни!⁴²

³⁶ Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине... С. 305–306; Г. Н. Т. Памяти капитана I ранга князя Язона Константиновича Туманова... С. 70.

³⁷ Заицк И.И. Русский флот: Справочная книжка для сухопутных офицеров. СПб., 1912. С. 47–48.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1411. Л. 16.

³⁹ Там же. Л. 31 об.

⁴⁰ Граф Г.К. Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906–1914 / Примеч. и послесловие А.Ю. Емелина. СПб., 2006. С. 294. EDN: QPJOVJ

⁴¹ РГАВМФ. Ф. 401 (Главное управление кораблестроения). Оп. 4. № 89; Оп. 6. № 12.

⁴² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1411. Л. 35 об.

Повседневность на страницах дневников Я.К. Туманова

Основное содержание первой тетради дневника составляют слухи и сплетни, отмечание праздников, любовные коллизии членов экипажа и дам. Подобного рода экспедиции русского флота негласно именовали «крестовыми походами»: при посещении портов многочисленных второстепенных государств Средиземноморья русские офицеры получали местные ордена («кресты»): чаще всего греческие (королевой Греции в 1867–1913 гг. была двоюродная тетка Николая II Ольга Константиновна) и Патриарха Иерусалимского.

Я.К. Туманов занят мелочами жизни, обсуждением личных отношений между офицерами и их женами, которые могли бы послужить материалом для романа. Не случайно, что он прямо уподобляет существование на «Хивинце» жизни маленького немецкого гарнизона, описанной в романе немецкого писателя Ф.-О. Бильзе в 1903 г.⁴³

Особенностью положения «Хивинца» была необходимость длительного нахождения в заграничном плавании (которое оплачивалось лучше, чем «внутреннее»), в пределах морей, омывающих Россию) и спокойная служба стационара, что позволяло женам офицеров жить практически вместе с ними – либо в гостиницах на берегу, либо прямо на канонерской лодке. Это, наряду со слабостью боевой и морской подготовки, вносило известный элемент разложения в офицерскую среду. Время от времени удавалось предпринимать экскурсии к природным красотам или посещать Афины, где был театр и приемы при королевском дворе. Мичман Н.А. Монастырев, в 1912 г. получивший распределение на только что спущенный на воду линкор «Евстафий», вспоминал:

Нас было около тридцати офицеров, которые как бы делились на два лагеря: женатых и холостых. В условиях жизни эти два класса отличались друг от друга, особенно в Черноморском флоте, где суда слишком много стояли на бочках и мало плавали. За это балтийцы называли Черноморцев «хуторянами». И надо признать, в этом была доля правды. Занятые днем службой на корабле, после работ, которые кончались обычно в 17 часов, женатики, как мы их называли, поспешно садились на катер и уезжали к своим семьям на берег. Наоборот, холостые большей частью проводили вечера вместе на корабле, изредка съезжая на берег для развлечений, которых, кстати сказать в Севастополе, как типичном военном порте было мало. <...> Естественно, при таких условиях, корабль становился домом и семьей⁴⁴.

Среди дам, проживающих в Пирее и часто бывавших на борту, была и супруга автора дневника Надежда Владимировна Туманова, урожденная Чабовская, выпускница Петербургской консерватории, позже в Парагвае основавшая Школу лирического пения и активно участвовавшая в деятельности Музыкального общества в Асунсьоне⁴⁵. Не обремененные суровыми условиями службы офицеры были заняты романами и светской жизнью. Пьянство, карточные игры, курение опиума и амурные

⁴³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1411. Л. 8 об. Роман Ф.-О. Бильзе в России был опубликован в 1904 г. несколькими изданиями в разных переводах: *Бильзе Ф.-О. Из жизни одного маленького гарнизона* / пер. Н.И. Ивановой. М., 1904.

⁴⁴ Честь офицеров: Записки и дневник участников Белого движения / сост. М.И. Першин. М., 2010. С. 203.

⁴⁵ *Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг.* М., 2011. С. 130. EDN: TASQAB

похождения составляли досуг многих из них. Я.К. Туманов, по его собственным словам, пытался в это не вовлекаться:

Несмотря на всю мерзость и грязь, которая льется потоками вокруг меня, и, которую я не могу не замечать, я все же стараюсь видеть minimum этой грязи, стараюсь пополюшку это возможно видеть окружающих меня людей лучше, нежели они, быть может, есть на самом деле⁴⁶.

Все эти картины повседневной жизни происходили в преддверии Первой Балканской войны (1912–1913), которая развернулась на Средиземном море между Балканским союзом и Османской империей. Боевые действия начались в октябре, когда «Хивинец» был на ремонте в Севастополе. В третьей тетради дневника, начинающейся с 3 ноября 1912 г., тон повествования меняется, автор все меньше пишет о развлечениях и слухах и все больше – об изменившейся обстановке. В это время в военно-морском руководстве активно обсуждается возможность решительных действий Черноморского флота в районе Проливов⁴⁷, и «Хивинец» в ноябре–декабре совершает переход из Севастополя к берегам Турции. Экстренное окончание ремонта, погрузка и переход занимают все внимание автора дневника. Но уже 5 декабря, когда канонерская лодка вернулась в Суду, он оставляет запись:

Никаких событий, ничего интересного. Жизнь течет однообразная и скучная. Я почти не съезжаю на берег, изредка, на час, на два пройтись или же повинтить в собрании⁴⁸.

Я.К. Туманов объективно оказался в «глухом гарнизоне», лишь однажды он имеет случай повествовать о выполнении службы, для которой «Хивинец» находился в восточном Средиземноморье, описав этнические столкновения между греками и турками на Крите в феврале 1912 г.⁴⁹ Автору дневника были не чужды рассуждения о политике, например, о возможности аннексии Крита Россией. Впрочем, он не увлекался этими мечтами, понимая слабость присутствия России в регионе на фоне Великобритании и Франции⁵⁰.

19 декабря 1912 г. в тетради была сделана последняя запись. Остается лишь догадываться, прекратил ли Я.К. Туманов вести свой дневник или же просто не переписал дальнейшие записи набело.

Текст Я.К. Туманова мог бы показаться единственно возможной формой рефлексии скучной военной повседневности, если бы не пример другого дневника той же эпохи – офицера лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады В.С. Савонько, который «был типичным выразителем тяги русского офицерства к гуманитарному знанию»⁵¹. Не покидая военной службы, он окончил Археологический институт в Санкт-Петербурге и впоследствии стал одним из виднейших коллекционеров и специалистов по эклибрису. Осознавая роль своего дневника как исторического источника, он предварил чистовой экземпляр такой фразой:

Если бы ближайшие люди к Отрепьеву писали тогда свои записки! Вышло бы, ей-богу, недурно! Летописец наш, пиша свой труд, завещанный от Бога, вносил только «важные» события <...>.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1411. Л. 7 об. – 8.

⁴⁷ Россия и Черноморские проливы. М., 1999. С. 286–287; Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М., 2010. С. 136–137.

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1410. Л. 26 об.

⁴⁹ Там же. Л. 31 об. – 33.

⁵⁰ Там же. Л. 40–40 об.

⁵¹ Назаренко К.Б. Мир офицера русской гвардии в дневниках В.С. Савонько (1899–1909 гг.) // Военная история России XIX–XX веков: Материалы VIII Международной военно-исторической конференции. СПб., 2015. С. 95. EDN: WIZVQH

А вот если бы он вносил и всякие «неважные» события, то в настоящее время – он (если б мог воскреснуть) увидел бы, что эти неважные «тогда» события, может быть, перевернули бы весь взгляд на «начало» русской истории, и сам Нестор ужаснулся бы – какие горизонты открылись бы нам, сопоставляя опять-таки все эти неважные события⁵².

Подобно В.С. Савонько, князь Я.К. Туманов добровольно берет на себя обязанности «летописца» и фиксирует день за днем и мелкие ничего не значащие происшествия и разговоры, и события, предопределившие дальнейший ход истории. Дневники представляют собой серию ежедневных «фотоснимков» с действительности, на которых запечатлено все, что попало в объектив автора. В этом их кардинальное отличие от более поздних литературных и публицистических произведений, в которых события 1910-х гг. значительно переосмыслены. Сравнительное изучение дневниковой практики В.С. Савонько и Я.К. Туманова позволяет сделать еще одно наблюдение, важное для понимания автобиографической культуры представителей русского офицерства. Оба автора вели дневники, будучи младшими офицерами и занимая схожие должности: Савонько был бригадным казначеем, Туманов – ревизором, также заведовавшим финансами. По-видимому, определенные черты характера (аккуратность, педантичность, усидчивость) позволяли обоим успешно исполнять возложенные на них служебные обязанности, а также толкали к желанию взяться за перо⁵³. И Туманов, и Савонько вели дневники исключительно из личных потребностей, их заметки не были общим достоянием и не зачитывались в кругу сослуживцев. В отличие от военного времени, когда к ведению регулярных записей обращались многие⁵⁴, дневников межвоенного периода сохранилось значительно меньше.

Заключение

Ценность обнаруженных дневников Я.К. Туманова заключается в том, что они содержат неформальные сведения о русских морских офицерах и являются важным источником по истории русского флота и повседневной жизни морских офицеров накануне Первой мировой войны. К настоящему времени неизвестны другие воспоминания или дневники, созданные офицерами флота, проходившими стационарную службу в Средиземном море в 1910-е гг. Несмотря на то, что дневники 1912 г. атрибутированы и включены в опись, исследователи к ним до сих пор не обращались. Учитывая повышенный интерес к русскому дореволюционному морскому офицерству, а также к автобиографическому наследию Я.К. Туманова, их изучение и издание представляется актуальным. Помимо своей значимости для научного сообщества, дневники будут интересны широкому кругу читателей, поскольку они воссоздают картину мира офицера русского флота в преддверии кардинальных изменений в жизни страны.

Поступила в редакцию / Submitted: 22.04.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 26.10.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.11.2025

⁵² Черная книга. Дневники гвардейского офицера В.С. Савонько. 1899–1909 / сост. А.И. Алексеев, К.Б. Назаренко и М.А. Смирнова. М., 2019. С. 101.

⁵³ Ревизорские обязанности исполнял и Г.К. Граф, автор мемуарной тетралогии о русском императорском флоте, созданной уже в эмиграции.

⁵⁴ *Сенявская Е.В., Сенявский А.С., Жукова Л.В.* Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: Очерки по военной антропологии. М.; СПб., 2017.

References

- Bilze, F.-O. *Iz zhizni odnogo malen'kogo garnizona* [From the life of one small garrison]. Moscow: M.A. Kovner Publ., 1904 (in Russian).
- Chest' ofitserov: Zapiski i dnevnik uchastnikov Belogo dvizheniia* [Honor of Officers: Notes and Diary of Participants in the White Movement]. Moscow: Voenizdat Publ., 2010 (in Russian).
- Chernaia kniga. Dnevniki gvardeiskogo ofitsera V.S. Savon'ko. 1899–1909* [The Black Book. Diaries of Guards Officer V.S. Savonko. 1899–1909]. Moscow: Indrik Publ., 2019 (in Russian).
- Emelin, A.Yu. “The materials of personal origin of Russian-Japanese war in the funds RGAVMF.” *Russia and the Pacific*, no. 1 (2014): 107–117 (in Russian).
- Gavrilov, V.G. “Documents from the collection of the Rodina society in the RGAVMF: the history, composition, use.” *Otechestvennye Arkhivy*, no. 1 (2023): 38–44 (in Russian).
- Gagkuev, R.G. “‘Today we need to talk about the civil war with restraint, without the desire to take anyone’s side...’” *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity* 9, no. 1 (2024): 6–12 (in Russian), <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12>
- Gladkiy, S.V. “Den’ 28 ianvarya 1904 goda v Morskoy kadetskoy korpusy v Sankt-Peterburge [January 28, 1904, at the Naval Cadet Corps in St. Petersburg].” In *Morskoy kadetskii korpus v vospominaniakh sovremennikov*, 69–77. St. Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr «BLITS» Publ., 2003 (in Russian).
- Graf, G. *Moryaki* [Sailors]. St. Peterburg: Veche Publ., 1997 (in Russian).
- Graf, G.K. *Imperatorskii Baltiiskii flot mezhdu dvumya voynami. 1906–1914* [The Imperial Baltic Fleet between the two wars. 1906–1914]. St. Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr «BLITS» Publ., 2006 (in Russian).
- Kuznetsov, N.A. *Russkii flot na chuzhbine* [Russian fleet in a foreign land]. Moscow: Veche Publ., 2009 (in Russian).
- Krestyannikov, V.V. “The white counterintelligence in the Crimea in the period of civil war.” *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science* 3, no. 1 (2017): 42–54 (in Russian).
- Kryshchaleva, M.K. “Alexander Benois Archive: Collection and Distribution.” *Modern History of Russia* 12, no. 1 (2022): 173–184 (in Russian), <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.110>
- Luneva, Yu.V. *Bosfor i Dardanelly. Tainye provokatsii nakanune Pervoy mirovoi voiny (1908–1914)* [The Bosphorus and Dardanelles. Secret Provocations on the Eve of the First World War (1908–1914)]. Moscow: Kvadriga Publ., 2010 (in Russian).
- Martynov, B.F. “El principe Jason Roumanoff, veterano de la batalla de Tsushima en Paraguay.” *Latinskaia Amerika*, no. 10 (2015): 67–80 (in Spanish).
- Moseikina, M.N. “‘Rasseiany, no ne rastorgnuty’: russkaia emigratsiia v stranakh Latinskoj Ameriki v 1920–1960 gg. [‘Scattered, but not dissolved’: Russian emigration in Latin American countries in the 1920s–1960s].” Moscow: RUDN Publ., 2011 (in Russian).
- Nazarenko, K.B. “Mir ofitsera russkoi gvardii v dnevnikakh V.S. Savon'ko (1899–1909 gg.) [The World of an Officer of the Russian Guard in the Diaries of V.S. Savonko (1899–1909)].” In *Voennaia istoriia Rossii XIX–XX vekov: Materialy VIII Mezhdunarodnoi voenno-istoricheskoi konferentsii*, 94–103. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologii i dizayna Publ., 2015 (in Russian).
- Nazarenko, K.B. *Zakat tsarskogo flota: Morskoy ofitser Pervoy mirovoi voiny* [The Decline of the Tsarist Fleet: Naval Officers of the First World War]. Moscow: Iauza Publ., 2018 (in Russian).
- Popov, A.V. “Russian emigrants and archives: history of the Russian emigration in Russian and foreign holdings.” *RGGU Bulletin. Series: Records Management and Archive Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security*, no. 8 (2008): 151–183 (in Russian).
- Sabennikova, I.V. “Personal Archives and Their Transformation in Digital Era.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (2022): 251–257 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-251-257>
- Senyavskaya, E.V., Senyavsky, A.S., and Zhukova, L.V. *Chelovek i frontovaia povsednevnost' v voynakh Rossii XX veka: Ocherki po voennoi antropologii* [Man and Everyday Life at the Front in Russia’s 20th-Century Wars: Essays on Military Anthropology]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii Publ.; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017 (in Russian).
- Tumanov, Ya.K. *Michmana na voine* [Midshipman at war]. Prag: [N.s.], 1930 (in Russian).

Tumanov, Ya.K. *Michmana na voine* [Midshipman at war]. St. Petersburg: [N.s.], 2002 (in Russian).
Zashchuk, I.I. *Russkii flot: Spravochnaia knizhka dlya sukhoputnykh ofitserov* [Russian fleet: A reference book for land officers]. St. Petersburg: V. Berezovskii Publ., 1912 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Кирилл Борисович Назаренко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Санкт-Петербургский государственный университет; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; k.nazarenko@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5659-7318>; SPIN-код: 4200-1089.

Kirill Borisovich Nazarenko, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Department of Source Studies of the History of Russia, Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya naberezhnaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia; k.nazarenko@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5659-7318>; SPIN-code: 4200-1089.

Мария Александровна Смирнова, кандидат исторических наук, заведующий сектором автобиографических исследований Отдела рукописей, Российская национальная библиотека; Россия, 191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18; smirnmar@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9756-2699>; SPIN-код: 3456-7466.

Maria Aleksandrovna Smirnova, PhD in History, Head of the Sector of Autobiographical Studies of the Department of Manuscripts, National Library of Russia; 18 Sadovaya Str., St. Petersburg, 191069, Russia; smirnmar@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9756-2699>; SPIN-code: 3456-7466.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-191-203>

EDN: ZUCXED

Научная статья / Research article

Проблемы архивного волонтерства в России и перспективы развития

Ирина Вячеславовна Сабенникова

Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного
дела, Москва, Россия
✉ sabennikova@mail.ru

Аннотация: Определяется специфика архивного волонтерства, выявляются и объясняются существующие проблемы во взаимоотношении архивов и волонтеров, вызванные как отсутствием нормативно-правовой базы архивного волонтерства, так и спецификой работы архивных учреждений, наметить возможные пути их решения. Проанализировано современное состояние архивного волонтерства в РФ на основе результатов анкетирования федеральных, государственных архивов субъектов РФ, муниципальных архивов, а также нормативной правовой базы данного направления добровольческой деятельности. Дан анализ отношения архивов трех различных уровней к вопросу об использовании волонтерского труда в работе архивных учреждений. Выявлены основные направления деятельности архивных учреждений, по которым уже привлекаются волонтеры, численность волонтеров, в которых нуждаются архивы для работы как *of line*, так и *on line* с использованием краудсорсинговых IT-платформ. Объяснено, почему именно эти направления деятельности нуждаются в привлечении труда волонтеров. Рассмотрены причины, препятствующие развитию архивного волонтерства, намечены пути решения ряда выявленных проблем и возможные перспективы взаимодействия архивов и волонтеров. Автор приходит к выводу, что реализация взаимосвязанных мероприятий в рамках единой концепции поддержания архивного волонтерства поможет вывести это направление добровольческой деятельности на тот уровень, когда оно сможет оказать реальную помощь архивам и станет привлекательным для самих волонтеров.

Ключевые слова: архивный документ, информационная система, волонтерский проект, цифровизация архивов

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сабенникова И.В. Проблемы архивного волонтерства в России и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 191–203. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-191-203>

© Сабенникова И.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Problems of Archive Volunteerism in Russia and Development Prospects

Irina V. Sabennikova

All-Russian Research Institute of Documentation and Archiving, Moscow, Russia

✉ sabennikova@mail.ru

Abstract: The author identifies the specifics of archive volunteerism in the Russian Federation. They reveal and explain including the existing problems in relations between archives and volunteers have been caused by both the lack of a regulatory framework for archive volunteerism and the specifics of the work of archive institutions; the article outlines possible ways to solve them. The author analyzes the current state of archive volunteerism in the Russian Federation based on the results of a survey of federal and state archives of the Russian Federation subjects, municipal archives, as well as the regulatory legal framework for this area of volunteerism. They give an analysis of the attitude of archives at three levels to the use of volunteer labor in the work of archival institutions. They identified the main areas of activity of archival institutions, which already involve volunteers, and the number of volunteers that archives need to work offline and then online using crowdsourcing IT platforms. The author explains why these particular areas of activity require the involvement of volunteers. There are considered reasons hindering the development of archive volunteerism and they outlined the ways to solve a number of identified problems and possible prospects for interaction between archives and volunteers. The author comes to the conclusion that the implementation of interrelated activities within the framework of a single concept for maintaining archive volunteerism will help bring this area of volunteerism to a level where it can provide real assistance to archives and become attractive to volunteers.

Keywords: archives, archival volunteering, archival document, information system, volunteer project, digitalization of archives

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Sabennikova, I.V. “Problems of Archive Volunteerism in Russia and Development Prospects.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 191–203. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-191-203>

Введение

Актуальность. Мировое сообщество признает волонтерство неотъемлемой частью своей структуры, и это подтверждается национальным законодательством большинства европейских стран и государств-участниц СНГ, где приняты специальные законы, регулирующие правовой статус волонтеров. Российская Федерация не является исключением. Волонтерское (добровольческое) движение в РФ регламентируется федеральными законами, постановлениями правительства и нормативными правовыми актами субъектов РФ. Основным нормативный правовой акт, регламентирующий волонтерское движение в России – Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»¹. Поскольку в России добровольческое (волонтерское) движение развивается по отраслевому принципу, то по ряду направлений добровольческой деятельности также приняты профильные законы, закрепляющие специфику участия волонтеров в реализации соответствующей деятельности. Архивная сфера в Российской Федерации пока не имеет отраслевого регулирования волонтерской деятельности, что не в малой степени препятствует развитию архивного волонтерства.

¹ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intel-search=%D4%E5%E4%E5%F0%E0%EB%FC%ED%FB%E9+%E7%E0%EA%EE%ED+%EE%F2+11.08.1995+N+135-%D4%C7+&sort=-1> (дата обращения: 10.08.2025).

При постоянно растущей потребности современного общества в информации цифровизация архивов сильно отстает. Научно-справочный аппарат – путеводители, справочники по архивам, указатели, силами архивов постепенно переводятся в электронный вид². Проводится и оцифровка архивных документов. Этот процесс идет небыстро, он во многом зависит от технических возможностей архивов и укомплектованности штата сотрудников. В свою очередь, недоступность информации на сайтах архивов приводит к перегрузке читальных залов архивов, количество мест в которых ограничено, и увеличению числа тематических запросов, подаваемых в архивы, увеличивая тем самым нагрузку на архивистов. В решении этих и ряда других проблем волонтеры могут оказать архивам реальную помощь, что признается значительной частью архивного сообщества.

В странах Западной Европы, Скандинавии и США, где архивное волонтерство появилось уже в 1950-е гг., накоплен значительный опыт по организации добровольческого движения в архивной сфере. В Национальном управлении архивов и документации США (NARA) – отвечающем за хранение и управление федеральными архивами и документами, начиная с 2007 г., детально разрабатывался порядок привлечения, организации и сопровождения волонтеров в архивах³, который может быть изучен и использован при разработке соответствующих отечественных документов. Также целесообразно изучение инклюзивных практик США и Великобритании в архивном волонтерстве, включая организацию краудсорсинговых проектов.

Степень изученности проблемы. Архивное волонтерство в Российской Федерации находится в самом начале своего пути, что подтверждается незначительным на сегодняшний день количеством работ в отечественной историографии, посвященных зарубежному опыту архивного волонтерства⁴ и отчасти отечественному, рассматриваемому преимущественно на примере отдельных региональных архивов⁵ либо в рамках общего направления культурного волонтерства⁶. При этом в работах не получили освещения существующие проблемы архивного волонтерства и те сложности, с которыми сталкиваются архивы, планирующие привлечь к своей работе волонтеров.

Западная историография вопроса значительно разнообразней, но для нас наиболее информативными являются исследования обзорного плана. Обзоры по нормативно-правовому регулированию добровольческого движения в целом представлены исследованием Катерины Хадзи-Мичев «Сравнительный анализ европейских правовых систем и практик, касающихся волонтерства» и обзором «Законодательство

² Мамонтова М.А. К изданию в Омске справочника о военнопленных Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник архивиста. 2025. № 2. С. 596–602. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2025-2-596-602> EDN: UXOTWJ

³ National Archives and Records Administration. URL: <https://www.archives.gov/files/about/policies/nara-1606.pdf>

⁴ Горлова Н.Н., Старовойтова Л.И. Зарубежный опыт управления волонтерскими ресурсами в учреждениях культуры // Культура и образование. 2020. № 1. С. 82–90. <https://doi.org/10.24411/2310-1679-2020-10110> EDN: IRKZXH

⁵ Горлова Н.Н., Маковецкая Д.Г. Сборник волонтерских практик в сфере культуры. М., 2019; Горлова Н.Н. Архивное волонтерство в деле сохранения памяти о прошлом // Отечественные архивы. 2024. № 1. С. 36–42. EDN: EDPEVT

⁶ Гусарова А.Ю. У архивистов Чувашии // Отечественные архивы. 2022. № 6. С. 133. EDN: LMNJMC; Комаров-Распутин В.М. «Архивное волонтерство: из опыта работы Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» // Вестник ВНИИДАД. 2023. № 4. С. 93–99. EDN: BVQFSR; Пантелейчук М.Н. Организация волонтерской деятельности в государственных архивах Новгородской области // Вестник ВНИИДАД. 2023. № 4. С. 100–107. EDN: XCOVAV; Тюнтерова Л.Ю. Архивное волонтерство в деятельности Государственного исторического архива Чувашской Республики // Отечественные архивы. 2023. № 6. С. 31–34. EDN: DEBIAM

о волонтерстве на примере европейских стран», где приведены три модели развития волонтерства в плане нормативно правового обеспечения⁷. Вопросам организации волонтерской деятельности, мотивации волонтеров и созданию своеобразного психосоциального портрета волонтера посвящена работа Стефан Т. Гюнтерта, Тео Вегнера, Харальда А. Миг «Организационный, мотивационный и культурный контекст волонтерства. Европейский взгляд»⁸.

Наибольший интерес представляют исследования на основе опросов, как архивистов, так и волонтеров, проводимые в разных странах. Работы такого плана дают представление об аспектах волонтерской деятельности за рубежом, практиках использования волонтерского труда и проблемах, с этим связанных. В качестве примера можно привести результаты опроса, проведенного Ассоциацией архивов и документации (ARA) Великобритании в 2014 г. с целью изучения волонтерской практики. Задаваемые вопросы касались видов работ, к которым допускаются волонтеры в архивах, их мотивации и тех преимуществ, которые получают от волонтерской деятельности архивы. Данный опрос продолжил исследования Национального совета архивов Великобритании (National Archives Council, NAC) 2009 г., на основе которых был подготовлен доклад «Волонтерство в архивах». Цель проведенных опросов заключалась в совершенствовании практики волонтерства в архивном секторе – расширение диапазона возможностей для волонтерства, определение области передовой практики волонтерской деятельности и выявление существующих проблем⁹.

Итоги общенационального веб-опроса в Австралии подводит статья австралийских исследователей Аннели де Вильерс, Никола Лоран и Крис Стивенен на тему «Добровольцы в австралийских архивах». В опросе принимали участие около половины архивных учреждений Австралии и волонтеры, непосредственно работавшие в них, что позволило определить состав участников волонтерского движения, их образовательный уровень, мотивацию и отношение архивных учреждений к волонтерам. Вывод, к которому пришли авторы, заключается в том, что и в этой стране в архивном секторе нет всестороннего понимания волонтерской деятельности¹⁰.

Одним из последних стало исследование, проведенное на базе опроса архивных учреждений в 2024 г. Скандинавско-балтийским научно-исследовательским центром (НСК), находящимся в Швеции. Целью проекта под названием «Волонтерство в архивах – картирование управления волонтерами в архивах скандинавских стран: Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции» было изучение того, в какой степени архивы Скандинавии, включая Швецию, Данию, Норвегию и Финляндию, взаимодействуют с волонтерами, каково их отношение к волонтерской работе, к вопросам подготовки архивных волонтеров. В работе представлены четыре различные национальные системы управления волонтерами в плане организации взаимодействия архивных учреждений разных уровней с добровольными помощниками. Приведены

⁷ Hadzi-Miceva K. Comparative Analysis of the European Legal Systems and Practices Regarding Volunteering // *The International Journal of Not-for-Profit Law*. 2008. Vol. 9. № 3; Legislation on volunteering using the example of European countries. URL: <https://menta-kill.livejournal.com/190478.html> (дата обращения: 10.08.2025).

⁸ Güntert, S.T., et al. Organizational, Motivational and Cultural Contexts of Volunteering. *The European View*. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-92817-9> (дата обращения: 10.08.2025).

⁹ Volunteering in Archives 2014. URL: https://www.voluntarysectorarchives.org.uk/wp-content/uploads/2013/12/Volunteering_in_Archives_in_2014_Final.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁰ Villiers, A., Laurent, N., Stueven, Ch. Volunteers in Australian archives, *Archives and Manuscripts*. July 45 (2017). S. 1–18.

учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» (далее – Правила)¹⁴. «Правила» разработаны в соответствии с ФЗ № 125 и содержат общие положения, в соответствии с которыми осуществляется деятельность архивов всех уровней. Однако ни ФЗ № 125, ни Правила, регламентирующие в настоящее время деятельность архивных учреждений, не затрагивают вопросов взаимодействия архивов с волонтерами и волонтерскими организациями, допустимую степень их участия в работе архивов и формы такой работы, что не позволяет архивам на вполне законных основаниях привлекать для работы с документами волонтеров.

В РФ в настоящее время нет единой вертикали управления архивами. Согласно Положению о Федеральном архивном агентстве¹⁵ Росархив осуществляет управление лишь федеральными государственными архивами, в отношении других архивов Росархив осуществляет лишь методическое руководство. В свою очередь, государственные архивы субъекты РФ подчиняются местным органам управления, большей частью Архивным комитетам или Министерством по делам архивов региона, но также министерствам культуры или министерствам культуры и архивного дела, в ряде регионов Управлению юстиции, ЗАГС и Управлению делами администрации региона. Муниципальные архивы подчинены органам местного самоуправления. Ведомственные архивы, состав документов которых не всегда полностью известен, управляются своими ведомствами¹⁶. Помимо официальных архивов существуют еще личные и семейные архивы, частные коллекции, документы которых также могут представлять историческую ценность¹⁷. Для того, чтобы эти документы были введены в Архивный Фонд, они должны быть переданы в государственные архивы, но прежде соответствующим образом обработаны и описаны, в чем в значительной степени могут помочь волонтеры.

Разноподчиненность архивов и отсутствие нормативного правового документа, общего для архивной отрасли, в котором были бы прописаны основные положения по работе волонтеров в архивах, приводит к тому, что в ряде регионов принимаются локальные нормативные акты субъектов РФ, но при отсутствии единой стратегии развития архивного волонтерства, они носят весьма общий характер, не содержат конкретных положений о направлениях и видах работ, которыми могут заниматься волонтеры в архиве, норм времени архивистов, курирующих их работу и другое¹⁸. Не определено также, какими документами регулируются права, обязан-

¹⁴ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях: утв. приказом Федерального архивного агентства от 2 марта 2020 г. № 24 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102737255> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁵ Положение о Федеральном архивном агентстве: Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2016 г. № 293. URL: <https://archives.gov.ru/documents/position/pologenie-rosarchive.shtml> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁶ Соловенко И.С. К вопросу об источниковой базе по истории цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 86–93. <https://doi.org/10.17223/19988613/93/11> EDN: ZBJVMG

¹⁷ Сабенникова И.В. Личные архивы и их трансформация в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 251–257. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-251-257> EDN: WLOQPO

¹⁸ Приказ Службы по делам архивов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 10.04.2024 № 28-Пр-39 «Об утверждении Плана мероприятий (дорожной карты) по реализации добровольческой (волонтерской) деятельности в сфере архивного дела на территории Ханты-Мансийского

ности и ответственность обеих взаимодействующих сторон – архива и волонтера, которого допускают к работе с архивными документами.

Желание понять, что в реальности представляет собой архивное волонтерство, отношение к нему архивов, а также необходимость наладить взаимодействие архивов с волонтерами и волонтерскими организациями на вполне законных условиях, что способствовало бы планомерному развитию этого направления добровольческой деятельности, стали причиной исследовательского проекта, проводимого Всероссийским научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) в 2025 г.¹⁹ В рамках темы было проведено анкетирование 14 федеральных, 119 государственных архивов субъектов РФ и 166 муниципальных архивов с целью прояснить реальную ситуацию. Анализ присланных анкет и непосредственное общение с архивистами – представителями архивных учреждений различных уровней показали, что в настоящее время очень незначительный процент архивов всех уровней сотрудничает с волонтерами. Так, из анализа анкет, полученных от федеральных архивов, следует, что лишь у четырех федеральных архивов (ГАРФ, РГИА, РГАДА и РГА в Самаре) имеется опыт архивного волонтерства, остальные, не имеющие такого опыта, разделились примерно поровну по вопросу о целесообразности привлечения волонтеров для работы в архивы. В 30 из 119 опрошенных государственных архивах субъектов РФ есть опыт архивного волонтерства, в их числе государственные архивы Архангельской, Ростовской, Сахалинской, Свердловской, Ульяновской областей, Чувашской республики, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов и др. Четверть из тех, кто не имеет такого опыта, планирует в будущем привлекать волонтеров. Половина из опрошенных государственных архивов волонтеров привлекать не планирует. Из 166 анкет, полученных из муниципальных архивов, только в 20 содержится информация об архивном волонтерстве. Среди них архивные отделы администрации Ковдорского м. о. Мурманской обл., Сузунского р-н Новосибирской обл. и Березовского р-на Ханты-Мансийского АО, муниципальный архив г. Сургута и др.

Участники и основные направления архивного волонтерства в РФ

Непосредственное общение с архивистами показало, что в качестве архивных волонтеров архивы приглашают преимущественно студентов профильных вузов, с администрацией которых у архива налажены те и или иные связи, например ВУЗ является источником комплектования архива, или кто-то из сотрудников архива преподает в ВУЗе, в некоторых случаях преподаватели ВУЗа работают в читальном зале архива в качестве исследователей. Волонтером может стать исследователь, заинтересованный в более быстром доступе к НСА, посредством перевода описей того или иного фонда в электронный вид. Есть случаи волонтерства в архивах сотрудников краеведческих музеев, предоставивших свой материал (документы и фотографии) для создания архивных интернет-выставок по истории края или города. Любопытен

автономного округа – Югры на 2024 г.». URL: <https://archivesl.admhmao.ru/dokumenty/prik/10074767/> (дата обращения: 10.08.2025); Положение о добровольческой (волонтерской) деятельности в ОГКУ «Государственный архив Иркутской области» и его филиалах URL: <https://гаио.рф/upload/iblock/146/dcdsjw27ksda2liec80v2v9og5z6fbe8.pdf> (дата обращения: 10.08.2025); Об утверждении Концепции развития добровольческой (волонтерской) деятельности в Архангельской области на 2019–2024 годы и плана ее реализации на 2019–2024 годы // <https://docs.cntd.ru/document/462641297> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁹ Тема 1.3 Плана НИОКР ВНИИДАД «Архивное волонтерство и краудсорсинговые архивные проекты – российский и зарубежный опыт».

случай привлечения для аннотирования фотодокументов (идентификация лиц на фотографиях) бывшие сотрудники госаппарата (горкома партии), записанных в архиве в качестве архивных волонтеров.

Постоянной работы по привлечению волонтеров как федеральными, так и государственными субъектами Российской Федерации и муниципальными архивами не ведется. Как некое исключение можно привести опыт Ханты-Мансийского АО – Югра, где Архивная служба, в качестве исполнительного органа власти, разрабатывает ежегодный сводный план мероприятий по развитию волонтерства в архивном деле округа. Благодаря этому в архивах АО реализовывались такие проекты, как: «Герои газетных статей» (поиск информации о ветеранах Великой Отечественной войны), «Югорский архивный диктант» (популяризация истории через архивные документы), «Подвиги югорчан» (сбор документов об участниках войн).

Единого подхода к подготовке архивных волонтеров для работы в архиве в настоящее время не выработано. Как правило, в архивах, привлекающих для работы волонтеров, могут читаться ознакомительные лекции об основных направлениях работы архива, составе и содержании документов данного архива, о конкретной работе, для выполнения которой приглашены волонтеры. Чаще всего – это часовая ознакомительная лекция. Привлечение волонтеров для работы онлайн посредством, например, АИС «Великие описи» освобождает архивы не только от поиска и отбора волонтеров, оформления их для работы в архиве, контроля за соблюдением многочисленных норм, как-то по пожарной безопасности, обеспечения сохранности документов и др., но одновременно и от необходимости их обучения, сведя обучение к составлению и размещению в АИС инструкций по выполнению того или иного вида работ (например, по переводу СПС архива в машиночитаемый формат, индексирования и транскрибирования рукописных текстов и др.).

При организации архивного волонтерства обязанности по курированию и контролю за волонтерами ложатся, как правило, на профильное подразделение архива, в рабочих комнатах которого волонтеры и работают. В результате сами архивисты оказываются в роли волонтеров, помимо своей основной работы выявляя и подбирая документы, с которыми предстоит работать волонтерам, курируя и контролируя их работу. Часто они вынуждены работать в неурочное время – после работы и в выходные дни безвозмездно.

В качестве примера можно привести проект Государственного архива Ульяновской области «Он же памятник». Цель проекта состояла в привлечении внимания к разрушающейся дворянской усадьбе. Волонтерами были школьники старших классов и студенты, а на практике и сами архивисты, участвовавшие в проекте в нерабочее время и без оплаты своего труда. Архивисты выявили и подобрали документы в фондах архива и отсканировали их, подготовили историческую справку, волонтеры сделали фотографии усадьбы в ее теперешнем состоянии и сняли 3-минутный видеосюжет импровизированного костюмированного бала на фоне развалин, который вместе с фотографиями разрушающегося здания был направлен в вышестоящий орган. Из примера видно, что основная нагрузка по реализации проекта легла на сотрудников архива (выявление, отбор, копирование, составление архивной справки, обучение волонтеров, поездки в выходные дни за город), выступивших в роли архивистов-волонтеров.

Архивы традиционно имеют четыре основных направления деятельности: комплектование архива новыми документами, обеспечение сохранности документов и их учет, организация справочных поисковых средств (СПС) о составе и содержании архивных документов, использование архивных документов (исполнение запро-

сов, публикационная и выставочная деятельность и информационные мероприятия). Сравнение ответов архивов привлекавших архивных волонтеров на вопросы «В каких направлениях деятельности архива участвуют волонтеры?» и «По каким направлениям деятельности волонтерство принесло архиву наибольшую пользу?» дает нам представление о том, в какой области труд волонтеров архивисты считают наиболее эффективным для себя.

Наибольшая польза, по мнению самих государственных архивов, наблюдается в сфере использования (популяризация архивов, выставки, информационные мероприятия и т.д.) и в сфере СПС (индексация²⁰ заголовков дел, ручной ввод сведений из традиционных справочников в БД, реже – составление географических, именных, предметно тематических указателей, помощь в переводе документов). В сфере обеспечения сохранности привлеченные волонтеры обычно занимаются перемещением документов и средств хранения, их обеспыливанием, оцифровкой документов и т.п. В комплектовании и обеспечении сохранности вклад волонтеров самими архивистами оценивается как умеренно полезный. Учет остается наименее продуктивным направлением для волонтерской деятельности и сводится к переводу существующих учетных документов в машиночитаемый вид. Наиболее эффективно в работах по усовершенствованию СПС архивов действуют волонтеры, привлеченные в архивные проекты через волонтерские организации, такие как общероссийская волонтерская платформа «Добро.ру» или АИС «Великие описи» и «АрхивНО».

Долгосрочные (более года) волонтерские проекты в качестве организаторов или соорганизаторов ведут 13 из 119 опрошенных государственных архива субъектов РФ и 4 муниципальных архива из 166. Основными направлениями проектов являются: цифровизация архива, сохранение памяти о Великой Отечественной войне и краеведческая тематика. Проекты по цифровизации архивов включают оцифровку документов и создание электронного фонда пользования, электронных баз данных и картотек, оптимизацию поиска документов, проверку оцифрованных материалов. Проекты по сохранению памяти о Великой Отечественной войне включают изучение фронтовых писем и документов, создание баз данных по участникам войны, патриотическое воспитание молодежи. Проекты краеведческого характера посвящены изучению истории регионов, сохранению памяти о героях-земляках, генеалогии, популяризация культурного наследия.

Волонтерские проекты, реализуемые по инициативе самих архивов, ведутся, как правило, по нескольким направлениям работы архива. Особенно часто в проекте переплетаются работы, связанные с комплектованием, составлением, усовершенствованием СПС архива и использованием архивных документов: выставки, информационные мероприятия и т.п.

Потребность архивов в волонтерах

Количество волонтеров, которых архивы считают целесообразным привлекать, варьируется от 1 до 20, в значительной степени это определяется организационными возможностями архива и численностью штатных сотрудников. Привлечение большего числа волонтеров возможно при использовании архивом той или иной информационной системы, позволяющей удаленное взаимодействие с волонтерами, главным образом с целью перевода оцифрованных СПС (НСА) архива в машиночитаемый вид с целью их размещения на сайте архива для более широкого использования. Такие

²⁰ Индексация – присвоение метаданных, позволяющих быстро классифицировать, сортировать и искать информацию в архиве без просмотра самого документа.

волонтеры работают с отсканированными копиями описей или документов, предоставляемых через онлайн платформы без доступа к подлинникам архивных документов. Часто для перевода в машиночитаемый вид предоставляются архивные документы открытого доступа, наиболее востребованные пользователями – метрические книги, ревизские сказки, исповедные росписи и другие документальные источники, содержащие в себе сведения генеалогического характера. Это объясняется тем, что в настоящее время интерес к генеалогии стал массовым²¹. Генеалогия расширяется и в содержательном плане: в дополнение к воссозданию родового древа и построению генеалогических карт, генеалогия все чаще занимается всесторонними региональными и локальными исследованиями, используя сетевые ресурсы. Архивы, с тем чтобы снять с себя часть нагрузки, заинтересованы в переводе документов, содержащих генеалогическую информацию, в электронный формат. Генеалогические исследователи, обладающие опытом использования документов, могут участвовать в архивных проектах в качестве волонтеров.

Одним из наиболее удачных краудсорсинговых проектов такого рода можно считать интернет-проект «Твоя родословная», инициированный ГА Астраханской области (ГААО). Для волонтеров на портал проекта выложены подготовленные архивом видеоуроки и инструкции по индексированию документов генеалогического характера. Предполагается, что пользователям станут доступны 29 тыс. единиц хранения (около 2 миллионов электронных копий) ГААО, позволяющих осуществлять поиск своих предков.

При реализации проектов с участием архивных волонтеров архивами чаще всего используется федеральная общероссийская волонтерская платформа – Добро.ру (Dobro.ru), где ими публикуются сведения об архивных волонтерских проектах, а зарегистрировавшимся на платформе волонтерам начисляются волонтерские часы, что является определенной мотивацией волонтеров для участия в архивных проектах.

Инициаторами краудсорсинговых проектов могут являться не только архивы, но и общественные объединения или даже отдельные исследователи, имеющие необходимое для этого спонсирование. Так проект «Моя история» был инициирован Всероссийским общественным движением «Волонтеры Победы» совместно с Российским государственным гуманитарным университетом²². Волонтеры в данном проекте помогают гражданам в поиске необходимых для них сведений в архивах, участвуют в проведении различных мероприятий генеалогической тематики, консультируют по составлению генеалогического древа. Для самих волонтеров архивистами в Главном архивном управлении Москвы проводятся семинары по составлению родословных, поиску информации по СПС архива, работе с генеалогическими источниками²³. В проекте приняли участие государственные архивы Алтайского края, Тверской, Тульской, Омской²⁴, Оренбургской, Ярославской и других областей. В 2024 г. была запущена онлайн-платформа «Моя история» и создан Центр исторической памяти

²¹ *Сабенникова И.В.* Генеалогия в системе современного знания: теория и методология когнитивной истории О.М. Медушевской // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 244–252. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-244-252> EDN: UQWDYF

²² Официальный сайт Всероссийского движения «Волонтеры победы» <https://волонтерыпобеды.рф/directions/my-story> (дата обращения: 10.08.2025).

²³ Официальный сайт Главного архивного управления г. Москвы. URL: <https://cgamos.ru/events/e32023/> (дата обращения: 10.08.2025).

²⁴ Волонтеры помогут омичам узнать свою родословную. URL: <https://12-kanal.ru/news/27395/?y-scclid=m9v82255mt43704966> (дата обращения: 10.08.2025).

для координации деятельности по этому проекту²⁵. Платформа позволяет реализовывать консультации с экспертами (в том числе архивистами) по составлению генеалогического древа, создавать архивные коллекции личных фотографий, прослушивать онлайн лекции и подкасты по генеалогии, а также предоставляет доступ к методическим материалам для организации уроков памяти образовательным учреждениям. В настоящее время в проект «Моя история» вовлечены 73 региона РФ.

Примером краудсорсингового проекта, инициированного отдельным исследователем, является проект «Архивный волонтер», реализуемый Т.В. Максимовой (соучредителем МОО «Архивный Дозор») в Московском регионе. В рамках проекта издано восемь справочников по Звенигородскому и Подольскому уездам Московской губернии, и сводный справочник «Научно-справочный аппарат архивов России. Мониторинг 2020»²⁶ для интересующихся исторической географией, краеведением и генеалогией семьи. Другим примером краудсорсингового проекта, созданного самостоятельно без участия волонтерских объединений, является проект «Военкомат» Михаила Болоничева в Нижегородской области²⁷. По семнадцати из двадцати районов Нижегородской области к началу 2025 г. в рамках проекта оцифрованы, проиндексированы и систематизированы архивные материалы участников Великой Отечественной войны. Более тысячи дел военкоматов 1918–1947 гг., выложено на сайте <https://bolonichev.ru/voenkomat/> для свободного доступа.

Проведенное анкетирование показало, что привлечению волонтеров в архивы препятствует отсутствие нормативной и методической поддержки в новом для них направлении деятельности, но также профессиональная неподготовленность волонтеров, сложность обеспечить сохранность документов (ответственность за которые лежит на архивистах), возможность ошибок при индексации и описании, проводимых волонтерами, а также опасность бесконтрольного копирования ими документов и выкладывание их неофициально в сеть Интернет или иное незаконное использование, несанкционированного распространения информации ограниченного доступа.

Другими, обозначенными архивами, причинами, ограничивающими развитие архивного волонтерства, являются ресурсные ограничения, то есть отсутствие выделенных для данной работы норм времени и недостаток штатных сотрудников для организации работы с волонтерами (прежде всего в муниципальных архивах), отсутствие площадей для их размещения в архиве, вопросы финансирования. Немаловажное значение имеют технические сложности – отсутствие у архивов информационной системы для работы волонтеров в режиме онлайн по проектам самих архивов. К этому прибавляется краткосрочность, и нестабильность работы волонтеров, для которых этот вид деятельности является не основным и не особенно привлекательным.

На архивистов в случае привлечения волонтеров для работы непосредственно в самом архиве, помимо должностных, ложатся обязанности по отбору и проверке волонтеров, проведению инструктажа по вопросам охраны труда и безопасности, а также подготовки их к работе с архивными документами и контроль за использованием оборудования (например, в случае участия волонтеров в сканировании архивных документов). Обучение волонтеров, составление инструкций и написание учебных

²⁵ Запуск платформы «Моя история» дает шанс создать историю рода. URL: <https://rg.ru/2024/04/08/semejnoe-drevo-onlajn.html> (дата обращения: 10.08.2025).

²⁶ Проект «Архивный волонтер» // Добро.рф [сайт]. URL: <https://dobro.ru/project/10009401> (дата обращения: 10.08.2025).

²⁷ См. сайт: <https://bolonichev.ru> (дата обращения: 10.08.2025).

материалов с целью знакомства волонтеров с правилами работы с архивными документами также остается за штатными сотрудниками архивов. Вся эта деятельность в настоящее время никак не отражается в нормах времени²⁸ сотрудников архивов и не учитывается при расчете заработной платы. Тем самым у архивов пока нет и стимулов для ее развития.

Заключение

Несмотря на существующие трудности архивное волонтерство в РФ не только возможно, оно уже существует и развивается – есть люди, желающие работать архивными волонтерами, реализуются инициативные волонтерские проекты, в ряде региональных архивов запущены программы архивного волонтерства, функционирует АИС «Великия описи» и «АрхивНО», общероссийская волонтерская платформа «Добро.ру». Анализ, присланных архивами материалов, знакомство с работой архивистов по разработке и реализации существующих волонтерских проектов также свидетельствует о том, что у архивного волонтерства перспектива безусловно есть. Однако для успешного развития архивного волонтерства в РФ необходима, прежде всего, координация этого направления добровольческой деятельности как на федеральном, так и на региональном уровне. Комплекс взаимосвязанных мероприятий, включающий создание нормативно-методической базы архивного волонтерства, планирование волонтерской деятельности в архивах всех уровней, организация соответствующего финансирования деятельности архивов по этому направлению, предоставление им субсидий и грантов на разработку инновационных проектов по цифровизации архивного наследия, создание общероссийской платформы для размещения краудсорсинговых проектов по архивному волонтерству, а также реализация этих мероприятий в рамках единой концепции даст возможность вывести архивное волонтерство на качественно новый уровень, оказав реальную помощь архивам.

Поступила в редакцию / Submitted: 2.09.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 26.11.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 29.11.2025

References

- Gorlova, N.N., and Makovetskaya, D.G. *Sbornik volonterskikh praktik v sfere kul'tury* [Collection of volunteer practices in the field of culture]. Moscow: Ministerstvo kul'tury Rossiiskoi Federatsii Publ., 2019 (in Russian).
- Gorlova, N.N., and Starovoitova, L.I. "Modern foreign experience of volunteer management in cultural institutions." *Culture and Education*, no. 1 (2020): 82–90 (in Russian), <https://doi.org/10.24411/2310-1679-2020-10110>
- Gorlova, N.N. "Archival volunteering in the preservation of the memory of the past." *Otechestvennye Arkhivy*, no. 1 (2024): 36–42 (in Russian).
- Gusarova, A.Yu. "At the archivists of Chuvashia." *Otechestvennye Arkhivy*, no. 6 (2022): 133–134 (in Russian).
- Hadzi-Miceva, K. "Comparative Analysis of the European Legal Systems and Practices Regarding Volunteering." *The International Journal of Not-for-Profit Law* 9, no. 3 (2007): 245–280.

²⁸ Типовые нормы времени и выработки на работы (услуги), выполняемые (оказываемые) государственными и муниципальными архивами. М., 2022. URL: <https://archives.gov.ru/documents/other/2022-typovye-normy-vremeni.shtml> (дата обращения: 10.08.2025).

- Komarov-Rasputin, V.M. “Archival volunteering: from the experience of the state archive of the Khanty-Mansiysk autonomous okrug – Yugra.” *Herald of VNIIDAD*, no. 4 (2023): 93–99.
- Mamontova M.A. “Toward the publication in Omsk of a handbook on prisoners of war of the First World War, 1914–1918.” *Herald of an Archivist*, no. 2 (2025): 596–602 (in Russian), <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2025-2-596-602>
- Panteleychuk, M.N. “Organizing the volunteer activities in the state archives of the Novgorod region.” *Herald of VNIIDAD*, no. 4 (2023): 100–107 (in Russian).
- Sabennikova, I.V. “Personal Archives and Their Transformation in Digital Era.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (2022): 251–257 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-251-257>
- Sabennikova, I.V. “Theory of O.M. Medushevskaya’s cognitive history: precise knowledge in humanities and professional choice of academic community.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (2024): 244–252 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-244-252>
- Solovenko, I.S. “On the issue of the source base for the history of digitalization of enterprises of the fuel and energy complex of Russia (the turn of the 20th–21st centuries).” *Tomsk State University Journal of History*, no. 93 (2025): 86–93 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/19988613/93/11>
- Tyunterova, L.Yu. “Archival volunteering in the activities of the state historical archive of the Chuvash Republic.” *Otechestvennye Arkhivy*, no. 6 (2023): 31–34 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ирина Вячеславовна Сабенникова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела архивоведения, Всероссийский научно-исследовательский институт документо-ведения и архивного дела; Россия, 117393, Москва, ул. Профсоюзная, 82; sabennikova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3682-8999>; SPIN-код: 3436-4639.

Irina Vyacheslavovna Sabennikova, Dr. Habil. History, Leading Researcher of the Department of Archival Studies, All-Russian Research Institute of Documentation and Archiving; 82, Profsoyuznaya St., Moscow, 117393, Russia; sabennikova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3682-8999>; SPIN-code: 3436-4639.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ
BOOK REVIEWS

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-204-210>

EDN: ZXANWC

Рецензия / Book Review

Рецензия на книгу:

Алмаев Р.З. Школа и учительство Южного Урала в 1941–1991 гг.: монография. Уфа: Издательство БГПУ; ИП Копыльцов П.И. 2024. 204 с.

Мухаметов Павел Алексеевич

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

✉ pmukhametov@mvd.ru

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мухаметов П.А. Рецензия на книгу: Алмаев Р.З. Школа и учительство Южного Урала в 1941–1991 гг.: монография. Уфа: Издательство БГПУ; ИП Копыльцов П.И. 2024. 204 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 204–210. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-204-210>

Book Review of

***Shkola i uchitelstvo Yuzhnogo Urala v 1941–1945 gg.*
[School and teaching staff of the Southern Urals in 1941–1991:
monograph] by R.Z. Almayev. Ufa: Izdatelstvo BGPU Publ.;
IP Kopyltsov P.I. Publ., 2024. 204 p.**

Pavel A. Mukhametov

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

✉ pmukhametov@mvd.ru

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Mukhametov, P.A. “Book Review of *Shkola i uchitelstvo Yuzhnogo Urala v 1941–1945 gg.* [School and teaching staff of the Southern Urals in 1941–1991: monograph] by R.Z. Almayev. Ufa: Izdatelstvo BGPU Publ.; IP Kopyltsov P.I. Publ., 2024. 204 p.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 1 (February 2026): 204–210 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-1-204-210>

© Мухаметов П.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Новая монография российского исследователя Р.З. Алмаева посвящена изучению широкого комплекса вопросов истории школьного образования, места и роли учительства в общественно-политической и в целом духовной жизни советского общества. Исследование проводится на материалах южноуральского региона на протяжении 50-летнего периода от начала Великой Отечественной войны до распада СССР в 1991 г. Территориальные рамки охватывают Курганскую, Оренбургскую, Челябинскую области, а также Республику Башкортостан.

Монография Р.З. Алмаева основана на широком круге как опубликованных, так и архивных материалов. К наиболее важным опубликованным источникам следует отнести официальные партийно-государственные документы в сфере образования, Конституции СССР и РСФСР, нормативно-законодательные документы СССР и РСФСР, решения съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС, документы министерства просвещения РСФСР, а также российские и областные, юбилейные, отраслевые, тематические статистические сборники, материалы центральной и местной периодики.

Важнейшей составляющей источниковой базы монографии Р.З. Алмаева являются архивные данные. В работе использованы фонды 4 центральных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ).

Книга состоит из введения, двух глав, заключения, а также обширного приложения, являющегося важной составляющей источниковой базы исследования, так как в нем сконцентрирован основной комплекс статистических сведений, иллюстрирующих и подкрепляющих концептуальные положения исследования автора, а также документы центральных и местных органов власти, регулировавших процесс развития системы школьного образования в стране и в регионе.

В книге рассматриваются основные аспекты системы школьного образования – состояние материальной базы, количественный и качественный состав педагогических работников, учебные программы и т.д. Значительное внимание уделено политике Советского государства в сфере образования. Несомненным достоинством рецензируемого труда является выявление взаимосвязи изменений в работе школ, образовательной сфере в целом с особенностями отдельных этапов развития советского общества, спецификой проявления данных особенностей в исследуемом регионе.

В главе I «Вклад учителей Южного Урала в Победу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» рассматривается основной комплекс вопросов развития системы школьного образования в военный период. Автор, наряду с общими тенденциями, характерными для всей страны, выделяет и особенности, характерные для изучаемого региона. Важнейшей из таких особенностей выступало положение Южного Урала как глубокого тыла страны, куда были эвакуированы многие предприятия и учреждения с территорий, оказавшихся под оккупацией, а также из прифронтовых районов. Среди них было немало научных и образовательных учреждений.

Так, в различные области региона были вывезены и там продолжали свою работу вузы Москвы, включая некоторые факультеты МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинграда, Днепропетровска, Киева, Кишинёва, Сталинграда, Харькова и других городов. Кроме того, на Южном Урале, а именно в Башкирской АССР, были размещены Академия наук Украинской ССР, Союз писателей Украины. Многие вновь прибывшие педагоги и ученые работали в школах и вузах Южного Урала. Данное обстоятельство оказало в целом положительное влияние на систему школьного

образования, роли учительства в жизни региона. Прежде всего приток работников из других областей в немалой степени компенсировал возникавший кадровый голод в связи с мобилизацией части учителей на фронт или перевода их в другие сферы общественного производства, в частности в аппарат управления и др. Кроме того, многие из эвакуированных, особенно работавших в высших учебных заведениях, имели более высокий уровень образования, нередко и ученые степени. Последнее обстоятельство оказало заметное положительное влияние на качество преподавания, учебный процесс в целом. Однако, как отмечается в монографии, облегчение это было временным. После завершения коренного перелома в войне в 1943 г., начала широкого наступления Красной Армии и освобождения ранее оккупированных территорий большая часть предприятий и учреждений вместе с персоналом вернулись в Западные районы страны. Это вновь привело к обострению проблемы с кадрами, в том числе и для школ.

Центральным звеном образовательной системы являются сами педагоги. В этой связи важнейшим фактором развития школьного образования выступают учительские кадры, их количественный и качественный состав. В монографии Р.З. Алмаева значительное внимание уделено проблеме подготовки и распределения кадров школьных учителей в годы войны.

В книге указывается, что одним из главных и наиболее тяжелых последствий военного лихолетья для системы школьного образования явился отток части педагогов. Это порождало серьезные трудности в работе образовательных учреждений всех типов. При этом наиболее острые проблемы возникали при подготовке нового пополнения школьных работников.

В изучаемые годы, как и в предвоенный период, подготовка учительских кадров осуществлялась в СССР в учебных заведениях трех типов – педагогических вузах со сроком обучения 4 года, двухгодичные учительских институтах, в которых готовили преподавателей для учащихся 5–7 классов неполных средних и средних школ, а также педучилищах. С началом войны происходит сокращение количества всех типов учебных заведений. Многие помещения были реквизированы для нужд обороны, значительное число преподавателей, особенно мужчин, мобилизовано на фронт. Все это нанесло серьезный удар по системе подготовки учительских кадров. Трудности в огромной степени усугублялись тяжелым, а часто просто бедственным материальным положением студентов, что стало одной из главных причин сокращения контингента обучающихся. Все это крайне негативно сказалось на качестве подготовки будущих учителей. Тем не менее, и в годы войны система подготовки педагогических кадров на Южном Урале полностью сохранялась и, несмотря на все сложности и проблемы, осуществлялось выполнение поставленных перед нею задач.

В рецензируемой монографии значительное внимание уделяется материально-бытовым условиям жизни учителей в годы Великой Отечественной войны. Дано подробное описание жизни и быта преподавателей, показаны те лишения и трудности, с которыми педагоги, как и все труженики тыла столкнулись в эти годы. При этом достаточно глубоко и обстоятельно проанализированы главные аспекты социальной политики государства, направленные на поддержание жизни и быта педагогических работников. Вместе с тем отмечается, что в суровых реалиях войны многие постановления центральных органов власти и управления, направленные на материальную поддержку учительства, на местах оставались не реализованными, главным образом из-за отсутствия средств. Вместе с тем в книге подчеркнуто, что во многом благодаря действиям местных властей в годы военных испытаний не только не был утрачен основной потенциал системы образования, но и создавались необходимые

материальные и кадровые условия для его успешного развития в послевоенный период.

Глава II «Учительство Южного Урала в послевоенные десятилетия (1946–1991 гг.)», занимающая основную часть объема книги, посвящена рассмотрению процессов развития школьного образования, изменениям в составе учительского корпуса в послевоенный период. При этом автор выделяет несколько относительных самостоятельных этапов данного периода, которые, как правило, совпадают с этапами развития советского общества в целом. Первым из таких этапов был период восстановления народного хозяйства, который занял время от окончания войны до начала 1950-х гг.

Автор, используя богатый и разнообразный фактический материал, дает подробное описание проблем, с которыми советская школа столкнулась после окончания Великой Отечественной войны. Одним из главных факторов, обусловивших особенности данного периода для сферы образования, наряду с общими трудностями, испытываемыми страной, выступало ухудшение демографической структуры населения. Речь шла об огромной убыли населения, прежде всего мужчин, крайне низком естественном приросте, а также высокой детской смертности.

Указанные обстоятельства оказали отрицательное воздействие на функционирование всей системы образования, в том числе и ее школьного звена. Одним из наиболее тяжелых последствий урона, причиненного войной, явился недобор контингента учеников, что создавало серьезные проблемы и для учительских коллективов, поскольку становилось причиной переизбытка кадров, снижения учебной нагрузки работников, что создавало дополнительные материально-бытовые трудности. Помимо этого ухудшился качественный состав самих педагогов. Все эти обстоятельства учитывались в социальной политике государства, однако исправление положения происходило медленно.

Трудности в развитии школьного образования, ухудшение демографической ситуации в стране оказали заметное влияние и на процессы подготовки учительских кадров. Престижность профессии учителя падала. Учитывая все эти факторы правительство было вынуждено пойти на сокращение числа некоторых педагогических учебных заведений, в первую очередь – педагогических институтов и училищ.

Подобная ситуация была характерна для всей страны и южноуральского региона в том числе. В рецензируемой монографии подробно, с использованием богатого фактического материала рассказывается о работе школ на Южном Урале, переживаемых трудностях и о том, какие действия предпринимали органы власти и управления для исправления положения. Одним из важных направлений работы стало недопущение массового сокращения кадров школьных педагогов. Часто это достигалось путем обеспечения учителей работой в школах, но с меньшей учебной нагрузкой, перевода их на работу в дошкольные детские учреждения, детские дома, интернаты. Постепенно все усилия центральных и местных властей, самоотверженный труд самих школьных работников стали приносить первые положительные результаты. Деятельность школ в стране в целом, в исследуемом регионе, в том числе начала входить в нормальное русло.

Еще одним этапом в развитии среднего образования в СССР в рецензируемом труде называется время с конца 1950-х до рубежа 1960– 1970-х гг. В качестве начала данного этапа определяется принятие в 1958 г. закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Важнейшим фактором, обусловливавшим в указанный период развитие российского

общества в целом, системы общественного производства прежде всего, стала разворачивавшаяся III научно-техническая революция, одним из наиболее серьезных последствий которой выступал все большее усложнение всех видов деятельности, наполнение труда работников всех звеньев производства все более сложным, творческим содержанием.

Данное обстоятельство предъявляло новые, более высокие требования к системе образования, при этом для школьного звена особую актуальность приобретало не только получения учениками прочных теоретических знаний, но и умение применять их на практике. В связи со всем сказанным одной из первоочередных мер было обозначено увеличение сроков обучения в школе. Вместо обязательного 7-летнего вводилось всеобщее обязательное 8-летнее образование, а получение полного среднего образования предполагало завершение не 10-летнего, а 11-летнего курса обучения. Кроме того, учащиеся выпускных классов, особенно 11-го, значительную часть времени проводили на производстве, а не в школе. Помимо этого одним из важных направлений в политике повышения образовательного уровня населения, укрепления связи школы с жизнью становилось расширение сети заочного образования, школ рабочей молодежи, школ для взрослых и т.д.

В рецензируемой монографии подробно рассказывается о действиях местных органов образования Южного Урала для реализации всех названных планов. В частности, большое внимание стало уделяться новаторским идеям, направленным на соединение школьного образования с реалиями жизни, будущей производственной деятельностью выпускников. Вместе с тем в работе Р.З. Алмаева также отмечается, что сама попытка соединения обучения в средней школе с работой на производстве как способ соединения школы с жизнью себя не оправдала. Устройство на работу по специальности, полученной в школе, далеко не всегда оказывалась возможным, при этом уровень знаний по программе средней школы у значительной части учащихся понизился. В связи с этим вполне оправданным оказалось возвращение в середине 1960-х гг. к 10-летнему сроку обучения при сохранении обязательного 8-летнего образовательного цикла.

В качестве начальной грани нового этапа в развитии школ, школьного дела в целом в рецензируемой монографии определяется начало 1970-х гг. – введение в СССР обязательного среднего (10-летнего) образования. Данная мера также была обусловлена влиянием очередного третьего этапа НТР, важнейшим проявлением чего выступало превращение науки в непосредственную производительную силу. Это, в свою очередь, привело к серьезным изменениям в учебных планах средних учебных заведений. Основное внимание стало уделяться качеству теоретической подготовки учащихся по базовым предметам, прежде всего, математике, физике, химии, в тоже время большое значение предавалось изучению и гуманитарных дисциплин – истории, обществознания, русского языка, литературы и т.д.

В новых условиях общественного развития серьезной перестройке подверглась вся система подготовки педагогических кадров. Происходило укрупнение педагогических вузов, главным образом посредством увеличения количества факультетов и направлений подготовки, а также переходу большинства педагогических вузов к 5-летнему сроку обучения.

Еще одним принципиальным изменением в деятельности педагогических вузов, в том числе и в изучаемом регионе, стало широкое использование зарубежного опыта при подготовке учительских кадров. В этой связи вузы Южного Урала начали устанавливать научные связи с близкими по профилю учебными заведениями ГДР, Польши, Чехословакии, Венгрии. В частности, были установлены прочные контакты

между Башкирским педагогическим институтом и Гальским педагогическим институтом имени Н.К. Крупской в ГДР. В рамках сотрудничества предусматривался обмен с ведущими преподавателями сроком до 2-х месяцев. Традиционными стали научно-теоретические конференции преподавателей и студентов, проводимых на базе вузов-партнеров. Расширился обмен студентами, изучающими немецкий язык, биологию, географию, физику, математику.

Как уже отмечалось, в рецензируемой монографии прослеживается взаимосвязь эволюции школ и школьного дела на Южном Урале с общими тенденциями, характерными для социально-экономического и культурного развития как самого региона, так и советского общества в целом.

Одной наиболее характерных черт развития страны в исследуемый период было определение задачи форсированного роста индустрии, в первую очередь тяжелых отраслей, в качестве важнейшего приоритета. При этом место и роль остальных звеньев общественного производства определялись в зависимости от того, насколько они способствовали достижению указанной главной цели. Это обусловило превращение отраслей гражданского производства, а также социальной сферы в целом, включая сферу образования, в относительно второстепенные участки. Аграрному сектору, российской деревни традиционно отводилась роль источника материальных и людских ресурсов для растущей индустрии городов.

Данное обстоятельство являлось причиной возникновения острых диспропорций в жизни страны, которые наиболее отчетливо проявились в неравномерности социально-экономического и культурного развития города и села, а также, хотя и в несколько меньшей степени, в развитии крупных индустриальных центров, с одной стороны, малых и средних городов, с другой. Это, в свою очередь, порождало явно выраженное неравенство в уровне и качестве жизни различных групп населения, в том числе и в получении образования, а следовательно, и возможности реализации каждым индивидом собственного творческого потенциала, повышения своего социального статуса.

В монографии Р.З. Алмаева рассмотрена и эта особенность развития страны, изучаемого региона как ее части. Отмечается, что наиболее остро негативные тенденции в сфере школьного образования проявлялись именно в сельской местности. В первую очередь, это находило выражение в постоянном недостатке квалифицированных учительских кадров, неудовлетворительном состоянии материально-технической базы школ и т.д. Это, в свою очередь, выступало причиной высокой текучести учительских кадров, необеспеченности благоустроенными помещениями, недостатком учебных пособий, инвентаря и т.д. Названные обстоятельства приводили к тому, что учащиеся средних школ, расположенных в сельской местности, а в также в малых и средних городах не имели возможности получить необходимого объема и качества знаний, что в служило серьезным препятствием для их дальнейшей социальной самореализации, в первую очередь для поступления в вузы.

В рецензируемом исследовании отмечается, что в 1970–1980-е гг. в южно-уральском регионе, как и по всей стране, предпринимались значительные усилия для исправления возникавших диспропорций, в том числе и в сфере школьного образования, но кардинально исправить складывавшееся на протяжении десятилетий положение они не смогли.

Монография Р.З. Алмаева вносит важный вклад в исследование процессов развития среднего общего образования на Южном Урале – одном из крупных российских регионов, что в значительной мере дополняет общую картину развития системы просвещения в нашей стране. Монография предназначена для научных работников,

специалистов системы народного образования, преподавателей вузов, студентов педагогических учебных заведений, всех, кто интересуется историей России XX в.

Имеющиеся в книге материалы, а также теоретические выводы и положения могут быть использованы при создании обобщающих работ по истории региона, других научных исследованиях, а также при подготовке учебных и учебно-методических пособий.

Поступила в редакцию / Submitted:

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing:

Принята к публикации / Accepted for publication:

Информация об авторах / Information about the authors

Павел Алексеевич Мухаметов, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, Уфимский юридический институт МВД России; Россия, 450103, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Муксинова, 2; pmukhametov@mvd.ru; SPIN-код: 3796-9496.

Pavel Alekseevich Mukhametov, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2, Muksinova Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103, Russia; pmukhametov@mvd.ru; SPIN-code: 3796-9496.